КН 66
Калинин
3-12 кн2

М. И. КАЛИНИН

ЗА ЭТИ ГОДЫ

КНИГА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАД
1926

М. И. КАЛИНИН

ЗА ЭТИ ГОДЫ

СТАТЬИ. — БЕСЕДЫ. — РЕЧИ.

КНИГА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград
Гатчинская ул. 26

Книга подготовлена к печати В. Ю. Беловым
под редакцией М. С. Грандова

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
51812-26

Гиз № 11756
Ленинградский Гублит № 1878
27 л. Отпеч. 3.000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящая (2-я) книга начинается с главы «Гражданская война».

Читателю бросится, вероятно, в глаза весьма пестрый строй вошедших в эту главу материалов.

От речи по поводу печальных эпизодов в 14-й дивизии первой конной — к речи по поводу земельных и других претензий в одной из смоленских волостей...

От митинга над свежей могилой погибшего коммуниста из продовольственного отряда (погибшего не в войне с Деникиным, а от руки местных крестьян)— к беседе о характере нашей власти на митинге в селе Золотом, происходящем вблизи берега, под гудки волжских пароходов, которые везут из Камышина только-что раненных красноармейцев...

От митинга в мирном рязанском городке Михайлове по поводу закрадывающейся во многие головы мысли, рождающей надежду и вопрос:

— Нельзя ли прекратить войну...

Или от ответов на жалобы и обиды населения — к митингу среди пленных оренбургских казачьих частей, еще вчера смотревших на революцию глазами того казачьего генерала, который внушал им, что большевики продают Россию...

Так переносит читателя глава о гражданской войне от забот и вопросов тыла — к фронту, и от фронта — к тылу,— меняя внешний строй своих страниц в зависимости от перечисленных различий.

Такая пестрота в материалах казалась вначале и самой редакции не совсем желательной; кстати сказать, эта пестрота могла бы быть легко устранена: стоило бы несколько частей главы резко отмежевать и переселить в «мирную» часть настоящей книги, — и строгая систематичность в расположении материалов была бы, таким образом, соблюдена.

Но,—с другой стороны,—мы чувствовали, что это было бы искусственным разрывом, что это безусловно повредило бы той цели, которую должна преследовать данная глава, то-есть: оставить более или менее целостное впечатление о классовой гражданской войне, которая, по самой природе своей, недробима.

В сущности говоря, в ней не было фронта и тыла... Уж если двоилось, то двоилось все! Кто скажет, что внутренняя жизнь в эти годы текла сама по себе, как нечто отдельное от того, что развертывалось «там», на фронтах?.. Кто скажет, что эта жизнь не была тогда, по существу дела, выражением той же классовой борьбы, которая велась на стратегических линиях военно-полевой карты? И, наоборот, стрелки на этой карте — в своем передвижении — разве не отражали полностью динамику политической борьбы и политических переломов в настроении тылов, — как нашего, так и противника?..

Из всего этого должно стать понятным, почему мы решили не разгораживать материалов и сохранили весь пестрый характер в их расположении.

Еще одно соображение мы считаем нужным отметить здесь по поводу главы о гражданской войне.

Те годы (1918 — 1920) все более начинают отодвигаться от нас и все более начинают становиться достоянием истории. Правда, живых участников, свидетелей и очевидцев еще слишком много, — можно сказать, большинство взрослого населения.

И однако... уже замечается, как в рассказах и докладах о войне — для нового, подросшего поколения—многие частенько сбиваются на банальный тон упрощенного военно-героического повествования: в их рассказах слова о храбрости, о доблести, о сокрушительном напоре и т. д. с ненужной односторонностью преобладают над всем остальным и невольно окрашивают нашу гражданскую войну в какие-то легендарные сказочные цвета...

Незачем говорить, что такой способ освещения ни в какой мере не содействует здоровому марксистскому просвещению нашей молодежи. Вовсе нет никакой надобности греметь словесными громами и пускаться в неестественно-былинный лад для того, чтобы в сознании молодого поколения выступил героический образ (каковым он действительно был) нашей Красной армии. Как-раз наоборот: героизм красного фронта всего ярче оттеняется теми трудностями, теми язвами, неудачами, всеми теми противоречиями, сквозь которые пробивался героический шаг армии пролетарской революции.

Да, у нас были победы, но у нас было и дезертирство. У нас была несравненная Буденовская, — у нас была отдельными пятнами и «своя» конная махновщина. У нас гибли под знаменем коммунизма, а в стране еще на каждом шагу мертвое хватало все живое и нагло наступало сапогом на малейшие ростки нового... У нас шла борьба с помещиком, но в это же время шла борьба с сопротивлением деревенской косности, с цепкостью многих бесплодных иллюзий деревни, томительных колебаний и гаданий ее и т. д.

Эти противоречия были, — обходить и замазывать их бесполезно и даже вредно: именно на фоне всего перечисленного можно понять действительный характер нашей гражданской войны. На этом фоне и выступает

в настоящем своем виде та обстановка, в которой шла война, в которой мы побеждали — и победили, кроме всего прочего, потому, что было железное пролетарское руководство, железная и дальнозоркая Коммунистическая партия, опиравшаяся на опыт всех прошлых революций и всех классовых битв предшествующих времен.

Чтобы новое поколение, само не участвовавшее в гражданской войне и, к сожалению, питающееся нередко такого сорта исторической идеализацией, о которой мы говорили выше,—чтобы оно могло получить правильное представление и взглянуть на эти годы как бы глазами очевидцев и участников, и уже потом самим критически переварить полученные впечатления,—для этого необходимо дать картину войны во всей ее полноте, во всем многообразии противоречий, сквозь которые она велась.

Как-раз эти противоречия и оттеняются с необходимой ясностью в тех материалах, которые вошли в первую главу настоящей книги.

* * *

Следующая глава — «В дни Кронштадта» — содержит выборку из двух речей (произнесенных М. И. на сессии ВЦИК и в Свердловском университете) по поводу кронштадтских событий.

В чем заключался смысл этих событий? Что могли означать выброшенные Кронштадтским восстанием лозунги: «советы без коммунистов»? Не показал ли в сущности Кронштадт, в какой новой форме буржуазия искала продолжения гражданской войны? Чьим классовым вожделениям и расчетам отвечали названные лозунги?..

Вот все эти вопросы находят себе освещение в выборках из указанных речей, дающих вместе с тем

характеристику тогдашних особенностей внутреннего положения. Речи произносились в момент перехода к новой экономической политике, получившей первое свое выражение в отмене разверстки и замене ее продналогом. Этот существеннейший в истории наших первых лет переломный момент вызывал в то время усиленную работу мозгов у всех членов партии и в массах рабочих и крестьян, ощущавших потребность разобраться в положении и в сущности нового курса.

Ораторам и докладчикам посылались тогда буквально ворохи записок с вопросами, в которых часто звучали тревога и тяжелые сомнения. Поскольку речи М. И., по своему построению, отражают характер всех этих вопросов и с ними вместе — тогдашнее состояние в стране, они представляют в сделанных выборках не только и не столько отвлеченный доклад, сколько живой документ эпохи. Этому в полной мере соответствует и самый тон речей, носящих почти на всем протяжении смешанный характер собеседования и полемики, ответов и встречных вопросов.

Третья глава содержит шесть бесед с крестьянами разных мест и в разные годы (с 1919 по 1925), в том числе две—в грузинской деревне, незадолго перед тем втянутой в восстание. Последнее обстоятельство (восстание и его причины) является центральной завязкой этих двух бесед.

Хронологически глава охватывает деревню за шесть лет. Может-быть, правильнее было бы сказать — не деревню, а только одну лишь частность ее — запросы и жалобы, заявленные деревней в момент встречи ее с представителем высшей власти.

Но так может показаться только на первый взгляд. В действительности, в главе открывается лицо деревни вообще, со всем многообразием этого лица,

а еще лучше сказать — со всею двойственностью этого лица: новые черты, налагаемые революцией, и старые, не желающие без борьбы уступить и способные еще сопротивляться...

С какой силой проявляется эта способность? И в какой мере в практической политике необходимо с этим считаться? Наконец, как меняются соотношения частей (определяющих указанную двойственность) с течением годов, — хотя бы вот этих шести — 1919 — 1925? Тот, кто испытывает политическую потребность дать себе отчет в этих вопросах, найдет в указанной главе некоторый для себя материал, найдет самого точного свидетеля и самые разнообразные показания, — показания жизни, не сдавленной чертою анкетной графы.

Четвертая глава—об интеллигенции в СССР—включает в себя доклад на съезде врачей в декабре 1925 года. Роль интеллигенции у нас,—по сравнению с ролью и местом ее в дореволюционной России,—такова принципиальная канва доклада, перевитая рядом живых противоположений, сравнений и характеристик профессиональных особенностей рабочего и идейного уклада интеллигенции.

* * *

Пятая — одна из самых обширных глав—включает девять статей по вопросам работы в деревне. Все они тесно друг с другом связаны и написаны под общим углом зрения: как сочетать в деревне теорию (теоретическую последовательность коммуниста) с практикой (практическим приложением теории к решению повседневных вопросов строительства). В особенности много посвящено внимания этой теме в начале главы.

Вот, например, суть первой статьи: почему от нашего работника в деревне (где нужна, как правило, особенная гибкость во всех принимаемых решениях и самое широкое разнообразие в приемах практического их проведения, всякий раз применяясь к условиям и обстановке, не действуя по букве затвержденного тезиса), — почему от деревенского именно работника, наряду с указанной гибкостью, требуется особенно ясная теоретическая мысль и глубокое теоретическое понимание основ партийной политики?

Суть второй статьи—о ленинской борьбе с народничеством и уроках этой борьбы для нас, современников.

В частности, М. И. обращает в этой статье внимание на стиль знаменитой брошюры Владимира Ильича: «К деревенской бедноте» (1903 г.), проводя аналогию между этим стилем и языком народников.

> «Интеллигенция, — пишет М. И., — выработала себе в прошлом манеру обращаться с крестьянами, как с меньшим братом, как с несчастненьким, который не понимает или во всяком случае плохо воспринимает мысли, изложенные просто по-русски. Покровительность, снисходительность к бессильному, неумелому, угнетенному народу сквозили в каждой революционной фразе. В брошюре, предназначенной для деревенской бедноты, казалось бы, особо должна развернуться красноречивая стилистика о тяжести настоящего положения крестьянина и ряд ярких картин лучшего будущего, на что были большие мастера эс-эры...»

Ничего подобного нет в стиле названной брошюры Ленина. «Прозаически спокойно, не лукавя»... «просто и скупо»... — как говорит далее М. И., — излагает Владимир Ильич классовые отношения в деревне.

> «До сих пор, — пишет несколько дальше М. И., — кажется, никто не обратил на это внимания, что впервые

так разговаривают с крестьянином. Вся предыдущая крестьянская литература полностью как бы молчаливо подразумевает в крестьянине человека с примитивными, более упрощенными умственными способностями, для которого должен быть особый, более упрощенный язык. И, пожалуй, никто так не злоупотреблял, не вносил столько привкуса слащавости, сантиментализма, внешней жалости и скорбности, как именовавшая себя крестьянской партия эс-эров. Казалось бы, именно партии эс-эров, претендовавшей на монополию защиты крестьянских интересов, должны были быть особенно свойственны или, по крайней мере, понятны характерные черты русского крестьянства, и ее решения и воззвания должны бы быть по содержанию понятны рядовому крестьянину, как простые неопровержимые доводы в интересах бедноты и середняков. В действительности эс-эровская литература била главным образом на чувство, менее всего в ней было доводов...

Теперь, когда партии окончательно и полностью выявили свое политическое лицо, нам понятно преобладание фразы над делом у эс-эров. Фразы, общие места, крайний радикализм по внешности, включительно до применения террора к отдельным правительственным лицам, скрывали содержание, давали возможность под лозунгом трудового населения протащить общность интересов...» (различных классовых группировок деревни.—Ред.).

Мы нарочно выписали эти два места, так как они бросают свет на характер всей этой статьи (о борьбе Ленина с народничеством). Не в том ли один из главных уроков этой борьбы, что такая задача, как убирать с дороги революции ядовитейший сор демагогии, который сеет, вольно или невольно, противник, составляет задачу не менее важную, чем борьба с противником в момент непосредственной схватки.

Суть третьей статьи — о теоретическом накоплении: не только учись теории, но и сам ее проверяй и обогащай новым материалом, который дается текущей жизнью.

Суть четвертой статьи подробно разбирает вопрос о теоретическом совпадении классовых интересов пролетариата и крестьянства и практическом их столкновении, — насколько далеко заходит это столкновение и как оно должно преодолеваться.

Пятая статья — о классовом расслоении современной деревни. Есть ли непримиримое противоречие между хозяйственным подъемом, который идет через это расслоение, и общим нашим курсом на коллективизацию деревни и сельского хозяйства? Или, наоборот, через экономический рост деревни (неизбежно вызывающий расслоение) и через рост товарности крестьянского сельского хозяйства мы именно приближаемся к возможности осуществить нашу задачу социалистического строительства в деревне? — Такова принципиальная ось статьи.

Две следующих статьи — о роли совхозов, с одной стороны, и сельскохозяйственных коммун, с другой, — в нашем социалистическом строительстве. В частности, один из наболевших вопросов — о сектантском уклоне коммун и излишнем преувеличении со стороны некоторых товарищей идеального момента в психике членов коммун — находит себе подробное освещение.

Предпоследняя статья главы — ответ на животрепещущий внутрипартийный вопрос о «крестьянском уклоне» и «хозобрастании» крестьянина-коммуниста. Статья является откликом на письмо к М. И. о конкретном случае разбора этого вопроса в одной из партийных организаций. И, наконец, последняя статья — опять по вопросу о расслоении (полемического характера речь на Московском губ. съезде советов в 1925 году).

Особняком стоит далее глава, под названием: «Мысли о завтра». Это — доклад на курсах в ЦК по поводу комитетов взаимопомощи. Почему же «завтра»? Редакция стремилась этим заглавием отте-

нить характер доклада: в нем комитеты взаимопомощи (несмотря на жалкое существование, которое они еще пока влачат, и довольно пренебрежительное отношение, которым они фактически у нас пользуются) представлены М. И., как организации, таящие в себе огромное принципиальное значение.

Здесь мы оборвем наши замечания по существу вопроса и скажем лишь, что доклад М. И. о комитетах взаимопомощи, разрушая случайный и узко-комбедовский подход к ним, ставит, на место этого, подход к комитетам, как бытовой организации 99% трудящегося крестьянства, как средству внедрения в массы деревни навыков общественной организованности.

Эти навыки очень слабо развиты или вовсе отсутствуют в деревне. И поскольку через общества взаимопомощи постепенно нарождаются в деревне эти навыки, начала общественной взаимостраховки, в них таится сегодня в зародыше то завтра, когда человек не должен будет, например, задавать себе старого, как мир, и вечно нового вопроса — о судьбе своих детей или что̀ будет с ним самим на старости?..

* * *

Наше последнее замечание касается одной из дальнейших глав — «Борьба минувших времен». Она включает статью под заглавием: «Союз рабочих и крестьян в прошлом и настоящем».

Идея союза рабочих и крестьян проведена здесь через ряд наглядных исторических примеров крестьянских восстаний в прошлом (в европейских странах и в России), показывающих неизбежность поражения крестьян при поражении рабочих и, наоборот, что крестьянские движения, если они приобретали

силу, то только благодаря связи с рабочими, только благодаря тесному союзу с ними в общей борьбе.

Исторические примеры (тем особенно ценные, что в них дается законченный круг событий, о которых можно вполне спокойно судить и вполне беспристрастно обозревать все стороны дела) не должны бесследно пропасть для крестьянского сознания...

Редакция.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

МЕЖДУ МАХНО И ВРАНГЕЛЕМ.

На смотру в 14-й дивизии первой конной армии.

15 октября 1920 г.

(Село Митрофановка, Александрийского у. Херсонской губ.)

В о р о ш и л о в (член РВС 1-й Конармии), сообщая о приезде тов. Калинина, приветствует его от имени Красной армии и говорит:

— Мы, товарищи, все, как один, работаем над общим рабоче-крестьянским делом, за которое подняли оружие три года тому назад. И там, в центре, наши органы власти с неослабным вниманием следят за нашей работой. Насколько серьезно относится наша центральная власть к нашей армии, свидетельствует то, что в течение последних четырех месяцев тов. Калинин уже несколько раз посещает нашу конную армию. Первый раз он был в нашей армии, но не смог заехать в эту деревню, когда мы собирались итти на польский фронт. Сейчас, товарищи, многих бойцов нашей доблестной дивизии уже нет. Многие сложили свою голову там, на западном фронте, и сейчас тов. Калинин приехал, чтобы посмотреть на нее перед тем, как нам снова надо будет ударить по новому врагу столь же мощным кулаком, каким мы ударили несколько месяцев тому назад. Товарищи, от вашего имени приветствую тов. Калинина и в его лице рабочих и крестьян республики.

Товарищи, прежде чем приступить к тем основным вопросам, о которых решено с вами здесь побеседовать, я хочу сказать, пользуясь тем, что здесь присутствует представитель американского движения, я хочу сказать о том, что было у нас, в нашей славной первой конной армии, несколько дней тому назад.

Там было очень неблагополучно. Наши товарищи в Москве—Калинин, Ленин, Т[redacted]ий — знали о нас до последнего времени только то, что мы—действительно защитники революции, что мы—действительно воины рабочих и крестьян, что мы действительно умеем твердо стоять за наши рабоче-крестьянские трудовые интересы.

Но за последнее время стали поступать сведения о том, что в наших рядах появились подлые люди, которые стали творить свои грязные делишки. Об этом узнали в Москве и других городах, ибо, по пословице, правда говорится, что хорошее слово на печке лежит, а дурное по дорожке бежит. И нас стали забрасывать вопросами: что творится в нашей армии? Я не скрою, что во всех дивизиях были беспорядки,—в одной больше, в другой меньше,—но во всех дивизиях находились несознательные и темные люди, даже провокаторы и предатели, агенты, которые подбивали на разные грязные дела.

Но больше всех отличилась 6-я кавалерийская дивизия, одна из лучших дивизий. Будучи значительнее по количеству и будучи в непрерывных боях, она потеряла довольно значительное количество командного и комиссарского состава и, поэтому, больше всего подверглась нападению этих темных, подлых элементов. Дело закончилось тем, что наша когда-то славная дивизия стала бесчестной и мерзкой дивизией, и РВС Конармии принял все меры к тому, чтобы эту дивизию обезвредить от всех подлых гнусных дел, чтобы от нее не заразились и другие части.

Мы эти меры провели, товарищи, самым решительным образом, как и подобает революционерам, которым вручается огромнейшая армия, за которую мы должны держать ответ. Я прочту вам сейчас, товарищи, тот приказ, который был издан по армии. Вы должны его прослушать внимательно, потому что то, что произошло в 6-й дивизии, не должно иметь места в другой дивизии и, в особенности, в нашей 14-й, которая должна быть образцом дисциплинированности, революционной сознательности и понимания тех интересов и задач, перед которыми мы стоим. Ибо если понимания этих интересов не будет, если не будем знать, за что мы терпим страшную нужду и лишения, если мы будем действовать в темную, то результаты нашей борьбы будут самые отрицательные. Если действовать в темную, то лучше не драться; а не драться мы не можем, потому что нас понуждают к этому враги; а раз мы деремся, мы должны точно и верно понимать задачи, за которые мы боремся.

За эти годы.

Приехавшие во главе с Калининым товарищи привезли нам известие, что наша армия перебрасывается на единственный южный фронт. Барона Врангеля бьют достаточно, его теснят, но он все-таки еще силен в своем осином гнезде. И наша задача — этого барона Врангеля в порошок стереть! И чем сознательнее мы будем относиться к нашей задаче, тем скорее мы ее разрешим!

Я должен вас предупредить, что мы ни в коем случае не допустим повторения тех преступных действий, которые были сделаны в одной из наших дивизий. *(Оглашает приказ, изданный по армии; во время чтения раздаются крики: «позор, позор!».)*

Товарищи, из этого приказа вы увидали, что было совершено полками, которые до тех пор наносили могучие сокрушающие удары нашим врагам. Эти полки, поддавшись подлым провокаторам, начали позорить всю армию и этими черными делами покрыли всю нашу славную конницу. Революционный Военный Совет принял все меры к тому, чтобы наша славная красная конница очистилась от этого позора, чтобы смыть то грязно-кровавое пятно, которое было на нее наложено. И мы это, товарищи, сделали. Приказ был прочитан в 6-й дивизии, выстроенной у станции Ольшаницы. Все полки выслушали этот приказ с замиранием сердца, и когда был отдан приказ разоружаться, то вся колоссальнейшая дивизия не сказала ни одного слова, не было неповиновения. Был один случай, когда один не хотел сложить оружия, но этот отдельный случай сейчас расследуется, и неповиновавшийся говорит, что он не понял приказа. Все исполнили приказ. Стоящие напротив три честных полка, стоящие против запятнанных, знали, что эти полки заслужили эту кару. А с теми, которые видели эту гнусность и ничего не делали против ужасов, которые творили на их глазах, с ними поступили так, как требовали поступить революционные условия: они были на месте разоружены. Здесь было выдано 170 убийц и провокаторов, и была дана клятва всеми разоруженными бойцами, совесть которых не была загрязнена, с рыданием была дана клятва выдать всю мразь, которая у них имеется. После этого оружие было возвращено честным бойцам, которые были сведены в маршевый полк.

Товарищи, я полагаю, что ваша дивизия до такого позора никогда не дойдет, и я полагаю, что ваша дивизия не только не допустит в своих рядах таких предателей, мерзавцев, которые изнутри будут срывать наши честные революционные силы, но

она будет следить, чтобы соседние части никогда нигде не позволили себе тех грязных подлых поступков, порочащих нас, честных тружеников.

Товарищи, мы боремся за лучший мир, за раскрепощение всего человечества, за уничтожение рабства, за уничтожение того подлого страшного порядка, где один человек правит другим, где один человек выжимает соки из другого; мы разрушили этот старый строй, мы налаживаем новый, но нам страшно тяжело налаживать. Нас окружает голод, холод. Но, товарищи, мы все-таки с каждым днем крепнем, — пролетариат подымается медленно, но твердо, и мы все больше и больше разбиваем своих врагов.

Товарищи, в полной уверенности, что вы будете осмотрительны и не доведете армию до того позора, как 6-я дивизия, в полной уверенности, что вы этого не допустите, я провозглашаю: Да здравствует наша вторая красная честная бригада! Да здравствует великая Красная армия международной революции!

Калинин. Товарищи, к концу мая, приблизительно в этих же местах, я встречал другие дивизии конной армии, и тогда говорил им: есть надежда, есть шансы, что вы своею доблестью, своими шашками проясните сознание, тупые головы гордых панов, заставите их признать силу советской власти.

Результат получился скорее, чем мы могли ожидать. Еще не наступили окончательные холода, как перемирие с Польшей — уже совершившийся факт. Это — еще не мир, но это уже есть почти-что мир, это есть признание польскими панами силы и непоколебимости советского отпора. Не вполне благополучно окончилось у нас на этом фронте. Наши полки стояли перед Варшавой и вынуждены были отступить. И сейчас момент заключения мира совпал с отступлением нашей армии.

Но, товарищи, то могущество, та сила, которая проявлена русскими пехотными и конными частями, признана польскими панами,—они поняли, что с советской республикой воевать очень и очень опасно, увидели, что отступление советских войск, происходившее в прошлом на всех фронтах, сменяется новым наступлением и окончательным поражением врага. Эта причина заставила поляков итти на мир. Теперь, товарищи, перед нами последний враг: это — Врангель, которого необходимо уничтожить. И сейчас перед вами стоит эта задача. Эта задача, по самым осторожным подсчетам командного состава, в пять раз

будет легче, чем польская. Есть полное основание думать, что победа и на этом фронте не за горами.

Поэтому мы невольно обращаем свое внимание на наш внутренний фронт, на наши тыловые части. Я почти не сомневаюсь, что мы вполне справимся с теми боевыми задачами, которые перед нами стоят.

Если иногда и бывают неудачи на фронтах, то это большей частью есть результат нашего тылового неустройства. А что в тылу таких неустройств много, в этом нет никакого сомнения. И когда бросают обвинение, что в лазаретах непорядки; что начальник станции, вместо того чтобы всеми силами и возможностями стараться скорее провезти солдат, сажает спекулянтов; что наши продовольственные агенты отнимают иногда последний кусок хлеба у жены красноармейца, — разумеется, все это, товарищи, есть, — здесь есть доля истины. Каждый желающий обвинять Советскую власть, показать ее дурную сторону, может сделать это легко.

И многие, товарищи, пользуясь этим, кричат: Советская власть никуда не годится, — зачем нам власть, — у Советской власти такие же плохие чиновники, плохие исполнители, как у старого царского правительства. Я, товарищи, говорю, что это правильно, но я также говорю, что те задачи, которые стоят перед нами, они так огромны, и те люди, которые должны выполнять эти задачи, берутся не с неба, а с той же грешной земли. Передо мной сейчас находятся, товарищи, лучшие войска; можно смело сказать, что нет в мире лучших, более сознательных войск, чем вы. Может-быть, у вас есть много и неграмотных людей, но я смело могу сказать, что нет в мире армии, которая была бы так сознательна, которая бы так хорошо знала, за что она воюет, которая бы так ненавидела людей, с которыми она воюет, которая бы так доверяла комиссарам и командирам своим.

А разве, товарищи, в рядах этой славной армии нет пятен? Много и много. И когда мне говорят обыватели, шепчут: конница грабит, конница хулиганит, — я говорю: конница не с неба взята, — там такие же грешные люди, как и другие. Среди них много людей, может-быть, более сознательных, чем у нашего врага, но среди них много простаков, среди которых стараются посеять ненависть и злобу. А сколько же таких простаков, которые иной раз прислушиваются к голосу провокатора, по нашим советским учреждениям?

Поэтому, товарищи, когда нам говорят, что там-то непорядки, то надо думать не о том, где непорядки, а о том, как мы можем в таких дьявольских условиях существовать. И не только существовать, но в момент голода, когда неурожай посетил почти всю Россию, мы должны собрать миллионы пудов хлеба от голодных крестьян, от крестьян, у которых урожай, может-быть, одна пятая того, что они имели в прошлом году. Что может быть тяжелее для крестьянина, чем отдавать последний хлеб, отдавать не излишек, а делить последний кусок? Если для человека в мирное время нужно 15 пудов, то мы теперь оставляем ему 9,—мы говорим: немножко поскупись, поешь поменьше, чтобы остатками накормить тех, которые ничего не имеют.

И, товарищи, многие и многие бросают обвинение, что наша Советская власть, — в особенности, органы, которые отбирают хлеб,—много произвели обид. И это правильно,—они много произвели обид. Но, товарищи, обид не причиняет тот, кто ничего не делает, кто вечно спит и является ни рыбой, ни мясом, кто зарывает свои способности в землю; а каждый, кто стремится помочь государству, он непременно будет обижать.

Подумайте сами, товарищи, сколько обид сделала Красная армия, сколько людей пошло на тот свет, убитых ею, а ведь у этих убитых остались жены, сироты. Сосчитайте, какое количество обид нанесено нашими красными бойцами, но, однако, ведь эти обиды оправдываются справедливостью, которая в этой борьбе — за нами. Безусловно, эти обиды покрываются бесконечным количеством заслуг, которые делает Красная армия для судьбы всего рабочего населения и крестьянских масс.

Так и органы продовольствия. Разумеется, когда наши продовольственные отряды подходят к деревне, возможно, что они возьмут от того-другого лишний пуд, отберут даже иной раз и последний пуд. Но, товарищи, центральная власть не поощряет этого; она, видя эти недостатки, старается уменьшить их.

Но ведь наше внимание направлено не на то, чтобы брать хлеб непременно с приятностью, в белых перчатках, а у нас предписание: взять хлеб во что бы то ни стало, ибо если мы этого хлеба не возьмем, мы не сможем накормить нашу армию на западном фронте, не сумеем накормить рабочих, северных крестьян.

И когда перед нами становится вопрос, агитировать ли нам перед крестьянами лишнюю недельку и получить открытый фронт,

так как голодные красноармейцы уйдут с фронта, или же взять во что бы то ни стало этот хлеб, — я спрашиваю вас, товарищи: правильно ли делает Советская власть, посылая в деревню продовольственные отряды? *(Голоса: «правильно!».)*

Но, товарищи, я крестьянам заявляю заранее: смотрите, придет продовольственный отряд, в нем наши же мужички, тихие ребята, которые по одиночке у себя дома курицу не обидят; но когда они стали властью, когда их пришел целый отряд, — я не могу поручиться за то, что они пощупают не только куриц, а и живых людей. Ибо ведь вы сами знаете, когда ваша молодежь, 20-летние юноши, у которых у каждого есть собственная башка, соберутся человек 30, то лезут непременно в чужой огород и изгородь непременно сломают. Так это же — ваши парни, а то приходит целый полк.

И на вас, товарищи, есть бесконечное число жалоб, и из них многие справедливы. И я говорю Ворошилову: совсем безобразят твои молодцы, нельзя ли их унять! А когда мне обвинение бросают люди, то я перед народом говорю: как не побезобразничать, — ведь устали, измучились ребята. И то же самое, когда к вам придет письмо от жены о том, что там какой-нибудь полк набезобразил в вашей деревне, — а что такое письмо придет, я почти не сомневаюсь, — то вы подумайте сами; к пехотинцу-красноармейцу тоже придет от жены письмо, что мимо их села прошла красная конница и набезобразила, — и что же?

Товарищи, если бы мы только исходили из жалоб, если бы мы свои действия согласовывали с этими жалобами, то, конечно, мы бы никогда не победили врагов. Мы всеми силами стараемся ввести порядок, мы стараемся вводить порядок, чтобы люди не смели производить насилия над населением, но все-таки такие насилия есть и будут, — они есть результат нашего старого царского времени. Мы еще не привыкли ценить другого человека. Мы слишком заняты борьбой, борьбой иной раз за кусок хлеба, у нас еще очень много лишений.

Вот вы взвесьте все это, товарищи, подумайте про себя хорошенько, и тогда вы увидите, что нашу продовольственную политику мы должны оценивать не только с точки зрения жалоб, а нужно смотреть на нее с другой стороны, — чего мы достигнем этой продовольственной политикой. Надо признать, что мы, благодаря этой политике, прокормили армию, прокормили, хотя и в полуголодном состоянии, города.

Товарищи, вы сами знаете, что у нас не было Сибири, Украины, и вы должны понять, что мы только благодаря этой жестокой политике смогли прокормить Петроград, Москву. Хотя мы давали по одной восьмушке хлеба, делили каждую корку, но все-таки армия и города у нас жили, и мы понемногу выезжаем из этого ужасного состояния. Это, товарищи, огромная работа, и в этой работе, конечно, вполне возможно, могут быть ошибки, несправедливости, но, главное, конечно, это—те лишения, которые мы претерпеваем.

Так что, я повторяю, нельзя обращать внимания на единичные бесчестные действия отдельных солдат, надо понять, что у нас сделана огромная продовольственная работа, благодаря которой мы спасли миллионы женщин, детей, мужчин северных губерний от голодной смерти. А какое бы было несчастье, насколько бы уменьшилась выносливость и мощь Советской России, если бы эти женщины и мужчины не были спасены! Вот какие причины заставляют нас проводить эту жестокую продовольственную политику.

Еще, товарищи, я хотел остановиться на одном вопросе, это—на так называемом бандитизме, или махновщине. Отчего же происходит эта махновщина, этот бандитизм? Ясно, что это происходит от недовольства каких-либо слоев населения Советской властью. Ясно, что это недовольство выливается в протест против Советской власти в каких-нибудь отдельных слоях населения. И когда мы подводим небольшую статистику, узнаем, из каких людей состоят эти бандитские отряды, то общее положение, товарищи, всегда бывает таково, что в этих отрядах или кулацкое население, или бывшие офицеры и чиновники, и т. д. Одним словом, в большей своей части эти бандитские отряды выходят из более или менее состоятельных слоев населения. И это вполне естественно: состоятельные слои крестьянства очень и очень недовольны Советской властью. Надо признаться и сказать определенно, что Советская власть не является врагом состоятельных крестьян, но мы находимся сейчас в таких обстоятельствах, когда мы как-будто являемся их врагами,—мы отбираем хлеб, скот, наша Красная армия проходит полями и деревнями, и, разумеется, все это отзывается на более состоятельных крестьянах.

Возьмем вопрос продовольствия. Крестьянин говорит: власть как-будто рабоче-крестьянская, мой представитель сидит в совете, но я разоряюсь, мой дом разваливается, да и в совете я не

имею той власти, как прежде: прежде сына какого-нибудь Петра Сидорова с малолетства уважали, как сына богача, а теперь молодежь совсем не уважает, а проходящая часть берет, конечно, что нужно, а там, смотришь, Компрод отберет излишек,—и уже он не может повезти на рынок хлеб и продать его по выгодной цене.

И, разумеется, это недовольство в конце-концов выливается в протест. Я не скажу, чтобы эти бандитские отряды были реакционно-монархически настроены. Нет, тот же Махно хочет по-своему приносить пользу народу. Но на самом деле приносит только вред. Вы посмотрите, к чему ведут действия этих отрядов? Они ведут к разложению, к разрушению нашей экономической жизни,

Ведь для того, чтобы все были одеты, обуты,—что мы для этого должны сделать? Разумеется, отдельные деревни, отдельный приход, отдельный человек не может сам один наладить своего счастья, как уверяют махновцы, кричащие: не надо государства. Для этого нужно, чтобы начали работать фабрики, заводы, а для того, чтобы все это наладить, пустить в ход, для этого нужна железная дисциплина, для этого требуется беспрекословное выполнение работы, которую вам задают. Требуется, чтобы рабочий работал на фабрике, крестьянин пахал, железнодорожник возил. Требуется, чтобы кто-нибудь направлял эту работу, чтобы была одна цель, чтобы один не тянул в одну сторону, а другой — в другую. А для того, чтобы у нас была одна цель, чтобы, например, моя работа в Москве совпадала с работой крестьян Ставропольской губернии, чтобы работа шла так, чтобы один дополнял другого,—если, например, одна партия людей делает деревяшки для седел, то кто-то где-то должен приготовить лоскут кожи, без которого из этой деревяшки не выйдет седла,—надо, чтобы Ставропольская губерния дала эту кожу, надо, чтобы в тех местах, где растет дерево, из которого делают седла, своевременно высушили, а затем надо, чтобы где-нибудь все эти части соединили. Для того, чтобы все это во время войны проделать быстро и хорошо, нужна железная дисциплина.

А крестьянские массы, махновщики, этого не понимают. Сейчас больше понимает это рабочий класс, а из рабочего класса больше всего понимают питерские и московские рабочие. Они понимают, что выйти из этого тупика, в который мы попали, мы можем только усиленной и согласованной работой.

И вот вы, товарищи, самые сознательные бойцы, когда мы уедем от вас, вы подумайте над этим, подумайте, как согласовать работу ставропольского крестьянина, донского трудового казака с московской работой. Когда вы хорошенько подумаете над этим вопросом, то и увидите, что мы правы, что нужна железная дисциплина, что государство, это — огромный механизм, и если из него выпал винтик, то механизм уже расстраивается. Так же, как в часах, если вы потеряли какой-нибудь малюсенький винтик, уже часы у вас не ходят. Точно так же, если, например, в той губернии, где растут деревья, из которых делают седла, мужики по небрежности сживают эти деревья, то вы уже не сможете иметь седла.

И вот тот, кто стоит у власти, должен во все глаза следить, чтобы и на севере, и на западе, и на юге все работы выполнялись добросовестно. Этого не понимают махновцы, они думают наладить свое лучшее будущее в Махновии, они думают, что они могут согласиться обнести забором свое село и будут там сидеть счастливо.

Это — большая ошибка; это еще, может-быть, можно было бы сделать, когда сохами пахали, а теперь, когда мы скоро будем пахать и жать только машинами, этого сделать нельзя, потому что вы не можете приготовить всего, что нужно. На Дону, например, много винограду, много хлеба, но мало дерева и нет железа, и нельзя наладить свою жизнь без железа.

Но махновцы не понимают этого, они — все свое: не надо нам государства и дисциплины. Они—в роде старых сторожей, которые у нас там, на севере, стерегут леса и живут одни среди этих темных лесов, и когда придут в деревню, то им страшно становится, что много людей, так же, как деревенский, когда придет в большой город, ему становится страшно. Так и махновщики хотят строить свою жизнь, счастье отдельного хозяйства.

Но этого нельзя. Новый мир будет только тогда налажен, и будет хорошо, когда рабочие будут дополнять крестьян, а государство будет согласовывать их работу. И вот наша главная ближайшая задача — согласование этой общей работы. Конечно, много, товарищи, есть ошибок; может, много будем ошибаться и в будущем. Когда вы кончите воевать, несомненно, большинство из вас пойдет работать в советские органы, и там вы увидите, какая предстоит огромная работа. Но, товарищи, если мы сумели победить много белогвардейцев (остался один Врангель), сумели победить польских панов, то я думаю, что на мир-

ном поприще мы сумеем теснее сблизить интересы рабоче-крестьянского класса. И, товарищи, победив Врангеля, мы выйдем все вместе на широкую дорогу нашего лучшего будущего.

Товарищи, три месяца тому назад врагов у нас было в 10 раз больше, а теперь, я думаю, я скоро приеду и скажу: ребята, все дело кончено, пусть ваш командующий пустит побывать вас по домам, посмотреть, что у вас делается. И я уверен, товарищи, что вы найдете большей частью, что хаты разбиты, хозяйство разрушено. Но задумываться над этим особенно нечего. Была бы лишь цела Советская власть. А уж засеять поля, построить хорошие хаты крестьянам и дома рабочим раньше или позже мы сумеем, и сумеем не хуже, чем прежде. *(Апл., клики «ура!».)*

КАЗАЧЕСТВО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Митинг военнопленных колчаковцев из Оренбургского казачества в городе Оренбурге.

20 сентября 1919 года.

(Присутствует около 5000 человек.)

К а л и н и н. Казаки, военнопленные, перед вами стоит представитель рабоче-крестьянской власти, перед вами стоит не человек белой кости, не человек, умеющий красиво гарцовать на коне в великолепной одежде и золотых эполетах.

Русскому мужику целые столетия пришлось работать, и работая — голодать и холодать; в нашем государстве большинство — не изящные и не красивые.

Ваши представители, изменники русского народа, осмелились сказать когда-то, что м ы являемся изменниками, что мы являемся агентами немцев, и ваши старческие головы этому поверили, поверили тому, что русский народ, русское крестьянство могли оказаться продавцами, агентами, оказаться лакеями буржуазии Германии, Франции и Англии. Какая ложь, какое издевательство! Разве каждый мужик, если у него на голове не кочан капусты, разве какой-нибудь казак мог думать, что русские рабочие, русское крестьянство стали продавать свое отечество?

Но кто торговал русским пòтом, русской кровью, кто продавал и продает фабрики и заводы, если не генералы, помещики и капиталисты? Разве вы видите в наших рядах англичан, французов? Вы, которые всегда презрительно смотрели на нас и говорили: «вот — агенты немцев», на самом деле в в а ш и х рядах — французы, немцы, англичане, о н и снабжают вас оружием. И я не думаю, чтобы вы не могли не видеть этого, что оружие вы получали от французов и англичан.

Разве ваши крестьяне не задумывались над тем, почему это там, на противоположной стороне, во главе стоят рабочие и крестьяне, а у вас во главе стоят крупные капиталисты, те же старые царские генералы? Разве такой простой вопрос не вставал перед каждым из вас?

Нет, я прямо и определенно скажу, что я совершенно согласен с товарищем, только-что говорившим крестьянином из Украины. Я, как крестьянин коренной России, я вам скажу, что — нет, вы не за «Русь святую» воевали, как вы об этом лицемерно говорили, ибо ни на какие святыни мы не покушаемся... Скажите, разве хоть одну разграбленную церковь видели вы у нас, разве хотя один поп, если он не передавал, конечно, сведений о наших войсках белым, разве он повешен у нас?

Нет, вы дрались за то, что вы жалели свои 15 десятин тучной земли, вы жалели свой скот, и вы вообразили, что русские рабочие и крестьяне, как какие-то грабители, придут и ограбят ваших волов, захватят вашу землю... Эх, вы, маловеры, лакеи вы... Вы—не слуги народа, а вы привыкли служить только на побегушках у царя, вы привыкли быть полицейскими...

Вы могли думать, что великий русский народ, который создал все фабрики, который построил тысячеверстные железные дороги, у которого в руках дворцы и все богатства этого мира,— вы могли подумать, что этот русский народ придет отнимать у вас эту землю... Да, как вам не стыдно, не совестно, как вам могло притти в голову, что русский народ—честный, благородный русский народ — придет захватывать ваших волов и позорить ваших жен и детей!

И вы, старики, вы — презренные предатели, вам будут вечные проклятия в тех песнях, которые будет петь освобожденный народ.

Вот сидит наш солдат; он неуклюж, он некрасив, он оторван сейчас от сохи, от жены — и зачем?.. Затем, чтобы драться с вами, вернее — с вашими царскими генералами, драться в защиту кого? — в защиту всех рабочих и крестьян России, в защиту его семьи и его хозяйства.

Вы думаете, вас, ваших волов защитят англичане и французы, снабжающие армию ваших генералов деньгами и оружием? Вы думаете, что англичане заботятся о ваших тучных землях, о ваших полях? Вы думаете, что эти Ллойд-Джорджи и Клемансо, посылающие снаряды, вы думаете, что они идут на защиту вас? Вы думаете, что они близки вам, что они—ваши друзья? Какая

грубая ошибка... Только ослепленная ненавистью голова может подумать, что английский купец из милости, из сожаления к казакам посылает пулеметы и деньги.

Нет, он посылает эти пулеметы для того, чтобы вас, дураков, связать крепкими цепями, а потом и нас, — всю коренную Россию.

Несомненно, что все эти Деникины, все эти Колчаки являются пешками в руках европейских капиталистов. Несомненно, если бы Колчак и Деникин могли бы притти в Москву, то они были бы простыми наемниками Англии и Франции, а Россия была бы только колонией этих капиталистов.

И вы, воюя там, на стороне Колчака, поддерживаете наших капиталистов, которые уже продали весь Урал. Англичане уже закупили все копи... Вам это, конечно, может-быть, и не было известно... Так вот, я, представитель Российской Советской Республики, извещаю вас: знайте, что весь Урал при царском самодержавии принадлежал английским и французским капиталистам, и если только будет власть капиталистов, то хозяевами на Урале будут не русские, — их заставят только тачки возить, даже мастерами не сделают, — а будут сидеть и управлять английские и немецкие хозяева, которые ни слова не будут говорить по-русски, но прекрасно будут жить, вытягивая из русских рабочих последние силы.

Про нас говорят, что мы хотим загнать весь народ в одну коммуну, всех сбить в одну кучу и землю свалить; это — тоже сказки! Обойдите всю Россию и найдите приказ, найдите декрет, в котором бы говорилось, чтобы всех соединить в одну кучу.

Говорят, что у нас больше пьянства, чем у вас, что у нас запрещают ходить в церковь; а разве вы у нас это видели? Вы, мужики, которые воевали против нас, поднимая восстание за восстанием, разве вы видите у нас что-нибудь подобное? Конечно, вы, может-быть, увидете у нас иногда комиссара, который пьянствует или ворует, но это не удивительно: Россия велика, мы старались комиссарами сделать наших рабочих и крестьян, но к нам пробираются иногда старые полицейские с подделанными документами, — но разве это удивительно? Я думаю, что никто из вас здесь не может сказать, что государственную жизнь можно наладить в один час.

Я вам скажу ясно и определенно от имени власти, что все те честные казаки, которые будут бороться за Российскую Советскую Республику,— а это значит бороться, чтобы фабрики и заводы остались в руках русского народа, чтобы имения оста-

М. И. Калинин среди деревенских школьников (в одну из поездок в 1919 г.).

лись в руках русского народа, — таких казаков мы сразу же выпустим, с таких казаков мы снимаем все их прежние прегрешения.

Все те, кто будет лоялен, кто не будет разводить контрреволюцию, кто не будет поднимать восстаний, кто не будет замешан в добровольчестве, в особенной симпатии к белым,—такие лица нами будут распущены по станицам, пусть они едут и расскажут, что делается в Советской России, пусть они едут и налаживают станичную жизнь.

Мы хотим, чтобы станицы были наполнены хлебом, чтобы они были наполнены скотом. Я знаю, что мы спокойную жизнь и добро умеем ценить не хуже, чем царские генералы. Царские генералы не знали и не знают, какого труда стоит вырастить быка, лошадь, а мы знаем это, мы ценим налаженные хозяйства, мы стремимся наладить жизнь каждого человека.

Те же наиболее злостные старики пусть временно у нас останутся заложниками, пусть они поучатся в Советской Республике. Когда мы увидим, что они становятся лояльными, тогда мы их тоже распустим по домам. Вы, старики, думаете, что Советская власть, это—только молодежь, что от вас идут только молодые казаки. Но когда кончится эта ожесточенная бойня, тогда все ответственные посты займут благородные старики,—не те старики, которые только привыкли, что набивать карманы, а благородные, честные старики, которые у нас будут пользоваться почетом более, чем раньше.

И я думаю, что когда вы хорошо ознакомитесь с Российской Советской Республикой, то увидите, что вы, участвуя в белогвардейской войне, были величайшими предателями русского народа, были пособниками американского, английского и французского капитала, что вы, участвуя в этой войне, собирали богатства английским капиталистам.

Я считаю разговор с солдатами покончeнным. Но среди рядового крестьянского казачества, я не сомневаюсь, есть и интеллигентные казачьи слои.

Я вовсе не собираюсь призывать их в ряды Коммунистической партии. Коммунистическая партия слишком уважает себя, чтобы насильно собирать, зазывать людей в партию, она открывает двери только тем, которые сознательно сами желают войти в эту партию, давая обет перед членами этой партии, что они будут честно и благородно служить своему народу, что они откинут все личные, материальные интересы и будут служить только своему народу.

*

Вот как мы понимаем Коммунистическую партию, и поэтому я говорю, что я вовсе не имею намерения привлекать вас в ряды Коммунистической партии.

Но нам надо договориться, вам необходимо продумать: кому вы служите, кто находится за спиной Деникина, Колчака?

Вы, интеллигентские слои, вы, раньше кричавшие, что вы всюду идете за народ, вы теперь, когда этот народ изнемогает в непосильной борьбе, когда он так особенно нуждается в специалистах, в честных беспартийных людях, — вы должны сказать: «Да, мы — плоть от плоти, кровь от крови народа. Может-быть русский народ ошибается, может-быть московские рабочие и крестьяне всей коренной России, Украины и Дона, может-быть, — все они ошибаются. Но мы, интеллигенция, маленькая частица этого великого народа, мы будем ошибаться вместе с этим великим народом, мы облегчим ему страдания, потому что, помогая ему, этому великому народу, мы в то же время помогаем и нашей маленькой группе освободиться от того угнетения, физического и морального, которое нас давило».

Ведь если по отношению к рядовым солдатам при самодержавии естественным делом были зуботычины, то такие же зуботычины, но только морального свойства, получали и офицеры. Пусть любой офицер выйдет здесь и скажет, что он не получал бесчисленное количество зуботычин от своего высшего бюрократического начальства.

И вот теперь-то, — тогда, когда можно применить свое знание в пользу народа, когда можно в народ бросать знание, которое самодержавное правительство не разрешало давать, теперь, когда правительство все делает к тому, чтобы научить народ, — вы теперь-то и можете развернуть все свои таланты. Если вы в прошлом должны были закапывать свои таланты, потому что вы боялись, что пострадает ваша карьера, то теперь каждый человек может широко применить все свои таланты на пользу народа.

Я вам говорю, казаки, определенно и ясно, — я не хочу обманывать вас, я не говорю, что мы непременно победим, — может-быть, мы будем побиты все до единого человека. Но, даже при таком положении, все-таки всякий честный человек должен сказать, что я лучше буду побит вместе с русским народом, что я лучше хочу лежать в одной могиле с этим великим многострадальным народом, чем быть лакеем у парижских и лондонских капиталистов.

Наше прежнее офицерство в своей массе всегда действует по расчету и идет туда, где выгоднее. Если победа на нашей стороне, то оно идет и борется с нами, если же победа начинает переходить на сторону наших врагов, то они переходят на сторону врагов, товарищи. Такие люди много переносят лишений, они получают не столько выгоды, сколько страданий. И только тот человек, который тесно сплотился с своим народом, который с этим народом делит горе и радость, только такой человек будет счастлив и такой человек не задумается сложить свои кости в общей братской могиле.

Вы помните русскую пословицу: «на народе и смерть красна». Я не знаю, есть ли у вас, у казаков, эта пословица, но мы, русские, согласны с этой пословицей. Мы говорим, что в тысячу раз лучше быть убитым и лежать в общей могиле, чем быть лакеями чужеземного империализма.

Вы, наверное, слыхали,—если не слыхали, то я вам скажу,— что Николай последние годы был почти приказчиком империализма, и за эту войну мы задолжали огромную сумму денег,— поверьте моей совести, что не хватило бы даже ваших волов, чтобы заплатить эти долги, и только одна Советская власть может и заявила, что она этих долгов платить не будет. Мы говорим, что мы за эти долги расплатились кровью наших братьев: целый корпус русских солдат — или больше — был послан во Францию, и над этим корпусом там издевались французские офицеры и генералы, и до сих пор целые тысячи людей томятся в тюрьмах.

Так вот, казаки, вы разберитесь, подумайте, с кем вы должны итти; если с нами, то идите с нами, а кто желает итти с белыми, то заявите об этом честно, и мы тогда, как врагов, посадим вас в концентрационный лагерь.

Заявляю вам, что всякий, кто запишется из вас добровольно в ряды армии и потом перебежит на сторону врага, если он снова попадет к нам, то тогда пощады ему не будет. Советская власть милостива до тех пор, пока имеет дело с честными людьми. При всей доброте, присущей русскому народу, пощады таким перебежчикам не будет, им будет то, что они заслужили,— позорная смерть, как палачам рабочих и крестьян.

Заканчивая свое слово, я прошу вас у себя в казармах взвесить хорошенько, продумать, с кем итти, за кого бороться. Борьба отчаянная, момент острый. Вы должны продумать, за кем итти, и, если вы решите, что ваше место — с крестьянами

и рабочими, то приходите, и вы будете приняты, как товарищи. А если вы найдете, что ваше место—у помещиков, то скажите об этом честно, и мы тогда поступим с вами, как с врагами, мы пошлем вас в концентрационные лагери, где вы будете работать, а когда кончится война, то вы будете выпущены на волю и будете жить, как обыкновенные граждане.

Я уверен, что рабоче-крестьянская власть победит, что знамя социализма крепко будет водружено над Русской землей. Я уверен, что наше будущее государство будет создано по образу и подобию рабочих и крестьян.

Вы не должны верить сказкам, что Советская власть не дает возможности свободно работать, что она заставляет всех итти в коммуну. Это—неправда: у нас если 30 человек пожелают работать вместе, то мы разрешаем это, а вовсе не заставляем итти всех в коммуны,—такого декрета не было, и я уверен, что и не будет.

Заканчивая свою речь, я вам говорю, что борьба идет ожесточенная, в этой борьбе погибают сотни тысяч людей с обеих сторон, и каждый честный человек в этот момент должен ринуться в эту борьбу, взять пику или штык и направить этот штык или против рабочих и крестьян, или за рабочих и крестьян, за русскую советскую землю. А все те, кто не призываются в Красную армию, все они должны приступить к строительству великой российской, рабоче-крестьянской, казацкой, башкирской и многих других народов республики. Работа большая, каждый честный казак может развернуться во всю, — и к этой битве, к этой работе я призываю вас, казаки.

(Громкие продолжительные крики «ура» и аплодисменты.)

Речь тов. М. В. ФРУНЗЕ.

Фрунзе (главнокомандующий Туркфронтом). И я, представитель командования Красной армии, приехавший в Оренбург на несколько дней, счел долгом обратиться к вам с речью, казаки. Товарищи, до сих пор мы были в разных лагерях, до сих пор мы стояли по две стороны баррикад и направляли винтовки друг против друга.

Вы видите, товарищи, что мы обращаемся к вам с тем словом, которое для нас является символом братства, теснейшей

связи, мы к вам, ко вчерашним врагам, обращаемся со словом «товарищи». И я потому называю вас товарищами, что я чувствую, что в каждом из вас бьется сердце рабочего и крестьянина, и что то, что вы делали, происходило под давлением вашей темноты, и я уверен, что тот, в ком бьется сердце трудового человека, должен почувствовать, где находится правда и кто отстаивает действительно кровные интересы России, нашей дорогой родины.

Ваши командиры, ваши генералы и атаманы уверяли вас, что на вас идут шайки разбойничьих банд, состоящие из наемников германского империализма, продающие на деньги свою родину. Вы слышали здесь авторитетное заявление главы нашей Российской Советской Республики, простого тверского мужика, который определенно сказал, что эти заявления преступны, и вы сами теперь видите, что правительство и сама Красная армия не являются орудием в руках иностранной политики, не являются и не являлись никогда орудием в руках императора Вильгельма или какого-нибудь другого тирана.

Правда, рабоче-крестьянская Красная армия, как вы уже сами видели, не блещет внешностью; правда, она иногда не так умело сражается, как требовало бы правило военного искусства; но, тем не менее, она сражается и одерживает победу над теми армиями, во главе которых стоят люди, кичащиеся своим военным искусством. И это происходит только потому, что мы знаем, что мы отстаиваем волю трудового народа, и, с другой стороны, мы знаем, что вы являетесь слепым орудием в руках русских белогвардейцев, а больше всего—в руках международного империализма.

Если вы откроете белогвардейскую газету, то вы увидите, что Колчак, который говорит, что он защищает единство России и идет за ее национальное возрождение, этот Колчак имеет помощь от всех империалистов мира. Вы в этой газете прочтете, что на Севере России наступают очень успешно англичане, что они взяли Архангельск и что они сегодня-завтра продвинутся ближе к центру России.

Здесь же вы прочтете, что Эстляндия и Финляндия бьют большевиков, что не сегодня—завтра будет взят Петроград, что их войска работают очень удачно. На западе так же удачно бьют большевиков и наступают польские войска. Точно так же удачно на юге наступают румынские войска; английский и французский флот действует очень удачно, бомбардирует черномор-

ские города и тоже бьют большевиков. Дальше вы читаете, что Баку находится в руках англичан, большевистские корабли так же удачно разбиваются английским флотом. На востоке японские войска тоже бьют большевиков, и, в общем, действуют удачно.

Товарищи, сравните же все эти заявления, которые вы читали, и подумайте, где же здесь русский народ? Везде на этих многочисленных фронтах—англичане, французы, японцы, поляки, эстонцы и так далее, а где же русские, русские рабочие и крестьяне? Они находятся на внутренних фронтах, в большей своей части они защищают свои интересы. И только на окраинах из вас создали армии и заставляют вас итти бороться против своих интересов.

И я думаю, товарищи, что каждый дурак из вас должен понять, что там-то как-раз и не может быть национального возрождения России; что как-раз с той стороны не может быть и речи о борьбе за русский народ, потому что не из-за прекрасных же глаз все эти французы, англичане помогают Деникину и Колчаку,—естественно, что они преследуют свои интересы. Этот факт должен быть достаточно ясен, что России там нет, что Россия—у нас, хотя вы и имеете в наличии представителей других национальностей, но в основе вы имеете русский трудовой народ.

У нас имеются отряды китайцев, мадьяр и других народностей,—конечно, их капля в море, может-быть, на тысячу человек русских придется десять мадьяр, но и эти десять человек,—что они из себя представляют? Они являются теми же рабочими и крестьянами тех народностей, которые подняли восстание против своего капитала, которые взяли власть в руки, как это было в Венгрии, но которые не сумели удержаться,—их задушили английские и французские капиталисты, а потом отдали на разграбление Румынии.

И вот эти небольшие кучки народностей, которые поняли, что все народы—друг другу братья, откликнулись на призыв, что пора кончить народам между собою войну, что пора обратить оружие всех трудящихся против того, кто посылает на бойню.

Мы первые сбросили иго тиранин и гнет капитала. Другие народы опоздали, они идут позади нас, и вот мадьяры—они тоже сбросили гнет капитала, примкнули к нам, но их раздавили и не только раздавили, но и ограбили. И то, что сделалось с Вен-

грией, пусть будет примером для всех трудящихся других стран. Румыны, эти «освободители» венгерского народа, они забрались в Венгрию, разрушали и брали все, что только могли, они разрушали даже крестьянские хозяйства, уложили машины,—вот что делали они—эти «освободители»,—и такая же судьба уготована была бы и России, если бы вы с вашими друзьями сумели раздавить нашу республику.

Англичане действуют на Севере действительно очень хорошо: они там занялись заготовкой дров и отправкой их к себе; они в Баку выкачивают наши богатства — нефть, увозят ее к себе и там, продавая, набивают свои сундуки; а японцы в Сибири торгуют нашими рудниками и вывозят все, что только могут.

Все эти Колчаки, Деникины, товарищи, есть не что иное, как наемники этих капиталистов, как средство для угнетения нашего народа, а интересов нашего русского народа, конечно, у них нет. У них есть только интересы своего капитала, для них будет все равно, если наш народ будет нищ и убог. Но русский трудовой народ решил сам устроить порядок в своей стране, он не продает Россию кому угодно, лишь бы только задавить трудящиеся массы.

Так, товарищи, обстоит дело, и не нужно быть особенно грамотным, умным, чтобы понять, что все дело заключается в борьбе труда с капиталом, в борьбе белой кости с черной; и сторона, с которой вы боролись против нас, хочет набивать карманы, это — белокостники, которые хотят жить потом и кровью русского народа, а на нашей стороне—черная кость, которая веками сознательно держалась в темноте, а теперь эта черная кость заявила, что мы—тоже люди, мы тоже хотим себе создать такие условия жизни, при которых мы были бы не рабами и холопами, а настоящими гражданами.

Наша победа отнюдь не будет обозначать победу какой-либо отдельной группы; нет, мы говорим, что все должны превратиться в единое царство трудящихся, мы хотим, чтобы кость у всех сравнялась. У них же идея старая — поставить белую кость над черной.

Вот, в этом — все дело, из-за этого наша страна и поливается кровью, из-за этого мы и стоим друг перед другом с оружием.

И ваше дело теперь, товарищи, решить, с кем вам быть: с белой ли костью,—с тем, кто держал вас в угнетении,—или же итти с черной костью, которая даст господство труда, при кото-

рой не будет угнетения не только целого класса, но даже и отдельных личностей.

И это царство труда есть у нас в Российской Советской Республике, и оттого, что царствует черная кость,—я думаю, вы видели, — сейчас перед вами выступал глава нашего правительства — председатель самого верховного органа Республики — простой крестьянин. И теперь вы подумайте: когда вы видели, чтобы пришел высший представитель власти и сидел среди тех, кто называется подданными? Бывало ли так раньше? Ничего подобного. Правда, писалось, что его величество показалось перед народом, но как это было: кругом этого величества стояли жандармы и полицейские, и к нему пропускались специально выбранные пузатые господа с медалями и орденами. А допускали ли вас, было ли так, чтобы верховный представитель власти говорил с целой толпой? Этого не бывало нигде, и только в России имеет себе место подобный факт.

И такой факт должен быть для вас нагляднее всяких речей и листовок, ибо в этом факте ясно выражено, что Российская Советская власть есть действительно власть трудящихся.

Вам, наверное, часто говорили, что раньше в России было самодержавие, а теперь—комиссародержавие. Да, у нас комиссарами называются люди, которые ставятся Советской властью, чтобы наблюдать за порядками, и тов. Калинин объяснил, что у нас бывают плохие комиссары, но в этом нет ничего удивительного.

Разве те мужики и рабочие, которые сейчас стали у власти, разве они учились раньше, — много ли им давалось в смысле поднятия культурного уровня? Ничего подобного не было: темный народ, кроме кнута и нагайки, ничего не видал. И понятно, когда русский мужик и рабочий взяли в свои руки бразды правления, они не могли сразу выдвинуть людей, которые бы действовали безошибочно. Ошибки везде есть, и не в этом дело. Дело, товарищи, в том, как поступает с этими комиссарами Советская власть. Я вам скажу, что Советская власть с такими дурными комиссарами расправляется очень просто: мы в несколько минут их расстреливаем, не давая никакой поваднки тем, кто действует во вред трудящихся.

И всякий крестьянин и рабочий всегда имеет право, имеет свободный доступ довести до сведения высших органов центральной власти о подобных поступках комиссаров. И у тов. Калинина в поезде каждый может подать жалобу и каждый может

даже с ним поговорить, и я сам видел, как его осаждали с прошениями и просьбами.

Ничего подобного прежде не бывало, и подобное мыслимо только у нас. Стало-быть, вы видите, товарищи, что слова о комиссародержавии являются злостным искажением,—они являются стремлением исказить Советскую власть.

И мы не являемся размазней, в роде Керенского, потому что мы ведем смертельный бой, потому что мы знаем: если победят нас, то сотни тысяч, миллионы самых лучших, стойких и энергичных в нашей стране будут истреблены; мы знаем, что с нами не будут разговаривать, нас будут только вешать, и вся наша родина зальется кровью, и наша страна будет взята иностранным капиталом.

И вот потому-то, что мы знаем, как мучается наш народ сейчас и что может быть, если победим не мы, вот поэтому-то мы крепко держим винтовку в своих руках и боремся, стойко боремся против наших врагов.

А врагов у нас много. Нам врагом является весь мир,—весь мир, который находится в руках у капиталистов, потому что сейчас еще во всем мире Ллойд-Джордж и Клемансо руководят народом, потому что трудящиеся массы еще не взяли власти в свои руки. И мы сейчас одни отбиваемся против целого мира, — с севера, с востока, с юга, с запада, — всюду двигаются целые армии иностранного капитала, двигаются подкупленные русские разбойники, и мы, отрезанные от целого мира, не имея продовольствия, не имея вооружения, не имея почти ничего, мы два года стоим крепкой стеной.

Бывали моменты, когда белая гвардия подступала близко, бывали моменты, когда в наших руках оставалось около 10 центральных губерний, и наше население, наша трудовая Россия, как только замечала приближение опасности, выдавливала из себя последнюю энергию, и наши войска опять поднимались и двигались в разные стороны, отгоняя противника. Нам было трудно, нам помогало только сознание, что мы отстаиваем самое дорогое для нас — интересы трудового народа. И вот теперь мы находимся на рубеже, мы находимся на переломе.

На востоке наша задача почти-что выполнена. Колчак взял на помощь уже последние резервы, но и это не помогло: наши войска так же продолжают продвигаться вперед. И я должен вам сказать, что многомиллионный народ можно победить раз, два, но задавить нельзя. Он прольет много крови, но он выйдет побе-

дителем, потому что по всему миру поднимается пожар восстаний, пожар, который зажгла революционная трудовая Россия. И народ выйдет победителем, потому что он борется за святые интересы всего мира. К нам, к нищей, измученной стране, обращены взоры порабощенных всего мира. Вот, товарищи, только несколько дней прошло с тех пор, как мы восстановили связь с Туркестаном, и мы уже имеем у себя здесь представителей порабощенной Индии; они явились к нам и просят братской помощи, они говорят, что они только и мечтают о том, чтобы сбросить гнет английского капитализма, что они вместе с русским народом хотят делить все тяготы. Для нас нет врагов там, где трудятся, но для нас все враги те, которые живут чужим потом и кровью.

И из-за того, товарищи, что мы установили связь с Индией, к нам теперь особенно враждебно относится Англия. Мне через перебежчиков было точно известно, что английское правительство требовало от Колчака и Деникина, чтобы они бросили как можно больше войск на этот фронт. Это требование со стороны английского правительства было ультимативно. Но бросать войска на этот фронт было трудно, когда Оренбург был в наших руках, когда нельзя было получать продовольствия, и, несмотря на все это, вас, казаков-дураков, бросали в эти голодные степи, чтобы вашим потом, вашей кровью защищать, прикрывать английскую Индию.

Теперь вы знаете, что путь в Ташкент уже открыт, и, может-быть, то, что не удалось Петру Великому и другим императорам России — их мечта о приближении к Индии, — может-быть, это удастся нам — измученной трудовой России — без всякого насилия, а в силу братского союза черной кости.

Мы скоро дождемся восстания в Индии, потому что могущество влияния наших священных идей, братство трудящихся всего мира — велико. И англичане знали это, они прилагают все усилия, чтобы не допустить соединения России с Индией, а так как своих войск они послать не имеют возможности (английские рабочие и крестьяне не идут воевать против Российской Республики), то они формируют вас и посылают против ваших же братьев — русских.

Вот чем объясняется, товарищи, что большая армия Туркестанского фронта оказалась в таком положении, что вы вынуждены были сдаться. Это положение как для вас, так и для России, у которой разорвалось кольцо в одном месте, даст воз-

можность прорвать скорее кольцо в остальных местах, это — положение благоприятное, потому что оно даст возможность скорее окончить гражданскую войну.

И я хочу надеяться и верить, что мы будем иметь среди вас друзей и сторонников рабочей Советской Республики; я хочу надеяться, что каждый из вас почувствует и вспомнит, что он — тоже мужик, землероб и рабочий, почувствует, что его дело — отстаивать черные кости, а не белые. И я надеюсь, что Оренбургская область со своим населением станет отныне оплотом, прочным тылом нашей Республики. Они станут нашим оплотом в смысле продовольствия для Туркестана, чтобы мы могли скорее сломить английское могущество.

Я жду, что вы сделаете все возможное для укрепления нашей Красной армии и тыла. Только таким путем вы сможете загладить ту вину, которую вы имеете перед русским народом,— вы, бывшие жалким оружием в руках русского и английского капитализма.

Я надеюсь, также многие из вас, вернувшись на свои места, никогда не допустят, чтобы змеиное шипение раздавалось среди вашего населения. Я, как представитель военного командования, заявляю, что мы абсолютно не имели и не имеем целью уничтожения казачества, как об этом шипят наши враги, мы считаем всех нашими братьями; но военное командование не может сделать так, как делает это Михаил Иванович, который заявляет, что готов простить и привести наших заблудших братьев.

Военное командование, которое держит оружие в руках, которое исполняет предначертания Советской власти, военное командование, которому дорога жизнь каждого человека, заявляет: мы будем неуклонно исполнять все предначертания Советской власти, будем делать все, чтобы не допустить никакого издевательства. Но к словам тов. Калинина я добавляю, что при первой попытке вонзить в нашу спину нож, — никаких разговоров не будет. Мы — люди дела, мы иначе действовать не можем. Чем больше будет расхлябанности, чем больше будет распущенности, тем больше будет пролито крови родного нам народа.

И я заявляю, что все те, кто будет лоялен, кто пойдет рука об руку с рабоче-крестьянской властью, кто будет прекращать змеиное шипение, тот будет верным другом нашим, мы возьмем его под свою защиту. Но все те, кто попробует после прощения, объявленного высшим представителем власти трудового

народа, кто будет действовать эгоистично, забывая интересы народа, с тем разговоры будут кратки, — им не место в наших рядах.

И так как опыт показал, что старики особенно не могут усвоить идеи нашей партии, я заявляю: всех тех, кто старше 38 лет, мы в станицы не отпустим, мы пошлем их в концентрационные лагери. А потом мы, конечно, их отпустим, но мы скажем им: «Вы, седобородые мужики, где вы были, когда русский народ боролся, изнемогал?.. Где вы были, на чьей стороне вы стояли?». Мы—нищие, мы—нагие, но мы знаем, что будет момент, когда трудовая Россия отбросит в сторону свое оружие и возьмется за мирный труд; и когда мы будем трудиться, когда мы будем воздвигать свободную социалистическую республику, мы спросим: «А что делали вы?». Мы безусловно их отпустим, потому что мы—не какие-то злодеи, которые всех вешают, как говорят про нас; нет, мы проливаем кровь только тогда, когда на это есть крайняя необходимость, но мы не можем относиться с полным доверием, не можем считать братьями тех, кто не прекращает свои козни.

Вот почему мы не можем и не отпустим стариков по домам. Мы сможем отпустить только тех, кто сознáет свою ошибку и честно и прямо скажет: да, я ошибался, да, Советская власть не может отнять у нас землю, я буду только защитником Советской власти. И тогда он будет нашим братом, и Советская власть простит и отпустит его.

Но в этом еще надо убедиться; мы сможем отпустить только тех, за которых поручатся наши красные казаки, те красные казаки, которые в самую тяжелую минуту были с нами, которые не оставили рабочих и крестьян и вместе с тем защитили права трудового народа. Если они нам удостоверят этих казаков, то мы их отпустим. А других мы должны будем оставить,—мы им злого не сделаем, но мы их боимся, и поэтому мы их оставим пока в концентрационных лагерях.

Серединный возраст до 28 лет, который был фронтовым казачеством, который сражался в империалистической войне и который примкнул к делу народа, мы считаем введенным в заблуждение, мы считаем, что у них должно забиться сердце трудящегося, и мы снимаем с них их ошибки, мы разрешаем им вернуться в станицы и собирать хлеб. И, наконец, молодежь,— возраст, который понимает, что происходит кругом, возраст, который силой заставили бороться против нас,—эту часть каза-

чества мы называем нашими товарищами и мы считаем возможным пустить их в ряды нашей красной кавалерии.

Вот тот ответ, который дает вам командующий. Все это вы можете передать всем остальным вашим товарищам. Мы делаем последнюю попытку найти пути примирения с трудовым казачеством, найти такие отношения, при которых мы не будем избивать друг друга, а направим все наши силы и оружие против общего врага — капиталистов.

Я повторяю, товарищи, что этот мир не будет истолкован вкривь и вкось; надеюсь, что все, что здесь говорится, также будет передано и другим товарищам.

Что касается управления, то мы не можем ввести сейчас у вас конституцию Республики. Центральная власть хотела это сделать сразу, но, мы, военное командование, отвечающее за жизнь каждого отдельного красноармейца, мы говорим: погодите, надо убедиться в том, что казачество искренно. Мы говорим, что нельзя сразу дать избирательные права, что с этим надо погодить, потому что у нас военное положение.

Мы говорим: раз военное положение, то и власть находится в наших руках, а раз так, то мы создадим временные революционные комитеты, в которых будут сидеть казаки-оренбуржцы, которых мы знаем и в которых мы верим. И как только наш Ревком скажет, что все обстоит благополучно, что казачество не устраивает восстаний, тогда мы донесем тт. Ленину, Калинину, что Оренбургское казачество является защитником прав трудового народа, и мы находим возможность ввести у них в действие Советскую конституцию, то-есть дать избирательные права.

Вот то, что я хотел сказать, и я думаю, что всякий разумный, рассуждающий человек должен сказать, что иного поведения у нас и не может быть. Задних мыслей у нас нет.

Та кровь, которая нами пролита и о которой все время кричали ваши газеты, что большевики—разбойники, что мы жестоко расправляемся... Я скажу: конечно, мы жестоко расправляемся с врагами, но, товарищи, в общем народ добр и милостив. Посмотрите, русский рабочий класс и крестьянство, когда одержали верх над царским правительством, разве они истребили врагов? Они даже не перебили царских министров, они никого не тронули: это — проявление доброты народа.

А подумайте, что бы сделали наши враги, если бы они победили. Вспомните революцию 1905—6 гг., когда русский

народ пытался бороться за землю и волю, когда нас победили, тогда тюрьмы наполнились десятками, сотнями тысяч наших бойцов.

И я сам, красный генерал, я восемь лет носил на ногах кандалы, я в 1905 году боролся с донскими казаками, мы делали первую попытку сбросить ненавистный гнет, и с нами расправились беспощадно.

Меня два раза приговаривали к смертной казни, и я спасался только случайностями, а много, много наших товарищей, им же нет числа, погибли за освобождение трудового народа.

Дальше, товарищи, после Октябрьской революции, когда кончилась первая схватка, всем было объявлено прощение, и эти самые генералы Красновы и Деникины были отпущены рабочими и крестьянами. Мы взяли с этих генералов честное генеральское слово и мы тогда отпустили того же генерала Краснова на Дон. И что он сделал со своим генеральским словом? Он пошел и организовал восстание и стал избивать восставших против него рабочих и крестьян.

А когда везде стали подниматься бунты, когда рабочие и крестьяне стали брать верх, тогда они, эти генералы, стали взрывать мосты и железные дороги, и не только эти генералы, а и другие враги трудового народа стали вредить тем, что, например, под Петроградом решили взорвать водопроводы и другие необходимые для населения постройки.

Что нам тогда было делать? Нам нужно было или сдаваться на милость, или железной рукой сжать оружие и сказать: за удар — два удара, за гибель брата-красноармейца — гибель врага; и тогда мы стали расправляться с буржуазией, тогда у нас стала действовать В.Ч.К., которая была органом Советской власти, которая непосредственно боролась с врагами трудового народа.

И вот, когда мы решили бороться с этими врагами, про нас стали кричать, что мы жестоки, что мы—разбойники, а, я помню, еще в Тюмени белогвардейцы заставили вырыть кости товарищей из братской могилы, привели наших живых товарищей к другой могиле и заставили бросить эти кости в свежую могилу, а потом сталкивали туда же живых и закапывали.

Это, товарищи, факт, но рабочий класс, крестьянство такого зверства себе не позволят. Народ груб, но в нем горит душа, у него есть искра совести, которая не позволяет ему издеваться над врагом. Значит, и в этом отношении обвинение врагов направлено не по тому адресу.

Мы же говорим, что надо, чтобы фабрики и заводы и имения стали достоянием всего народа, чтобы сила капитала была уничтожена, и тогда будет братство и мир, тогда будет союз человечества на пользу всех и каждого в отдельности.

Вы видите, что мы—не разбойники, не бандиты; вы видите, что мы хотим сделать так, чтобы было хорошо каждому человеку; и теперь вы должны сказать: будете ли вы с нами, с рабоче-крестьянской армией, или же пойдете за Колчаком, Дутовым, Деникиным и прочими действительными разбойниками, защищающими права капиталистов?

Думайте, товарищи, скорее и решайте скорее; чем скорее вы решите, тем скорее мы победим и вернемся к мирному труду. И я зову вас на этот трудный совместный тернистый путь, потому что только этот путь приведет нас к свободной трудовой жизни. Знайте и верьте, товарищи, что, идя этим путем, мы победим наших врагов и построим сначала Российскую, а потом мировую социалистическую республику. *(Аплодисменты.)* Товарищи, Красной армии, защитнице прав трудового народа, — ура! *(Громкое, продолжительное «ура».)* В честь победы трудового народа, в честь укрепления трудящихся, в честь создания единой братской семьи,—ура! *(Громкое, продолжительное «ура».)* В честь победы, победы трудящихся как в России, так и во всем земном шаре, за их братский союз,— ура! *(Громкое, продолжительное «ура».)*

Павлов (представитель военнопленных). Многие из вас здесь, казаков, были обмануты и заведены, многие из вас, казаков, не послушались тех товарищей, которые работали подпольно и были партийные. И теперь, товарищи, нам, чтобы пережить то, что мы сделали, нам есть возможность пойти в ряды Красной армии, и я должен вам заявить, товарищи, что не надо рваться домой и заниматься своим родным домом, как нам обещал здесь командующий Туркестанским фронтом. Нам нужно от этого отказаться и дружно встать под красное знамя, под которым мы сольемся в одно целое и победим коварных врагов. *(Громкое, продолжительное «ура».)* Я скажу, товарищи,—да здравствует Советская власть, ура! *(Громкое, продолжительное «ура».)*

Калинин. Я хочу подчеркнуть, товарищи, что, если будет полное спокойствие в Оренбургском казачестве, то, при первой возможности, Оренбургские казачьи войска будут пользоваться всеми правами, присущими гражданам Российской Советской Республики.

Я призываю всех тех товарищей, которые вернутся в свои станицы, всеми мерами и возможностью налаживать хозяйство, всеми силами защищать Советскую власть.

Я уверен, что пройдет два-три месяца, и оренбургское казачество проявит полную лояльность, познакомясь с Советской властью, и казаческая семья вольется в общую дружную российскую семью. И я жду того момента, когда соберется съезд казачьих оренбургских депутатов, и когда я буду присутствовать на собрании не оренбургских рабочих, а на собрании оренбургских казаков,—тех казаков, которые будут оплотом, одним из лучших защитников Российской Советской Республики. Да здравствует Оренбургское казачество, новое свободное советское казачество! Да здравствует союз рабочих и крестьян и союз казаков! Когда рабочие, крестьяне и казаки решат между собою все дела, то ни рабочие ни крестьяне не захотят обдувать казака, и ни один честный казак не захочет пользоваться трудом крестьянина или рабочего. Все эти три родные брата составляют одну трудовую русскую семью. Да здравствуют три брата — рабочий, крестьянин и казак, да здравствует скорый съезд Оренбургского казачества!

Ф р у н з е. Заслушав речь одного из ваших товарищей, я должен сказать с чувством глубочайшей радости, что я счастлив, что среди Оренбургских казаков находятся люди, которые готовы итти защищать рабочих и крестьян. Но я объявляю, что объявленные мною года будут распущены по домам, потому что необходимо убрать хлеб, а, убравши хлеб, они могут притти и сказать: «Мы готовы послужить родному народу». И мы тогда скажем: «Честь вам и слава, и—место среди нас, защитники рабочих и крестьян!». *(Аплодисменты.)*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИЕЙ.

С первой конной армией я встречался три раза. Первый раз — 4 ноября 1919 года в местечке, кажется, Пустынке, в 6 — 10 верстах от Землянска. Насколько я помню, конная армия была недавно перекинута сюда с юго-восточного фронта и названа первой конной армией.

Перед своей поездкой на южный фронт, я помню, в Москве удивлялись, что Буденный, находясь между двумя вражескими корпусами под Воронежом, — между конным корпусом Мамонтова и Шкуро (оба прославлены своими рейдами, жестокостью и многочисленными победами) — Буденный не воспользовался моментом, чтобы разбить их каждого в отдельности. Момент был критический: с одной стороны — взят Воронеж, а северо-западнее пал Орел, враг уже метил на Тулу и дальше.

Армия Буденного стоит в коридоре между двумя враждебными конными корпусами, силы которых в сумме близки, а, возможно, и больше сил Буденного.

Директива главного командования Буденному была — уничтожить противника по частям, а он затянул, дал им соединиться и лишь потом разбил их вместе.

Я приехал в Воронеж 3-го ноября,—он был у нас в руках уже несколько дней, противник находился верстах в 15 — 20 к югу. Против него стояла наша пехотная дивизия, кажется 42-я, а конная армия повернула на северо-запад, — во фланг добровольческой армии, стремящейся на Тулу. К тому времени белая «добровольческая армия» также получила сильный удар от латышской дивизии под Кромами и Дмитриевым: это — знаменитые пехотные бои, когда места переходили из рук в руки в рукопашных боях.

*

Ни конных частей ни их штабов в Воронеже уже не было. Штаб Буденного — как я уже указал выше — был в Пустынке, под Землянском, верст 65 от Воронежа на северо-запад. Мне хотелось во что бы то ни стало увидеть Буденного, и 4-го ноября на автомобиле с тов. Петровским мы отправились по шоссе на Землянск, — в его штаб.

В местах проезда нашего поезда недавно происходили бои наших войск с белыми; по дороге от Орла до Землянска я насчитал свыше 100 павших лошадей, около которых кружатся стаи ворон, своры собак. Собаки, несмотря на свою численность и жадность к еде, как-то трусливо расправляются с павшими, очевидно, напуганы боями. Тел убитых встретили только одно, на краю вдоль дороги. На мой вопрос предуревкома, почему же не убирают мертвых, был ответ: «Это—белый».

Дорога показалась длинная; было условлено, что меня встретят на большой дороге конные части и проводят до штаба. Проехавши верст 60, мы по дороге, на горизонте, увидели троих кавалеристов, из которых один во весь карьер помчался на правую сторону, в ближайшую деревню, версты две от дороги, а двое нам преградили путь.

Думаем, что — буденовцы, но ничего невероятного нет, если это—отряд белых.

В особый разговор не вступают, говорят одно: «Сейчас явится весь караул», — и действительно через несколько минут из деревни показался отряд десятка в два конных, во весь опор несущихся на нас.

Командир отряда отдает рапорт, часть конных посылает вперед указывать путь, другая конвоирует сзади. Мы сворачиваем с большака вправо и верст через 8 — 10 въезжаем в деревню, где помещается штаб. Останавливаемся прямо у квартиры тов. Буденного, где и произошла наша первая встреча.

Квартира была из двух комнат; в большой постоянно толпился народ из дивизии; здесь был собран общий обед, где помимо нас было много командного персонала из дивизий, — я помню лишь комбрига Маслакова (потом изменившего), командира полка Дундича, павшего смертью славных под Ровно. Он командовал отрядом при моей встрече, в настоящий момент он был помощником у Буденного, после ранения, довольно тяжелого, по счету двенадцатого. За ним ухаживала Н. И. Буденная, как за ребенком; он ей платил той же взаимностью, говоря:

В первой конной армии.

«Это—больше, чем наша сестра: без нее я давно бы уже был готов». Он много рассказывал о своих боевых приключениях, о дерзких налетах, — сражался, играя своею жизнью, любуясь моментами, когда она висела на волоске. Вообще эти закаленные бойцы, около которых смерть постоянно витает, удивительно нежно относились к тов. Буденной, и, благодаря ей, квартира Буденного очевидно была местом кратковременной передышки героев от боев.

С Семеном Михайловичем мы сошлись скоро; человек он оказался проще и ближе, чем можно было ожидать: никакой экзальтации, рисовки, все—просто, даже обыденно. На мой вопрос, почему он не разбил порознь Мамонтова со Шкуро, а дал им соединиться, он спокойно ответил: «Никак не выходило,— обстановка так складывалась: то нападение было рискованно, то лошади были уставши, а с уставшими лошадьми—плохой бой».

Всего мы пробыли в штабе часа три; боевых частей не было, была лишь сотня для охраны штаба, которым сделали маленький парад.

Дивизии находились в 15 — 20 верстах на боевой линии, в движении, поэтому видеть их в сборе было невозможно.

По шоссе обратно нас проводили тем же караулом во главе с Дундичем.

* * *

Мое второе посещение первой конной армии было 25 — 26 — 27 мая 1920 года при продвижении ее на польский фронт.

Я думал ее перехватить в Бобринской—Знаменке, юго-западных дорог; оказалось, что одни дивизии уже прошли, другие идут стороной, и никто не знает, в каких пунктах они останавливаются на дневки, ибо только в моменты дневок можно видеть дивизию в сборе. С Бобринской проехали в Тальное, где тоже штабов не оказалось, а говорить, где находятся штабы, нельзя, хотя на виду станции, пересекая линию, идут бесконечной вереницей военные обозы.

Вечером узнаю, что в трех верстах от Тальное в одном из сел делает дневку одна из дивизий конармии. Связываюсь со штабом, назначается смотр на 8 часов утра 25 мая. Утром на извозчичьей пролетке парой выезжаем; село большое, растянутое, как большинство южных сел. Оно переполнено конницей,

обозами, артиллерией, дорога превращена в сплошную черную жидкую кашу. Все движется, суетится, стремится влиться в ленту, тянущуюся за село.

Мы также вливаемся в двигающуюся по улице полосу людей и совместно с ней попадаем в поле, где открывается огромная, ровная, немного покатистая площадь, в окружности верст на 10, где построено шесть кавалерийских полков 6-й конной дивизии. По краям строятся в линию обозы; позади полков или на флангах — артиллерия и пулеметные части.

Спешивается одна из бригад для краткого митинга. В стенограммах у меня осталось лишь краткое слово красного командира Кероносенко и комдива 6-й тов. Быхтан, который сказал: «Мы приветствуем находящегося среди нас главу рабоче-крестьянского правительства, и мы обещаем тов. Калинину, что мы честно водрузим наше красное знамя в западном краю, чтобы оно отсюда ярко светило всему миру угнетенных и обиженных. Сейчас против нас идут польские паны, которые проигрывают свою последнюю ставку, которые ведут против нас обманутых рабочих и крестьян. Мы от имени дивизии заявляем: все на штык, все на шашку, — только этим мы принесем мир всему миру».

Бригада строится в походный порядок — продолжать свой долгий путь на поле огня.

Мы едем к следующей бригаде. Влезаю на тачанку для произнесения напутственного слова бойцам.

В середине речи над самым центром митинга пролетел совершенно низко аэроплан; все считают его своим, ибо видят на нем отличительный знак — красную звезду.

Через пять минут аэроплан возвращается назад, открывая пулеметную стрельбу по коннице.

Все бросились к своим лошадям, быстро снимают с плеч винтовки—и началась охота по врагу. Через три-четыре минуты все успокоилось, летчики скрылись за горизонтом, осталось двое убитыми, трое раненых и пало несколько лошадей. Я в эти минуты находился в самом дурацком положении: красноармейцы на коварство врага отвечают пулями, стремясь его снизить, я же стою на чистом месте лишним человеком, и в кармане нет даже револьвера; спрятаться, кроме как под тачанку, некуда, но кто же позволит себе спрятаться на глазах целой дивизии. А между тем враг льет и льет свои пули, а ты беспомощно стоишь и ждешь, когда его прогонят. Положение— не из важных.

Между тем, когда в руках имеешь оружие, аэроплан на тебя уже не производит гнетущего впечатления. Я помню, как в одну из прошлых поездок польский тоже аэроплан напал на нас в Минске,—там мы были предупреждены минут за двадцать, все вышли из поезда с винтовками, и когда он встал над поездом метая бомбы, то в этот момент ты забываешь опасность, увлекаясь желанием его подстрелить. По крайней мере, было тогда брошено три бомбы, разорвались они сравнительно недалеко, но это не остановило стреляющих,—они продолжали посылать пули, пока аэроплан не скрылся.

Во всяком случае я в этот момент сильно жалел, что не имел винтовки...

Через шесть-семь минут митинг продолжался, красноармейцы говорят: «Подожди, мы тебя проучим».

По окончании митинга я провожал ряды конных бойцов, которые живой, бесконечной лентой двигались на северо-запад,— начало их пропадало вдали за горизонтом, свиваясь с клубка около нас.

Я совершенно забыл момент нашей встречи с Буденным и Ворошиловым,—помню лишь длинные поездки из одной дивизии в другую на автомобилях. Приходилось ночевать в штабах дивизии. Помню одно очень любезное угощение священника, в доме которого был штаб бригады.

* * *

У меня от этих поездок осталось лишь несколько стенограмм; привожу краткие отрывки из них, чтоб выявить настроение красной конницы в это время. Вручая знамена с орденом Красного Знамени, я сказал: «Товарищи 21-го и 22-го полков и артиллерии, за заслуги этих полков и второй артиллерийской батареи в кампании против Деникина ВЦИК посылает вам красное боевое знамя с орденом Красное Знамя. Вручая через командующего армией т. Буденного красные знамена, я думаю, что я могу передать ВЦИК и Совету Народных Комиссаров, что эти знамена никогда не попадут в руки врага. Товарищи, я надеюсь, что тот враг, который осмелился поднять руку на Советскую власть, скоро узнает, какую силу, организованность и мощь имеет Советская власть. В данный момент наши пехотные части с правого фланга уже прошли несколько десятков верст. Есть все основания думать, что не сегодня — завтра

Минск снова будет в наших руках. Товарищи, если правый фланг, в лице нашей пехоты, уже гонит поляков, то, я думаю, появление на левом фланге конницы еще и еще запишет ряд блестящих побед в историю славной Буденовской конницы. Да здравствует, товарищи, наша победа!».

Передавая знамена полкам, т. Буденный напутствовал эту передачу следующими словами: «Товарищи красные кавалеристы, беря в свои мозолистые руки эти знамена от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и казацких депутатов, я гордо заявляю от лица 21-го и 22-го конных полков и 2-й артиллерийской батареи, что они понесут высоко вперед эти знамена. Они так высоко поднимут эти знамена, что их красные лучи зажгут революцию во всем мире.

Да здравствует, товарищи, мировая революция!

Да здравствуют 21-й и 22-й полки и славная 2-я артиллерийская батарея!».

После т. Буденного выступил член Реввоенсовета конной армии, рабочий г. Луганска, с которым я знаком еще с 1906 года по Стокгольмскому съезду партии, тов. Ворошилов, к тому времени — неразлучный сподвижник т. Буденного в руководстве конной армией и ее боями.

«Товарищи 21-й и 22-й полки и славная 2 артиллерийская батарея, вы сегодня вместе с нами счастливы не только тем, что получили высшую награду от рабочих и крестьян Советской республики, но и тем, что эта награда передается через высшее в Советской Республике лицо, через председателя ВЦИК Михаила Ивановича Калинина, который приехал сюда к нам в тот момент, когда мы завтра, после-завтра должны встретиться грудью с нашим врагом, который не пожалел исстрадавшихся русских рабочих и крестьян и уже на третий год войны хочет воспользоваться нашей усталостью и снова ввергнуть нас в тот ад, из которого мы совсем, было, уже выбрались. Товарищи! Рабочие и крестьяне России уже неоднократно заявляли, что они не хотели и не хотят и не могут хотеть войны. Нам война не нужна, — мы воюем только для того, чтобы раз навсегда уничтожить всякую войну, — мы воюем потому, что нас вынуждают к этому люди, которые специально этим раньше занимались, заплечные мастера этого дела, генералы и разные проходимцы, защищающие толстые карманы господ, которые хотели без конца, без краю эксплуатировать рабочих и крестьян России

и Украины, как это делается сейчас во всем мире. Но мы поняли, что мы сами—хозяева жизни, что мы сами можем пользоваться теми роскошью и благами, которыми пользовались всегда наши угнетатели, ожиревшие, растолстевшие и потерявшие облик человеческий; мы поняли и решили раз навсегда освободиться от этих эксплуататоров. Но враг слишком долго учился тому, как нами владеть, он держал нас в рабском состоянии много столетий, и сейчас, когда мы решили вести с ним борьбу, он использует весь этот свой опыт, эту науку. Да здравствует уничтожение всех врагов, мешающих налаживать свою жизнь рабочим и крестьянам России!».

В заключение от имени бригады выступил комиссар бригады тов. Мокрицкий: «Товарищи, разрешите мне передать от вашего имени т. Калинину, как народному представителю, как представителю нашей центральной власти, что, несмотря на нашу усталость, которая происходит от того, что мы прошли тысячеверстное пространство, мы ни перед чем не остановимся. Эта задача еще больше укрепляет нашу энергию, это еще больше дает уверенности, что зазнавшийся враг нами будет разбит. Я прошу тов. Калинина передать ВЦИК'у и Совнаркому, что мы эту гидру контр-революции разобьем через несколько недель, в этом нет сомнения, потому что не успели мы приблизиться к фронту, как поляки отступают. Я еще хочу принести от вашего имени, товарищи, сердечную благодарность т. Калинину и всему ВЦИК за их работу на общее дело. Мы видим, что их взоры обращены сюда—на нас, на фронт. С такими пролетарскими вождями мы не только победим польских панов, но мы сумеем в самом скором времени сделать всемирную революцию».

Все это происходило 27-го мая 1920 года в Киевской губернии, когда конная армия вступала в боевую линию западного фронта, — она уже имела соприкосновение непосредственно с поляками и их сообщниками—петлюровскими бандами. Помню один случай, когда воротившийся разъезд донес, что в 10 верстах он захватил петлюровского полковника в момент мобилизации им в волости солдат в свою армию. Полковника они, конечно, не возили, ими было захвачено лишь несколько мобилизованных, у которых оказались винтовки. Привезенные, разумеется, отпирались в своем сочувствии петлюровцам, но целый ряд косвенных улик говорил против них. Судьба их мне неизвестна.

В момент объезда полков было вручено знамя 61-му конному полку. На наши приветствия и вручения знамен отвечал командир полка т. Ноткин: «Товарищи красные бойцы, мы видели, как оценивают наши труды; получая это знамя, мы должны перед Республикой твердо и уверенно сказать, а также и нашему постоянному вождю тов. Буденному, что с этим знаменем, подаренным нам Республикой, мы будем твердо стоять на защите пролетариата не только Республики, но и всего мира, что мы, не жалея своих голов, пойдем рубить наших врагов, как рубили и раньше под предводительством т. Буденного. Товарищи красноармейцы, я вручаю это знамя под вашу охрану!».

После т. Ноткина выступил комиссар полка тов. Островский: «Великий исторический день для 1-й конной армии — приезд Михаила Ивановича Калинина—совпал с знаменательным вручением знамени нашему полку. Это имеет глубокий смысл. Рабочие и крестьяне России по достоинству оценили заслуги своих же товарищей рабочих, крестьян и казаков, которые променяли соху на меч, молот и плуг на винтовку и пошли защищать революцию.

Товарищ Калинин, от имени 61-го полка, от имени красноармейцев Украины, которые служат в этом полку, примите уверение, что это знамя всегда будет твердо в наших руках».

Последним поднимается на трибуну человек с завязанной головой, только-что вставший с постели от опасного ранения. Окружающие говорят: человек буквально выскочил из объятий смерти. Это был комиссар (кажется, четвертой или шестой дивизии) тов. Озолин, который, превозмогая слабость, сказал: «Сегодня, дорогие товарищи, я могу вас поздравить с вручением красного знамени, залитого кровью рабочих и крестьян России. Дорогие бойцы, пусть это знамя будет нестись с нами высоко и гордо, чтобы буржуазия далеко видела ее приближающуюся смерть».

* * *

Мое последнее посещение 1-й конной армии началось с 12 октября 1920 года в гор. Лубнах, где был парад и митинг с участием т. Луначарского.

От 2-й отдельной бригады на наши речи отвечал комиссар 2-й отдельной бригады т. Михайлов: «От имени отдельной бригады тов. Паводного приветствую от нашего полка представите-

лей центральной власти т. Калинина и т. Луначарского. Товарищи Калинин, Луначарский, по приезде в Москву передайте о нас рабочим Москвы и Петрограда, рабочим и крестьянам всей России, что мы здесь, красноармейцы, стоящие вот на этом поле, ждем, когда от вас последует приказ: вперед, красные орлы буденовцы, в защиту счастья всего пролетариата! — и мы с гордостью понесем наше знамя и укрепим на поле битвы и там, умирая, будем кричать: да здравствует Советская власть во всем мире!».

14-го октября на станции Знаменка было совещание представителей центра с РВС 1-й конной армии. Присутствовали, по протоколу: Калинин, Буденный, Каменев Л. Б., Ворошилов, Минин, Семашко, Евдокимов, Луначарский, Курский, Преображенский, Горбунов, Гурьев и Гоншин.

Товарищ Минин, третий член Реввоенсовета армии, который неразрывно с Буденным и Ворошиловым руководил действиями конной армии, управлял непосредственно политотделом и хозяйственными функциями армии, как снабжение и т. п.

На совещании обсуждался план предстоящих операций на Врангелевском фронте и состояние конных частей, проделавших столь жестокую кампанию на западно-польском фронте и, несомненно, в данный момент сильно обессилевших.

15-го или 16-го были митинги, где выступали все приезжие. Привожу из речей лишь короткую речь Каменева Л. Б., сказанную командному составу армии: «Товарищи комиссары и командиры, от имени всех приехавших я выражаю глубокую благодарность и любовь за то, что мы сейчас здесь видели. Если бывают в наших сердцах минуты сомнения, минуты колебания перед трудными задачами, то после того, что мы видели здесь, сомнения и колебания должны отпасть. Ваша армия непобедима. С такой армией мы знаем, что правое дело трудящихся восторжествует, с такой армией мы пройдем весь мир и водрузим красное знамя труда над мировой социалистической республикой!

Спасибо вам, товарищи, спасибо всем,—от взводного до товарища Буденного. Все мы вместе создавали эту армию. Всем она нам дорога».

19-го октября на ст. Знаменка, по настоянию тов. Ворошилова, я осматривал и приветствовал бригаду особого назначения, которую особо выделял за храбрость, стойкость, дисциплину и высокое политическое самосознание тов. Ворошилов. С ответ-

ным словом выступил комдив т. Маер: «Товарищи, пусть знают последний раз мировые хищники, что острые клинки, которые рубили Деникина и поляков, с такой же стойкостью вонзятся в сердце каждого осмеляющегося итти против Советской России.

Я хотел, товарищи, также сказать, что наша славная бригада будет ходить в атаку и истреблять не только внешних врагов, но и внутреннюю сволочь, разлагающую наши ряды!».

После тов. Маера говорил начдив (фамилия мне неизвестна): «Товарищи, самый сильный пролетариат в мире, это — российский, и силен этот пролетариат Красной армией, а самая сильная часть Красной армии — 1-я конная армия. А самая лучшая часть 1-й конной армии — особая бригада. Выходит, товарищи, что мы — самая лучшая военная часть в мире. И мы скажем, товарищи, нет такого бандита, нет такого врангелевца, с которым мы не сумели бы справиться!».

* * *

На этом я закончу описание своих поездок в конную армию. К сожалению, у меня не оказалось регулярной записи событий и происшествий в связи с моим посещением. Я лишь воспользовался случаем, чтобы огласить хоть краткие отрывки из речей бойцов.

Я снова перечитал их, — как все это близко, просто; слова их обыкновенны, и вместе с тем они новы. Они вечно будут новы для борцов за идеалы человечества, ибо они говорились и писались кровью и жизнью бойцов за счастье, за будущее угнетенных.

Я не сомневаюсь, что 1-я конная армия соберет имена положивших жизнь свою за Советскую республику, высоко поднявших своей доблестью и кровью честь конной армии, запишет их на скрижали нашей военной истории для назидания нашим воинам, а приведенные выше отрывки речей послужат примером молодым бойцам конной армии.

16/III 1922 г.

О ТЕХ, КТО ПРЯЧЕТСЯ В КУСТАХ.

Беседа с крестьянами Кощинской волости, Смоленской губернии и уезда.

9 июня 1919 года.

(Волость находится в 23 верстах от города. Населения 15 000 чел. На сходке присутствует около 250 человек.)

К а л и н и н. Товарищи! Я приехал услышать от вас, как вы живете. Сейчас вы каждую просьбу можете сразу довести до самого центра, а когда я уеду, то сделать это будет уже труднее. Я просил бы заявлять все претензии: что, с вашей точки зрения, есть плохого в Советской власти.

Я с своей стороны должен заявить вам претензию: я считаю, что крестьяне Кощинской волости ведут в высшей степени противную другим крестьянам политику.

Я уже объехал много губерний, но нигде я не видел столько дезертиров, как у вас. Бывают губернии с 10%, 20%, а у вас, судя по тем сведениям, которыми я располагаю, дезертирство доходит до 90%. Я заявляю, что это — прямо издевательство над другими крестьянами.

Почему-то тверское крестьянство должно жертвовать, чтобы биться с Колчаком, а вы как-будто другим миром мазаны или на другой земле живете. Если вам тяжело, то и другим тоже не легче. Сохранять свою шкуру, прятаться в кустах в то время, когда другое крестьянство умирает, это — самая большая подлость, какая только может быть, и я заявляю, что центральная власть церемониться не будет. Насколько мы идем вам на помощь во всем, что только в силах сделать, настолько мы будем жестоко расправляться с теми, кто хочет прятать свою шкуру. Вот ваш помещик Оболенский, — он не сидит здесь, а он участвует в войне

на стороне Деникина, — чтобы отвоевать опять свои земли. Возьмите Деникина: у него много денег, и он мог бы спокойно сидеть в Париже и не рисковать ничем. И другие помещики тоже не прячутся в кустах; а вы не понимаете, что если возвратятся помещики, придет Деникин, то он вытащит вас из всякого темного угла и уже тогда жестоко расправится.

Я спрашиваю: какие причины заставляют вас выступать против крестьян и рабочих России?

Я попросил бы выяснить причины.

Если, может-быть, у вас негодные люди в исполкомах, то вы об этом заявите, — это можно исправить. Но ваша обязанность притянуть каждого человека к работе. Вы помните басню, в которой лошадь не хотела помогать везти ослу, а когда осел пал, то всю кладь пришлось переложить на лошадь. И я боюсь, когда люди сейчас прячутся от работы, как бы им потом не пришлось перенести на себе всю кладь.

Прежде всего я предупреждаю, что расправа за дезертирство будет самая жестокая. Рабоче-крестьянская власть умеет миловать, но того, кто изменит рабочим и крестьянам и не хочет понять общественного дела, кто не считается, что в момент общей опасности приходится жертвовать, того рабочие и крестьяне выбрасывают из своей среды. Я предупреждаю вас сейчас потому, что потом будут заявления, что вот, мол, солдаты пришли ловить дезертиров и там яйцо стащили, а там свинью зарезали. А чтобы этого не было, нужно самим прекратить дезертирство.

К р е с т ь я н и н. Есть нечего совсем. А если где купишь, то привезти нельзя. И земля не вся засеяна. Если бы дали свободный провоз, то землю бы не оставили пустовать.

Р о м а н е н к о. Рядом с нами есть имение, там 100 десятин земли. Имение национализировано, но там полные непорядки. Построек нет. Сидит в имении бывшая помещица и примазавшийся к ней агроном. А помещица затем и поступила на службу, чтобы до прихода белых сохранить свое имение.

Б е л о к о п ы т о в. Нам председатель ВЦИК сказал, что позорный факт, что дезертирство огромное. Но ищутся ли причины, обусловливающие этот позорный факт? К нам являются представители местной власти и центральной власти в виде следствия, а причины этого факта никто не ищет. Месяц назад был представитель губернии и задавал вопросы: какие порядки, какие недочеты? Был поднят вопрос о дезертирстве, и крестьянство говорило, а если сейчас крестьянство молчит, то это объясняется

только неосторожными словами т. Калинина. Крестьянство объясняло уже не раз, почему они дезертирствуют. Они ушли на войну, боролись, и когда возвратились, то увидели, что дома все без изменения. Крестьяне как были, так и остались без земли. А когда Кощинская волость написала резолюцию, и эта резолюция должна была пойти в губернский земельный отдел, то эта резолюция была признана контр-революционной. И когда приехал представитель высших сфер, то он заявил, что это — резолюция дурацкая и что на ней будет поставлен крест. Бывают и такие случаи, что землю отчуждают, несмотря на то, что есть постановление Совнаркома. Местная власть отчуждает землю, и тот, кто хотел работать, остается без земли. И вот дезертирство обусловливается массой причин и глубокой подкладкой. А молчание объясняется тем, что раньше люди говорили, а теперь, когда их начали арестовывать, то они боятся.

Калинин. Я хотел бы, чтобы тов. Белокопытов перечислил те имения, земли которых он находит нужным отдать крестьянам.

Белокопытов. Кошино и Карчевское.

Калинин. Потом вы говорили насчет неправильности отчуждения; скажите более определенно: у кого это было?

Белокопытов. Вот, например, священник имеет 18 душ едоков и церковной земли 32 десятины. У него отбирают землю. Тогда он едет в уездный отдел, и оттуда присылают извещение, что земля отходит к причту независимо от душ, все 32 десятины. Приезжает представительница по даче жалоб, принимает жалобу, и снова постановление: отобрать эту землю и дать по числу едоков. Второй случай: в селе Кошине у священника отбирают 62 десятины, отбирается земля вся целиком. Он начинает хлопотать, — земельный отдел ничего не знает. Местный отдел дает $2^1/_2$ десятины, и все хлопоты не приводят ни к чему. Земля отобрана, обратно взять нельзя. Вообще земли мало, и если будет общегосударственная разверстка, то земли не хватит. Свободного фонда нет, и крестьянство дезертирствует, потому что им не дают земли.

Горохов. Я заявляю свою нужду, что у меня нет ни клочка земли, а семья 8 человек.

Калинин. Я скажу, что я был в таких губерниях, где крестьянство живет в ужасном положении: достаточно сказать, что есть места, где совершенно не осталось ржаной соломы. Теснота невероятная, а кругом и за сотни верст не видать поме-

щика. И в таких деревнях, несмотря на все ужасное положение, дезертирства не было.

Один из ваших представителей заявил претензию, что нужна земля. Я выяснил, что у вас два национализированных имения, а остальные — коммуны. Но ведь в коммунах живут ваши же люди, — мы не с луны брали рабочих, а из вашей или соседней волости. Коммуны в ваших же руках: разница только та, что там живет не Иван, а Петр. А Петр разве не крестьянин? И замаскировывать, говорить, что земля не у крестьян, — это недопустимо. Я сам—тоже крестьянин, и у нас в деревне есть коммуна. Конечно, в коммунах иногда живут самые неспособные крестьяне, нищие, убогие. Но куда же их деть по-вашему? Без земли оставить? Мы всех неспособных и самых бедных должны кормить. Я, как представитель крестьянской власти, не могу оставить этих неспособных без работы. И люди не такие уж неспособные, чтобы постепенно не привыкнуть к труду, — злостный лодырь найдется один из тысячи. Может-быть, скажут, что они поставлены теперь в лучшие условия, чем все крестьянство? Но даже если бы и так! Ведь всю жизнь они ходили за пудиком муки к богатому крестьянину, а за этот пудик в самую горячую пору шли отрабатывать. А теперь, когда они получили лишний фунт, то говорят, что они лодыря гоняют, обжираются.

Но, вместе с тем, вы знаете, что если в коммунах земля не будет обрабатываться, то она берется. Если коммуна будет безобразничать, то ее распустят. У меня рядом с моей родиной была коммуна, и там есть башмачники и другие мастера. И вот крестьяне наши кричали: пропало дело! А они в нынешнем году и кузницу открыли и землю всю запахали. Вот вам яркий пример, и я, как представитель власти, не могу не принимать всего этого во внимание. Иначе я не буду настоящим представителем трудящейся массы, которой дороги интересы как мелкого башмачника, так и других трудящихся.

Кроме того, я должен сказать, что земля коммунарам будет по норме так же, как и всем.

Крестьяне. Хорошо бы, чтобы и совхозы и коммуна были по норме.

Калинин. Про коммуны я уже сказал, что земля будет одинаково со всеми крестьянами по норме. Относительно советских имений,—я тут вижу или просто глупость, или злонамеренное извращение крестьянских мозгов. Ведь сказать, чтобы в волости не было двух имений, может только тот крестьянин,

который не задумывается о своем потомстве. В конце-концов наша бедность происходила не только от того, что нас Николай угнетал политически, а и от того, что нам негде было взять хороших семян, негде было взять лучшей, хорошей племенной коровы, лошади, нам негде было сделать культурного опыта, из которого мы смогли бы научиться правильно обрабатывать землю и собирать хорошие урожаи.

Говорят, что рабочие получили фабрики...

Крестьяне. Совершенно верно, рабочие все получили.

Калинин. А разве рабочий может взять хотя бы кусок стали, который он обрабатывает на фабрике? Фабрика является государственной собственностью так же, как и железные дороги, и другие предприятия. Вот рабочие заявили, например, что они желают продавать ситец по спекулятивной цене, так же, как продается хлеб. А хлеб — 100 р. пуд. А я, как представитель власти, заявляю: «Извините, пожалуйста, фабрики не ваши, а принадлежат всему трудящемуся народу; вы — только исполнители его воли». И ни один рабочий не заявил претензии против такого рассуждения. И как мы говорили рабочим, что Пу́тиловский завод не ваш, вы не имеете права растащить его по частям, так мы говорим и вам про имения: что коммуны, это — ваше местное, а советские имения принадлежат трудящимся всего государства. У кого есть на грош совести, кто думает не только о сегодняшнем дне, кто думает и знает, что на земле он находится не один, у того язык не повернется сказать, что в волости не нужно двух советских имений.

Может-быть, там очень плохо поставлено дело. Тогда за это нужно карать, и нужно учить их,—ведь мы сразу не можем ничего наладить. Если мы разделим все советские имения, тогда рабочие прямо нам бросят упрек, что вот, мол, крестьяне кусочка земли не оставили в волости для общего пользования. А вы не забывайте, что рабочие больше вас голодают. Ведь разделить совсем не трудно, а вот трудно наладить, поставить имение так, чтобы оно приносило бо́льшую пользу. Здесь говорят некоторые, что нет избы, ни леса, и чтобы сейчас поставить самое убогое хозяйство, надо не менее тысячи рублей. А у иного человека и гроша за душой нет. Вот куда же мы таких девать станем? Вы, конечно, скажете, что они крохами пропитаются. А я знаю хорошо, как этими крохами питаются сироты.

Тут умник один заявил, что земля отдана не крестьянам. А кто же живет в имениях и коммунах?

*

Крестьяне. Помещица живет.

Калинин. Это—единичный случай. Чего же его раздувать! Случай возможен. Потом относительно священника. Я вот богу не молюсь, и мне он совсем не нужен.

Крестьяне. А нам он желателен.

Калинин. Ну, вот, значит, и священник вам нужен, а земли ему не даете. Если не даете земли, то должны платить мукой. Вот у нас в деревне тоже не хотели священнику давать землю, а когда он сказал, что совсем уедет, ему тогда и дали. Еще раз о совхозах кто-то спрашивает. Ну, что ж, я вам такой пример дам. Получили, например, вы тысячу рублей. И что лучше с этими деньгами сделать? Построить ли хорошую мельницу для общего пользования, или раздать, чтобы у каждого было в кармане по рублику? Ведь, я думаю, конечно, построить лучше мельницу, хотя это сразу и не даст ощутительных результатов.

Я получил записку, в которой спрашивают, почему мы в начале власти говорили: «Долой войну», а теперь сами ее продолжаем? Мы всегда говорили и будем говорить, что мы являемся противниками войны крестьян с крестьянами и рабочих с рабочими. Раньше наши рабочие и крестьяне защищали интересы русского капитализма, а рабочие Германии — интересы немецкого капитализма. И от этой войны ни рабочий ни крестьянин не получали ничего, кроме разорения. А теперь идет война из-за того, что рабочие и крестьяне захватили фабрики и имения. Большинство имений находится в руках крестьянина или в виде коммун, или так разделены. И разве мы объявляем войну Колчаку? Колчак с помещиками идет против нас, потому что мы выгнали его из имений, лишили его привилегий. Он идет сам и посылает крестьян, которые там живут. Мы в Смоленске спрашивали у крестьян-перебежчиков: почему они сразу не переходят к нам? А они говорят, что на каждые 10 человек — офицер с пулеметом. Вы думаете, что вы спрячетесь в кустик, когда придет Колчак? Буржуазия везде найдет вас. Когда белогвардейцы захватили власть в Финляндии, то они целые тысячи рабочих и крестьян повесили. И сейчас, если возвратится в Смоленск Оболенский и другие помещики, то вы думаете, что он будет искать и преследовать только большевиков? У вас в Смоленске большевиков-то всего на всего только 100 человек, да 50 перед приходом Колчака скроются. А вы думаете, что эти колчаковцы-помещики успокоятся 50-ю боль-

шевиками? Не успокоятся! Помимо того, что они возвратят себе имения и земли, они взыщут с вас и те убытки за два года, которые потерпели, и тогда уже наверное 20% вас будет убито; а кто сейчас в кустах дезертирствовал, тот тоже будет расстрелян, его вовсе не пощадят. И нам сейчас нет другого выхода, как задушить их; а когда задушим, то и война сама собою кончится.

Если вы объясняете дезертирство тем, что тяжело крестьянам живется, то ведь нужно помнить, что мы и власть взяли, и боремся за то, чтобы лучше жилось. Нужно помнить, что Россию мы взяли голодную, разоренную. Мы напрягаем все силы, чтобы улучшить, наладить жизнь. Ясно, что если мы переживем этот момент, если мы сумеем отразить нападение и этим кончим войну, мы сможем все наши силы направить на налаживание народного хозяйства и улучшение крестьянской жизни.

(Затем выступают представители поезда «Октябрьская Революция» давая ответы по всем местным текущим делам, часть которых разбирает лично т. Калинин.)

О ЖАЛОБАХ И ОБИДАХ.

На митинге в прифронтовой полосе, в гор. Вольске, Саратовской губ.

24 июля 1919 года.

Товарищи, я не сомневаюсь, рабочие и крестьяне могут заявить ряд неудовольствий на Советскую власть.

Не всегда она стоит на высоте положения. У нас есть и будет много ошибок. Что это значит? Значит ли это, что рабоче-крестьянское правительство состоит из людей, которые задались целью давить все население, задались целью дискредитировать себя? Главная причина, почему так много криков против Советской власти, та, что Советская власть всегда больше задевает интересы имущих. Сейчас, когда идет отчаянная война, это особенно чувствуется. В деревне Советская власть задевает в огромном большинстве интересы имущих крестьян,—того крестьянства, которое привыкло быть волостным старшиной, которое привыкло, чтобы его встречали с почетом.

Когда угнетатели рабочих жили сладко и беспечно, бедствовавшим рабочим и крестьянству жилось невероятно тяжело, и за них никто не кричал. Их же собственного крика не было слышно. Казалось, будто царское правительство распространяет мир и благоволение, будто все довольны. А теперь? В большинстве случаев, — это ясно всем, — пострадавшим является имущий класс. У кого отбирают дома, реквизируют товары? Кого выселяют из квартиры? У бедняков буржуазия и помещики умели в свое время конфисковывать, и так конфисковать, что когда магазины были полны товаром, когда рынки были переполнены яствами и питьями, бедняки ходили нагие, босые, голодные и холодные. Вот как буржуазия умела конфисковывать и реквизировать. И никто

не плакал, никто не проклинал грабителей. Правительство считали добрым, его все почитали и уважали, и сам бог помазал его елеем. *(Смех и аплодисменты.)* К сожалению, мы еще не выполнили своего долга перед рабочим классом и крестьянством. Мне совестно, что сейчас, когда у нас разутая и раздетая армия,— здесь, на набережной, сытая, в великолепных ботинках, в беленьких костюмчиках гуляет бездельная публика. *(Апл.)* И это в то время, когда некому убирать урожай. Сотни бездельников — и некому убирать урожай. *(Апл.)* Нет, товарищи, все крики и шум, будто мы чересчур жестоки, это — лицемерие. Мы чересчур добры к буржуазии, чересчур мягкосердечны. Нас можно обвинять в том, что мы вот не снимаем эти ботиночки, что мы слишком церемонимся, и за их счет не стараемся одевать солдаток,—вот за что нас можно обвинять. *(Апл.)* Мы переживаем в высшей степени острый момент, когда одни с надеждой ждут побед Красной армии над Деникиным, а другие, в том числе, к сожалению, огромное количество служащих в наших советских учреждениях, ждут—не дождутся, когда к ним придет Деникин. *(Апл.)* К величайшему сожалению, мы вынуждены еще обращаться к людям из буржуазии, вынуждены заставлять их работать в наших учреждениях. Мы все делаем, чтобы рабочие и крестьяне приучались к управлению как в советах, так и на фабриках и заводах и в военных учреждениях. Но ясно, что сразу тут ничего сделать нельзя. Кричат караул, когда мы из деревни отбираем лишний хлеб. Объезжая Самарскую и Саратовскую губернии, мы встречаем хлеб урожая 1909 года. Это—когда Красная армия сплошь да рядом не получает пайка. В деревне есть наши работники, они знают, что есть огромное количество спрятанного хлеба и не доводят об этом до сведения властей. Результат получается печальный. Есть и другая сторона вопроса: когда требуется произвести уборку урожая, совет должен заставить из населения здешнего города, состоящего приблизительно из 50 000 человек, выделить тысяч 10 и помочь крестьянам жать хлеб. Пора, товарищи, знать городским жителям, как растет хлеб, пора на собственной спине узнать, как его приходится косить и складывать. Если вы поработаете две недели, может-быть, немножко загорят ваши лица, но зато ваше здоровье окрепнет, и прибавится в то же время у вас уважения к труду крестьянина, к труду рабочего. *(Апл.)* Много сделано упущений Советской властью. В большинстве наиболее дурные представители Советской власти, это — люди, вышедшие не из рабочих и крестьян, а из мелкой и более

крупной буржуазии. Конечно, иногда и отдельные рабочие или крестьяне,—например, в деревне комитет бедноты—прикладывали руку к беззакониям. Но посмотрим на эти беззакония: то у богатого крестьянина телку зарезали и съели, то еще что-нибудь в этом роде.

Кто эту телку съел? Телку съел комитет бедноты, который, может-быть, за всю жизнь никогда не ел телятины. *(Апл.)* И когда ко мне приходят и жалуются, то я говорю: «Как вам не стыдно? Вы десятки телок отбирали у бедноты перед самой пасхой. И когда раз в жизни рабочий или бедняк-крестьянин захватил власть и съел одну телку, вы уже кричите караул». *(Апл.)* И я скажу вам, что большинство людей, которые приходят ко мне, соглашается с этими доводами; да и нельзя не согласиться, потому что ведь это же—правда. И им становилось даже стыдно за эти жалобы. Рабочие и крестьяне — слишком благородный народ, мы слишком великодушны. Наши враги, которые сейчас убивают наших сыновей, которые там командуют, все эти офицеры и генералы были в наших руках. По нашей крестьянской и рабочей слабости мы их отпустили. А они теперь в благодарность обвесили фонарные столбы в Харькове и Екатеринославе телами рабочих. Разве мы расправлялись так с буржуазией?

Рабочий класс и крестьянство слишком добры, потому что новый класс, который появляется у власти, является молодым классом, а молодость всегда добра. Она не видит злого. И вот, когда мы одного буржуя расстреляли, то уже со всех сторон кричат: «Караул, вы расстреливаете своих врагов». Нет, товарищи, это—не жестокость, а печальная и вынужденная необходимость защиты рабочего класса: выхода иного нет. Это—все равно, что берут тебя за горло, чтобы задушить, и, чтобы спастись, единственный способ, это — схватить за горло врага.

Вот в таком же положении находится рабоче-крестьянский класс по отношению к буржуазии. У нас представители власти не столь умны, хитры и лицемерны, как у буржуазии. Калинин никогда не сможет так обманывать, как смогут лицемерить Вильсон, Ллойд-Джордж и Клемансо, ибо Калинину некогда было приучаться за сохой да за станком к лицемерию. Там приучишься к грубости, топорности, не научишься пройти галантно по паркету, красиво изогнуться перед дамой. *(Апл.)* Это совершенно правильно. Когда меня избрали председателем ВЦИК, я прямо поставил этот вопрос, что я не знаю, как я буду в сапогах, —

я еще не привык к изысканному обществу, чорт знает, может-быть еще придется с Клемансо мир заключать. *(Аплодисменты, смех.)* Но товарищ Ленин говорит: «Ладно, не все же нам приучаться к их благородству, пусть и они немножко приучатся к нашей грубости». *(Смех и аплодисменты.)*

Вот что сказал один из величайших наших учителей. Это дало мне смелость. В самом деле, пусть я груб, но я—представитель большинства народа. Я смело везде заявляю: поставьте Гучкова, Милюкова, самых ученых профессоров, дворян, — и они никогда не будут представлять большинства народа. Когда у нас большинство грубо, так позвольте и их представителю быть грубым. Вот когда мы немножко культивируемся, когда мы сделаем школы общими, тогда мы нашу серую кость немножко побелим, а вашу подчерним, и тогда сделаемся равными. *(Апл.)* Тогда мы будем, как теперешний ситный хлеб: он и не крупчатка, и в то же время получше ржаного, — так себе, серединка. *(Смех и аплодисменты.)*

Такое правительство хотим мы создать, и народ чтоб такой же был, чтобы все были равны. Как мы не хотим заплесневелого хлеба, так не хотим, чтобы по-старому люди, которые работают изо дня в день, помирали у барки; а, с другой стороны, чтобы в этих великолепных хоромах рождались те, кто ничего не делает и всю жизнь прожигает с распутными женщинами. *(Апл.)* Мы хотим, чтобы этого не было. Мы хотим, чтобы каждый родился на чистом холсте и в чистом холсте помирал, чтобы каждый мог лежать в люльке и быть похороненным в гробишке.

В этом, — задача Советской власти. Из-за этого проявляется ненависть к рабоче-крестьянской власти со стороны тех классов, которые были раньше в привилегированном состоянии. Но, конечно, товарищи, чтобы все сделать, чтобы кость, с одной стороны, подчернить, а с другой — побелить, требуется длительная работа. У нас нет опыта и знаний и старой культурности, а новую культурность в одну неделю не сделаешь. И все-таки за эти полтора года наша власть сильно улучшилась. И я могу бросить упрек всем буржуазным, всем интеллигентным слоям: «Посмотрите, — у этого голодного, некультурного большевистского правительства ребятишки в приютах сыты и одеты. Видели ли вы в приютах это при самодержавии, когда хлебом свиней кормили (не здесь, а в Петрограде, — здесь-то и сейчас продолжают кормить). Из вас каждый видел, какие были ребятишки. 75% умирало. А теперь

посмотрите: чем эти ребятишки отличаются от обыкновенных ребятишек, которые воспитываются в семье?

Мы некультурны, но при отчаянной голодовке, уделяя последнее от голодающих Питера и Москвы, последний кусок пихали в приюты, болея за молодое поколение, отлично понимая, что это молодое поколение—наша надежда, что там—и коммунизм, и просвещение, и побеление кости. Мы, старики, нашу кость уж не забелим.

Я не принадлежу к мечтателям, — мечтателя-крестьянина нет. И все же я глубоко уверен, что деникинские банды будут разбиты. Деникина мы победим. Уверенность эту мне дает то, что когда губернии начинали заниматься деникинскими бандами, то сразу все вставали за Советскую власть, — дезертиров как не бывало. Ни одна чрезвычайка так не вычистит, как приближение деникинцев. Деникину, старому царскому генералу, власти над рабочими и крестьянами не видать. *(Апл.)*

Конечно, мы часто спорим, ругаемся между собою. Но мы — своя семья, ругаемся в своей семье. И Деникин, который хочет построить свою победу на том, что крестьяне и рабочие разойдутся, а он в этот момент разобьет рабочих, а потом добьет и крестьян,—этого не дождется. Союз рабочих и крестьян делается с каждым днем теснее. Теперь, когда мы захватили Урал и пробьем дорогу в Ташкент, недалек и тот момент, когда Донецкий бассейн будет в наших руках. Тогда рабочий не потребует хлеба задаром; он покажет, как умеет налаживать фабрики и заводы. Лишь бы только сырье и топливо были, и работа закипит. Петроградский «Скороход» и сейчас работает гораздо лучше, — выработанных сапог на каждого рабочего падает гораздо больше, чем при самодержавии. И только потому у нас не хватает сапог, что вообще не хватает кожи.

Общим натиском рабочих и крестьян мы нанесем окончательный удар белогвардейским бандам. А что касается Красной армии, то она имеет свойство, которого не имеет ни одна буржуазная армия. Вот она бежит, совершенно разваливается, и вдруг, смотришь, она снова поднялась, как ванька-встанька, и снова уже бьет врага. Давно ли сильно наступали враги с восточного фронта? Давно ли Колчак собирался на автомобиле или на белом коне въехать в Москву? Он уже не в Москве, а за Уралом. И того коня, которого приготовляет себе Деникин, мы столкнем вместе с ним в Азовское море. *(Апл.)* Да здравствует победа нашей Красной армии! *(Бурные аплодисменты.)*

ЧТО МЫ ЗАЩИЩАЕМ.

В селе Золотом, Саратовской губернии и уезда.

29 июля 1919 года.

Минин (член Реввоенсовета 10 армии). Товарищи, вчера я предупреждал, что у нас ожидается дорогой гость, М. И. Калинин. Сегодня это обещание и наше общее желание исполнилось. Нет в мире страны, такой великой по размерам и населению, где бы во главе стоял простой труженик—крестьянин и рабочий. Только вы, товарищи, своими руками и своим оружием сбросившие с трона помещиков и капиталистов, добились того, что можете сами из своей среды избрать любого труженика, достойного стоять на вершине государственной власти.

Вот, товарищи, ваше завоевание—перед вами. Крестьянин-середняк Тверской губернии, пролетарий петроградского завода, человек, не знавший роскоши, знакомый только с романовскими застенками, этот человек — президент величайшей в мире рабоче-крестьянской республики — прибыл сюда, чтобы с вами сердечно побрататься, порадоваться вашими радостями и переболеть вашими болезнями. Вы оцените этот великий момент в жизни каждого из вас и в жизни этого села. Позвольте же мне от имени нашей Красной армии, неутомимой в боях, понесшей огромные жертвы, но все же отражающей натиск врага, а также от крестьян-тружеников населения села Золотого передать братский, товарищеский привет и низкий поклон нашему президенту, голове нашего рабоче-крестьянского правительства, товарищу М. И. Калинину. *(Бурные аплодисменты.)*

Калинин. Товарищи красноармейцы, крестьяне и крестьянки села Золотого. Конечно, еще мало, что во главе правительства стоит рабочий или крестьянин: от этого ни рабочий

ни крестьянин сыт не будет. Здесь вопрос состоит в том: что эта власть, — является ли она крестьянской властью? Действительно ли я защищаю интересы рабочих и крестьян? И все поступки, все поведение власти совпадает ли с интересами рабочих и крестьян?

Я думаю, что рабоче-крестьянская власть со своей стороны все делает в интересах только рабочих и крестьян, хотя она и реквизирует у крестьян последнюю лошадь, хотя она посылает крестьян и рабочих в окопы, посылает даже на смерть, ибо мы знаем, что многие из нас из этих окопов не возвращаются. До сих пор нас спрашивают: что дала рабоче-крестьянская власть всему народу? И надо признаться, скажу открыто, что мы народу дали очень мало и в ближайшем будущем немногое сможем дать. До тех пор пока враг не будет разбит окончательно, пока рабочие целиком не приступят к спокойной работе на фабриках и заводах, а крестьяне—на полях, до тех пор мы многого и крестьянину и рабочему дать не можем. Ведь подумайте сами: не может же Калинин высосать из пальца мануфактуру для крестьян, не может выжать из пальца хлеба для петроградских и московских рабочих, не может высосать бархат и всякие другие штуки. Все эти штуки проедены и растрачены буржуазией на полях сражений; все высосано за эти 4—5 лет, когда огромный процент полей не обрабатывался, огромное количество фабрик и заводов стояло и стоит без работы. Мы из этого положения можем выйти только тогда, когда победим нашего врага.

Хороший строй государства не создается, конечно, в Москве, не создается Калининым: он создается здесь, на местах, в каждой деревне, в каждой волости, уезде и губернии. Вы должны налаживать власть у себя, устраивать хозяйство. Если наладить на низах, то это отзовется наверху.

Нас обвиняют, что мы тормозим работу: то реквизируем, то конфискуем, то не велим свободно хлеб продавать, то не велим покупать. Я думаю, товарищи, что эти упреки необоснованы. Когда рабочие и крестьяне захватили власть, то для чего они захватили власть? Ведь дворяне, помещики и капиталисты, начиная с колыбели и кончая могилой, могли, ничего не делая, пользоваться всеми благами мира, есть, пить, проживать по заграницам народные денежки, пьянствовать, гулять. Целые тысячи были людей бездельничающих, вечно пьянствующих, вечно танцующих, великолепно одевающихся и по всему миру слоняющихся. Рабочие и крестьяне на них работали, все лучшее

отдавали им. Мы захватили власть, чтобы наши деньги, наш пот и труд не пропивались за границей, чтобы эту тунеядствующую братию заставить трудиться, жить поэкономнее.

И когда мы появились у власти, то первая наша работа была в этом направлении. Мы начали конфисковывать дома. Мы не брали крестьянские дома: мы конфисковали дома, которые давали возможность владельцу жить в Италии и купаться в приятных для белого тела водах. Мы взяли эти дома, взяли их земли, поместья. Скажите, правильно ли мы поступили? *(Голоса: «правильно!»)* И вот за этот главный наш поступок мы получили тысячи врагов, которые с нами борются не на живот, а на смерть. А целые миллионы дураков подпевали около этой тысячи врагов. Мы отбирали фабрики и заводы, отбирали имения. Мы поступали, как вы сказали сами, правильно. И вот сейчас за это ведется борьба.

Конечно, я не хочу закрывать глаза на то, что среди нашей власти есть много негодных элементов. Среди нас есть много врагов, которые пролезают везде, вплоть до командующих. Вы, конечно, понимаете, что у меня нет желания поставить в командующие старого царского генерала. Но что же делать? Сейчас мы обучаем красных офицеров, выпустили уже до 3000, но этого мало, и, конечно, эти красные офицеры—не ахти какие. Но все же лучше плохонький, да свой, чем хороший, да деникинец. И мы посылаем их на фронты, там они уже становятся лучше, учатся на ошибках.

И так, товарищи, обстоит во всех органах управления. Сейчас мы открываем школы. Царь боялся школ, как чорт ладана, потому что, когда народ будет культурный, от он никогда не согласится быть бессловесной скотиной, по которой безнаказанно гуляла бы жандармская нагайка, он никогда не согласился бы на вечное угнетение. А мы сейчас открываем везде школы, потому что нам нужны честные работники из рабоче-крестьянской среды. К нам примазалось много сволочи. Но покажите мне правительство, где нет жуликов. Возьмите американское правительство, — там большое количество жуликов. Да это так ясно. Власть, это—жирный пирог, и жулик к нему ужом пролезет.

Но что жулики, это — полгоря. Мы каждую минуту всеми способами стараемся продвинуть мало-мальски разумного крестьянина и рабочего. В них—наша база, наша основа власти. Мы за 2—3 года должны назначить всюду рабочих и крестьян так же, как дворяне раньше всюду пихали дворян. Вспомните: мог ли крестья-

нин сделаться губернатором, министром? Везде сидели дворянчики. А почему? Потому, что крестьян боялись. А теперь мы боимся дворян, купцов, помещиков. Они изменяют, предают нас, сознательно нас саботируют. В учреждениях у нас саботаж огромный, и концов никогда не найдешь. И в этом отношении у нас должна быть проделана огромная работа с низов. Многие крестьяне не идут в исполнительные комитеты, говоря: «Там Ванюха посидит, мирских денег нет, растратить нечего». А когда Ванюха схватил за горло, то кричат: «Караул, Советская власть плохая». Наши враги думают, что нам не справиться с большой задачей, которую мы на себя взяли. Они говорят, что у нас нет хороших организаторов, культурных людей, они стараются столкнуть лбами рабочих и крестьян, чтобы потом воспользоваться дракой и разбить сначала одного, а потом и другого. Конечно, мы глупее в сравнении с ними. Конечно, Калинин глупее Ллойд-Джорджа. Да и целый ряд наших офицеров глупее английских и французских офицеров. Но я думаю, что у нас ума хватит, чтобы бороться зубами и ногами с нашим вековечным врагом. Пора нам нашу черную кость немножко побелить. Мы загрубели, зачернели. Нас превращали в рабочую скотинку, а другие, напротив, с каждым днем становились более холеными, изящными. Когда на улице встречаются крестьянин и дворянин или крестьянка и дворянка, то ведь мы кажемся точно черные негры, а они — особенные, богом помазанные люди; а отчего это происходит? Оттого, что мы своим потом и кровью все время их белили, а они—нагайками нас чернили. Теперь нам нужно немножко сравниться: подчернить их, и чтобы наша кровь была покраснее; чтобы они приучались к работе, а нам чтобы работы было поменьше. Вот из-за этого-то у нас и происходит ожесточенная борьба.

Пощады здесь не будет,—это надо сказать определенно: или победим мы, или они; середины, товарищи, нет,—скрыться некуда. Можно сказать: бросьте все, пусть приходят Деникины, Гучковы, приводят оставшихся в живых Романовых, пусть царствуют. Это будет значить, что мы снова на несколько столетий будем им подчиняться. Что значит нам мириться? Это значит—возвратить на собственную рожу все плевки, которыми мы оплевали офицерство. Надо будет надеть им погоны, надо будет заплатить за все имения. У вас, может-быть, их мало, а по всей России очень много имений, которые два года не приносили помещику никакой прибыли. Ведь эту прибыль надо будет запла-

тить! И Романовы тоже за это время обеднели, похудели,—их надо будет подкормить. Кроме того, надо будет проценты заплатить английским и французским банкирам. Романовы задолжали десятки миллиардов Франции, Англии и другим державам. И вот большевики по своей серости и грубости не платят. Как вы считаете, правильно они поступают? *(Дружно хором: «правильно»; аплодисменты.)* Но мы бы и согласились еще,—чорт с вами, — рабочие и крестьяне привыкли работать, мы бы отработали... Вы помните крепостную зависимость? Если бы помещики отдали землю, то крестьяне наверняка бы сказали: «уплатим сторицею всякие оброки, только оставьте нас». Но этого мало. Вы знаете, что если придет Деникин, то перво-наперво он должен будет успокоить крестьян. Будет гулять нагайка, будет казачий разгул. А разве выдержит наше ретивое? Пойдут бунты, беспорядки, новое восстание, снова польется кровь... Помещики, чтобы удержать власть, будут побивать крестьян и рабочих, — они будут избивать не большевиков и коммунистов (ведь коммунистов—единицы, да и прятаться мы лучше умеем), а рабочих и крестьян.

Коммунисты, это — только вожаки, которые умеют отражать, выявлять словами ту душу, те страдания, которые рабочие и крестьяне переживают, и указывать выход и путь борьбы. Только в этом наша сила, и Деникин это знает. Когда говорят о коммунистах, то он великолепно понимает, что коммунистов—единицы. Разве огромную миллионную Россию могут двинуть коммунисты? Нет, здесь выливаются тысячелетние страдания народа. И выхода нам из этого положения нет. Мы—в тупике. Могут сказать: «А зачем мы зашли в такой тупик, из которого нет выхода?». Я скажу, что ведь и раньше нам выхода не было также. Я вот 30 лет работал на фабрике и в крестьянском хозяйстве. Я помню, что у моего отца была изба в три окна, и он все думал: «Построюсь». И когда помирал, то не успел доложить трубу, а я только теперь выложил трубу. Вот каково крестьянское хозяйство. И я знаю, что, когда я буду помирать (если, конечно, не буду председателем), опять-таки труба развалится, и сыну придется ее снова докладывать. Ведь из 10 000 крестьян вылезают в кулаки отдельные личности, которые потом проходят в купцы первой гильдии, а там, смотришь, и в дворянство, и кость начинает белиться. А всем остальным выхода нет. Нагайка хлестала нас постоянно. Не было года, чтобы тысячи рабочих не были загнаны по тюрьмам, чтобы сотни

тысяч крестьян и рабочих не были выпороты. Выхода нам не было.

А теперь наше положение другое. Теперь большинство Российской Советской Республики в наших руках. У нас есть и пушки и пулеметы. У нас есть даже старые царские генералы, которые уверены в нашей победе, которые говорят, что Деникин — мыльный пузырь. Так говорят старые генералы. Может-быть, конечно, они и обманывают, но они говорят, что тыл у врага невелик и что мы его побьем. Давно ли Колчак был страшным врагом, подходил к Волге? Я был тогда на восточном фронте, и вот-вот, казалось, мы будем побиты. Но... снова поднялся рабочий класс и крестьянство, и за тысячу верст откатился Колчак. Откатился гораздо дальше, чем нас откатил Деникин.

Мы сейчас если и делаем ошибки, то на этих ошибках учимся, потому что нам иного выхода нет. Рабочие и крестьяне слишком глубоко сознали, что этот момент—слишком ценный, когда в своих руках имеются и пушки и оружие, когда имеем возможность лицом к лицу биться с врагом. Ведь было время, когда нас били, а мы только подставляли спину. А теперь и мы бьем.

Рабочие и крестьяне должны быть бдительны, за врагом надо следить строго,—он умен и хитер, а на нас невероятно зол, и более зол, чем мы против него. Народ всегда добр. Мы упустили многих из рук, мы сказали: «Иди, хороший человек». А этот хороший человек вот какую теперь штуку выкинул. Теперь мы должны быть умнее: мы должны расправляться, потому что каждая его голова обойдется в десять наших.

Восточный фронт побит, а на южном фронте мы до сих пор отступали, хотя и медленно. В то же время часть городов у нас отобрана. Давайте же, приложим теперь последние усилия. Если есть непорядки, если есть безобразия, неправильности, если часть крестьян и рабочих недовольна, то, товарищи, между собою сговориться мы всегда успеем.

Смотрите: дворяне и помещики вечно ругаются, а теперь они объединились; они сознают, что в своей семье они всегда успеют поругаться. И мы в своей семье всегда успеем сговориться. А сейчас все внимание должны направить на то, чтобы разбить нашего общего врага. Пусть каждый красноармеец, каждый крестьянин проникнется убеждением, что не может же многомиллионный народ снова быть захваченным кучкой насильников, которые истерзали его душу.

Как только мы побьем Деникина, то,—конечно, с большим трудом и трениями,—но все-таки наладим жизнь. Нищих, раздетых и разутых в нашем государстве не может быть и не будет, и не потому, что так хочет Калинин, а потому, что этого не позволит сделать честной мир. А наш враг хочет, чтобы над рабочими и крестьянами опять свободно гуляла плетка. Они хотят опять иметь нищих, над которыми бы они издевались. Неужели свободные русские крестьяне и рабочие, которые чувствуют, что их плечи разогнулись, что они начинают быть творцами, хозяевами собственной жизни,—неужели они в этот момент не приложат усилий, чтобы деникинские банды сбросить в Черное и Азовское моря, утопить их на вечные века! *(Бурные продолжительные аплодисменты.)*

ЧЬЯ ПЕРЕТЯНЕТ.

Речь на митинге в городе Балашове, Саратовской губ.

31 июля 1919 года.

Перед выступлением т. Калинина выступали местные рабочие и крестьяне. Одна крестьянка, жена красноармейца, с гневом и дрожью в голосе рассказывала, как в одной волости несколько жителей учинили расправу над одним коммунистом; убив его, они привязали его к дереву и натравили на него собак.

Калинин. Товарищи красноармейцы и рабочие города Балашова! Сегодня здесь перед нами насыпан холм над одной из жертв народного невежества.

Я смело скажу, что это есть жертва народного невежества, народной темноты и лицемерия дворянства. Те люди, которые привязывали собаку к этому трупу, нам, болеющим душою вместе с крестьянством и рабочим классом России, хорошо известны. Нам слишком известны эти дикие картины. Разве несколько лет назад не были разбиты бараки и не были растерзаны доктора, а тела их рассеяны по ветру темными народными массами юга России?

С тех пор как рабочий класс и крестьянство начали бороться против самодержавия, оно всегда в трудную минуту выкидывало на съедение темной массе или еврейскую семью, или какого-нибудь агента «англичанки», или еще кого-нибудь. Они выкидывали их на съедение этой измученной, истерзанной, угнетенной толпе, и толпа не замечала своих цепей, не скидывала тех цепей, которые опутывали ее. Много честных людей в России погибло от самодержавия в тундрах Сибири и в каторге. Мы сейчас ставим памятники не только коммунистам.

Я не сомневаюсь, товарищи, — над этой безвременной могилой будет воздвигнут памятник. Погребенный здесь, может-быть, немного сделал для народа. Но это немногое было все, что он

мог сделать по тем талантам и тому образованию, которое он мог получить в России.

Разве мы можем обвинять только-что закопанного товарища, что он мало дал? Он не мог много дать, потому что самодержавные железные кольца не дали ему образования. Но он русскому народу отдал все. Он отдал свою жизнь, и Россия его не забудет. Те люди, которые думают, что этой собакой опозорена память человека, глубоко заблуждаются. Память о нем будет вечна. А тех, которых хоронили в аксельбантах под бархатным покрывалом, забывают с самого дня похорон.

Не знаю, доволен ли Балашов, что приехал я, представитель власти. Ведь у вас только-что побывали представители власти более яркие, в золотых погонах, изящные, умеющие более красиво говорить. *(Аплодисменты.)* У вас побывали представители власти, которых признает вся буржуазная Европа, представители белого дворянского класса. А я являюсь представителем черного, рабочего класса, крестьянского класса, я являюсь самым обыкновенным грубым мужиком. Рабоче-крестьянский люд выдвинул такого представителя власти, какого он хочет сам, а так как он сам в большинстве груб и черен, то он и представителя власти выдвинул грубого и черного мужика. *(Аплодисменты.)* Может-быть, многим балашовским гражданам не нравится иметь во главе государства одного из самых рядовых рабочих и крестьян, который не умеет расшаркиваться не только перед заграничными женами Вильсона и Ллойд-Джорджа, но даже и перед прекрасными буржуазными девицами города Балашова. *(Аплодисменты.)* Да, нам некогда было учиться расшаркиваться. Мы вышли из тех рядов, которые борются со своим вековечным врагом, с дворянско-помещичьим и капиталистическим классом.

Два года мы ведем беспощадную кровавую борьбу. В этой борьбе многие отдельные рабочие трусят и перебегают на сторону наших врагов. Это вполне естественно. Пусть отдельные лица любят развратную и грязную буржуазию, но пусть они открыто идут к ней. Пусть каждый человек борется за свои принципы и идеалы. Мой идеал, мое счастье заключается в том, чтобы отправить на тот свет всю буржуазию, всех помещиков, всех врагов рабочего класса и крестьянства. *(Аплодисменты.)* Тогда, я думаю, рабочий класс и крестьянство сумеют своими руками устроить мир лучший, чем был мир до сих пор.

Может-быть, мы ошибаемся, но позвольте нам наши ошибки исправить собственными руками, позвольте не поручать этого

делать Деникину и Колчаку, царским генералам, которые владели нами сотни лет и при которых наше счастье выражалось в постоянном поронии на конюшнях. Деникины могут только вернуть нам конюшни, полицейские застенки и разгул казачьих и стражнических нагаек.

Мы испытали теперь новое счастье. Советская власть существует полтора года. Что она дала? Правда, она дала комиссаров, из которых некоторые так же великолепно умеют гулять с плеткой по улицам, так же умеют сажать в тюрьмы, так же умеют воровать, мошенничать, жульничать, брать взятки, как старая полиция. Все это правда. Я не скрываю, да и было бы смешно скрывать. Все об этом знают. *(Аплодисменты.)* Я говорю: правда, что среди Советской власти много дурного элемента. Но я скажу вам также, что наши враги видят сучок в чужом глазу. Пусть они укажут хоть одно правительство в мире, где бы не было в правительстве спекулянтов, воров, взяточников. И спекулянничают они, воруют и взяточничают в тысячу раз больше, чем у нас. У нас за спекуляцию каждый пойманный коммунист расстреливается безусловно, беспартийный сажается на 15 лет. Конечно, всех сразу не выловишь, но никто не может сказать, что мы их не вылавливаем. С укреплением власти мы их всех повыловим.

Самая лучшая школа для рабочих и крестьян, это — попробовать на деле. Я со своей стороны предлагал шутя В. И. Ленину (он посмеялся, но согласился со мною), чтобы в каждую губернию на один месяц посадить Деникина, и пусть граждане посмотрели бы, какова его власть, и сравнили, где лучше. Я не сомневаюсь, что как мы ни грубы, как мы ни жестоки, но мы ни к одному трупу деникинца собаки не привязывали бы. Я могу уверенно сказать, что если бы всех испытать по всей России, то единицы пошли бы за Деникиным, а огромное большинство сказало бы: «Плоха Советская власть, но она лучше, чем Деникины». *(Голоса: «правильно!». Аплодисменты.)*

Почему же Советская власть плоха? А по очень естественной причине. Нас здесь сейчас около 3000, а скажите по совести, из этих 3000 человек 300 ведь еле-еле знают грамоту. Правильно это? *(Голоса: «правильно!».)* А ведь мы управляем. И Калинин чуть-чуть только знает грамоту. Разница только та, что он побольше сидел в тюрьме и там побольше читал. *(Смех и громкие аплодисменты.)* В этом только разница между вами и мною. И вот — я стою во главе управления всей Россией.

М. И. Калинин на крестьянском митинге.

Конечно, ошибок делаем много. Но посмотрите, ведь вы в деревне не можете справиться со своими маленькими спекулянтами, с теми, кто закапывает хлеб. Но если вы в деревне не можете справиться, то мне в Москве в сто раз хуже справляться с буржуазией. И, конечно, у нас очень много дурного. Достаточно сказать, что у нас в Советской власти, помимо дураков (дураков много, это — факт), много есть наших врагов, которые примазываются сознательно. Есть посланные от Деникина, Колчака. У меня встречались такие факты. Когда я был на восточном фронте, то я арестовал 70 человек наемных агентов Колчака. Ясно, что̀ они делали. Когда бедняк придет, они его в шею выгоняли, все время старались показать: вот тебе Советская власть, в зубы тебе Советскую власть! *(Аплодисменты.)* Они это делали и должны были это делать, потому что они исполняли веления Колчака.

В общем, конечно, Советская власть находится в очень трудных обстоятельствах. Но в тех местах, где Деникин побудет месяцев 5—6 или где Колчак пробыл год, там Советская власть пустила глубокие корни. Теперь наши войска идут по Сибири церемониальным маршем. Сибирские крестьяне — не балашовским чета. Балашовский мужик имеет пару коров да лошадь,— и говорят: «кулак», и он уже боится, что большевики отымут корову или лошадь. А сибирский мужик имеет 25 коров да 15 лошадей, а теперь они все пошли бороться в Красную армию против Колчака. Вот, товарищи, как крепко утвердил Колчак Советскую власть в Сибири. *(Аплодисменты.)*

Точно так же Советская власть укрепляется и на Дону. Вот вам лучший пример, — казак, говоривший передо мною. Мне кажется, казак не фальшивый, — видно и по лицу; страшноват только, да все казаки страшные. *(Смех и аплодисменты.)* И, товарищи, такие вот нефальшивые казаки на нашей стороне — не единицы. В прошлом году с нами были только те казаки, которые боролись в Питере, которые против самодержавия боролись. Их были единицы, а теперь товарищ Ермаков вам скажет, что у нас — самые лучшие кавалеристы-казаки, перешедшие от Деникина, и теперь мы уже деникинских казаков бьем советскими казаками. Вот, товарищи, как растет Советская власть. Она растет не потому, что Советская власть хороша (и я не очень хорош), — она растет потому, что Деникин-то — уже совсем сволочь *(смех)*, что Деникин — враг рабочих и крестьян, и враг беспощадный. На русских рабочих и крестьян он смотрит как на

собак, и не может иначе смотреть. Вы помните, товарищи, как—бывало—помещицы шли в баню мыться и около них были мужики, а они говорили: «Чего я буду стыдиться перед мужиком: это—не человек». *(Смех.)* Вот вы, товарищи, смеетесь, а какая это глубоко-печальная истина для нас. И поэтому та зеленая армия, которая идет к Деникину,—когда попробует деникинского хлеба, когда познает рай этого деникинского житья,—конечно, прибежит к нам. И когда этот сбежавший вернется от Деникина, то это будет лучший солдат. *(Смех.)*

Это дает нам твердую уверенность, что Деникина мы победим. Я вот говорил с командирами: нельзя ли, чтобы в Балашове (так как Балашов, говорят, ужасно не любил большевиков и Советскую власть) побыли казаки хоть месяц? Но, увы, командир говорит, что этого нельзя. И вот в этом—наше горе. Ведь в неделю человека хорошо узнать нельзя. Я уверен, что вы этих банд совсем не узнали. Их не успели узнать хорошо и наши советские служащие, которые на машинках печатают и ждут—не дождутся прекрасных кавалеров. *(Смех.)*

Конечно, враг силен, но он силен не тем, что у него много солдат: мы бы их разбили в три дня, если бы мы вполне понимали всю необходимость того, что нам надо их задавить. Но, товарищи, главное—то, что мы не умеем вполне понять наших врагов, не умеем понять, что мира между нами и ими быть не может или может быть мир, но этот мир — садись на цепь. А когда рабочие и крестьяне сядут на цепь, то Деникин и устроит им не такую баню, которую он им здесь устроил, а такую баню, что тысячи лягут в могилу и даже собак не хватит, чтобы к их трупам привязывать. Это во многих городах так бывало.

Ясно, товарищи, что за то унижение белой кости и дворянской спеси, которое мы нанесли за эти два года, они отплатят сторицей,—без этого им не обойтись. И поэтому сейчас иного выхода нет,—их надо победить. Уверенность, что победим мы, у нас есть, во-первых, потому, что у нас остался только один серьезный враг — Деникин. Колчака мы уже разбили. В два месяца мы его отогнали на тысячу верст, и теперь сибирские мужики его скоро сами прикончат.

Но пока расправлялись с Колчаком, усилился другой коронщик — Деникин. Если мы примемся серьезней за дело, обяжемся его скорее прикончить, то за эти оставшиеся летние месяцы—за август, сентябрь — мы прикончим, чтобы зимой армия не морозилась. Пора отдохнуть рабочим и крестьянам.

Когда я объезжал приволжские города, то видел там невероятный урожай. Ко мне приходили крестьяне и жаловались, что у них не хватает рук для снятия этого урожая. А исполком говорит, что в городе десятки тысяч приехавшей кормиться буржуазии в великолепных ботиночках, в беленьких шляпочках, как-будто здесь—не голодная Россия, а какая-то Англия. И я отдал приказ отправить их всех на поля: пусть узнают, как растет хлеб, с какими трудом он добывается. *(Бурные аплодисменты.)*

Да разве мало полей, где нужны были бы рабочие руки, где можно было бы помочь? И если они — честные люди, то пусть начнут работать. Если мы увидим, что руки у них щелятся, не выносят серпа, то мы дадим им более легкую работу,—мы заставим их связывать снопы, носить их; крестьяне и рабочие—народ добрый *(смех и аплодисменты)*, но не позволим им шататься по Невскому проспекту или по вашему здесь, по Балашовскому проспекту. Мы боремся против того, что, бывало, если человек родился от бездельников и умер бездельником, то кричат: «Какой великий человек!». *(Смех и аплодисменты.)* А и вся заслуга-то его в том, что он родился богатым и умер богатым.

Есть мужики, которые в плохую годину России закопали керенки и думают: «Ох, большевики придут и отберут эти керенки». И эти закопавшие керенки, они—трудящиеся люди. Какие они кулаки? Они скупились всю жизнь, всю жизнь пихали, пихали в кубышку, а жили по-свински. У меня и мать такая же *(смех)*. И вот теперь, жалея кубышку, ждут Деникина. И наивно думают, что Деникин глупее большевиков и не сумеет отобрать эти керенки.

Какая наивная простота! А я скажу, что большевики не умеют отбирать. Большевик кто? Бедный крестьянин. Вот бедный крестьянин отобрал барана, съел его, и кричат: «большевик!». А он, товарищи, первого барана в жизни съел. Но большевики не могут добраться таким путем до керенок, чтобы мужики и не заметили, как керенки — уже тю-тю, и — в государственном банке. Нас лучше грабители грабят, это те, которые хлеба не дают. А как же Советской власти не отбирать этот хлеб, когда у нас в некоторых губерниях съедена людьми вся солома, когда в Олонецкой губернии крестьяне весь мох съели? И чтобы в это время в Балашовском уезде в ямах были тысячи пудов хлеба и чтобы этот хлеб продавали по спекулятивным ценам!.. Да какой же я тогда буду староста! Ясно, что я должен взять за горло богатого балашовского мужика, взять у него лишний

хлеб и послать олонецкому. Это, товарищи, я делал и буду делать. *(Аплодисменты.)*

Если рассуждать, что этот хлеб—ваш, то вот недавно рабочие Иваново-Вознесенска заявили: «Дайте нам мануфактуру, которую мы делаем, и мы обменяем ее на хлеб». Мы сказали, что мануфактура—не ваша: каждый крестьянин имеет право на этот лоскут. И рабочие замолчали. И вот, товарищи, если я такие требования предъявляю к рабочим, то то же самое должно быть и у крестьян.

Сейчас выхода для крестьян и рабочих нет. Но я думаю как бы враг нас ни душил за горло, сколько бы глупостей мы ни делали (укажите мне хотя бы одного старшину, который бы не наделал глупостей за три года), но на этих глупостях и ошибках мы, рабочий класс, учимся. Вы замечаете, что Деникин—вот, кажется, так бьет, как будто все для нас погибло. И вот,—опять мы встали и гоним Деникина. А почему? Да потому, что мы некультурны, необразованы, все хитрости их не умеем предусмотреть. А как познакомимся, узнаем, в чем дело,—тогда и исправляем ошибки. И мы чувствуем, что ошибок становится все меньше. Хозяйство постепенно налаживается. Как разбили мы Колчака, так разобьем и Деникина.

Рабочие и крестьяне хотя и необразованы, но народ напористый, как бык: напрет на что-нибудь,—дубиной его с места не сдвинешь. Так будет и у нас. Деникину-белоручке не задушить рабочего класса. Временно он обманет сотни тысяч крестьян, но обманутые воротятся назад и с большей яростью нападут на него. Рабочие и крестьяне, имея крепкие кулаки и здоровые головы, перетянут. Мы разобьем и выкупаем Деникина в Азовском море. *(Бурные аплодисменты.)*

НЕЛЬЗЯ ЛИ ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ?

Речь на митинге в г. Михайлове, Рязанской губ.

14 июля 1919 г.

Товарищи рабочие, красноармейцы и граждане г. Михайлова. Население устало от шестилетней непрерывной борьбы: четыре года мы проливали кровь, пока не свергли старую власть, и два года боремся с помещиками и капиталистами, вообще с врагами рабоче-крестьянского люда. В настоящий момент у нас остается только один из сильных врагов: это — Деникин, старый царский генерал, который при помощи английских и французских капиталистов собрал старые казачьи годы, собрал с Кавказа горцев, и эти отряды направляет на рабоче-крестьянские массы Великороссии.

Многими задается вопрос: нельзя ли как-нибудь обойти эту борьбу? Нельзя ли как-нибудь покончить? Правительство рабоче-крестьянской республики уже несколько раз заявляло перед всем миром, что оно не имеет желания ни захватывать чужие земли ни эксплуатировать чужой труд. Но наши враги хотят снова подчинить нас, снова эксплуатировать нас, сосать пот и кровь из рабоче-крестьянского народа. Они хотят воротить проценты и долги, которые сделаны старым правительством за целые десятки и сотни лет. Советское правительство открыто заявило, что оно дорожит кровью каждого солдата, что оно согласно было бы заплатить некоторые долги, которые правительство признает возможным, лишь бы буржуазные правительства оставили нас в покое. Но капиталисты, черносотенные банды России и Запада, отлично понимают, что нельзя оставить в покое одну народную республику во всем мире.

Они пробовали послать против нас свои армии; они захватили Одессу, Николаев, Херсон. Но, как вы знаете, армия, сформированная украинскими крестьянами, прогнала французские

войска. Она прогнала не своей военной тактикой, не превосходством оружия, но все дело было в том, что французские солдаты при каждом удобном случае протестовали против войны. Они заявляли:

— Почему мы будем воевать с Россией? В ней—республика, как у нас. Очевидно, мы явились сюда простыми полицейскими. Очевидно, нас посылают в Россию только потому, что в России во главе республики стоят рабочие и крестьяне, а у нас стоят во главе буржуа.

И они говорили, что воевать не будут. И когда уезжало последнее французское судно из Одессы, то оно выкинуло красный флаг: да здравствует Российская Советская Республика!

Вот какие причины заставляют французов и англичан не посылать к нам своих войск. Но, товарищи, если они не посылают своих войск, зато они всеми силами помогают русской контр-революции деньгами и оружием, стараются обострить отношения с Финляндией, Польшей. Сейчас мы имеем огромную победу над одним из самых своих больших врагов, над Колчаком. Победим и Деникина и других врагов, как ни тяжело положение внутри России.

Мы слышим очень много жалоб на советское управление и не закрываем глаз на эти жалобы. Смешно было бы думать, чтобы рабочие и крестьяне, захвативши власть, не наделают в первое время целого ряда глупостей. И сейчас среди слушателей много, может-быть, найдется умников, которые приведут десятки наших ошибок, неправильных решений и пр.; они укажут, что некоторые наши советские работники, наши чиновники и агенты власти стоят не выше, чем прежние царские чиновники.

Я с этим вполне согласен. Конечно, бывает, что и у нас люди, стоящие на советской службе, не только не защищают рабочих и крестьян, а злостно дискредитируют и порочат самую власть. Каждый день производится чистка Советской власти, и все-таки встречается много колчаковских агентов, которые сидят среди нас и сознательно, злостно подрывают Советскую власть. Для Колчака и Деникина, конечно, очень выгодно, чтобы рабочие и крестьяне разочаровались в своей собственной власти.

Но, помимо агентов Колчака, ведь рабочие и крестьяне не кончали университета, их никто не обучал. Они теперь стали у власти, а наши бывшие господа стали в сторонке и хихикают, что мы не можем расшаркиваться по паркету, что мы слишком

плохо умеем исполнять целый ряд правительственных мер. Да, мы никогда не учились,—ни отец Калинина ни Калинин не думали быть во главе государства. Самое большое, что думал Калинин, так это—быть старшиной. Но могли ли мы допустить управлять нашими делами старых чиновников, которые служили свергнутому нами Николаю, которые угнетали наш класс, а теперь, когда мы прижали их, кричат «караул»? *(Аплодисменты.)* А мы десятки лет кричали «караул», и нашего крика никто не слыхал. Мы десятки лет избивались в клоповниках, в которых сидят теперь буржуа. Может-быть, правда, наши служители власти теперь перебарщивают; может-быть, наши служители грубы; но разве они виноваты в том, что они грубы? Виноваты в этом вы, которые их не воспитали. Вы кричите, что мы сажаем в клоповники; но кто устроил эти клоповники? Мы сажаем вас в те клоповники, в которые сажали вы нас. *(Аплодисменты.)* Мы много делаем глупостей. Мы растащили в имениях вещи, рамы в иных имениях вынимали. Мы сожгли департамент полиции в Петрограде, мы сожгли бумаги жандармского управления, и когда жгли, то радовались: вот чортово гнездо сжигаем! А теперь мы до сих пор не можем выловить целый ряд провокаторов. Товарищи! В момент борьбы я, конечно, сознавал, чувствовал ценность этих бумаг; но—в тот момент—я сам думал: «Проклятые, надо вас всех с жандармами сжечь!» *(Аплодисменты.)*

Лицемерят люди, которые обвиняют нас в жестокости и грубости. Народ не бывает жесток. В минуту вспышки он может разорвать человека, но потом он плачет, что разорвал этого человека. А наши враги не жестоки, когда они у покойников выкалывают своими изящными зонтиками глаза? А те, которые вешают рабочих на фонарных столбах, не спрашивая даже, большевик он или не большевик?

Борьба, которая велась много лет, в настоящий момент приняла ожесточенную форму, и рабоче-крестьянская власть, может-быть, сделает целый ряд ошибок. Но я могу сказать только одно, что центральная власть никогда, ни при каких обстоятельствах не делает что-либо в интересах враждебного нам класса. Все, что мы делаем, мы думаем, что делаем в интересах рабочего класса, в интересах крестьянства.

Может-быть, мы неправильно написали декрет, может-быть, декрет не хорош, но это может быть только от нашего неуменья. Все же наши стремления, все желания, это — сделать хорошую

жизнь для всего населения, главным образом, поднять на высоту, — на такую высоту, на какой стояли раньше дворянство и помещичий класс, — знания, образование, культурное воспитание, поднять непременно весь рабочий класс и крестьянство. Вот к чему мы все время стремимся.

Я в рабочем движении участвую уже много лет. Когда еще был учеником в мастерских, я помню, когда простая девица выходила замуж за рабочего, то она говорила, что выходит за пьяницу-блузника. А эти пьяницы-блузники работали по 14 часов в сутки. И было ли, товарищи, к нам уважение? Нет, никакого. Матюги и матерщина гуляли по всем фабрикам и заводам. За это время рабочие постоянно боролись и наносили врагам удары. И мы видим, что постепенно роль рабочих расширяется, значение их увеличивается.

Теперь рабочие и крестьяне выросли: они говорят, что мы, может-быть, будем очень ошибаться, но мы имеем силу и желание удержать власть во что бы то ни стало. Дворянство и кулаки думают, что нам не удержать своей власти. Но твердая, мозолистая рука рабочего и напористый ум крестьянина прут в одну сторону, и мы разобьем царского генерала Деникина и других. Разбив их, мы своими руками сумеем построить новую жизнь. Неужели же мы—такие дураки, что не сумеем сделать те прекрасные квартиры, прекрасные мостовые, сады и прочее, где раньше наслаждались цари и их прихвостни? Мы устроим эти сады, устроим прекрасные учебные заведения, сделаем все это для всего народа, чтобы собственным трудом весь народ мог наслаждаться. В эти общие усилия и вы, товарищи и граждане города Михайлова, вложите частичку своей работы. К нам из интеллигентских слоев переходят ученые люди, которые отдают нам свои познания. Я не сомневаюсь, что русские рабочие и крестьяне, может-быть, через год, два, — пусть только будут уничтожены эти старые царские хищные генералы,—покажут всему миру, как надо строить рабоче-крестьянскую культурную жизнь.

Но невозможно начать мирную работу, пока мы не уничтожим контр-революционеров, рвущих живое тело рабоче-крестьянской России. *(Аплодисменты.)*

ЗАДАЧИ ПОЛИТРАБОТНИКОВ КРАСНОЙ АРМИИ.

Речь в Военно-Политической академии имени Толмачева в Ленинграде (в январе 1926 г.)

Товарищи! Передо мной находятся политработники армии, задача которых — изучить теорию марксизма. Собственно говоря, это не совсем удачно сказано: «изучить теорию марксизма». Лучше было бы сказать: задача академии — на базе марксизма подготовить таких военно-политических работников, которые бы, усвоивши марксистский метод, сумели в интересах советского государства использовать свою теоретическую подготовку.

Ваша главная задача — работа в армии; значит, и марксистский метод вам нужно будет применять в высшей степени своеобразной обстановке,—об особенностях работы в этой обстановке вы готовых учебников и наставлений не найдете. Вы изучаете марксизм. Но знать теорию марксизма — это еще не значит уметь на практике, при каждом данном конкретном явлении, правильно ее применять.

Самое трудное, что требуется от политика, это — уметь в каждый данный момент, при всякой ситуации, найти правильную революционную линию. И вот здесь на практике часто рождаются разногласия: метод марксистский может применить, казалось бы, достаточное количество лиц. Но вот изучить точно обстановку, правильно учесть ее характерные данные, принять во внимание все привходящие явления как отрицательные, так и положительные, понять диалектику развертывающихся событий, — одним словом, изучить всю совокупность условий, в которых вы вращаетесь, и применить метод марксизма, — это будет уже гораздо труднее. На деле выходит так, что одни обращают внимание больше на одну сторону явления, другие — на другую сторону явления.

Предположим, в политике мы имеем человека нервного или человека, быстро схватывающего внешнюю оболочку событий; с другой стороны, вы можете встретить политика, который умеет углубляться в анализ обстановки, который склонен положение изучать детально. И вот от различного характера индивидов можно ожидать разной оценки тех явлений, которые происходят. На основании неодинакового подхода к анализу событий возможны различная постановка и оценка даже насущнейших вопросов.

Весьма поучительны те события, которые происходят сейчас в Ленинграде в эти дни партийной дискуссии после XIV съезда партии. Они дают богатую практику для воспитания, для обострения политического сознания, для выработки навыков и умения быстро политически ориентироваться. Военные для того, чтобы подготовиться к войне, изучают не только теорию военного дела из года в год, но производят ежегодно маневры. Маневры, это—искусственная война, или приближение к условиям, которые имеют место на войне. Сейчас у нас в Ленинграде происходит довольно интересная дискуссия. Это есть, по существу, маневр политической борьбы, и даже не маневр, а подлинная маленькая внутренняя политическая битва.

Вы все политически готовитесь не для наших внутренних битв, а к битвам с противником, стоящим извне. То, что у нас происходит, имеет громадный интерес, ибо на этих явлениях мы должны обогатить свой политический опыт. Работа в армии происходит в крайне своеобразной обстановке; она потребует от вас осторожного и внимательного применения накопленного политического опыта. Во-первых, мы не знаем точно обстановки войны, которая может развернуться у нас, — не знаем ни в политическом ни в военном отношении. Во-вторых, мы не знаем детально народов и территории, где эта война развернется. Я для примера, разумеется, говорю: если война будет, скажем, на западном фронте, там — одни национальные условия; если война разыграется на другом фронте, — условия будут другие.

От политработника требуется знание всей своеобразности этих условий, от политработника потребуется гибкость в применении методов работы; новые методы не будут похожи на методы, которые он применял раньше в другой обстановке. Война, если она будет, эта война не будет войной в старом смысле слова, — войной, где армия противника будет отделяться от наших боевых линий непроходимыми рвами и заграждениями.

Так не будет. Гражданская война (а несомненно, какая бы война ни была в будущем, она будет приобретать гражданский характер) допускает бо́льшую возможность связи между противниками, а в соответствии с этим и взаимное влияние гораздо больше, чем в войне между капиталистическими странами.

В гражданской войне Красная армия должна искать союзников в тылу противника. А значит, и роль политических работников приобретает бо́льший характер. Наша армия, проходя по неприятельской территории, или, лучше сказать, по территории противника (слово «неприятельский» мы, вероятно, не будем употреблять), должна будет завоевывать этого противника своим поведением, своими целями, наконец, бережным отношением к его национальным особенностям. Кто это должен проделать? Все это должны проделывать простые рядовые наши красноармейцы, которые, как и во всякой громадной армии, будут заражены военным настроением, желанием мстить, желанием расправиться с противником.

Политработник должен противостоять всей этой огромной армии,—он должен направить войну с ее пылом мстительности, с желанием поскорее поразить врага, в такое русло, которое давало бы наибольшие политические результаты. И вот я говорю: вся эта обстановка требует от политработника не только изучения и знания теории марксизма.

Если мы будем только изучать книги марксистского содержания, — этого недостаточно. Предположим, мы изучаем Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина. В сущности говоря, изучение этих четырех колоссов (хотя они и неодинаковы по своему значению—я только их перечислил в порядке, что ли, хронологическом) достаточно для понимания марксизма; но сказать, что для претворения идей марксизма в жизнь достаточно, если люди изучат Маркса и Ленина, ознакомятся с Плехановым и на этом успокоятся, — это значит не понимать марксизма. Марксист должен, помимо всего этого, быть человеком всесторонне образованным, всесторонне знающим.

Марксизм есть метод, а если вы—человек не всесторонне образованный, если у вас невелик научный багаж, то как же вы его примените? Приведу пример: как вы с марксистским методом подойдете к оценке художественных произведений в музее бывшего Александра III, теперь Русском музее?

Вы можете великолепно изучить марксизм по Марксу, Энгельсу, Ленину, изучить их произведения от корешка до корешка, но

когда вы пойдете в музей, то будете полными профанами, и марксистский метод в понимании этих картин вы применить не сумеете. Для того, чтобы вы марксистский метод сумели применить к оценке этих картин, вы должны основательно познакомиться с русской школой живописи. Только тогда вам пригодится и марксистский метод в оценке этих картин, и тогда ваша оценка будет шире и многостороннее, чем оценка обычных ценителей живописи. Я это говорю для того, чтобы показать вам, что и в военном деле происходит то же самое.

Вы работаете в военном деле, вы хотите марксистский метод применять и там. Но если вы военное дело знаете слабо, если вы красноармейца со всеми его характерными чертами не изучили, если вы русского человека не знаете и не знаете всех народов, населяющих Советскую Республику (а в полках у нас есть именно люди самых разных областей Советского Союза,—люди, которые различно воспитывались, различной национальности, различной степени культуры), то как бы вы ни изучали теорию марксизма, вы не сумеете применить марксистский метод в деле строительства Красной армии. Только тот сумеет марксистский метод применить в деле привлечения к обороне страны и киргиза и русского, кто изучил и русских и киргизов, кто знает разницу между бытом русских и киргизов. Тогда, естественно, он найдет марксистский метод подхода к ним. К русскому будет у него один метод подхода, к киргизу — другой, именно потому, что он изучил их характерные особенности.

Мне кажется, что и военным комиссарам нужно усвоить не только теорию марксизма, но и сущность военного дела и военной техники. Когда вы изучите военное дело и его технику, вы сумеете применить марксизм к военному строительству, к делу подготовки армии. Вот для чего я так конспективно излагаю вам некоторые интересующие меня мысли; доклада моего я не продумывал детально, не проанализировал в мелочах; я здесь наношу только основные контуры и штрихи.

Когда мы здесь с вашим начальником перекинулись несколькими словами, и я спросил, достаточно ли трех лет для обучения коммунистов политической работе в армии, он мне сказал, что это — в обрез. Я с тов. Ворошиловым по другому поводу, по вопросу обучения, был в институте Свердлова в Москве. Там хотели добиться четырехлетнего срока обучения, а мы настаивали на сроке в три года и настояли на своем. Мы думаем, что марксизм «изучить» нельзя: марксизм есть способ, есть

метод, умение к каждому конкретному явлению подойти по-марксистски, учесть всю совокупность условий и взять наиболее правильную линию в данный момент для достижения тех целей, которые вы преследуете. Вот как надо понимать марксизм. Ясно, что для того, чтобы научить человека в каждый момент выбирать правильную линию, для этого требуется не трехлетнее учение, а требуются длительный политический опыт, длительная практическая работа.

Вы замечаете, что у нас в настоящий момент находится очень значительное количество ученых марксистов, которые не столь быстро продвигаются по политической линии, и наша партийная верхушка состоит из рабочих, которые систематической подготовки не получили. Почему это? Может-быть, это — случайность, что продвигаются работники, не имеющие систематического, университетского, марксистского образования? Причина этого заключается в том, что идеи марксизма надо практически проводить в жизнь. Марксизм, это — вечное творчество, и если человек понял сущность марксизма, то у него мы наблюдаем непрерывный процесс творчества, который может быть проявлен и на самом маленьком факте. И вам придется творить, как только вы приступите к практической работе. На политической работе вы должны учитывать реальные условия обстановки. Марксист не должен механически повторяться, иначе он не будет иметь влияния на массу. Я беру простой пример: мы были на десяти заводах вместе с товарищем Ворошиловым; если бы мы копировали везде свое поведение, то я не сомневаюсь, что мы потерпели бы самое жестокое поражение. *(Смех.)* Мы в процессе хождения по заводам сжились, сработались, и практический опыт привел у нас к известному разделению труда.

В каждом собрании моментально оцениваешь положение и соответственно этой оценке применяешь тактику. В каждом новом собрании, если вы не будете творить, если вы устали и не реагируете чутко на данные здешней обстановки, — это моментально скажется: вместо творчества у вас будет повторение, а аудитория не пропустит этого. Она сейчас же заметит, что тот, кто руководит массой, не творит, а повторяет старое, и если даже это хорошо повторяется, — все равно, масса это заметит. Масса так чувствительна, что она моментально замечает, что вы излагаете суть дела формально, механически, что вы с массой вместе не волнуетесь, не прорабатываете тех вопросов, которые стоят,—и соответственно с этим понижается ваше влия-

ние. Поскольку масса почувствовала, что вы механически на нее влияете, что вы не участвуете в творчестве, постольку ваше влияние падает, вас меньше слушают и т. п.

Работа политработника как-то незаметна, не так, как у хозяйственников и администраторов, а вместе с тем работа политработника, это — непрерывно творческая работа. Но как же непрерывно творить, если человек не всесторонне образован, если человек не имеет целого ряда необходимых знаний? Ясно, если человек хочет творить, хочет участвовать в деле, если он хочет вовлекать массы, если он хочет каждый день находить в своей работе нечто новое и чтобы это нечто новое другие замечали, ему нужно быть всесторонне образованным. Это скажется в том, что политработника Иванова сегодня столько же слушали, как и вчера. Когда говорят, что профессор так интересен, что его аудитория всегда полна, — это означает, что он кипит, что он творит. Вот главная основа политработника, и в особенности политработника армии.

Почему от политработника армии требуется особенно много? Я сказал: вы находитесь в особенных условиях, где есть своя специфическая военная среда, и, во-вторых, на войне ваша аудитория может очутиться в дьявольски тяжелых условиях, и политработник должен уметь перенести все те тяжести, которые встречаются на войне, и убедить других безропотно переносить эти тяготы. Но на войне нужно и другое. Бывают случаи, когда от красноармейцев надо потребовать подвига в обстановке смертельной опасности, заставить их жертвовать собой, убедить их, что самое лучшее в жизни, это — умереть. Это — очень тяжелая вещь. Попробуйте вы — мне, а я — вам доказать, что самое лучшее — умереть. А на войне такие случаи обычны, ибо лишь ценою крови можно добиться победы.

Какая огромная общеобразовательная работа предстоит политработнику, особенно в армии! Он должен научиться оценивать все своеобразие обстановки, в которой он может очутиться. Никогда не повторяется в точности одна и та же обстановка: все меняется, все течет. Вчерашнего Калинина уже нет, — он канул в лету. Каждый день приводит новых людей, дает новую обстановку, оттенки новых мыслей, и политические деятели должны все это учитывать. Массы, даже самые некультурные, самые неграмотные, если среди них работает человек, который живет и творит, — массы это учтут.

Мне хотелось бы, чтобы вы поняли мою мысль и, обладая определенным научным багажом, сумели применить все это в жизни. Если вы сумеете всегда остаться живыми и всегда творящими, я не сомневаюсь, что вы свое дело сделаете и успех у масс будете иметь. И всякий, кого вы увлечете своим творчеством, будет вам верить, вами увлекаться, и вы будете вести за собою массы, будете двигаться вперед, а не стоять на месте. *(Долгие аплод.)*

В ДНИ КРОНШТАДТА.

ОТ ВОЙНЫ К МИРНОМУ ХОЗЯЙСТВЕННОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ.

Из речи на сессии ВЦИК и в Свердловском университете по поводу отмены разверстки и перехода к налогу.

...Изучая свое положение в настоящий момент, мы наблюдаем в Советской Республике огромнейшую хозяйственную разруху. Это всем известно. Истерзанные трехлетней борьбой, рабоче-крестьянские массы ищут спасения от тяжелых переживаний. Мы сплошь и рядом слышим: может-быть, лучше жить по-старому, — старое было вовсе не так плохо, — в царское время я все-таки мог получить белую булку, а теперь мы и этого не получаем.

Все это есть результат тех огромных жертв, которые мы вынуждены были принести для победы и которые повлекли за собою невиданные экономические бедствия. И теперь, когда перед нами стоит такая опасная разруха, наша задача одна: победить эту разруху.

Но какими путями? Разруха колоссальная, неслыханная, и для одоления ее необходимо огромное напряжение. Вместе с тем наблюдается усталость, доходящая до недоверия к собственным силам, — иногда даже в рядах членов Коммунистической партии. Когда человек устал, он машет на все рукой: чорт с тобою, — пропадай все, — я лягу и буду отдыхать. Когда человек идет в морозную ночь, он понимает, что если он ляжет, то он погибнет. И он собирает последние силы, он идет дальше. Но слабый, отчаявшийся человек ложится и погибает.

Если бы такое состояние отчаяния перенеслось на рабочий класс и крестьянские массы, гибель пришла бы неминуемо. И перед нами, прежде всего, — задача разъяснить это всем, чтобы все поняли, чем усталость нам грозит. Эс-эры и меньшевики торопятся использовать нашу усталость: они думают, что на их улице наступает праздник, что массы, уставшие от борьбы

с врагами рабочих и крестьян, свои взоры обратят на них. Они стремятся убедить, что они могут дать желанный отдых. Разумеется, эс-эры и меньшевики сами по себе не опасны; они опасны постольку, поскольку строят мост, по которому идет буржуазия. Представьте себе глубокий ров, разделяющий здесь вас на две половины. И вот, эс-эры и меньшевики ложатся, настилая собственными телами проход, по которому буржуазия всегда проходит к власти. *(Аплодисменты.)*

Враги стараются использовать все, что может послужить почвой для развития враждебных нам стихий. Вы знаете, что в деревне много недовольства вызвала продразверстка, которая нередко действительно проводилась слишком жестко и необдуманно. Этим в первую голову спешила воспользоваться богатая раньше часть, которая имеет еще другие основния поддерживать и организовывать выступления против Советской власти: это — проведение уравнительного землепользования в интересах бедняка и крестьянина-середняка. Отсюда — в разное время, в разных местах и различных формах — целый ряд вспышек деревенского бандитизма. Небольшие слои населения, недовольные уравнительностью землепользования и тем, что у них отняли власть над беднотой, не мирятся с Советской властью. Голос труженика-крестьянина стал независимее звучать в деревне; прибитый прежде, он уже не покоряется теперь кулаку, но кулак, привыкший властвовать в деревне, мириться с этим не может: он стремится к старой власти, стремится свергнуть ненавистное ему Советское правительство. Вот на этой почве создаются различные бандитские шайки. Эти отряды, которые рядятся в шкуру защиты крестьянских интересов, которые говорят, что они якобы борются с произволом наших советских продотрядов, — по существу, все эти бандитские отряды выявляют волю тех классов, которые не мирятся с трудовым населением. И бандитизм углубляет нашу разруху, он расхищает и терзает и так уже материально истерзанную Советскую Россию. Каждое сожженное советское хозяйство, каждый разрушенный дом откидывает нас назад, отдаляет от нас день, когда улучшится положение рабочего и положение крестьянина.

Самым ярким проявлением бандитизма, несомненно, является Кронштадтское восстание. Оно ярким пламенем осветило борющиеся силы, оно показало всему миру, что всякое восстание, направленное против коммунистов, — на руку мировой буржуазии и открывает дорожку к власти не кому другому, как только поме-

щикам и капиталистам. И как ни стремятся отдельные участники Кронштадтского мятежа, — может-быть и не политические жулики, а политические дурачки,—показать, что они красные, но от этого дело не меняется: они делают одно дело с самыми черными и непримиримыми врагами Советской власти.

Присматриваясь к Кронштадтским событиям, мы видим, что с первого же момента матросских волнений французские биржевики стали на деньги расценивать Кронштадтское выступление. Как только повеяло духом восстания, сразу же французская и другие биржи отозвались повышением курса русских денег и промышленных бумаг. Для биржевика не важно было, под какими лозунгами готовилось и проводилось восстание, важно было лишь то, что оно направлено против коммунистов: при всех лозунгах и при всяких обстоятельствах капиталисты от поражения большевиков только выигрывают. Матросы выкинули как-будто не совсем буржуазные, но и приятные для обывателя лозунги: «равенство, братство»... «долой засилье коммунистов» или даже только «долой примазавшихся» и, наконец, «долой капиталистов, мы стоим за Советскую власть». Под такими же точно знаменами вспыхивают бандитские восстания: под этими знаменами действуют анархист Махно, левый эс-эр Антонов, Колесников и прочие батьки.

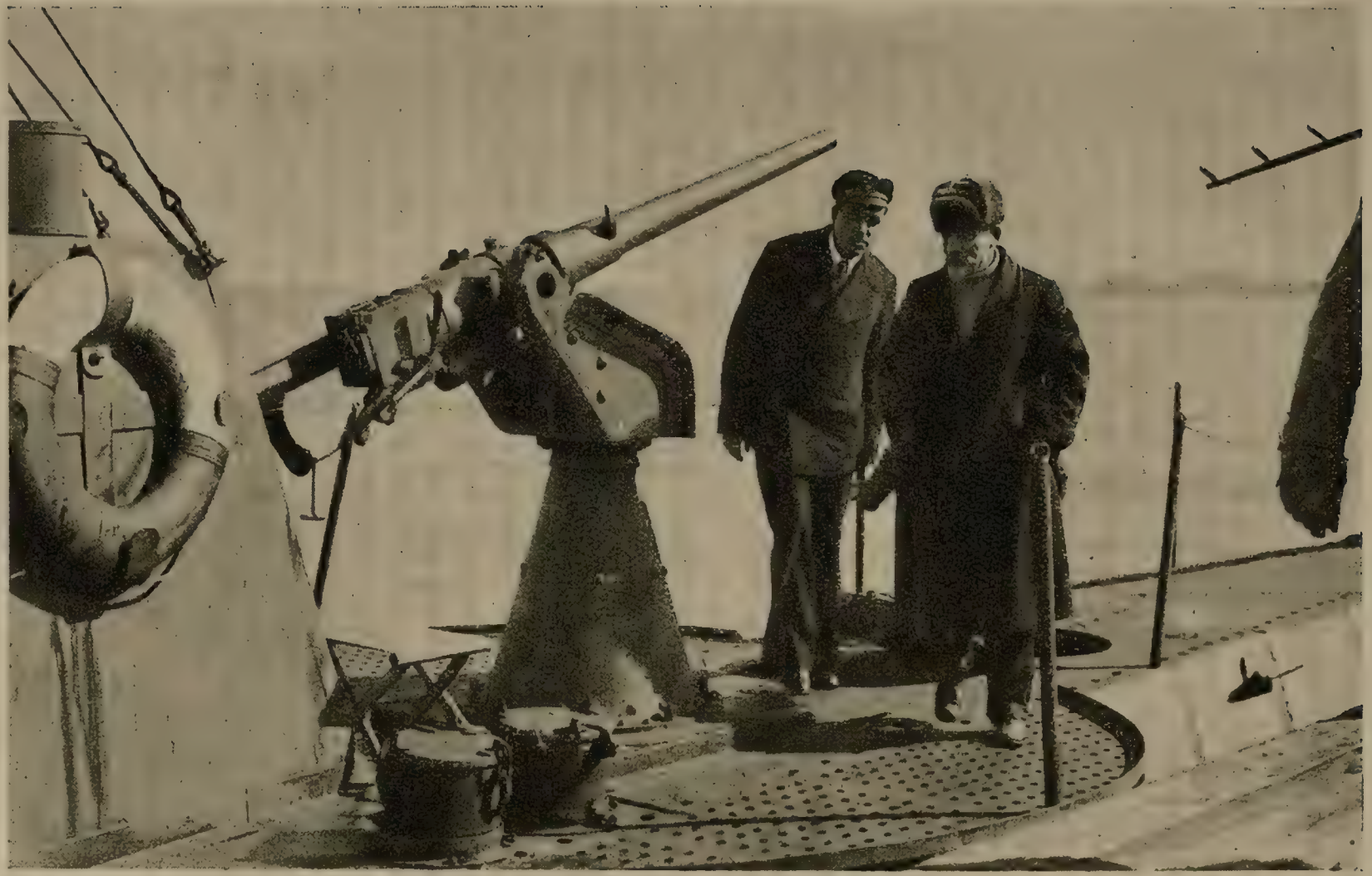
Почему же капиталисты так радуются и поддерживают такие восстания, где они как-будто не являются руководителями, где выставляются лозунги, как-будто неприемлемые для них, в роде «долой капиталистов, да здравствует Советская власть»? Да только потому, что все эти Махно, Антоновы, Петреченки из Кронштадта — независимо от их лозунгов — продолжают работу Колчаков и Юденичей: они борются с самым сильным и беззаветным врагом капиталистов — с большевиками. Кроме того, подтачивая и экономически обессиливая своими действиями и налетами Республику, они тем самым облегчают капиталистам борьбу против рабочих и крестьян.

Жестоко ошибаются те, кто вслед за меньшевиками и эсэрами повторяют, что кронштадтцы в действительности не имели в виду помогать восстановлению буржуазной власти. Не даром Бурцев и Милюков, описывая в заграничных газетах Кронштадтские события, говорили: «мятежники выставляют лозунг «советы», но нам не страшен этот лозунг; для нас важен тот факт, что в этих советах будут играть главную роль эс-эры, меньшевики, анархисты явные или прикрывшиеся беспартийностью. Эти люди

несомненно нам ближе и полезнее по своей ненависти к нынешней власти, и они приведут через эти советы к Учредительному Собранию. А там — остальное — доделаем мы».

Вы видите, как великолепно учитывает контр-революция — господа Милюковы — настоящее положение. Вспомните: полгода тому назад, когда контр-революция захватывала власть в той или другой местности, через полчаса офицеры уже нашивали на плечи погоны. Это было всюду и везде. Теперь же, в Кронштадте, мы видели, что ни одному офицеру не пришло в голову надеть погоны. Они, разумеется, думали о них, но опыт научил, что сейчас под открытым контр-революционным знаменем бороться с рабочими и крестьянами нельзя. С ними можно бороться или подкапываясь под самую основу революции, внутренним ее разложением, действуя внутри самой Коммунистической партии, или выставляя с виду очень левые, революционные лозунги. Такими именно лозунгами полна была резолюция кронштадтцев. И поэтому, когда на заседании Питерского Совета мне ставили вопрос, какая вынесена резолюция восставшими, я сказал, что по форме эта резолюция не контр-революционна, но по содержанию — ничего более контр-революционного и представить нельзя. Ибо здесь вопрос шел не о словесной резолюции: под флагом резолюции свергалась коммунистическая Советская власть, открывалась дорога, щель для проникновения генералов, что и было в действительности; наносился удар самой революции, а отнюдь не излечивались те или иные недостатки, которые есть, конечно, в работе советских органов и которые в значительной степени являются делом рук примазавшихся элементов.

Возьмите, например, Махно, который, между прочим, окончательно добит, но еще не пойман. Он всегда выступал и выступает среди крестьян под левыми лозунгами, не забывая, конечно, лицемерно покричать о тягостях, выпавших на крестьян из-за большевиков. Махно называет себя, конечно, другом трудящихся масс. Между тем, именно все эти Махно затягивали нашу войну с империалистами, помогая им в войне против нас. И чем дольше затягивалась война, тем тяжелее отзывалась она на деревне, на крестьянском благосостоянии, накладывая целый ряд жестоких, но неизбежных повинностей, в том числе тяжелую продовольственную разверстку. Разумеется, Махно и прочие рядятся под революционеров. Между тем, именно они способствовали тому, что наша победа задержалась, что только теперь мы вступили в мирную полосу, только теперь



М. И. на подводной лодке.

получаем возможность отменить разверстку, дать крестьянскому хозяйству спокойно развиваться и свободно распоряжаться плодами этого хозяйства.

Несомненно, этой последней мерой наносится серьезнейший удар бандитизму, — у него из-под ног вырывается почва для темной работы в деревне, ибо надо сказать, что недовольство крестьян разверсткой высказывалось не только в кулацких верхах, но и в середняцких, и даже беднейших кругах деревни. Но в то же время опасность для нас еще не исчезает: разруха на нас давит и вызывает ту самую усталость, о которой я говорил и на которой будут продолжать свою игру различные враждебные нам силы. При этом они будут сулить нам отдых, они будут, конечно, действовать под знаменем спасения от голода и разрухи.

Вот почему нам нужно снова и снова спросить себя: кто же в действительности сможет вывести нас из разрухи, кто может вывести Россию из нынешнего тяжелого экономического состояния? Где этот Илья Муромец, который мог бы своей силой улучшить нашу жизнь?

О помещиках и капиталистах я не буду много говорить. Каждый крестьянин и каждый рабочий отлично понимает, что означал бы возврат их к власти.

Кто второй? Это — эс-эры, меньшевики, Керенские. Во время Керенского меньшевики и эс-эры не только терпели рядом с собою буржуазию и фактически проводили политику буржуазии, но объявляли изменником революции и врагом всякого, кто требовал передачи власти Советам. Все еще помнят, что́ дала рабочим и крестьянам эс-эровско-меньшевистская власть. Возврат ее означает дорогу назад, к дореволюционному господству буржуазии. И сейчас всякий, выступающий против большевиков, называя себя беспартийным, на деле помогает буржуазии, — на деле за его спиной выглядывают черносотенные уши Рябушинских и Гучковых, жадно протягивающих свои руки к отнятым у них богатствам.

Третья сила, — единственная, которая может противостоять буржуазному натиску, это — тот класс, который и стоит в настоящий момент у власти: рабочие, руководимые Коммунистической партией и крепкие своим союзом с крестьянами. Фигурально выражаясь, песок, это — многомилионное крестьянство; камень — рабочий класс; и цемент — Коммунистическая партия. Соединение песка, камня и цемента дает крепкий, неразрушимый

массив; соединение крестьянства, рабочего класса и Коммунистической партии — дает крепкий, ненарушимый массив — Советскую власть. Из сочетания этих сил складывается основа революции, основа теперешней власти. Без этого союза крестьяне земли не получили бы, без этого союза рабочие не в состоянии были бы удержать политическое и экономическое господство в стране за трудящимися. А для того, чтобы улучшать свою жизнь, строить ее без эксплуатации, выходить из разрухи ценою всеобщих усилий, а не ценою прежнего угнетения, — для этого трудящиеся должны осуществлять свою собственную политическую и экономическую власть.

Пусть каждый крестьянин рассудит: чего он может ждать от капиталиста, — может ли крестьянин больше получить от капиталиста или от рабочих?

Несомненно, рабочий класс не думает эксплуатировать крестьянское население. Придет момент, — и, я надеюсь, большинство из нас доживет до этого времени, — когда рабочий класс с огромными процентами возвратит крестьянскому населению все то, что сейчас с большими трудностями берет он от крестьянского населения. Рабоче-крестьянская власть, идя навстречу крестьянскому населению, употребляет все усилия в данный момент, чтобы увеличить количество питательных предметов, количество засеянных десятин, а тем самым и поднять производительность фабрик и заводов. В связи с этим встал также и вопрос о замене разверстки налогом.

Что касается налога, то я должен сказать, что уже на 8-м съезде Советов наметились первые проблески того нового пути, который открывается с установлением натурального налога вместо разверстки. Уже 8-й съезд Советов — вы помните — поставил вопрос об улучшении сельского хозяйства. В принятом на этом съезде законе о посевкомах проявляется стремление вознаградить (в интересах поднятия сельского хозяйства) старательность тех отдельных хозяев, которые своим трудом, своей работой, своим внимательным отношением к уходу за землей так или иначе отличились. Съезд, как вы знаете, в своем законе указал, что сельские производители, выделявшиеся своей работой, награждаются предметами домашнего обихода, а особо выдающиеся земледельцы — орудиями и машинами.

В этом заключается признание, что крестьянская отрасль труда имеет первенствующее значение в хозяйстве нашей Советской Республики. Не даром председатель Совета Народных Комис-

саров в своей речи на 8-м съезде Советов сказал, что основа восстановления нашего хозяйства есть развитие сельского хозяйства, и 8-й съезд Советов уделил ему особое внимание. Достаточно напомнить, что этот вопрос разбирался не только на пленуме съезда, но и во фракции коммунистов совместно с непартийными крестьянами. И, кроме того, вопрос рассматривался и в соответствующей секции съезда. Коммунистическая фракция съезда, на которой присутствовало около 100 беспартийных крестьян, членов съезда, потому открыла двери баспартийным крестьянам в свою фракцию, чтобы лучше выяснить стремления беспартийной массы, чтобы найти ту линию, которая бы шла навстречу крестьянским мнениям и желаниям. Разумеется, здесь вопрос шел не о пересмотре нашей теории, ее принципиальных положений, — вопрос шел о практическом подходе к крестьянским массам. Мало подойти правильно к вопросу в общем виде, — надо наметить правильную линию в соответствии со всеми условиями данного момента, данного периода, надо уметь эту линию претворить в дело. В этом смысле, когда мы подходим к крестьянской массе, к мелкому хозяйству, когда мы имеем вопрос о столкновении крупного государственного хозяйства с единоличным, — требуется огромная гибкость и понимание от всех наших работников. Ибо от этого уменья, уменья не оттолкнуть от себа единоличника, мелкого хозяина, — надо определенно сказать, — зависит и успех намечаемой линии. И поэтому-то коммунистическая фракция 8-го съезда Советов так сугубо внимательно отнеслась к этому вопросу.

...После 8-го съезда Советов вскоре состоялся 10-й съезд Коммунистической партии. На нем так же широко был поставлен и так же внимательно рассмотрен вопрос о возрождении сельского хозяйства и мерах помощи крестьянству. На этом съезде не только была признана правильной та линия, на которую стал съезд Советов, но партийный съезд пошел еще дальше в этом направлении. Он не только признал первый закон, который был принят съездом Советов, но нашел еще необходимым подвести под него определенный фундамент. В России — с ее особенностями мелко-крестьянской страны — нужно дать больший стимул, большее побуждение каждому крестьянину, чтобы он, работая, выполняя ту или другую общегосударственную повинность и принося на алтарь общества ту или иную жертву, чувствовал, что его усиленный труд, его инициатива, каждый лишний день работы вознаграждается соответствующим образом. И 10-й съезд партии

прямо сказал, что в деле улучшения сельского хозяйства и расширения посевов нужно заинтересовать, прежде всего, самих крестьян. Для этого известную часть продуктов, может-быть, бóльшую их часть, следует передать в полное распоряжение крестьянина. Только при таком положении у крестьянина, по природе своей собственника, получается известное побуждение к улучшению и расширению своего хозяйства. К такому улучшению крестьянин будет стремиться, чтобы воспользоваться наибольшим количеством излишков на свои потребности для обмена. Разумеется, это — не самый близкий и не самый идеальный путь спасения от той нужды в товарах, которую испытывает крестьянство. Несомненно, рабочий класс при налоге, — а он будет уменьшенный по сравнению с разверсткой, — получит продуктов питания в обрез, и таким образом процесс восстановления промышленности и производства нужных крестьянам товаров задержится. Но приходится учитывать, что четыре года империалистической войны и три года войны гражданской подорвали сельское хозяйство. Они отбили у крестьянина охоту к работе. Он перестал болеть душой за свою полосу, за свой участок хлеба. Не стало видно, чтобы крестьянин так же любовно, как прежде, наблюдал за своими посевами. Его уже не так интересует состояние озимых и всходы яровых хлебов. Ухудшилась и обработка земли. Неурожайность, уменьшение количества скота и особенно тяготы хлебной разверстки подорвали хозяйственную энергию крестьянства.

Правда, мы фактически не отбирали у крестьянина всех излишков, не оставляли его при норме. Мы взяли у деревни хлеба в пределах потребности, — по голодной норме государства. В упреках насчет грабежа и прочего — больше крика, чем справедливости. Но надо прямо сказать, что были отдельные случаи, когда у крестьян отбирали все, до последнего зерна. Все это привело к ускорению распада в сельском хозяйстве, к уменьшению площади засева и к ухудшению обработки полей.

Советская власть в настоящий момент нашла необходимым и возможным пойти в этом вопросе навстречу стремлениям крестьянства. Стремясь поднять урожайность и увеличить количество засеянной площади земли, Советское правительство выдвигает новый принцип: вместо хлебной разверстки оно решительно переходит к обложению крестьян натуральным налогом. Этим самым будет разбито то недовольство, которое проявлялось в крестьянстве по отношению к власти и к рабочему классу.

Я думаю, товарищи, что крестьянское население здраво оценит положение. Оно оценит союз, который существует между ним и рабочим: ибо пролетариат, это — единственный класс, который идет к трудовому крестьянству без задней мысли и без корысти. И если он до сих пор пользовался почти без возмещения крестьянским хлебом, то потому, что главная сила этого класса вынуждена была работать эти годы на военную промышленность, на фронт, и отдавать свои лучшие силы на защиту границ. Производство на мирные нужды отходило на последний план.

Пока шла борьба на фронтах, пока генералы и помещики были опасны для крестьян, крестьяне ничего не говорили. Они давали хлеб, давали скот для армии, выполняли тяжелые повинности. Они мирились со всем этим, зная, что другого правительства, которое ограждало бы Советскую Россию от натиска помещиков, нет и не может быть. Крестьянство сознавало, что Советская власть не могла иначе поступать до победы над Деникиным и Колчаком, как только напрягая все силы и используя все средства.

Теперь Колчака и Деникина не видать, враги для крестьянина не так заметны. Но мы-то знаем, что враг так же подстерегает нас, как и раньше. Он находится, может-быть, среди нас, — но крестьянство этого не видит. Можно привести такое сравнение. Когда опытный моряк едет на корабле, то какое-нибудь облачко, ничего не говорящее для человека, незнакомого с морем, моряка уже начинает беспокоить. Он говорит: шторм на носу.

Как люди, привыкшие в пустыне по незаметным для других признакам угадывать приближение урагана, который вот-вот разразится, так и сейчас Коммунистическая партия, зорко вперяя взгляд перед собой, видит, что, после победы на фронтах, мы имеем еще целый ряд труднейших задач. И какой-нибудь промах в осуществлении этих задач может повести к возврату помещиков и капиталистов, к торжеству контр-революции над рабочими и крестьянами.

Но, повторяю, это слишком мало заметно для крестьянской массы. Поэтому-то сейчас крестьяне и не могут мириться с теми тяготами, которые ложатся на них.

Советская власть, твердо переходя на путь натурального налога, нисколько не нарушает этим основных принципов своей теории. Она вовсе не требует, чтобы на ряду с экспроприацией у капиталистов всех фабрик, заводов и земли, чтобы после этого немедленно искусственно уничтожить мелкое хозяйство.

Крестьянское хозяйство, как менее выгодное по сравнению с крупным советским хозяйством, будет неизбежно само постепенно отмирать. Поэтому те, кто думает, что здесь имеется большое принципиальное изменение нашей линии, те глубоко ошибаются. Мы делаем сейчас только то, чего требует переходный характер эпохи, — мы устанавливаем лишь соответствующие ей взаимоотношения.

Если будет спокойствие на фронтах и не столь ожесточенная борьба внутри государства, то я думаю, что единоличное хозяйство исчезнет само по себе, подобно тому как исчезали 15 лет тому назад извозчики в Брюсселе. Они конкурировали с автомобилями, но в конце-концов должны были признать, что борьба бесполезна. И вот, лет 15 тому назад, в один прекрасный день собрались все извозчики города. Их оказалось на огромный город около 150 человек. Они съехались в центральную часть города, покрылись траурными попонами и похоронной процессией проехались по городу в знак того, что завтра уже ни один извозчик не выедет на работу. Так, спокойно, без революционной вспышки, отмерла целая отрасль кустарного труда. Точно так же при нормальном развитии коммунистического общества должно отмирать мелкое крестьянское хозяйство.

Но пока-что, особенно в России, в стране с очень слабо развитой промышленностью, отмирание мелкого хозяйства затянется на более или менее длительный период, на десятки лет. И Советская власть, учтя современное положение, учтя необходимость во что бы то ни стало усилить сельскохозяйственное производство, предлагает закон о замене разверстки налогом, как меру, дающую возможность развернуться земледельцу.

...Многими задается вопрос: зачем нужен налог, — нельзя ли вовсе обойтись без налога? Ведь рабочие массы работают, и то, что они сделают, можно было бы обменять на тот продукт, который вырабатывает крестьянин.

Так просто, кажется, так ясно, но, вместе с тем, товарищи, неправильно.

За эти 7 лет пострадали фабрики, пострадали заводы, сгнили шпалы на железных дорогах, износились рельсы, изношены паровозы, — одним словом, огромное, накопленное веками богатство Российской Советской Республики изношено, истрепано, и его надо восстанавливать.

Для того, чтобы восстановить хозяйство, нужно, товарищи, потратить на это огромное количество труда. Потребуется,

скажем, сто тысяч рабочих для постановки новых шпал. А эти сто тысяч людей нужно прокормить. И ведь эти сто тысяч рабочих, которые будут восстанавливать шпалы под рельсами, они ни одной такой вещи не сделают, которую мы могли бы передать крестьянину или городскому населению в виде продукта потребления.

А сколько мы должны восстановить еще всего в Советской Республике, сколько мы должны восстановить разрушенных дорог, сколько мы должны восстановить разрушенных домов, сколько стекол вставить, и прочее! Вот для чего нужен налог.

Часть налога пойдет еще на содержание Красной армии, — тоже, ведь, не производящей, а потребляющей массы, — на обслуживание продовольственных нужд крестьян голодных местностей, для снабжения больниц, школ, и пр.

...Некоторые ставят такой вопрос: если мы допускаем для крестьянства свободный обмен излишков, то это значит, что мы допускаем вообще свободную торговлю. Само собой разумеется, это значит, что мы действительно допускаем свободную торговлю.

В первый момент, когда пролетариат захватил власть, когда мелкий кулак-лавочник был особенно зол, когда он был воспитан на частной собственности, на голой наживе, тогда, под давлением отчаянной военной нужды, нужно было снять этих лавочников. Но когда у нас будет все больше и больше опытов и примеров, что можно жить не только своей лавочкой, что можно обеспечить себя не только тем, что иметь полосу земли или небольшую хату, но что можно лучше обеспечить свою семью, работая в крупных общественных хозяйствах, на фабрике и заводах, — тогда мелкий лавочник будет не страшен. Коммунистический строй будет все больше развиваться и укрепляться в сознании масс не только агитацией и пропагандой, прояснением голов, но он будет укрепляться, главным образом, техническими достижениями. Без последних, без помощи машин, без электричества, без быстрых поездов и прочих достижений техники, — надо прямо сказать, — мы не достигнем коммунизма.

Успех науки и техники тесно переплетен с успехом коммунизма. Опытный техник, умеющий пустить тот или иной завод, умеющий использовать сырье и все блага природы, которых у нас так много, но которые у нас не используются, — такой техник самым наилучшим образом приближает нас к коммунизму.

Многомиллионную массу мелких хозяйчиков можно заставить перейти к коллективному хозяйству только наглядным доказательством преимущества и выгоды этого хозяйства. Когда теперь некоторые товарищи удивляются неуспеху некоторых земледельческих коммун, то я им говорю: чему вы удивляетесь? Напротив, я удивлен, что еще сравнительно такое большое количество коммун у нас не развалилось. Если бы в организованных коммунах у нас была и организованная техника, если бы каждая коммуна имела хороший транспорт, электрическое освещение, улучшенные сельскохозяйственные орудия, — тогда бы коммуны не рассыпались. Если бы каждый коммунар имел отдельную комнату, а если он захочет — и отдельную плиту, чтобы около плиты не ругались их бабы, то тогда, естественно, коммуна скорее бы удерживалась.

Но когда в коммуну приносят разбитый плуг, когда живут в тесной конуре, где спят почти все вповалку, когда эта коммуна приходит в пустое разбитое имение и подбирает ободранных коров,— странно думать, чтобы эта коммуна непременно расцвела.

Я говорю: на почве нищеты и голода коммуна может только рассыпаться. И лишь глубокое убеждение в правильности основной идеи, что человечество должно стремиться к коммунизму, как лучшей из всяких форм общежития, — только эта основная идея и дает объяснение того, что определенное количество коммун не только не развалилось, а дает положительные результаты коллективного труда.

В дальнейших своих пунктах новый закон также нисколько не нарушает основных наших принципов. Свобода обмена пробудит в крестьянине инициативу, стремление развивать и улучшать свое хозяйство. Наша задача заключается только в том, чтобы на почве мелкой свободной торговли не произрастали крупные капиталистические ростки. Но я думаю, что здесь не только Советская власть, но и вся крестьянская масса заинтересована в том, чтобы этого не было. Я смело могу притти в самую самостоятельную деревню и заявить, что мы вам даем возможность развернуть хозяйство, усилить его, но мы — против того, чтобы у нас выростали купчики и крупные скупщики, сначала на почве волостной, а затем уездной и губернской торговли.

В законе о налоге подчеркивается новая роль, которую придется играть нашим кооперативам. В кооперативы теперь приходят люди, которые в прошлом не играли роли в торговом

и кулацком мире: это—середняки и бедняки. Я был три месяца тому назад в деревне. Как-раз на избрании правления потребительского общества мне пришлось наблюдать, как кулаки стремились пролезть в правление. Я вынужден был три раза выступать, и только после этих выступлений победили середняки; из этого видно, что кулак еще не отказался от борьбы, что на захват советского кооперативного аппарата в свои руки им обращено усиленное внимание.

Теперь работа кооперации значительно возрастает. Особенно расширится она в области обмена товаров на сельскохозяйственные продукты. Поэтому на местах надо будет вырвать кооперативы из корыстных кулацких рук всюду, где это наблюдается. Надо сделать так, чтобы кооперативами руководили крестьяне-середняки, и подбирались умелые организаторы, пользующиеся общим доверием.

Можно смело сказать, что перед местами раскрывается колоссальная творческая работа. Гораздо проще закрыть все лавочки, гораздо проще закрыть все трактиры, чайнухи и постоялые дворы по проселочным дорогам, чем их восстановить. А ведь эти постоялые дворы, эти «дома крестьянина», чайнухи, устроить очень и очень желательно. Но, несомненно, будет очень трудной задачей устроить советскую чайнуху, советский постоялый двор — рядом с постоялым двором опытного дельца, бывшего кулака, который будет поить чаем едущих мимо крестьян. Проезжий крестьянин только тогда пойдет в советский постоялый двор, а не к кулаку, если там ему будет удобнее и чище, если лампа будет гореть ярче, если там будет газета с последними новостями. Да и сам советский хозяин постоялого двора должен быть человеком толковым, с которым интересно побеседовать о деревенском житье-бытье, получить толковый ответ на волнующий крестьянина вопрос.

Этот пример, как солнце в капле воды, ярко отражает, какое громадное поле творчества выдвигается перед местными работниками. Трудностей и препятствий впереди много, но я думаю, что наше прошлое, наш трехлетний опыт, который несомненно в огромной степени накопился на местах, позволяет мне смело заявить, что мы сумеем разрешить и те новые задачи, которые выдвигаются сейчас жизнью в области работы в деревне среди крестьянских масс.

СРЕДИ КРЕСТЬЯН.

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ ИССКОЙ ВОЛОСТИ, РУЗАЕВСКОГО УЕЗДА, ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБ.

8 мая 1919 года.

(Волость находится в 20 верстах от г. Рузаевки; населения в волости 15 000. На сходе присутствуют две с половиной тысячи человек.)

К а л и н и н. Товарищи, позвольте мне сказать вам несколько слов. Я являюсь председателем Центрального Исполнительного Комитета, того органа, который управляет всей Россией. При избрании меня на этот ответственный пост руководствовались следующими мотивами. Так как власть находится в руках крестьян и рабочих, то и решили, что председателем должен быть или крестьянин, или рабочий. Я сам являюсь крестьянином Тверской губернии и хозяйство веду до сих пор и, вместе с тем, как все крестьяне наших северных губерний, провожу бо́льшую часть времени на заводе или фабрике, потому что земли у нас сравнительно мало, и хозяйство не вполне оправдывает семьи. Ведь если у вас здесь пашут мужики, то у нас пашут бабы, и бабы— лучшие хозяева, чем мужики. И вот, таким образом, в моем лице объединились крестьянин и рабочий; эти-то причины и заставили ВЦИК избрать меня председателем. Как только я был избран, было решено объехать бо́льшую часть России и, главным образом, волости, ибо, товарищи, как бы то ни было, в городах известный порядок и законность существуют; в городах, хотя с большим трудом, но все-таки мало-по-малу хозяйство налаживается, исключая, конечно, той отчаянной голодовки, которая охватила всю Россию и причины которой кроются не в нашем неуменьи или злом умысле, а в том, что за четыре года мы слишком мало засевали и в то же время кормили огромную армию. И бороться с этой голодовкой придется довольно долго.

У вас в деревнях порядок налаживается сравнительно туго; это понятно, потому что рабочие привыкли до известной степени к общественности, они привыкли управлять тем или иным учреждением, привыкли выдвигать честных людей и привыкли доверяться. Среди крестьянства дело обстоит иначе. Кто прежде избирался в старшины? Тот, кто побогаче, кто при растрате мог бы заплатить; тот, кто имел побольше достатка; а в то же время, как бы ни был умен человек, как бы ни был он способен, — если он бедный, то ему старшиной не бывать.

И вот теперь в деревнях с большим трудом налаживается хозяйство. С одной стороны, крестьяне не могут выдвинуть честных, но рядовых работников, а, с другой стороны, приезжают люди из других мест — коммунисты — хорошие, честные, но они слабо знают крестьянское дело, не знают местных условий и поэтому в своем управлении часто делают много ошибок. А через несколько времени эти ошибки переходят уже в злые дела, притеснение крестьян, и получается, что вместо того, чтобы Советской власти быть особенно милостивой к рабочим и крестьянам, — потому что ведь и власть-то рабочих и крестьян, — эта власть превращается в режим для крестьян, в наказание.

И вот, товарищи, наша задача теперь выражается в том, чтобы всюду и везде такую власть вводить в законные рамки; чтобы всюду и везде прекратить те притеснения, которые творятся местными советами; чтобы показать крестьянам, что советы, это — их учреждения, что они должны принимать сами участие в работе этих советов, контролировать эти учреждения.

Затем, надо обратить внимание, что в совете часто много бывает членов. Раньше волостью управлял старшина, писарь, иногда бывал помощник писаря, а теперь у нас в совете бывает до 15 человек служащих, и ясно, что волостям трудно содержать такое количество людей; и вот, надо позаботиться их уменьшить.

Затем, не бывает ли у вас каких-нибудь незаконных конфискаций, арестов, незаконных распоряжений? Может-быть, члены исполкомов для собственной надобности берут продукты или занимают квартиры?

Голоса из толпы. Сколько угодно!

Калинин. Вот, товарищи, все такие заявления будут сейчас мною приняты, и сейчас же будет то или иное решение, а если дело сложное, и сейчас решить нельзя, то, когда приедем в Москву, там разрешим.

Надо, товарищи, считаться и с тем, что исполнительным комитетам, конечно, неприятно бывает проводить среди крестьян то или другое постановление центральной власти.

Например, мобилизация. Ясно, что когда мобилизуют в армию, то это очень задевает крестьян, и члены исполкома как бы превращаются в крестьянского врага, но естественно, что ему выхода нет, и избежать этого нельзя.

Вот, как-раз, товарищи, я должен вам поставить на вид, что те люди, которые укрывают дезертиров, они этим самым подводят другую деревню, где вместо сбежавшего дезертира берут крестьянина старшего возраста, который, без сомнения, принес бы больше пользы, чем молодой. Надо не забывать, товарищи, что в этом отношении выхода нет: пока не кончится гражданская война, люди должны итти на фронт, и укрывательства будут караться.

Затем, вот, твердые цены на хлеб: это — тоже тяжелая обязанность. Этим особенно вызываются большие неудовольствия среди крестьян. Но, товарищи, представьте себе, что каждый из вас сядет на мое место. Наша Россия очень обширна: есть части государства, где растет один виноград; есть части, где много железа и не растет совсем хлеб; есть части, где много добывается каменного угля и тоже нет хлеба; есть, наконец, части, где очень много воды, а стало-быть и рыбы, и нет тоже хлеба; и вот мы из одной части требуем рыбы, железа, а им даем хлеб.

Раньше такой обмен производили торговые классы: они покупали, например, лес, везли его на юг, а там закупали хлеб. Теперь, когда власть перешла в руки рабочих и крестьян, то торговый аппарат государство взяло в свои руки. Какие же причины заставили государство взять этот аппарат в свои руки? Причины, главным образом, те, что получился общий недостаток хлеба. Ведь во время войны и самодержавие было сломлено потому, что в городах стали давать все меньше и меньше хлеба. И вот поэтому государство вынуждено было хлеб монополизировать, — взять его в свои руки и делить; а вот, когда наступит лучшее время, когда хлеба будет много, тогда не будет никаких реквизиций, а фабрики и заводы, вместо того, чтобы приготовлять винтовки, будут приготовлять шапки и одежду, и обмен товарами наступит естественным порядком. Иного выхода нет. Если Россия должна существовать, то она должна заставить северных людей возить лес и рыбу на юг, а южные люди должны отдавать хлеб — тоже по твердым ценам.

Конечно, много сейчас у нас непорядков; конечно, наши люди плохо со всем справляются. Никто не станет спорить, что дворянство умнее нас: оно десятки, тысячи лет училось управлять; они учились в университетах, ездили в иностранные государства, в их распоряжении были все лучшие бухгалтеры и конторщики; они были окружены полицейскими. А бедняк чувствовал этого полицейского:—он выходил из полиции с такими же помятыми боками, как теперь — гораздо реже — выходит из милиции богач.

Конечно, могут сказать, что и теперь Советская власть мнет бока иногда и бедным *(голос из народа: «правда!»)*, но мы знаем, товарищи, что мы изживем эту полицейщину. И все-таки, если мы вспомним, как расправлялись царские власти с крестьянами, то как бы ни была плоха Советская власть, она все-таки лучше прежней.

И вы знаете, товарищи, что как к мешку с деньгами примазывается всякая сволочь, так примазываются и к нам: записываются в коммунисты, иные даже записываются со злым умыслом. Бывает, что Колчак посылает своих чиновников-шпионов, которые записываются к нам, поступают на службу и предают нас. В Казани, например, арестовали 70 человек, которые сидели и доносили все Колчаку.

Таким образом, среди советских служащих бывают подосланные от Колчака; в центре их открыть легче, а вот когда они заберутся в глухую деревушку, то там они могут три года творить дела, и все будет покрываться именем Советской власти. И мы — в центре — заботимся об улучшении крестьянской жизни, а они, напротив, стараются обозлить крестьян. И поэтому, товарищи, за всеми служащими и за коммунистами надо зорко смотреть.

Ведь, что такое, товарищи, коммунист? Коммунистами называются люди, которые желают лучшего будущего для крестьян и рабочих; в коммунисте крестьянин должен найти культурного и бескорыстного человека, который все свои интересы ставит на задний план, стараясь улучшить жизнь его окружающих. Коммунисты должны быть примером для всех других. Например, в области пьянства: конечно, все люди грешны,—и коммунист иногда выпьет,—но чтобы выпивши ходить с нагайкой или заводить драку,—такие вещи не допускаются, и из всех партийных ячеек такие коммунисты выбрасываются вон. Коммунист должен служить таким примером, чтобы крестьяне видели и говорили,

что — вот какой он честный человек, все старается сделать хорошо, как нужно для крестьян. Вот, товарищи, центральная власть и послала меня осмотреть волости и прекратить беспорядки.

В последнее время, как я вступил в исполнение обязанностей председателя ВЦИК, издан декрет, что крестьяне могут заниматься кустарным промыслом и всякими ремеслами. И если у крестьян имеются небольшие мастерские, и работников-помощников человек 10, то такие мастерские ни в коем случае не должны реквизироваться. Если, например, крестьянин делает колеса, гнет дуги и, вообще, мало ли делает какие вещи, — все эти вещи как целая артель, так и отдельные хозяева могут продавать как у себя, так и на местные базары. А если остаются излишки, то они сдаются в местный кооператив или в отдел продуктов, но и здесь сдаются по ценам безубыточным, потому что никто в убыток себе работать не будет. Затем, предприняты шаги, чтобы из волости в волость и из уезда в уезд было возможно провозить необходимые продукты, а то ведь сейчас, например, нельзя провезти воз сена. Я не успел подписать этот декрет, но сейчас дано распоряжение, чтобы в этом отношении не было тормоза, потому что ведь на лошади крестьянин далеко не уедет и много не увезет.

Потом, ВЦИК объявил прощение всем тем, кто был замешан в крестьянских непорядках. Эти непорядки были, например, в Симбирской, Пензенской губерниях. Я считаю, что крестьяне могут волноваться только по недоразумению, потому что лучшей власти, чем Советская власть, для крестьян не придумать. Правда, мы еще плохо умеем управлять, но ведь надо же когда-нибудь учиться. Правда, крестьяне никогда не управляли, но теперь вопрос стоит так: или нам вечно надо работать на помещиков-капиталистов, или же мы должны выбраться на другой путь. В настоящее время мы выбираемся на этот путь и укрепляем свою власть. Конечно, эта власть — дурная. Возьмите вашу бедноту: из них многие никуда не годятся. Я знаю, что многие крестьяне-бедняки — очень плохие хозяева, а теперь некоторые из попавших к власти творят целый ряд нарушений законов. Но, товарищи, если мы прощали капиталистам, самодержцам, то сейчас — взять этого бедняка: у него, может-быть, все предки угнетались, к нему каждый относился с презрением, сколько раз он кланялся местному лавочнику; и когда такой человек попал к власти, — сам теперь хозяин, — конечно, разгулялось

его сердце. И я понимаю таких людей: у него загорелось мщение, и в таком состоянии он наделает много и много ошибок.

Но, товарищи, в этом виноваты вы сами. Когда вы начинаете куда-нибудь выбирать, то вы так и думаете, что вот в кооператив надо кого побогаче, — пусть, если проворуется, так заплатит; а вот если в совет выбирать, так пусть идет никудышный, а мы дома на печке посидим; а как никудышный схватит за горло, — так сами кричать начинаете. *(Среди крестьян шум и волнение.)*

Голоса. Беспартийных в совет не пускают!

Калинин. Беспартийных пускаем даже в губернский исполком. И это естественно: в волостном совете надо хорошо знать хозяйство, чтобы уметь наладить жизнь в деревне, а хорошо хозяйство может знать только местный хороший работник. Но в то же время середняк-крестьянин не сможет дать политического руководства, и надо так сделать, чтобы местный середняк-крестьянин был в совете и показывал там коммунистам, которые в исполкоме, как надо управлять, с кого взять меньше налога; он сможет указать, в какое время можно отдать подводы, а в какое время это совсем невозможно. А то вот у нас требуют подводы в конце апреля, когда и за околицу выехать трудно.

Голоса из толпы. Вот это правильно!

Калинин. И вот так все происходит, потому что люди не знают совсем хозяйства. И мы середняков будем допускать в центральные органы. Но, конечно, товарищи, бывает не только незнание хозяйства, но и произвол со стороны местных властей. И по этому поводу центральная власть говорит, что на местах должны быть не чиновники, а должны быть товарищи, к которым бы свободно шли крестьяне и находили совет и помощь. Член исполкома должен расспросить, помочь, научить, потому что у нас в деревнях люди большей частью неграмотные; крестьянин часто идет и не знает, как ему рассказать о том, о чем он хочет просить. Но, конечно, товарищи, все это налаживается постепенно и с большим трудом.

Вот, например, каждый из вас знает, что полгода тому назад вам грозили стенкой, а теперь уже приезжает представитель власти и говорит, что стенки не должно быть, а должна быть только законность. И я, как крестьянин, иначе и говорить не могу, потому что тогда я буду сам себя сечь. Вот и приходится ездить и налаживать: кому нотацию прочитать, кого просто уволить, а кого и посадить.

Одним словом, мы сейчас видим, что крестьянская власть бьет себе носы, но иначе, товарищи, нельзя направить власть. Когда Ленин призывал брать власть в свои руки, то другие партии говорили, что он со своими рабочими и крестьянами сядет в галошу,—говорили, что власть наша не продержится более двух недель. А теперь вы уже видите, что власть держится полтора года, и постепенно налаживается жизнь. Конечно, на первых порах эта власть будет дурная, — она глупостей наделает чорт знает сколько, потому что человек ведь совершенно не бывал у власти, — но ведь надо же когда-нибудь учиться. Если мы отложим на сто лет, то ведь через сто лет придется так же учиться. Конечно, много будут разбивать носы; но несколько раз разобьют, а в это время и власть укрепится, и так укрепится, что уже никто ее не сможет вырвать.

Но для того, чтобы все это наладилось в такой громадной стране, как Россия, конечно, необходимо время. Ведь у нас не было ни школ, ни университетов,—мы считались рабами,—и для того, чтобы все наладить, надо лет 10 — 15. Уже и теперь мы видим, как понемногу все налаживается, сама власть становится лучше и лучше, примазавшихся мы частью расстреливаем, частью выкидываем, и общими усилиями рабочих и крестьян эту телегу,—большую телегу, товарищи,—мы вытащим; и не только вытащим, а и хорошо наладим, — наладим непременно, потому что крестьяне и рабочие принимают большое участие во всей этой работе.

Сейчас против нас все царские генералы и офицеры объединились со всеми помещиками; им помогают Франция, Англия, вся буржуазия. И вот мы, несмотря на разруху, все-таки справляемся с этой бандой: Деникин почти разбит, Колчак разваливается, — разваливается его армия, состоящая из лучших генералов и из великолепно выученных офицерских полков. А у нас какая армия? Офицеры саботируют; мы выпустили крестьянских и рабочих офицеров, но командующий говорит, что они плоховаты, что им надо побыть месяца три на фронте.

Теперь мы создали академию. Из этой военной академии у нас будут свои командиры дивизий, полков. И с такими-то начальниками мы сможем нанести окончательный удар нашим врагам, потому что нас, крестьян и рабочих, все-таки огромное большинство.

Правда, ругают иногда в тылу крестьяне и Красную армию; но ведь в тылу Колчака тоже ругают его армию. Это вполне

естественно, потому что как Красная армия, так и белые отбирают у крестьян то хлеб, то скот. Но у нас то преимущество, товарищи, что ведь Красная армия-то, это — наша, кровная, родная армия. Конечно, иногда Красная армия безобразит; а разве, товарищи, ваша молодежь по деревням не лазит по огородам? не безобразит, когда соберется несколько человек? Но все-таки они, эти безобразники, ваши родные; так и Красная армия: она — наша, и мы должны со своей стороны сделать все, чтобы помогать ей самым решительным образом, всегда помня, что она борется с помещичьими сынками, с офицерством и царскими генералами.

И я призываю вас, товарищи: помогайте нашей Красной армии, потому что помочь вы можете многим. Если вы напечете десяток пирогов и пошлете их в армию, то нашим товарищам в тысячу раз легче будет переносить лишения на фронте, потому что они будут знать, что о них помнят и заботятся. Вот рабочие Петрограда и Москвы сами голодают, живут бедно, а каждый месяц посылают в Красную армию то мыло, то папиросы. И я призываю вас, товарищи - крестьяне, помогать, потому что в Красной же армии находятся ваши дети и отцы: помогайте им всем, чем можете.

В заключение я вам должен сказать, товарищи, что мы наделали много глупостей, и я сам не ручаюсь, что я не сделаю ошибки, потому что только тот не делает ошибки, кто ничего не делает. Но я прошу вас указывать на эти ошибки, и я уверен, что мы наладим свое хозяйство, что мы наладим рабоче-крестьянскую власть, и эта власть будет самая честная, самая лучшая. Приходя в общественное управление, каждый человек будет чувствовать себя там как дома. Я, товарищи, говорю: Да здравствует союз рабочих и крестьян! *(Аплодисменты).*

Председатель собрания предлагает высказаться и задавать вопросы.

Крестьянин. Поясните насчет чрезвычайного налога: кто его должен собирать.

Калинин. Относительно чрезвычайного налога, товарищи: сход выбирает комиссию из 3-х человек, — комиссию из местных крестьян,—и она накладывает налог. Комиссия должна обкладывать по совести, чтобы крестьяне не разорялись. Теперь есть декрет: те, кто обложен до 1500 руб.,—освобождаются совершенно; те, кто до 2200 руб., — платят половину. Тем же,

кто уплатил уже налог, будет то преимущество, что если привезут товары, то им будет дано в первую очередь.

Крестьянин. Объясните, с кого и на что идут эти налоги?

Калинин. На что идет налог? На содержание армии и на другие государственные расходы. Если у вас есть 50 000, то вы отдаете 15 000; если у вас — 5000, то вы платите 1000. Так, конечно, правильно рассчитать трудно; мы знаем только, что в крестьянских карманах лежит 60 миллиардов. И вот теперь местные комиссии, состоящие из вас же, накладывают налог, и вы потом уже сами распределяете: кого обложить на тысячи, а кого—на сотни.

Крестьянин. А у нас совсем местный совет не считался с положением. Когда сельский совет хотел распределить налог, то его арестовали. Из уезда говорят: роди, да клади, и многих разорили с этим налогом.

Надорнин. Вопрос идет о чрезвычайном налоге. Конечно, налог был наложен Центральным Комитетом. Нам из губернии послали, что должны непременно собрать 7 000 000 руб., — сказали, что нужно собрать во что бы то ни стало. И тогда каждый из нас стал в тупик, и многие бедняки отдали последние крохи. Но теперь это—дело прошлое; теперь мы должны благодарить, что видим нашего представителя от власти и можем с ним так просто разговаривать, а то — как прежде: приезжали генералы, так жандармы не подпускали близко на несколько верст, а товарищ Калинин сидит с нами и беседует.

Калинин. Я вижу здесь много крестьянок и хочу им сказать, что теперь нельзя говорить, что вот «наше дело — бабье, — мы должны быть в стороне». Нет, женщины должны принимать такое же участие, как и мужчины, в общественной работе. Женщины должны пользоваться такими же правами, должны итти во все учебные заведения, потому что женщина в доме, в семье, — самое главное. Мать хороша, — хороши и дети. Мать дает первое направление и мальчикам, и девочкам; надо вам забыть самым решительным образом прошедшее и принимать участие в новой жизни.

Павлов. Товарищ Калинин сказал, что мы можем на сходе делать выборы из наших крестьян. И вот мы сходились на сход и выбирали крестьян-середняков в совет. Выбирали людей хороших, честных. А на утро оказалось, что те люди, за которых никто не поднимал руки, — опять старые, —

говорят, что мы выбирать не имеем права, и опять они остаются в совете. И в настоящее время есть Гришин, которого никто не выбирал, а он сидит. *(Шум среди крестьян.)*

Крестьяне. У нас так дело делается: кто на сходе слово сказал, — забирают и отправляют в Рузаевку, и там держат. У нас так и не лежит сердце к Советской власти, что вот идут безобразия.

Крестьянин. А вот если у нас нет партийных, то кого выбирать в советы?

Калинин. Товарищи, в деревне совсем не обязательно выбирать партийных. Я глубоко убежден, что если он настоящий партийный человек, — он будет избран; а если он не настоящий, то лучше избрать беспартийного.

Юрасов (председатель Рузаевского исполкома). Товарищи, прошло то время, когда работали чрезвычайки и когда был разогнан Рузаевский съезд; а теперь вы прекрасно знаете, что 6 дней тому назад на уездном съезде проведено в совет 6 крестьян, и постепенно мы наладим жизнь и проведем в волостные советы середняков.

Сеселкин. Я вот хочу объяснить, как у нас работал начальник милиции. Он вырывал у нас кошельки, насильничал, сажал в подвалы. *(Шум и волнение среди крестьян.)*

Калинин (когда шум утих). Так вы говорите, что он брал кошелек?

Крестьяне (несколько голосов). Он не брал, а рвал кошелек.

Калинин. Кто этот начальник милиции,—дайте объяснение.

Феоктистов (начальник Исской милиции). У нас разногласия идут из-за чрезвычайного налога. Действительно принимались крутые меры, потому что иначе нельзя было провести налога в жизнь. И я принимал решительные меры ко всем кулакам, белогвардейцам и всей этой сволочи. *(Среди крестьян сильный шум.)*

Крестьяне. Он еще смеет нас ругать!

Калинин. Для того, чтобы разобраться, я должен выслушать и вас, и его, а вы сами не даете мне разобраться.

Феоктистов. У меня никогда не было даже желания обидеть середняка или бедняка. А когда было собрание совета то просили сказать, кого я обидел, — никто не нашелся.

Товарищ Калинин предлагает председателю уисполкома принять меры к выяснению дела Феоктистова.

Затем т. Калинин принимает и тут же разбирает жалобы.

МИТИНГ В СТАНИЦЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ (ЧЕЧНЯ, СТ. ГРОЗНЫЙ).

16 мая 1923 г.

Председатель. Настоящее собрание считаю открытым.

Сегодня в станице Петропавловской небывалый день: приезд нашего дорогого и любимого вождя, председателя ВЦИК, тов. М. И. Калинина. Станица Петропавловская, заселенная 60, а может-быть и больше лет тому назад, терпела всякие напасти со стороны туземных жителей. Все эти лишения переносились станичниками. В одно прекрасное время раздробилась станица Кохановская, снялась со своих мест и ушла станица Липовская, — все это мы знаем, но едва ли знают об этом в центре, в том числе и наш дорогой гость М. И. Калинин. Уходила и станица Ильинка, но пришла обратно и в настоящее время опять живет на нашей земле. Станица Петропавловская, в виду своего упорства, не ушла, а осталась на месте.

Спустя некоторое время, здесь, в Терской области, была образована Горская республика, — начались грабежи, убийства, которые мы терпели. Нам впервые приходится это высказывать нашему дорогому вождю. Но, повторяю: скрепя зубы, мы все это переносили, — все эти убийства и напасти были, конечно, очень большие, и от них страдали хозяйство и промышленность.

С февраля месяца мы перешли к автономной области Чечня, и с 15 февраля грабежи опять начались еще больше: грабили целые табуны лошадей, пропали старик и мальчик, там опять пропал человек с парой лошадей. Правда, в настоящее время часть из отобранного нам возвращена, но люди и мальчик, которые разыскиваются, найтись не могут.

Теперь мы должны признать, что нам не хватает нашей области. С первого момента объединения с Чечней, их прави-

тельство принимало меры, но все-таки не могло обеспечить нас в полном объеме. Я считаю, что это — потому, что они сами только организовывались, и даже до сих пор, если пройти по аулам, то там нет твердо организованной власти, как есть у нас. Не даром была заметка, что комиссары носят все проекты и декреты в шапках, — это свидетельствует, как у них идет работа. Чечня не может удовлетворить нашу жажду к земле: кое-что она нам дает, и этого никто отрицать не будет, но нам этого все-таки мало.

С 3-го апреля у нас никаких происшествий не было, и мы в Гордалинке можем пахать. Я хотел еще отметить одно явление: две станицы, Петропавловская и Ильинская, находятся в катастрофическом положении с водою, так как по реке Сунже идет сплошной мазут; вода настолько загрязнена нефтью, что ее даже скот не пьет; если ловишь рыбу, то и рыба пахнет нефтью.

Поэтому я от имени народа прошу центральную власть принять соответствующие меры и обеспечить наш район пригодной водой, а также избавить нас от всех прочих напастей, чтобы нам не нужно было ходить в поле с винтовкой, а чтобы мы могли ходить с кузовом и сеять.

Да здравствует наша центральная власть! Да здравствует Коммунистическая партия!

Чавала Дмитрий. Многоуважаемые станичники, я прошу вас слушать меня со вниманием. Тут сейчас говорили, сколько напастей перенесли наши станичники. Действительно, мы должны признать, что нас вытесняют чечены: нас настолько обдирали, мы настолько отягощены, что мы никак не можем оправиться.

Мне 53 года. Вам известно, что до сего времени я был примерным хлеборобом, сам выезжал землю. А теперь мне приходится пахать, а за плечами носить винтовку. Это не только у меня отнимает здоровье, но это мешает нам всем мирно работать.

А ведь нам прямо говорили: когда вы соединитесь с Советской властью, то винтовку не нужно будет носить на плечах, а сейчас мы видим и знаем, что не только не можем ее не носить, но должны просить, чтобы нам побольше дали винтовок. Когда отступал Деникин и пришла Советская власть, нам сказали, что винтовки не нужны, и мы сами принесли их на площадь и бросили, а соседние с нами чечены этого не сделали:

они винтовки закопали и хранят их до сих пор. Когда чечен идет по дороге — он честный человек, он вас не трогает; но как только свернул с дороги, сейчас начинает грабить. Мы просим: нельзя ли позаботиться, что если нет оружия у казаков, чтобы не было его и у чечен, потому что это оружие приносит один вред.

Затем я хотел сказать еще следующее: тут стоят три таможни; когда мы едем, нас снимают с лошадей и велят платить деньги. Раньше платили миллион, потом два, а теперь — два с половиной. Мы и так платим большие налоги, а тут еще приходится платить на таможне, пользы от которой нет никакой, — все равно чечены нас грабят. Если так будет продолжаться, то у нас ничего не останется, и нам нечем даже будет платить налоги. Сейчас каждый хозяин видит, что у него в хозяйстве не прибыль, а убыль; значит, предполагается, что будет полный крах.

К а л и н и н. Скажите, что это за таможни?

П р е д с е д а т е л ь. Когда организовалась Чеченская область, для безопасности были поставлены посты. На их содержание нужно взимать маленькую плату: насколько мне известно, плата эта не превышала одного миллиона. *(Голоса из толпы: «Неправда, теперь платим два миллиона, даже больше».)*

К о в а л ь Ф е д о р. Говорить о нуждах нашего района много не приходится, так как здесь уже говорили про это. Прежде всего, я хотел приветствовать т. Калинина, который своим приездом подчеркнул свою симпатию к народу. Мы надеемся, что те нужды, которые здесь высказали, по мере возможности будут удовлетворены центральной властью. Особенно мы просим, чтобы не загрязнялась река Сунжа.

Да здравствуют вожди и представители воли народа земли русской, т. Калинин и т. Ворошилов! *(Ура!)*.

Г о л о с. Мы очень просим: не возможно ли будет возвратить нашу землю, которая теперь причислена к Георгиевскому району.

Затем просим еще как-нибудь обезопасить нашу местность, потому что женщины еще кое-как ходят на огороды, а девушек вовсе посылать нельзя. Многие ходить боятся, так как в прошлом году задушили женщину.

К а л и н и н. Скажите, а до войны у вас убийства бывали? *(Голос: «бывали, но очень редко».)*

Я думаю, что вы слишком мрачно смотрите, что вовсе у вас не так уж тяжело, как вы рассказываете.

Голос. Как же не плохо, когда утащили двух мальчиков, убили старика и был случай, когда сразу 50 штук скота увели?

Калинин. Значит, выходит, что воровство и убийство у вас увеличиваются. Вы должны с чеченцами мирно ладить. Ведь вы должны понять, что вы живете в Чеченской земле, — вы нарушили их жизнь: у них магометанская вера, а мы вводим православную, мы оттесняем людей на худшую землю. — Конечно, им все обидно, а мы этого не замечаем. Вот вы говорите, что загрязнена река Сунжа; но она загрязнена не только для вас, но и для чеченцев, которые также пользуются водой из этой реки. И, в конечном счете, мы должны признаться, что не чеченцы нас притесняют, а мы — чеченцев.

Если вы приедете во Францию и не знаете французского языка, то вам прямо скажут: со своим уставом в чужой монастырь не лезь. Точно так же и вы: раз вы приехали к чеченцам, извольте им подчиняться, тогда и они вам мешать не будут. Если бы я был чеченцем, я бы прямо сказал: вы приехали к нам, отнимаете у нас лучшую землю, не считаетесь с нашими законами, не кланяетесь мулле, не имеете семи жен, как у нас положено; если хотите жить с нами, примите наш закон; если не хотите, — убирайтесь вон.

Тут кто-то из товарищей спросил: зачем нас прислали? Это была завоевательная политика царизма. Конечно, вас прислали не для того, чтобы вы мирно работали на земле, а для того, чтобы вы угнетали чеченцев. Вы жалуетесь, что чеченцы уводят у вас лошадей; а если спросить чеченцев, то наверное они прямо скажут, что казаки забрали нашу лучшую землю.

Над этим вопросом нужно хорошенько подумать. Надо постараться наладить братские отношения с тем народом, который века здесь живет. Вы живете здесь десятки лет, а чеченцы — сотни, а может-быть и больше. К чеченцам мы должны относиться по-человечески, тем более, что мы взяли их землю, брали и берем здесь нефть, которую увозим в Москву на общегосударственные нужды. Если мы берем отсюда такое богатство, как нефть, мы должны стремиться превращать их в культурное состояние. И если они увидят, что мы пришли к ним, как братья, как учителя, чтобы улучшить их состояние, — тогда и перед законом, и перед богом, в которого вы верите, мы будем оправданы. У вас вот есть церковь, вы в нее часто ходите, и каждый из вас думает, что будет в царстве небесном. Я — коммунист, безбожник, но скажу вам, что вы ошибаетесь: в цар-

ство небесное вы не попадете, потому что здесь жил целый народ, а вы его с лица земли стерли.

Я хочу вбить вам в голову одну мысль: мы не хотим переселять отсюда казаков, но только при одном условии: если у вас будут лады с чеченцами, если вы их будете обучать. Ведь чеченцам наверное противно, что на их лучшей земле живут казаки. Старый царизм с этим не считался, и за это русское имя было ненавистным у всех восточных народов.

Советская власть считается властью трудящихся, — властью, которая защищает угнетенных. Самое ценное, что имеется у человека, это — земля, которая может родить; и главное угнетение, которое можно себе представить, это — захват земли.

Мы захватили у чеченцев лучшие земли, и нам нужно перед ними оправдаться. Чем мы можем оправдаться? Мы уже дали лозунг, чтобы принимать чеченцев на все фабрики и заводы, обучать их. Чеченское правительство открыло у вас школы, но мы прямо сказали, что такие же школы оно обязано открыть и среди чеченского народа.

Вы просили здесь уничтожить воровство. Я вам прямо скажу, что глава чеченской власти, тов. Эльдарханов, не раз просил разрешения расстреливать воров на месте. Но мы ему сказали, что в таких случаях нужно поступать как можно осторожнее. Не забывайте, что среди чеченцев существует родовая месть, существует целый ряд обычаев, для нас непонятных, — например, калым, когда горцы вынуждены платить за покупку невесты. Конечно, это — предрассудок, который надо искоренить, но сразу этого уничтожить нельзя. Царь уничтожал 60 лет, и все равно не уничтожил. Вы сами говорили, что в последнее время нападений меньше, — значит, дело улучшается. Вы думаете, что только у вас уводят лошадей? У нас в Тамбовской губернии конокрадов — сколько угодно. А если уведут одну-две лошади, это — не бандитизм: это — просто единичный случай.

Борьба с бандитизмом началась, когда мы были в одном ингушеском ауле: они клялись, что арестовали всех своих воров.

В этой борьбе мы должны быть чрезвычайно осторожны. Если мы сейчас сделались хозяевами на чеченской земле, мы должны оправдать себя своей культурностью, и я думаю, что, чем культурнее мы будем, чем более братски мы будем относиться к чеченцам, тем скорее у нас будет мир и согласие.

Когда я ехал сюда, я думал, что вы будете жаловаться на несправедливости со стороны чеченского правительства, но

ни одной такой жалобы я здесь не слышал; значит, чеченское правительство относится к вам справедливо. А если казаки будут себя чувствовать хорошо у чеченского правительства, — это значит, что сделан большой шаг вперед, что братство народов начинает налаживаться, и дальнейшее зависит от того, чтобы ваших дочерей выдать замуж за чеченцев, чтобы казаки женились на чеченках. Если здесь замешан религиозный вопрос, то я думаю, что на этот счет можно будет сговориться. Сначала пойдут к священнику, а потом — к мулле.

Голос. Чтоб чечен убил моего мужа, а я за него выдала дочь, — да никогда этого не будет!

Калинин. Вы напрасно так говорите: во время империалистической войны могло быть так, что немец убил вашего мужа, потом его забрали в плен, он попал в вашу станицу; вы за это время узнали, что ваш муж убит, и вышли за этого немца замуж. Так что здесь ничего страшного нет. По вопросу о том, что река загрязнена, я уже говорил с представителем Грознефти, и он обещал, что они примут все меры, чтобы ее очистить. Но сразу этого нельзя сделать. Здесь требуется большая работа, на которую нужны деньги, а денег у нас нет. Вы сами жалуетесь, что налоги на вас тяжелые.

Липина. Я хотела сказать про гужналог: он у нас был такой тяжелый, что мы его еле платили. Мы спрашивали: кто в этом виноват, что налог такой тяжелый? Мы полагали, что это не из центра идет, а от нашей власти, которая тут сидит и соображает, сколько на кого наложить. Мне, например, 68 лет, а на нас накладывают, все равно, как на всех иных.

Калинин. С июня месяца гужналога больше не будет, будет один налог, при чем, кажется, для вашей области половину можно вносить деньгами, а половину — хлебом.

Липина. С нас постоянно то яйца берут, то масла требуют, то мяса давайте, через неделю — деньги платите. Скоро, наверное, последнюю рубаху снимут.

Калинин. Теперь все — и яйца, и масло, и мясо — можете сами кушать, а будете платить деньгами. Я вас обманывать не буду: налог в этом году будет такой же большой, как и в прошлом, но вы будете знать его размер заранее, а платить его можете не сразу, а частями. 50% этого налога идет на организацию местной власти, которая будет содержать школы, поддерживать дороги и т. д. Советская власть всегда стремится, чтобы ее аппарат стоил как можно дешевле, но сразу этого

нельзя сделать. Относительно бандитизма еще раз повторяю, что с бандитизмом начата самая беспощадная борьба, и теперь уже заметны результаты этой борьбы. Чеченское правительство обещало нам казаков не обижать, и вот здесь, действительно, никаких жалоб на чеченское правительство я не слышал.

Разрешите мне пожелать вам улучшать ваше хозяйство, плодиться и мирно жить с чеченами и наживать богатство, и я уверен, что через каких-нибудь три года у вас будут с чеченами не только дружеские, но даже семейные отношения.

Еще разрешите вам напомнить, что вы обязательно должны отремонтировать школы, чтобы ваши ребятишки учились и начали уже жить более культурной жизнью, и тогда, я уверен, что вашим молодым казачкам будет в десять раз лучше житься, чем жили их матери.

В о р о ш и л о в. Товарищи, я должен вам заявить следующее: те жалобы, которые были здесь изложены нашему дорогому редкому гостю, — потому что ему приходится нести на своих плечах тяжесть государственной работы и в то же время ему приходится бывать во всех уголках Советской Республики, чтобы лично, собственными ушами и собственными глазами видеть, как живут рабочие и крестьяне, как они справляются со всеми трудностями и что нужно сделать для того, чтобы облегчить борьбу со всеми окружающими нас невзгодами, — эти жалобы получили весьма исчерпывающие с государственной точки зрения объяснения.

Я являюсь представителем Советской власти, командующим всеми вооруженными силами на Северном Кавказе, и имею столько возможности и силы, чтобы бандитизм, который беспокоит вас в течение ряда лет, ликвидировать в два счета. И я вам говорю, что достаточно было бы одной недели, чтобы никакого бандитизма не осталось. А, между тем, бандитизм этот продолжается, и это объясняется очень сложной и серьезной обстановкой, в которой мы живем.

Тов. Калинин уже сказал вам, что вы, казаки, не по вашей вине и не по вине ваших отцов были заброшены сюда. Были заброшены сюда не для того, чтобы пахать эту землю, а для того, чтобы угнетать чеченский народ, чтобы держать его в повиновении царю, и ваша обязанность была по мере сил и возможности вашей убивать такое количество чеченцев, которое нужно было. Чеченцы, в свою очередь, вырезали вас и стреляли своими пулями. Тогда такой порядок был необходим. Теперь

наступил новый порядок: Советская власть, распространившаяся на одну шестую часть всей земной поверхности, включает в себя много всяких народностей, из которых половина многонациональных народностей была порабощена русскими царями, боярами и т. д.

Мы, власть рабочих и крестьян, не можем итти по старому пути. Мы ищем новых путей. Мы строим жизнь так, чтобы трудящиеся сами управляли своим государством, чтобы они своим трудом жили для себя, а не для других.

В первое время очень трудно и тяжело это делается. Нам мешали внешние враги, которые не хотят допустить, чтобы все трудящиеся сами построили свою жизнь; тут были и Польша, и Румыния, и Англия, и Германия. Что же оставалось делать нам, когда приходилось отбиваться от внешних врагов, когда нужно было сохранить внутренний порядок? Нам нужно было строить внутри такие отношения, чтобы каждый чувствовал себя обязанным защититься от внешних и внутренних врагов.

Мне, как командующему войсками СКВО, пришлось в продолжение 1920, 21 и 22 годов и теперь приходится бороться с бандитизмом, который распространен не только здесь, у вас, но и на Кубани, на Дону, в Ставропольской губернии, на Тереке и в Горской республике. И вот во всех этих местах в настоящее время крупного политического бандитизма нет. Это потому, что там мы имели возможность действовать более открыто,—там мы не боялись распоряжаться, потому что нас не могли заподозрить, что мы хотим кого-то поработить.

А здесь, если мы возьмем винтовки и пойдем в чеченский аул и вместо виновных расстреляем хотя одного невинного, то нам скажут, что это напоминает царский режим, что это — опять тот же гнет, те же ужасы, которые были при царизме.

Я должен вам сказать, что вам придется терпеть, но, конечно, не без конца терпеть: мы — не проповедники бесконечного терпения. Мы прямо говорим, что время свое возьмет, и это время сейчас наступило. Мы с т. Калининым были на собрании у ингушей, где, благодаря нашей политике, 70-летние старики дали клятву, не боясь кровавой мести, бороться со своими бандитами, обещали нам выдать их. Это, несомненно, колоссальное достижение.

То же самое сейчас происходит в Чечне. Было время, когда чеченцы рассматривали вас просто как врагов. А теперь, когда мы дали им автономию, они считают себя хозяевами, и этот

здоровый чеченский элемент (ведь не все же они — бандиты и воры) заявил нам, что они будут бороться с бандитизмом, и мы им безусловно верим. Но для того, чтобы искоренить этот бандитизм, должно пройти некоторое время.

Вы просили здесь выдать вам оружие. Я, пожалуй, разрешу иметь вам в станице небольшое количество оружия, но поверьте, если бы на вас покушался целый аул, мы не постеснялись бы привести его в надлежащую форму. Я заявляю вам, как представитель краевой власти, что мы всемерно будем оказывать вам помощь и поддержку в борьбе с насилиями и безобразиями.

Когда я приезжаю или когда у меня бывает тов. Эльдаханов, мы с ним обсуждаем каждую вашу пропажу; обсуждаем, как в дальнейшем избежать такого рода явлений.

Мы знаем, что поскольку в станице нет порядка, постольку нет порядка в нашем государстве; а государство наше должно стать образцовым государством, потому что мы желаем все существующие буржуазные государства перевернуть вверх тормашками и сделать их советскими.

Всего только три года, как наши враги не нападают на нас, а мы уже сейчас крепнем и растем. Экономически мы начали улучшать наше положение. Пройдет еще пара лет, и у нас не только не будет бандитизма, но наше государство действительно станет образцовым. Мы должны сознаться, что наше Советское государство есть одно из самых лучших, самых прочных государств, потому что, если бы — не дай бог (а вы ведь в бога верите) — Советское государство было свергнуто и почему-либо снова началась борьба за власть между большевиками, меньшевиками, эс-эрами и пр., мы бы нашу великую Россию, Чечню, Ингушетию, Осетию и т. д. ввергли бы в такой омут, в такую нищету, — наш народ превратили бы в скот, — сами бы обратились в такое состояние, из которого выйти бы было невозможно.

Этого мы никогда не должны забывать. Сейчас у нас власть налажена, порядок строится, с каждым днем он будет все более и более крепнуть, и наше государство станет нам дорогим, понятным, а главное — станет страшно выгодным, как оно никогда не было.

Желаю вам успеха в вашей трудной работе и еще раз заявляю, что недолго вам придется терпеть тот бандитизм, который в значительно большей степени нами задушен по всей территории советской федерации.

Да здравствуют трудовые, честные казаки Петропавловской станицы, о которой здесь говорили представители чеченской власти!

Эльдарханов. Граждане казаки! Приблизительно месяц тому назад мы вместе с представителем верховной власти при объявлении автономии Чечни обсуждали вопрос о бандитизме, нарушающем правильный ход жизни трудящихся. И когда я заверял, что приму все меры для того, чтобы ликвидировать бандитизм, я прочел на лицах многих казаков, что эти мои слова останутся висящими в воздухе и не будут воплощены в жизнь.

Подчеркиваю перед вами, что автономная Чечня в своей борьбе с бандитизмом не завершила своей работы и будет свою работу продолжать до конца, вплоть до расстрелов, до ссылки порочных элементов, чтобы действительно-трудовой элемент мог жить спокойной мирной жизнью. Мы примем все меры к тому, чтобы казачество не чувствовало себя в Чеченской области пасынками, чтобы казаки чувствовали себя равными братьями чеченцев.

Эта политика равенства и братства будет проводиться революционным комитетом автономной Чечни, который не успокоится на частичных успехах. Недалек тот час, когда трудовое казачество и трудовые чеченцы, будучи без винтовок, свободно займутся своим сельским хозяйством.

После посещения наших дорогих гостей, высокоуважаемого председателя ВЦИК и командующего СКВО, перед лицом трудового казачества заявляю, что борьба с бандитизмом, борьба с элементами, нарушающими нашу мирную трудовую жизнь, будет вестись усиленным темпом.

Да здравствует братство трудящихся казаков и чеченцев!

Председатель. Разрешите зачитать резолюцию по заслушанным докладам. (Читает.)

Разрешите объявить митинг закрытым и попросить дорогих гостей отведать наших хлеба-соли.

Зозуля. Станичники! Выпьем за дорогих гостей, которых мы ожидали несколько лет. Мы только слышали, что где-то далеко от нас есть руководящий орган Советской Республики, а сейчас мы видим верховного представителя этого органа вместе с нами.

Выпьем за их здоровье! Ура!

Маковкин. Я сам военный и поэтому обращаюсь к представителю военной власти, к тов. Ворошилову. От имени всех здесь присутствующих прошу передать всем красным воинам, которые находятся в его ведении, что еще много есть казаков,

которые по первому требованию своего начальства отправятся на помощь Красной армии!

Да здравствует Красная армия! Да здравствуют герои, вожди этой армии!

Ворошилов. Товарищи! Я чрезвычайно рад и выражаю от имени красных войск не только Северного Кавказа, но и от имени всей Красной армии сердечную благодарность всем здесь присутствующим, небольшой горсти казаков, которых, я думаю, мы смело можем назвать красными казаками.

Я не сомневаюсь, что на протяжении этих тяжелых, кровавых лет казаки, как и все труженики, убедились, что наша рабоче-крестьянская власть, это — не власть хищников и насильников, а это, действительно, власть, которая защищает интересы всего трудового народа и которая должна найти самый горячий отклик в сердцах трудовых казаков. И я не сомневаюсь, что в нужный момент, если это потребуется для спасения нашей республики, они окажут Советской власти свою поддержку. Ибо ваша готовность служить рабоче-крестьянской власти значит — служить вам же самим, ибо ваши станицы, ваши дети, ваши отцы, матери и жены, все они испытали на себе ужасы прошлого.

Да здравствует трудовое красное казачество, которое вместе с нами будет строить будущую прекрасную жизнь! Ура!

Калинин. Товарищи! Я думаю, что теперь казаки будут верными сынами Советской Республики, потому что Советская власть, это — простая народная власть. У нас могут быть радости, могут быть и горести. Врагов у Советской Республики много. Зачем же нам увеличивать этих врагов еще внутри, в своей среде?

Не забывайте, что Советская власть выбила старую дворянскую спесь. Дворяне кичились тем, что они никогда не смешивали своей крови с мужицкой, а большевики-коммунисты хотят всю кровь превратить в мужицкую. И я думаю, что казачество будет самым верным защитником Советской власти, так как их отцы, их деды некогда ушли от московских царей, не ужившись с московским царизмом. В настоящее время сыны этих непримиримых отцов-казаков должны сделаться опорой и защитниками Советской власти.

Да здравствует казачество, верное Советской власти! *(Клики: «ура!». Музыка играет Интернационал.)*

МИТИНГ В ГОРОДЕ НАЛЬЧИКЕ.
(КАБАРДА И БАЛКАРИЯ.)

18 мая 1923 г.

К а л м ы к о в. Товарищи, митинг, собравшийся по случаю приезда председателя ВЦИК М. И. Калинина и командующего войсками СКВО тов. Ворошилова, объявляю открытым. *(Интернационал.)*

В о р о ш и л о в. Товарищи рабочие и крестьяне красной Кабарды, вместе с вами я, как командующий войсками СКВО, в который также входят автономные области Кабардинская и Балкарская, приветствую на вашей земле дорогого нашего гостя, председателя Верховного Органа СССР, М. И. Калинина. *(Ура!).*

Товарищи красные кабардинцы и немногочисленные рабочие, мы с М. И. Калининым в свою очередь приветствуем вас от имени российских рабочих и крестьян и от Красной армии и, поздравляя вас с праздником, выражаем надежду, что этот всенародный праздник свободных граждан даст вам новую энергию и силу для дальнейшей работы по восстановлению вашего разрушенного хозяйства.

Мы оба убеждены, что пройдет еще пара, другая лет, и не только цветущее некогда, но и сейчас уже восстанавливающееся хозяйство Кабарды, не только народы, населяющие Северный Кавказ, но и вся наша великая Федерация станет крепкой, мощной, цветущей и культурной страной.

Немного прошло времени с тех кровавых дней, как рабочие и крестьяне России, Северного Кавказа, далекой Сибири проливали кровь и думали, что этим тяжелым испытаниям никогда не будет конца. Но прошла пара лет, которая воочию показала всем трудящимся, что советская система управления народами дает такие необъятные возможности для развития хозяйства,

для развития и укрепления культуры, что нам, повторяю, нужно совсем немного времени для полного залечения, для полного выздоровления нанесенных войною ран.

Сейчас наше крестьянство, после перенесенных испытаний в виду страшного голода, несколько оправилось; крестьянское хозяйство повсеместно восстанавливается; промышленность на основе возрождающегося сельского хозяйства постепенно, медленными шагами, но все же двигается вперед. Государственный аппарат, постепенно изо дня в день совершенствуясь, делается более крепким, более дешевым советским аппаратом. Все, что сопутствует нашей трудовой жизни внутри нашей страны, обещает нам успех, если мы дружной трудовой братской рабоче-крестьянской семьей будем двигаться вперед, не останавливаясь на этих, пока еще незначительных, достижениях. Все это дает нам полную гарантию, полную уверенность в окончательном восстановлении нашего государства.

Дабы не утомлять вашего внимания, на этом я и вынужден пока закончить, не приводя никаких цифровых данных о состоянии нашего народного хозяйства.

Но, товарищи, наша жизнь, успехи внутри нашей страны зависят не только от нашей энергии, не только от тех сил, которые мы вкладываем в нашу деятельность по восстановлению хозяйства, не только от крепости союза между рабочим классом и крестьянством, не только от того, что наша Красная армия крепнет, делается более гибкой, более эластичной, более сознательной и культурной, — не только от этих условий зависит наша жизнь, но она зависит от того, каковы наши взаимоотношения с окружающими нас государствами.

Я скажу несколько слов, чтобы обрисовать вам международное положение, в котором находится наша Советская рабоче-крестьянская Республика. Вероятно, вам из газет уже известно о том, что по всей нашей советской стране рабочие и крестьяне на сотнях и тысячах митингов выносят свои постановления и резолюции, протестующие против новых злых кровавых козней соседних с нами европейских капиталистических государств. Международная буржуазия и капиталисты Англии, Франции, Италии, Польши, Румынии и прочие — никогда не переставали мечтать об удушении нашей рабоче-крестьянской республики. Трехлетняя кровавая война, которая не могла для наших врагов увенчаться успехом, оставила резкий след в мозгах наших врагов, превратив их в злобный капиталистический лагерь, готовый

в тот или иной момент снова наброситься на нашу рабоче-крестьянскую страну с тем, чтобы превратить ее в руины, в развалины.

И в настоящий момент мы являемся свидетелями, когда западно-европейские государства — во главе их Англия — считают наиболее подходящим момент, чтобы снова начать с нами свару. Англия предъявляет нам ряд ультиматумов, которые для нас, как свободной, независимой страны, совершенно неприемлемы, предъявляет их для того, чтобы снова начать кровавую борьбу.

На эти наглые требования капиталистической Англии наша рабоче-крестьянская республика отвечает самым энергичным, самым единодушным протестом. Мы не сомневаемся в том, что английские капиталисты, французская буржуазия и итальянские фашисты — это все равно, что разбойники среди бела дня, — что все они, конечно, не будут считаться с нашими словесными протестами, исходящими от глубины рабоче-крестьянских трудовых сердец, и, конечно, они набросятся на нас, если они раз навсегда это решили.

Но наши враги должны будут учитывать и другое обстоятельство: они столкнутся со своим рабочим классом, который на своих демонстрациях и митингах заявляет также громкий протест против попыток капитализма вовлечь их в борьбу против Советской Республики.

Это обстоятельство для нас играет огромную роль. Рабочий класс Западной Европы был нашим постоянным союзником и другом, и, если он почувствует в себе достаточно силы для протеста, мы надеемся, что этот протест будет настолько силен, что наши враги не смогут бросить свои войска на наши границы.

Газеты принесли нам тяжелую весть о том, что в Швейцарии, в Лозанне, фашистами (то-есть все равно, что некогда у нас были «истинно-русские» люди, а в период гражданской войны — белогвардейцы) убит представитель Советской Республики тов. Воровский, убит в спину — самым предательским, гнусным образом.

Тов. Воровский — старый революционер, старый коммунист, более 30 лет работавший на благо рабоче-крестьянского люда, платя за это много раз ссылкой и тюрьмой в бывшей царской России. Тов. Воровский убит не за какой-нибудь личный проступок, не по злобе какого-нибудь недруга, а убит за то, что он был истинным выразителем революционного класса, революционной страны.

Это обстоятельство является одним из моментов, определяющих отношение западной буржуазии к нашей стране.

Там, где убивают представителя другой страны, там, где не могут защитить посла другого государства, совершенно ясно, что в этих странах не все обстоит благополучно. В Советской Республике мы имеем весьма много представителей различных государств, и, тем не менее, не взирая на то, что они являются представителями западно-европейского капитала, все они находятся под зорким и бдительным оком рабоче-крестьянского государства. Жизнь их охраняется наравне с жизнью прочих граждан, и ни один волос с их головы не упадет, хотя бы мы были поставлены в необходимость воевать с той страной, представитель которой находится у нас в Москве. Следовательно, западные государства, которые считают себя по какому-то недоразумению цивилизованными, культурными странами, — в этих странах общественный уклад сейчас настолько пошатнулся, — они представляют настолько разложившийся организм, что своими действиями они на весь мир демонстрируют это разложение.

Есть целый ряд весьма характерных признаков, определяющих отношение капиталистов к Советской Республике, и все они говорят за то, что капиталистическая Европа еще раз и в самом скором времени попытается с помощью своих штыков и многочисленных технических средств побороть рабоче-крестьянскую республику для того, чтобы расчистить себе путь для борьбы со своим рабочим классом. Но мы должны заявить, как заявляют наши многомиллионные рабоче-крестьянские массы, что как бы нам трудно ни было, как бы мы ни стремились к миру, как бы ни жаждали мирного труда, но, если западно-европейские государства спустят своих цепных псов в виде капиталистической Польши и боярской Румынии, то мы, как один человек, ответим нашим рабоче-крестьянским ударом по нашему врагу, и этот удар будет не менее сильным, не менее метким, чем те удары, которыми мы сокрушили наших врагов три года тому назад.

За это время мы научились весьма многому, и теперь все, как один человек, понимаем, что для нашей страны в настоящее время война означает срыв нашей экономики, ввержение нашей страны в новые тяготы разрушения и ужаса. Это для нас — аксиома, всем нам прекрасно известная; но мы должны сказать словами тов. Троцкого, который от имени Красной армии заявил на заседании Московского Совета, что если, не взирая на все принятые нами и выраженные громогласно — во всеуслышание миру — меры и желания сохранить мир во что бы то ни стало,

если наши враги все-таки попытаются вооруженными силами потягаться за пределами наших границ, мы встретим их по достоинству.

Заканчивая свое слово, я должен заявить следующее: что и войска СКВО, расположенные на территории, которая населена многонациональными народностями, окажутся на высоте их призвания и в нужный момент будут там, где быть должно в тревожную годину для рабоче-крестьянской судьбы. Я надеюсь, что и вы, красные кабардинцы, если потребуется, будете не последними в рядах наших красных войск для того, чтобы в этой тяжелой, кровавой, но, по моему мнению, последней схватке раз навсегда закрепить за собой те великие завоевания, которые мы получили в октябре 1917 года. Да здравствует наша мощная Красная армия, да сгинут наши враги не от слов, а от дружного рабоче-крестьянского удара. (*«Ура!». Интернационал.)*

К а л и н и н. Товарищи, сегодня у вас общий праздник. В этот день все внимание крестьян и городских жителей, ваших жен и девиц устремлено на это поле, где будет состязание, — состязание на первенство, на победу, с одной стороны, самых лучших лошадей, с другой стороны, на ловкость и умение наездника этих лошадей. Поэтому делать политический доклад о состоянии республики и о международном положении в этот момент является неподходящим *(голоса: «просим, просим!»).*

Одна ласточка весны не делает. Всего несколько голосов хотят слушать доклад, но это еще не есть голос народа, тем более, что эти несколько голосов всегда найдут возможность узнать о состоянии Советской Республики. Нам надо плыть по течению, а течение это плывет к скачкам, и мы тоже с товарищем Ворошиловым, — хотим или не хотим, — также прониклись вашим духом и также начинаем увлекаться скачками. Товарищ Ворошилов жалеет, что не захватил своего коня, и говорит: «Я бы им показал, как скакать». Во всяком случае, сегодня он не будет победителем, но зато и не будет побежденным, так как коня у него все-таки нет. И вот, товарищи, в скачках всякий хочет получить первенство, всякий хочет прискакать первым, потому что все люди пришли смотреть на эти скачки.

Мы, огромная Советская Республика, населенная огромным количеством национальностей, хотим тоже обскакать весь мир, и это — чрезвычайно трудная задача. В особенности потому, что мы хотим обскакать старый, буржуазный, отживший мир, — мир, полный лицемерия, насилия, — мир, в котором, с одной сто-

роны, мы видим разжиревших, подвергающихся всяким ударам от разжирения, едущих лечиться на воды для того, чтобы убавлять свои мясистые тела, с другой стороны — многомиллионный люд бедноты. Вот мы и хотим этот мир уничтожить.

Эта задача, стоящая перед Советской властью, стоит в частности и перед Кабардой и Балкарией.

Эта задача раньше перед Кабардой и Балкарией не стояла, потому что вы видите высокие горы, которые закрывают на очень близкое расстояние ваш горизонт, уменьшают территорию вашего государства. Стесненный в горах крестьянин думает, что мир — очень небольшой, что он ограничивается этим высоким хребтом, который не дает ему выхода на свободу; — поэтому у него преобладает чувство мелкого домашнего патриотизма. Он говорит: у кабардинцев самые лучшие лошади, лучшие наездники, лучшие жены и самые красивые в мире девицы. Это правильно: у вас хорошие лошади, хорошие наездники и красивые девицы; но — в мире есть еще лучшие, и мир очень велик.

Когда вы войдете на эти высокие горы и взглянете на огромный мир, то увидите много, много прекрасных вещей, которых нет у вас, в маленькой Кабарде и Балкарии.

И вот Советская власть хочет приобщить эти маленькие народы к одной общей семье, сделать их гражданами великой Советской Республики, чтобы каждый кабардинец — и тот, который возьмет сегодня первый приз на скачках, — думал бы: я сегодня победил здесь, на скачках, в Кабарде, а завтра я поеду в Москву и попробую быть первым наездником в Советской Республике. Там он встретит лучших наездников Кабарды, Дагестана, Великороссии, Украины, Туркестана, — словом, все народы пришлют своих лучших наездников. И вот, если ваш наездник победит там, тогда мы вам пришлем серебряный кубок и скажем, что первый наездник в Советской Республике — кабардинец: он будет считаться первым наездником величайшей территории, занимающей $^1/_6$ часть всего земного шара.

Но этого мало. В Англии лорды живут целые столетия, каждый из них может жениться только на дочери лорда, так как они боятся смешивать свою кровь с кровью пролетарской. Английские лорды считают себя непобедимыми и первыми наездниками в мире. И вот, если мы пустим на английское дерби, которое считается первым состязанием в мире, быстроходных лошадей, пустим своих наездников, и если ваш кабардинец получит на этом дерби первый приз, тогда во всех газе-

тах английских, французских и проч.,— на всех языках, в десятках и сотнях журналов — будет нарисован его портрет, будут помещены портреты его бабушек, тетушек и т. д. Весь мир будет кричать, что он — первый наездник. Вот какие широкие перспективы для ваших молодых наездников.

Мы не только хотим побеждать весь мир, как здесь говорил командующий СКВО, тов. Ворошилов, которому хочется победить весь мир Красной армией: он всех вас рассматривает, как будущих бойцов с оружием в руках, — он всех рассматривает с точки зрения полкового командира; а я, как руководитель не военный, а гражданский, считаю, что мы должны побеждать во всем мире на всех поприщах — нашей творческой деятельностью.

Советская Республика — как и ваша маленькая Кабарда — новое молодое государство. Она выдвинула новую молодую власть, — молодую в том отношении, что она призвала к власти классы, которые раньше никогда не были у власти. Ведь рабочие никогда не были у власти: я, например, никогда не готовился к власти; самое большое, на что я рассчитывал, это — быть старшиной или старостой, но я никогда не готовился быть главой огромнейшего государства; но это случилось — вопреки «здравому» буржуазному смыслу — по воле рабочих и крестьян. Вот поэтому-то наша власть — молодая, растущая, стремящаяся все завоевать, и, как у молодежи вообще, у нас большой задор: мы хотим завоевать весь мир.

Кабардинцы — народ горячий, свободолюбивый. Мы и вас призываем к этой борьбе со всем миром, но не к военной борьбе, а к борьбе на других фронтах, — один из этих фронтов я вам здесь показал.

Но нельзя, конечно, ограничиться только этим фронтом, который является только одной маленькой частицей нашей работы. Мы должны побеждать и на ученом фронте, а что мы мало учены, — в этом нет никакого сомнения. На этом фронте мы должны проделать огромнейшую работу,— нам нужно много учиться.

Я сказал уже, что Советская власть хочет обскакать весь мир. Советская власть хочет забраться в самые отдаленные уголки советской территории, поднять там культурный уровень населения. Эти же отдаленные уголки мы хотим соединить порядочными железными дорогами. Для этого мы должны починить все мосты, которые у нас сломаны.

Наконец, мы должны создать такую власть, которая бы не воровала, а вы знаете, как это трудно сделать, ибо сотни лет старая власть, — начиная от Николая и кончая последним городовым, — все воровали: одни — больше, другие — меньше. Мы должны организовать такую власть, которая бы не брала взяток, не воровала бы, которая бы честно служила своему народу. Наконец, мы хотим сделать еще одно (это, наверное, — самое больное ваше место): мы хотим сделать женщину совершенно равноправной с мужчиной.

На огромной части земного пространства, в том числе и у нас, женщины находятся в большом порабощении. Внешнего уважения как-будто бы к женщинам проявляется очень много, в особенности у вас, но это — только внешнее лицемерие. Объезжая ваш Кавказ, я был свидетелем того, как ваши товарищи, наши ответственные работники, сидят с нами за столом, а женщины — их жены — должны только подавать; сидеть за одним столом они не имеют права. Это — большая ненормальность, когда в доме нет равенства, в особенности нет равенства между самыми близкими людьми,— между мужем и женой. Это равенство у себя — в свободной Кабарде и Балкарии — вы должны провести.

Советская власть стремится к этому равноправию граждан, и только тогда, когда у нас будет свобода и равноправие, только тогда у нас будет расти энергичная, свободная, самостоятельная молодежь с громадным гражданским самосознанием, — таким самосознанием, чтобы каждый гражданин вашей Кабардинской области был проникнут мыслию, что я — не только гражданин Кабарды, но и гражданин великой Советской Республики.

Англичанин, куда бы он ни попал, в какой бы части земного шара он ни находился, когда вы его спросите, к какой национальности он принадлежит, он вам с гордостью ответит: «Я — гражданин Британской империи». Так и каждый гражданин Советской Республики должен быть проникнут глубоким сознанием, что он принадлежит к Советской Республике, имеющий действительное право гордиться.

В этом направлении нам предстоит большая работа. Но работа эта делается не в Москве, как вы думаете: она делается на местах, — на заводах, в деревнях и станицах. Вот где растет наша сила, наша мощь против всех врагов Советской Республики.

Поэтому тот, кто дорожит Советской Республикой, кто любит свой народ, кто хочет видеть его свободным, кто хочет оставить лучшее наследство своим детям, — а я уверен, что нет людей,

которые бы не хотели побольше оставить своим детям, — такое наследство, которое бы в огне не горело и в воде не тонуло, которое бы не подвергалось никакой опасности, — тот должен участвовать в общем улучшении государства, ибо все, что отдельный человек оставляет в наследство своим детям, может быстро пропасть. Бесконечному количеству случайностей и опасностей подвергается человек, и единственное, что не горит в огне и не тонет в воде, это — общее улучшение государства.

Если мы оставим хорошие школы, хорошие общественные парки, хорошие мосты и хорошие больницы; если мы оставим своим детям приличные детские приюты и дома, где наши сироты будут находить одинаковый ласковый приют, как у родной матери, — тогда мы можем смело сказать, что мы оставим большое наследство нашим детям; тогда мы можем спокойно умереть, зная, что наши дети не будут ходить по улице, что они не превратятся в воришек.

В этом отношении перед нами стоит колоссальная задача, ибо Советская Республика делает первые попытки пойти по широкой дороге действительного освобождения всех угнетенных народов: сделать их равноправными, дать возможность каждому учиться и проявлять свой талант, свою энергию и волю, и тем самым создать новое рабоче-крестьянское государство.

Сегодня, — в ваш торжественный праздничный день, в день скачек,— я призываю вашу энергию, вашу волю, те стремления и те чувства, которые заражают вас и еще более увеличатся через два часа, когда побегут лошади, чтобы эта воля, энергия и стремление вперед заразили вас по пути воссоздания великого Советского государства.

Да здравствует Советская Республика, да здравствуют все нации, населяющие великую советскую федерацию. (*«Ура!». Интернационал.*)

К а р а м а е в. Приветствуя наших дорогих гостей, председателя ВЦИК тов. Калинина и командующего войсками СКВО тов. Ворошилова, я должен указать, что сегодняшний день торжественного национального праздника, который безусловно считается гордостью кабардинского народа, веселит душу кабардинцев, как веселил душу всех трудящихся, населяющих территорию Советской Республики, день свержения самодержавия.

В моменты особенно тяжелые для Советской России, когда она боролась с контр-революцией, кабардинцы также проливали свою кровь, не щадя ни своей жизни, ни своего состояния.

Будучи временно побежденными, когда мы были заброшены в далекие трущобы и скалы, мы никогда, ни на минуту не сомневались, что этот веселый сегодняшний день для нас наступит, что мы опять будем победителями, возьмем верх над контрреволюционными силами, и если в настоящее время, в связи с последними событиями, последует призыв со стороны Советской власти, мы, как маленькая часть огромной Советской Республики, даем присягу и клятву отстаивать Советскую власть, сражаясь до последней капли крови.

Во времена Деникина расстреливали наших отцов, братьев, близких и дальних родственников, разграбляли наше имущество, жгли наше состояние, но в нашей душе не было печали, ибо мы определенно знали, что здесь идет борьба за власть рабочих и крестьян, которая победила.

Но есть другая печаль, которую, при всей радости сегодняшнего дня, нам приходится высказать. Мы, маленькая Кабарда и Балкария, по выполнению всех государственных налогов и повинностей стоим выше всех горских народов: мы всегда старались, отказывая себе в последнем, отдать государству то, что оно требует; мы выполнили государственный налог полностью, все 100%, и вот теперь мы считаем себя обиженными. Ибо Кабарда всегда считалась скотоводческим районом, а теперь у нас такие маленькие клочки земли, которых не хватает нам.

Сейчас бо́льшая часть наших земель занята казачьими станицами, и Кабарда терпит большие притеснения со стороны Горской республики. Например, у нас угнано больше ста голов рогатого скота в Карачаевскую область, и не было принято никаких мер, чтобы этот скот вернуть нам.

Просьба настоящего собрания к представителям верховной власти — обратить внимание на это недоразумение с тем, чтобы обратно передать ту часть земли, которая перешла от Кабарды, и по возможности вернуть угнанный рабочий скот.

М у с у к а е в. Приветствую наших дорогих гостей, председателя ВЦИК тов. Калинина и командующего войсками СКВО тов. Ворошилова. Передавая им глубокий поклон от кабардинского и балкарского народа, разрешите нарисовать революционную историю балкар.

Маленький балкарский народ, вытесненный в горные трущобы, пережил за год революции немало тяжелых испытаний, но, вместе с тем, он был охвачен великим порывом к борьбе с самого начала революции. Благодаря этому порыву, благо-

даря великому энтузиазму, балкары с первых дней революции выступили на защиту завоеваний Октября. Они, без помощи с чьей-либо стороны, захватили власть в свои руки, выгнали помещиков, захватили их землю и первые в городе Нальчике ввели Советскую власть.

После этого пришла контр-революция, и первые удары ее пришлись по балкарскому народу. 1919 год был годом сплошного траура для балкар, а 1920 год, когда пришла Красная армия, был их первой надеждой на светлое будущее. И вот теперь, после шести лет революции, когда Советская власть окончательно окрепла, маленькая Балкария осталась обиженной: она даже не имеет той земли, которая так обильно орошалась ее кровью в борьбе с белогвардейцами.

Мы с такой радостью встречаем здесь тов. Калинина и тов. Ворошилова не только потому, что они — наши великие вожди, не только потому, что один из них — наш всероссийский староста, а другой — краса и гордость великой, непобедимой Красной армии; но и потому, что мы уверены, что в конце-концов они обратят внимание на нашу маленькую полунищую область, добрая половина которой сейчас еще покрыта снегом, а другая покрыта роскошной травой. У наших горских братьев есть большое стремление спуститься на плоскость, но у нас нет земли, чтобы принять наших родных братьев. На это мы просим обратить внимание.

НА КРЕСТЬЯНСКОМ СОБРАНИИ В СЕЛЕ КАМЕНКЕ, НОВО-НИКОЛАЕВСКОЙ ГУБ., В СИБИРИ.

11 мая 1924 года.

Ермаков (председатель волисполкома). Разрешите, товарищи, от имени всей Каменской волости отблагодарить всероссийского старосту тов. Калинина за его приезд к нам.

Кулигин. Товарищи, разрешите от имени волостной партийной организации отблагодарить тов. Калинина за то, что, будучи представителем нашей Советской верховной власти, прибыл в темный уголок — село Каменку. Разрешите выразить тов. Калинину за это глубочайшее наше крестьянское спасибо.

Решетов (председатель уездного исполкома). Товарищи, к нам в Каменскую волость прибыл председатель ЦИК СССР тов. Калинин. Тов. Калинин, приехав в Ново-Николаевск по делам партийной краевой конференции, изъявил желание посетить крестьян Каменской волости. Прибыв в Ново-Николаевск, он посетил рабочие организации и затем приехал к крестьянству.

Давайте, товарищи, проведем некоторую параллель, сравним нашу Советскую власть прямиком с другими властями. Здесь, товарищи, у власти — в лице товарища Калинина — мы видим крестьянство и рабочий класс, советы которых властью выслушиваются, и в их интересах стараются управлять государством. Тов. Калинин прекрасно знает, что как крестьянство, так и рабочие пережили много тяжелых испытаний, тяжелое горе, и тов. Калинин прекрасно знает, что наше хозяйство за это время было сильно разорено. Но Советская власть растет как в отношении промышленности, так и в сельском хозяйстве, и мы так или иначе с каждым годом поправляемся и крепнем. Мы видим также, что даже капиталисты — иностранные государства — начинают

признавать, протягивать нам руку. Это их интересы заставляют протягивать к нам руку для того, чтобы поддерживать свое капиталистическое хозяйство, их экономическая нужда заставляет это сделать. Но нам, товарищи, иногда дорога не помощь со стороны нашего правительства, а дорого то, что наши представители приезжают к нам поговорить с нами, потолковать с нами, узнать нас и чтобы мы их узнали. Нам иногда дорога не материальная поддержка, не фактическая помощь, а то, что наши представители интересуются нами. Правильно ли это я говорю, товарищи? *(Голоса: «правильно».)* Председатель ЦИК тов. Калинин, зная, что в Сибири крестьянство велико, счел своим долгом и изъявил согласие посетить наше крестьянство. И мы видим: у власти стоит крестьянин и рабочий, который хочет лично, вплотную, грудь с грудью, глаза в глаза поговорить и услышать все хорошее и все то, что было плохого, и что с нами хотят сделать, и как относятся к нам капиталисты и враги. Поэтому мы скажем тов. Калинину: Да здравствует председатель Советской Республики тов. Калинин — крестьянин Тверской губ.! Да здравствует Советская власть и рабоче-крестьянское правительство!

Сенцов (председатель губисполкома). Товарищи-крестьяне, позвольте передать вам привет от имени губисполкома Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов.

Товарищи, в данную минуту наша рабоче-крестьянская советская страна успешно перешла на вторую часть своей исторической борьбы. Пять лет было потрачено на то, чтобы с оружием в руках отстоять нашу революционную независимость. Здесь от нас потребовались очень большие жертвы, и вам, крестьянам Сибири, пережившим Колчака и других, пережившим большое контр-революционное движение, как нельзя лучше известно, какие жертвы были положены на алтарь строительства Советской Республики.

Сейчас положение изменилось, сейчас нет желающих без оглядки с нами воевать. Сейчас все убедились, что русские рабочие и крестьяне без боя то, что они завоевали, не отдадут. Сейчас все убедились, что та сила, которой мы обладаем,—сила нашего революционного желания сохранить за самими собой руководство русским обществом, — эта сила совершенно непобедима. Сейчас все убедились, что нет такой армии, которая, несмотря на всю мощь своей техники, могла бы с нами бороться. Сейчас с нами намерены не воевать, а торговать, и в этой части мы успешно двигаемся вперед. В этом отношении наша международная торговая деятельность уже дает положительные резуль-

таты. И внутри нашей страны мы переходим к возрождению, и сельское хозяйство в Н.-Николаевском округе за минувший год уже дало увеличение посевной площади, увеличение урожайности, развитие маслоделия. Эти основные отрасли нашей губернии растут стремительно и приближаются уже к довоенным размерам. Наша мелкая крестьянская промышленность начинает немножко дешеветь. У нас возрождается и кооперативная торговля, и я полагаю, что вы и сами чувствуете, что торговля у нас делается лучше, что понемножку товары начинают появляться все более подходящие для крестьянства и по более удешевленным ценам. На фронте культурного строительства двигаемся также вперед. Вот в этот знаменательный момент, когда мы перешли на хозяйственный и культурный фронт, приезжает наш всероссийский староста, который является одной из «нянек» нашей революции, который совместно с покойным нашим учителем и вождем, тов. Лениным, пестовал нашу партию, собирал ее по отдельным ячейкам, создавал эти ячейки на фабриках и заводах, нес идеалы коммунизма в крестьянство. Приезд его является весьма знаменательным.

Я полагаю, товарищи, что здесь недостаточно ясно были указаны цели, благодаря которым тов. Калинин приехал в Каменку. Дело вовсе не в том, чтобы показаться крестьянам и поглядеть на них. Советская власть по своей природе является такой властью, что все ее мероприятия основаны на жизненном опыте. Перед нами стоит задача восстановления нашей экономической мощи и, в первую очередь, восстановления мощи нашего крестьянского хозяйства. Товарищи, скажите сами: разве можно строить и возрождать, если строитель не знает, над чем он работает? Конечно, нельзя. И коренное отличие Советской власти от другой власти заключается именно в том, что Советская власть, ее люди и вожди являются плотью от плоти рабоче-крестьянского люда, и всякие предприятия она базирует и основывает на всей жизненной обстановке, которая имеется налицо и в крестьянском хозяйстве, и в промышленности, и в торговле, и во всякой другой области нашего государства и общественной жизни.

Я коренным образом убежден в том, что тов. Калинин тем более будет доволен, чем больше он услышит от крестьян, что̀ именно нам необходимо предпринять, чтобы улучшить жизнь и восстановить наше сельское хозяйство, нашу торговлю и промышленность; что̀ вообще необходимо предпринять, чтобы дело на нашем хозяйственном фронте как можно быстрее улучшалось и шло вперед.

Вот в чем заключается цель приезда сюда многоуважаемого Михаила Ивановича. Поэтому, я полагаю, та беседа, которую мы в данный момент будем вести, полезна в том отношении, что наш вождь уедет с большим материалом, который поможет нашей власти лучше ориентироваться в обстановке советского строительства. Помимо той благодарности, которую мы выражаем тов. Калинину, мы должны снабдить его всеми необходимыми материалами о деревне.

Приветствуя тов. Калинина, мы должны вспомнить о недавно отошедшем нашем вожде, об умершем Владимире Ильиче. Умер человек, на которого глядел с восторгом весь трудящийся мир, под руководством которого создана наша партия и крестьяне и рабочие России приведены к этой великой победе. Умер тов. Ленин. Давайте, товарищи, почтим его память; давайте, здесь заверим тов. Калинина, что те заветы, которые оставлены Владимиром Ильичем, которые все рабочие и крестьяне должны проводить в жизнь под руководством ближайших соратников Владимира Ильича, мы будем проводить в жизнь и будем строить именно ту Россию, ту страну, которую завещал строить тов. Ленин. Мы не остановимся ни перед какими трудностями, чтобы из отсталой России, из отсталой некультурной страны превратить ее в цветущую, культурную свободную, революционную страну; превратить ее в такую страну, где физический труд и труд рабочего будут основным фактором общественной и политической жизни. Да здравствует наша тяжелая творческая работа! Да здравствуют вожди Советской власти! Да здравствуют рабочие и крестьяне, — великие творцы великой будущей жизни!

Губанов. Я приветствую вас всех от имени организации батраков Каменской волости, от имени Всеработземлеса. Товарищи, я — батрак, и видел ли я когда-нибудь, чтобы приезжал какой-нибудь министр из центра? Нет, этого не было, и не было бы до сих пор, если бы не было Советской власти. Мы должны сказать, что мы, батраки, влачим здесь в деревне нищенскую жизнь, но мы уверены, что наши власти — во главе с тов. Калининым — помогут нам в будущем создать собственное хозяйство, то-есть общественное хозяйство, которое будет одинаково для всех. Об этом наши товарищи позаботятся в будущем. Все-таки мы должны сказать, что мы, батраки, не совсем забыты. Мы должны учитывать то положение, что где-то кто-то заботится, где-то рабочий и крестьянин сидит у власти и думает о нас. И все-таки я в конце-концов скажу: Да здравствует наша руко-

водительница — Компартия! Да здравствует путеводительница всего трудящегося мира — Советская власть!

Калинин. Товарищи, главная причина, почему я приехал сюда: скоро будет съезд партии, и я должен делать доклад о работе в деревне и, в соответствии с этим, прикинуть, как решение съезда дальше согласовать с интересами крестьян. Крестьянство и хозяйство крестьянское центральной России мне хорошо известны, а крестьянство Сибири, которое, говорят, очень богато, и народ очень богатый, мне слабо известны, и мне хочется познакомиться с вашим «богатством», а то все ужимаются. На стороне про вас говорят: много богатых; а приезжаешь на место, — говорят: «есть нечего». Я бы и хотел, чтобы выступили сами крестьяне, сказали бы: какие недостатки есть, что нужно исправить как в законодательном отношении, так и в управлении местной власти. Может-быть, здесь есть заявления на местную власть. Редко когда центральная власть в деревню приезжает, а теперь здесь у вас и центральная, и губернская, и волостная, и сельская власти,—от верхушек до самых низов. Расправиться можем, наказать любого сможем. Богатство увеличить не можем, но наказать—в нашей власти. *(Смех, аплодисменты.)*

Наемных рабочих много в деревне?

Голоса. Человек 60, из них тридцать четыре организованных в профсоюзы.

Калинин. Очевидно, 60 крестьянских дворов вынуждены нанимать по некоторым причинам,—вероятно, если в семье работников мало и так далее. А эти рабочие, — они отсюда, местные крестьяне, или пришедшие?

Голоса. Есть пришедшие, но больше местных.

Калинин. Среди докладчиков на партийной конференции был представитель вашей губернии. На этой конференции ваш делегат докладывал, что будто бы часть крестьян в Сибири разоряется и идет в рабочие, а другая часть богатеет, нанимает рабочих. Мне казалось бы, что сейчас не должно было бы быть такого резкого процесса. Верно он это подметил или нет? Есть из вас такие, которые в последние два года хозяйствовали на своем хозяйстве и хозяйство бросили и пошли в рабочие?

Голоса. В Каменке таких нет.

Калинин. Есть у вас такие дома или рабочие, которые пришли сюда на работу, а потом начали хозяйствовать самостоятельно?

Голоса. Такие есть.

Калинин. Что же, больше начали хозяйствовать или больше разорились?

Голоса. Пожалуй, больше начали хозяйствовать.

Калинин. А те крестьяне, которые не обрабатывают землю, чем они живут?

Голоса. Они живут сенокосом.

Калинин. Сколько безземельных?

Голоса. Земля у всех есть, а только, значит, инвентаря нет, и поэтому не обрабатывают.

Калинин. Вы, очевидно, пашете на лошадях,—на бабах нигде не пашете. У нас такое представление, что в Сибири бабы здоровые. А я вижу, что они довольно слабы. У нас есть представление, что в Сибири народ почти до колокольни; на самом деле—такой же, как в подмосковной губернии. Ну, а по-вашему, бабы лучше, чем российские? Я за своих баб заступлюсь: у нас они даже пашут и косят, и косят иногда лучше, чем мужики.

Голоса. У нас больше хохлов, но язык русский, и применились к здешнему языку. На едока приходится пять с половиной десятин.

Калинин. Пусть из вас выступят и выскажут о своих нуждах.

Плотников. Дело в следующем: нас бы налог не задавил. Если крестьянин возьмется работать, никакой налог не задавит, — как раньше не задавил, так и в настоящее время не задавит. Мы налог платить согласны и приветствуем Советскую власть. Но дело в том, что налог кладется так на крестьянина: положим, кладется на вспаханную десятину, — это еще бы ничего, я бы заплатил за фактически вспаханную десятину. Но нам хотелось бы узнать, почему удваивают эту десятину? Затем я скажу (я буду говорить не вообще, а буду говорить про Каменку): если крестьяне пашут пашню и занимаются своим хозяйством, то с них берется налог; а если занимаются специально сенокосом и прочими работами, то с них налог не берется. Налог платит тот, кто пашет пашню. И, как вы сами знаете, — вероятно, слыхали, — раньше крестьяне вспахивали 20 десятин, а теперь — десять, а иногда и пять десятин, до пяти доходит. И ему совершенно невозможно уплатить такой налог.

Было бы справедливее, если бы не удваивали налог. Взять для примера хотя бы меня. Я вспахал, предположим, свой надел и за него уплатил бы, а в настоящее время у нас этого нет,

потому что, если вспашу десятину, — почему-то удваивают и налог то же самое. Отчего у нас и крестьянство падает! Здесь говорилось: крестьянство улучшается. Конечно, если говорить о двух прошедших годах, то против этих годов крестьянство улучшилось, но дело в том, что крестьянские хозяйства очень медленно улучшаются, и для нас очень тяжел этот удвоенный налог.

Калинин. Что касается пашни, — это сделано для льготы, не для того, чтобы получить больше налогу. Удвоенная пашня применяется в тех губерниях, где посеяно земли меньше половины всей находящейся земли во владении. Если в обществе есть 100 десятин, а посеяно 25, с этого общества налог берется как с 50 десятин. Если же в этом обществе посеяна 51 десятина, то, конечно, общество будет оплачивать за целую землю, потому что, если облагается надел в целом, не берется больше, чем есть земли. Очевидно, у вас засеяно меньше половины всей имеющейся в наличии земли. Это дается как льгота. Лично для меня было бы выгоднее уплатить по удвоенному засеиванию: у меня 7 с половиной десятин, в моем доме, а пахоты — 2 с половиной, и плачу за 7 десятин, плачу за покос, за лес; если бы мне платить удвоенную пашню, вышло бы, что плачу не за 7 десятин, а за пять, — Это было бы для меня выгоднее. У нас этого не разрешают. Такой закон издан только для некоторых губерний Поволжья и для Сибири, где крестьянство особенно пострадало и где посевы малы. Но вот теперь посев начинает увеличиваться, и удваивание налога начинает создавать тормоз. Уже сибирские власти подали заявление в центр, что нужен какой-нибудь другой способ для собирания налога. Теперь будет другой способ, и можете быть уверенными: удвоенной пашни не будет. Может быть, в 2 — 3 уездах, где будет особое ходатайство. С этим вопросом теперь покончено. У вас дело, конечно, не в пашне, а в том, что большое количество земли не обработано, а за нее платить надо. Но лучше платить за удвоенную пашню, чем платить за всю необработанную землю. В нынешнем году другой способ обложения будет. Хотя, в сущности, налог не будет легче, но с десятины, вероятно, меньше будет падать, чтобы многоземельные не разорялись сильно. Как это в декрете выльется, — не могу сейчас точно сказать, но это будет учтено.

Петьков. Я хочу объяснить. Вы говорили здесь про наемных работников. Мое дело стариковское, — мне 65 лет. Старуха у меня и парнишка 10 лет, — вот и все мое семейство. Как

не нанять работника? Нанять надо. Ведь я сам не могу работать, а за работника требуют еще какой-то налог, союз требует, ему надо платить. Как надо старику поступить? В Красной армии сын потерялся, — никакого слуха о нем нет. Вот что я хотел объяснить, а то вы в роде упрекаете, что работников держите.

Калинин. Мы не против работников. Тут вопрос ясен, что нанимают, в большинстве, рабочих более состоятельные крестьяне, а бывает и наоборот, — нищие нанимают. Вот умер муж, например, — на войне убит, — осталась маленькая семья. Это вполне для нас понятно. Вероятнее всего, в будущем придется на это внимание обратить. Хотя по закону мы не имеем права работников нанимать, — по первичному закону 1918 года. Теперь мы рабочие часы увеличили на летних работах. Вероятно и возможно, что какую-нибудь льготу даже придется дать в смысле налога тому, кто не в силах сам землю обрабатывать.

Петьков. Обидное дело: у меня маленькое хозяйство, всего собрал 40 пудов, а налогу пришлось 21 пуд отдать. Самому питаться нечем, и внимания никто на это не обращает. Здесь нужно внимание. Вот сын был в Красной армии, и нет о нем никакого известия, несколько розысков посылал, — никакого ответа нет. Один работник был, — и тот потерялся, а я должен пострадать.

Половинкин. Я — служащий-железнодорожник. Когда был раздел земли при станции, мы, служащие, подали заявление, и нам кусок земли прирезали. В то время жалованье было маленькое, нужно было посеять картошку, кой-какие овощи и прочее. Понятное дело, семья большая, человек 6 — 7 (допустим, у меня). А в настоящее время говорят, что у нас землю отнимут, что мы не имеем права владеть. Это будто бы по декрету.

Калинин. Сколько времени вы владеете землей?

Половинкин. Мы владеем ей два года.

Калинин. В таком случае не могут у вас отобрать землю, — такого права нет. И в декрете об этом ничего не сказано, что нужно отбирать. Вы имеете право на землю, если обрабатываете собственным трудом. Если вы уехали из деревни, работника наняли, и если в деревне не будете 6 лет и семью там не держите, — тогда ваша земля перейдет в общество. Если бы у вас был другой севооборот, то 9 лет имели бы право на землю. Декрет вполне гарантирует это право.

Третьяков. Тов. Калинин, скажите: красноармейские семьи имеют облегчение? Если сын, например, у Петькова слу-

жит в Красной армии, а с него требуют продналог такой же, как с самостоятельного домохозяина?

Калинин. Облегчение есть, но очень маленькое.

Третьяков. У нас даже маленького облегчения не видно.

Калинин. Каждый красноармеец идет за себя и за едока. Теперь ясно: если вас 5 человек, — у вас, предположим, по 1 десятине на человека; а если вам шестого прибавить, то будет — на человека — меньше, чем десятина. В соответствии с этим вы попадаете в другую скалу обложения. Конечно, бывают случаи, что и не попадете. Предположим, земли приходится по десятине с небольшим, семья — 5 человек; если одного прибавить, — опять будет выше одной десятины, и обложение не увеличивается и не убавляется. Поэтому некоторые красноармейские семьи попадают в более легкую скалу обложения, а некоторые не попадают. Закон не может рассматривать каждого человека. Он обязывает местную власть оказывать содействие. Надо заставить того же крестьянина, чтобы он помогал в работе. Из центра мы не в силах прислать пахарей, — такого количества у нас нет, и денег тоже нет. А как вы думаете: что̀ налог—маловат или нет?

Голоса. Налог подходящ.

Калинин. Вот видите, — а дыр у нас много, и нечего об этом говорить. На льготы очень налегать не приходится. Я понимаю, взять хотя бы призыв 1901 года. Они служили по пяти — десяти лет, а теперь будут служить самое большее $4^1/_2$ года во флоте,— пехота и остальные служат не более двух лет. А во флот — покурить берут. Туда, главным образом, берем с севера, кто привык к воде. В вашей же речушке одни лягушки водятся, и мореплавание не особенно разведешь. Если взять 1921 — 22 год, то пусть оттопают два года для государства. Это — уже не такой больной вопрос. В декрете упомянуто о необходимости оказывать содействие красноармейским семьям. Но если совсем уменьшить налог, то с кого же будем брать? Вот в будущем таких, как тов. Петьков, — да и меня — надо бы на пенсию посадить. Нам бы только теперь жениться на молодых женах и чтобы свекровь кормила. *(Смех.)* Но положение — нищенское. Вы сами это знаете по крестьянским домам. Если мужик богатый, — его сыновья очень уважают и ублажают. Смотришь, умрет, — чуть вином могилу не поливают. А если бедняк, — клюкой с печки снимают и заставляют работать.

По существу, такая же штука и в государстве, и его надо сравнивать с большим крестьянским домом. Когда будем богаче,

*

тогда — другой разговор. А сначала мы обеспечиваем тех, кто служит государству. Затем, в отношении бедствующих в деревне мы устраиваем комитеты взаимопомощи. Пока эта помощь идет со стороны самих крестьян, а когда разбогатеет государство, тогда каждый, проживший до 70 лет, если денег у него нет, будет иметь право на пенсию. Сейчас мы — бедное государство, денег у нас нет. Мы и раньше были бедными. Правительство занимало каждый год в Западной Европе и оставило после себя большой долг. А за прошлый год мы всего налогов собрали приблизительно около 600 миллионов рублей. Прежде каждый год правительство занимало в Западной Европе не меньше 500 миллионов рублей, а мы седьмой год без займа. Так что, хотя другие кричат, что много расходуем денег, но никогда Россия за последние 300 лет не существовала без займов, начиная с Петра Великого.

Второе дело: у нас городское население очень обеднело. Теперь еще понемножку начинает поправляться, но поправляются только бабьи юбки и башмаки. Начали лучше одеваться в городе. Это — богатство мелкое. Конечно, если у бабы пять лишних сарафанов, это — недурно, но, все-таки, это — мелкое, несущественное богатство. Если в городе много юбок, это не характеризует богатства города; а для того, чтобы было богатство, он должен иметь хорошие дома, мостовые, водопровод, школы, средние учебные заведения в достаточном количестве для удовлетворения нужд всего уезда. Ничего подобного в городах еще нет. Ваш Ново-Николаевск — не чище Каменки. Вчера там заложили новую электрическую станцию. Он налоги с кого собирает? Нэпманов мало, богатые крестьяне почти всюду разорены. Ваш докладчик на конференции говорил, что некоторые группы богатеют, но я думаю, что их мало. Прежде, когда «лишняя тысяча» завелась, то он ею в носы тычет, а теперь, если десятка завелась, прячет от других, — боится, что кулаком сочтут. Во всяком случае богатства особенного нет. Ведь власть, которая здесь на трибуне стоит, ей пить, есть надо. Если без власти обойтись? — пока-что нельзя. Можно будет потом обходиться, а теперь еще рано. Я — не такой защитник власти. Теперь я удовлетворен властью, — мог бы теперь и поработать, хотя, конечно, говорят, отвык от работы, трудно будет: я — деклассированный пролетариат. *(Смех.)* Кого же облагать, кроме крестьян и рабочих? Ведь буржуазии нет.

Поэтому вопрос должен ставиться не об уменьшении обложения, а об улучшении его и урегулировании. Вот передо мной

задача стоит, чтобы крестьяне способны были работать, чтобы хватило и для государства, и для себя. Конечно, Советская власть стоит за улучшение благосостояния крестьян, и тот, кто думает, что Советская власть есть власть бедняков, это — не вполне правильно. Совсем неправильно, будто мы всех хотим превратить в нищих. Если это сделать, то подохнем с голоду. Но мы хотим бедняков сделать богатыми. Вот в чем суть и корень вопроса. Мы хотим, чтобы всякая крестьянка казалась с виду похожей на барыню. Вы смеетесь недоверчиво, а смотри́те, какие крестьянки стали, какими они красавицами стали. *(Смех, возгласы: «еще чего запросят!».)* Советская власть только начала существовать, а мода идет вперед.

Когда люди говорят о том, что разоряют вас, это — неверно; мы, безусловно, стоим за увеличение благосостояния. Я думаю, что крестьяне — народ умный: он понимает самые мудрые вещи, если просто говорить, а не философствовать, не мудрствовать, дурака не валять. Каждый понимает: если мы превратимся в нищих, нас наши соседи съедят. Ведь когда будем драться, то это наше нищенство скажется. Когда нищий, — он физически слабее. Возьмите богатого мужика, состоятельного, который мясо ест если не каждый день, то по праздникам. Дайте, чтобы он подрался с соседом, который земли не имеет и голодает. Конечно, богатый его поколотит, даже если ростом меньше, потому что, на самом деле, еда — могущественная вещь, как хотите. То же и в государстве. Если будете все нищими, если начнем воевать хотя бы с напавшей Польшей, — конечно, она нас поколотит, потому что бой требует силы, здоровья и много коечего другого, как пороха, хороших военных знаний, запаса хлеба и т. д. А ведь, кажется, никто не сказал, чтобы большевики были совсем глупые, что они плохо управляют, руководят. Ведь победили умных людей. Подрезать свой собственный сук — нет никакого основания. Надо на носу зарубить, что мы стоим за благосостояние крестьян. Особенно местная власть не должна этого забывать.

Затем, нельзя каждого кулаком считать. Кулаком считаем таких людей, которые стремятся закабалить окружающих крестьян: деньги в рост дают, землю скупали прежде. У него здесь — лавка, здесь — кабак, там — мельница. И землю постепенно скупал. У вас, конечно, этого не было. У вас частновладельческой мало земли, а у нас — кругом такие земли были. И в конце-концов кулаки, как паутина, крестьян опутывали. Этот-то и назы-

вается кулаком. А вот такой крестьянин, который сейчас говорил, — ему 65 лет, он нанял рабочего, — ясно, что тут никакого кулачества не может быть; или другой, который своим трудом живет и живет состоятельно, — его также нельзя кулаком назвать.

Голос. А у нас кулаком считается тот: у кого дом маломальски лучше, тот и кулак.

Калинин. Мы понимаем, что деревенскую бедноту нужно материально поднять. К этому мы сейчас понемножку приступаем. Поднять скоро никак нельзя. Калинин не поднимает, — они сами должны подняться; а правительство должно помогать косвенно, — соответствующим направлением государственной работы, государственных законов, работой общественных организаций. К этой задаче мы только приступаем. Это — трудная, нелегкая задача. Наша задача, чтобы отдельные единицы чересчур не выделялись, не превращались в капиталистов, это — раз. А другая задача — немножко поднять нищих. Конечно, пока есть нищие, не может быть братства на земле. Поэтому правительство всеми силами стремится нищих поднять, подвести под них экономическую подпору, чтобы их сделать середняками. Теперь стоит задача поднять бедняков, но не через передел, не через край, так как делить почти нечего. Если вы даже все имущество соедините вместе и разделите, — я не думаю, чтобы от этого дело существенно изменилось. Может-быть, через 10 лет это будет заметным, а сейчас—после войны—у всех растрепалось имущество. Сейчас дележка существенно не улучшит положения. Но все-таки правительство должно помогать беднякам тем или другим способом. Конечно, через урегулирование и продналога. Первая помощь дается безлошадным — налог или снимается, или уменьшается. Целый ряд других льгот дается, которых я точно перечислить подробно не могу. Это вы всякий раз можете справиться у председателя уисполкома, который вам расскажет. Многие скажут, скажут некоторые состоятельные крестьяне: «Да вы поощряете ленивых». Это неправильно. Ленивых людей почти нет, — нужда заставляет. Леность отчего получается? Работает, работает человек, и ни черта не выходит. У него опускаются руки, думает: «работаю, работаю, все равно, — не выходит». Собственно, и кулаки за это время сделались лентяями, в особенности которые болели над своей полосой, которые буквально давились на работе. Все за это время отвыкли от работы, — все равно, мол, Советская власть отберет. Да, война разорила, необеспеченность полная. Все отучились от работы

и, конечно, ленятся постольку, поскольку не получают результатов; а как только будет результат — все будут трудиться. Если бедняков поднимем, то, можно сказать, процентов на 50 выполним задачу. Даже не коммунист, не сторонник скажет: «значит, Советская власть — праведная власть, и жертвы праведные, потому что бедняков подняли». А если будут богатеть только отдельные единицы — толку мало. Тогда, значит, Калинин быть председателем ВЦИК не может, тогда должен быть другой человек. Ведь крестьянство тоже хочет выделиться из толпы, сделаться более богатым, а, с другой стороны, каждый думает: «как бы другой не выделился», — хочется, чтобы все были более или менее равными. В человеке сидят два человека. Каждому хочется быть первым, а, вместе с тем, глядишь за другим, как бы он не сделался первым. Каждый крестьянин хочет быть первым и чтобы вместе с тем никто не выделялся. Поэтому крестьянство не похвалит Советскую власть, если она позволит единицам богатеть и не взирать на то, что огромные массы будут нищенствовать.

Когда вы все возьмете, все свяжете, — вы увидите, что перед нами — нелегкая задача. Если эту задачу поставить перед собой, т.-е. задачу — сделать бедняка середняком, это будет задача, над которой человечество думает несколько тысяч лет. Если отнять стремление бедняка сделаться богатым, тогда путного, очевидно, ничего не будет. Возьмите религию христианскую. Раньше говорили бедняку, что на том свете ему будет легче. Но это две тысячи лет тому назад можно было сказать: тогда люди верили; а теперь попробуй: «Давайте, мне здесь будет хорошо, а вам пусть будет хорошо на том свете». Вы, пожалуй, скажете: «Пусть будет обратно, — пусть будет вам хорошо на том свете, а нам — здесь».

Комитеты взаимопомощи — это есть еще только зародыш, но безусловно необходимый. Все еще над ними издеваются, смеются. И, может-быть, правильно, — пока они ничего не делают. Но я беру в целом. Когда вы все вместе продумаете, то увидите, что перед нами — действительно трудная задача, но смеяться нечему: ведь это в первый раз в истории мы закладываем общественную организацию в деревне, где никогда организации не было, где делалось сверху все для того, чтобы ее не было. Поэтому так думать, что «тяп, ляп — будет и корабль» — этого не будет. Придется много совместно поработать.

Теперь я хочу выслушать местных крестьян.

Золотарев. Тов. Калинин, я бы хотел, чтобы вы нам пояснили, как у нас дело обстоит. Мы верили власти центральной и верим сейчас. Но почему-то был налог единый сельскохозяйственный, а сейчас он уже не единый, — накладываются и другие налоги, волостной налог: общество платило 4%, теперь откуда-то взялось 10%. Интересно это узнать. Если же гражданин в срок не уплатит, то на него возлагаются пени. Я же — крестьянин неимущий, денег у меня нет, и чтобы достать деньги, время проходит, а тут накладываются пени. Богатый, конечно, вперед заплатит, — ему все равно, — а бедному туго приходится.

Воронина. Я — бедная крестьянка. Сын у меня записался добровольцем в Красную армию. Я — местная крестьянка, и не знаю, как жить.

Калинин. Я сам помощи мало даю. Я больше беру, чем даю. Где же мне давать? Вы-то мне дадите по нитке, и у меня — рубашка, а если я буду давать по нитке, то рубашка пропадет, рубашки не хватит. (*Голоса: «правильно».*) Здесь местная власть должна подумать. Так что помощи с моей стороны нельзя ждать.

Плотников. Я хочу выяснить: какие кулаки и какие зажиточные мужики? У нас всех более состоятельных кулаками считают: и тех, кто пашет хорошо, кто лучше живет. Я повез государственный налог — 200 пудов; говорят: «ты кулак». А я считаю так же, как и Михаил Иванович: кулаки те, которые имеют лавку. А у нас местная власть считает тех кулаками, которые работают, пропадают на поле, и говорят: «вот он — кулак».

Третьяков. Также и я подтверждаю. Местная власть говорит: если мужик имеет три лошади, то считается кулаком и вследствие этого лишается слова на собрании. У нас 65 человек лишены голоса, которые самые самостоятельные, которые давали государству пользу и раньше, и в настоящее время.

Калинин. Это, по-моему, неправильно, и местная власть не учла.

Голоса. Обидное положение.

Волков. Я расскажу относительно хозяйства, так как я — крестьянин и хозяин. Я свое хозяйство оплачиваю собственным трудом и заплатил продналога 119 пудов. Действительно, когда было волостное собрание и когда лишали голоса, — меня также лишили. Я имею предприятие маленькое, заплатил патент 41 руб., с меня подоходного налога взяли 23 руб. Откуда же я могу все это заплатить?

Калинин. А какое у вас предприятие?

Волков. У меня маслобойня. У меня кустарное производство. Всего-на-всего я заплатил 73 рубля. Я говорю: «Я не могу оплатить», а мне говорят: «Ты—кулак, и должен платить».

Ольховиков. У меня была мельница, и было постановление губэкосо мельницу отобрать. Она не была национализирована, но закреплена, как арендаторская мельница. Ее в СТО в Москве укрепили. И все-таки отобрали. Хлеб был, — Каменский волисполком отобрал тоже. Я просил, хотя бы огород дали. Я — мельник, исключительно этим занимаюсь.

Калинин. Какая у вас мельница?

Ольховиков. Три постава.

Калинин. Если так, то правильно отобрали. Относительно хлеба подайте заявление тов. Сенцову, хотя трудно предположить, чтобы мельник вдруг остался без хлеба. Кто теперь арендует?

Ольховиков. Там новый арендатор. Он арендовал на 6 лет.

Калинин. Ну, мельники и кузнецы хорошо зарабатывают, — попы теперь хуже зарабатывают. Так что, я думаю, вам всего хлеба не возвратят. Вы — здешний крестьянин?

Ольховиков. Я давно приехал из Черниговской губернии, — лет пятнадцать тому назад; у меня семья 9 душ.

Калинин. Вам надо мастером на мельнице быть. От такой мельницы мельник должен быть богатым человеком. У нас тоже мельники есть, они зажиточно живут, — конечно, если настоящий мельник и хорошо работает. Теперь остаются мельницы одного постава. Помочь здесь трудно. Здесь — законное основание.

Золотарев. Еще я хочу сказать. В окладном листе говорится, что мосты на дорогах должны поправлять за счет госучреждений, но почему-то у нас не водится, а поправляют крестьяне — на большой дороге, где ездят не только наши, Каменские, а весь уезд Ново-Николаевский. Все Каменка всецело оплачивает.

Зеленцев. Тов. Калинин, я хотел бы спросить: если в наших надельных участках есть лес, то можем ли мы срубить хотя бы жердь, чтобы изгородь поправить, не выправляя билета?

Калинин. По-моему, можно. Об этом надо местной власти подумать.

Зеленцев. У нас, понятно, березовый лес. Если дрова на зиму готовим, оплачиваем за билет, а иначе отберут, оштра-

фуют. Некоторые граждане в собственных наделах, может-быть, срубили 3—4 жерди, а местная власть останавливает и сваливает, и куда все это идет — нам неизвестно.

Калинин. Леса местного значения возвратятся, об этом не беспокойтесь. Я боюсь, что если дать, — начнут расхищать, и одни кочки возвратятся. Мы за это время столько лесу извели зря. Подайте заявление, чтобы лес, который принадлежал вам, чтобы он и остался у вас. Безусловно, этот лес перейдет к вам.

Быков. У меня во время войны землю отобрали. Теперь у меня один лесной участок; разработать его мне, одному работнику, очень трудно, попросту — невозможно.

Калинин. Мне это дело трудно решить, на месте виднее. Сколько вы обрабатываете десятин земли?

Быков. Три с половиной десятины. У меня лесной участок. Я живу в Мытищах.

Калинин. Подайте в волостной земельный отдел, а если решением останетесь недовольны, мотивируйте свою жалобу.

Головня. Я хотел спросить о своем положении, так как я — здешний житель, крестьянин. Меня ВИК отправил, как нетрудовой элемент, на сборный пункт и представил, как нетрудовой элемент. Отчего это произошло, — я не могу знать. Это — личные счеты ВИК'а.

Голоса. Мы все знаем: он — крестьянин-середняк, трудится и работает.

Головня. У меня два брата, шесть лошадей; работников нет, кроме братьев; отцу 67 лет и семья из 8-ми человек.

Сенцов. Отчего же вы не протестовали? Ведь уездная комиссия, — она разбирает эти дела.

Председсельсовета. Я должен сказать, что тов. Головня, что касается отношения к Советской власти, вообще, неблагонадежный. Был ряд собраний, где Головня много вопросов ставил о налоге и так далее, и, вообще, Головня особо выделяющимся лицом был. И волисполком, и сельсовет неблагонадежно относятся к нему, потому что, если он и не кулак, то настроение его неподходящее. Вот каково положение.

Головня. Вы спросите всю публику, — меня все знают: мужчины и женщины, молодые и старые.

Плотников. Я хочу спросить: когда Головня говорил против власти? Может-быть, это личные счеты сельсовета, просто — одна ненависть. Она, может-быть, основана на том, что Головня говорил справедливо на собраниях, а местная власть

много несправедливостей делает. Тов. Головня, как человек опытный, всегда с ними спорит, иногда идет в разрез с ними.

Голоса. Правильно, правильно.

Калинин. Пусть выступит кто-нибудь из бедняков-крестьян.

Крестьянин. Я не особенно богатый, и должен сказать, что семья старого Головни раньше жила очень бедно, и сыновья в работники ходили. Теперь они выросли и, видно, начинают маленко оживать и начинают хорошо жить. Сейчас Головня в среднем положении.

Сенцов. Тов. Головня, зайдите в губисполком.

Калинин. Надо понимать критику. Я думаю, что если местная власть под контр-революцией разумеет разговоры о происходящих несправедливостях, то в этих разговорах ничего дурного нет. Но, вместе с тем, иногда трудно бывает уловить: один выступает с тем, чтобы позорить власть, а другой выступает, чтобы исправлять ошибки. Если Головня выступает, чтобы исправлять, — плохого он не делает.

Голоса. Он выступает для того, чтобы исправлять.

Голос. У нас в настоящее время так стало, что не только слова сказать нельзя, но лучше и на собрания не ходить, потому что если что-нибудь скажешь, то плохо тебе будет. Ведь я, например, не могу так хорошо говорить; я бы и хотел хорошо сказать, но не могу. А выйдет плохо,—люди грозят, что арестуют.

Чмаков. Как у нас обращаются с бедняками? У нас население разделяется на две части: одни богатые, другие бедные. Кулаки нажимают на бедняков и говорят: вот он вертится вокруг партийных людей, он — коммунист, он поступает нехорошо. Ругают тебя коммунистом и обрушиваются на бедняков. Коммунист идет по улице,—ему кричат: «погоди, крышка вам будет, теперь вы завладели нашими землями и вам не поздоровится». Относительно Головни могу сказать, что он тоже не послушает бедняка, а льнет к зажиточным людям и увиливает от военной службы.

Головня. Я вовсе не стараюсь улизнуть.

Ларионов. Тов. Калинин, я могу действительно подтвердить, что правду говорит Чмаков. Я проживаю здесь около полугода, и, действительно, ненависть имеется к бедному классу.

Головня (старший брат). Тов. Калинин, и тут про нас говорят: «богатые, зажиточные люди». Но все общество знает, что я с 11 лет прослужил работником от отца, с 8 до 19 по работам ходил. Теперь пришло мне 19 лет, мне надо было

жениться,—я женился, и стала наша семья подниматься на ноги. Я прослужил 6 лет на службе, года два назад пришел назад, стал работать. Появилась пара лошадей у меня, две коровы. Неужто я — кулак?

Калинин. Вот Сендов готов все подробно выяснить. Обе стороны скажут все, что найдут сказать.

Анненков. Я 1-го октября взял патент на кузницу. Мне по ошибке дали патент предприятия. Мы, конечно, ничего не знаем: нам присылают уравнительный — 76 рублей, а мы не в состоянии уплатить. Поехал в финотдел заявлять. Они мне говорят: «Если не заплатишь, — прикроем кузницу». Мы говорим: «Прикрывайте, потому что платить нечем». Так прожили до весны. С 1 марта стали давать новые патенты. Мы взяли новый патент, а с нас требуют за старые месяцы. Мы сейчас работаем, — нам дали одиночный патент.

Калинин. Вы должны подать заявление председателю Сендову.

Чистяков. Теперь относительно мельниц. На мельнице раньше за 1 пуд хлеба 2 копейки платили, и хлеб весь назад везешь, а нынче 5 фунтов отдашь за помол. Теперь относительно государственной мельницы. Она зимой молола за 4 фунта, потому что еще другая мельница частная была, где мололи. Весной из-за подвоза на частной невозможно было молоть, и государственная, вместо того, чтобы крестьянам помочь, — она, вместо 4 фунтов, стала брать 5 фунтов. Она увидала, что подвоз большой, взяла да набавила 1 фунт. Такой налог на мельницу для крестьян тяжел.

Калинин. Это, повидимому, неправильно, и надо разобрать.

Чистяков. Наши предприятия маслобойные в тяжелом положении. В виду того, что налог большой на маслобойню, невыгодно семя туда возить. Возьмешь да и продашь семя на рынке. А то свезешь 2—3 пуда семян в маслобойню, — привезешь каких-нибудь 16 фунтов масла. Все это на крестьянском хозяйстве отражается.

Калинин. Я сам великолепно знаю, что такое конная маслобойня. Я думаю, мы все-таки уменьшим кустарные налоги. Я думаю, что с кузницы надо рублей 15 — 20 получать. Когда водкой начнем торговать, тогда налоги сбавим.

Голос. Лучше бы не надо, — много пьяных будет.

Голос. Лучше бы торговать, — меньше бы хлеба на самогонку изводили.

Калинин. Я ручаюсь, что нет ни одного, кто бы самогонку к празднику не гнал; а кто не гонит, тот готовую пьет. У нас водкой торгует Дальний Восток, начиная с Забайкалья. Пока у нас правительство о водке еще не решило вопрос.

Маков. Уж очень у нас плохо дело с совхозами. Совхоз имеет 60 лошадей. Вместо ржи — ядрица вырастает, вместо ядрицы — рожь.

Калинин. Я знаю: вы рады бы съесть совхозы; вы — народ небеспристрастный в этом отношении. Без совхоза вряд ли нам обойтись, потому что иначе крестьянское хозяйство развиваться не может. Совхоз, может-быть, плох, но у нас все работают плохо, и фабрики пока плохо работают. Совхоз для чего нужен? Вам хорошие семена будут нужны, а как ты получишь хорошие семена, когда рядом плохие семена растут и засариваются? Затем, где вы породистого быка можете получить? Тоже в совхозе. Пока об этом разговора нет, но через 2—3 года этот вопрос ребром встанет перед крестьянским хозяйством. Мы видим: половина крестьянской земли не обсеяна. Как ни крутись, а надо по крайней мере на каждую волость хотя бы пару совхозов. Я беру только для культурных целей, не говоря уже о том, что совхозы должны образцом служить.

С кого крестьяне будут брать образец? Пока-что хозяйство у вас ведется очень плохо. Таким образом вести хозяйство долго нельзя: мы истощим землю. Что она истощается, в этом нет никакого сомнения. Поэтому новое культурное хозяйство как мы будем без совхозов налаживать? Плохо управляем,— говорите. Возьмем, примерно, школу. Вероятно, школа у вас не отапливалась зимой, учительница наверное мерзла, и свои ребятишки мерзли. А все-таки вы обвиняете власть. Дальше: для крестьянского хозяйства необходимы орудия производства, прокатные пункты. Совхозы и в этом отношении будут полезны. Как ни плохи они сейчас, да они и не могут быть хорошими, публика там пока — с бору, да с сосенки; руководители, чтобы не таить, — чепуха одна, неопытные. Не успокоилось еще бурлящее море, и я их целиком под защиту беру, так что жалеть вам землю для них нечего.

Иполитов. У крестьян бывает масса гражданских мелких исков. Крестьяне, чтобы дело не влачилось в народном суде, часто бросают дело. Нельзя ли установить выборных волостных судей, которые могли бы ежемесячно разбирать дела?

Калинин. Это правильно, по существу говоря, но это потребует денег, на местные средства положиться нельзя. Суд требует расходов больших.

Голоса. Судей можно бесплатных выбрать от крестьян.

Калинин. Дело ведь не в судье, а в самом аппарате: нужен писарь, машинистка, помещение. Без этого не обойдешься.

Голоса. Нам это необходимо, масса дел накопилось.

Калинин. Но ведь и сутяги же, которые из года в год судятся! *(Смех.)*

Кушнаренко. Насчет лесных наделов, которые принадлежали обществу. Теперь в Каменском обществе нигде лесных наделов нет. У казны — дорого купить. Нельзя ли походатайствовать об этих лесных наделах?

Калинин. Хлопочите. Я думаю, могут немножко прирезать.

Иполитов. Я — кузнец Самарской губ. Приехал сюда от голода. В 1922 году буквально помирали с голода: все проели, жить было нечем. В 1922 году стал работать, и стали немножко хлеб есть. А то один раз ели в день. В 1924 году у меня инструментов не было никаких, — друзья, кое-кто из граждан, помогли. В 1924 году требуют патент. Зимой не выбрал, не мог взять, — платить нечем. Я говорю: «Нечем платить». Приезжали агенты, говорят: «Посидишь». С 1-го апреля взял патент, — опять-таки помогли друзья, дали в долг. Стоит патент 10 руб. 50 коп. Выбрал патент. Живу на квартире, — своего дома нет. Я — холостой, но у меня 6 человек семейства, отцу 60 лет.

Калинин. Этого мне не говорите: обойдите весь Союз, — кто отцов кормит? Что это за особенная деревня, где кормят отцов? Да за него первая невеста пойдет, а вы морочите голову. Любая здешняя девица с радостью пойдет, думает: «Хорошо здесь поживу, а может-быть и свет с ним увижу».

Сорокин. Хотелось бы узнать относительно государственной таксы на хлеб.

Калинин. Мне говорил тов. Лашевич, что в прошлом году спасли положение, и хлеб особенно дешев не был. Во всяком случае об этом задумались. Вам придется, пожалуй, переходить на молочное хозяйство. Уж Омская, Алтайская губернии, где много хлеба бывало,—там бо́льшая часть на молочное хозяйство перешла, потому что отсюда трудно пшеницу высылать за границу или в Москву, — не выдержишь и провоза. Теперь хлопочите, чтобы тариф не менялся. Я лично хочу, чтобы вы богатели, наживались.

Я, по совести говоря, не могу сказать, как Каменка была обложена налогом: тяжело или слабо. Добавка приблизительно процентов на 20, чтобы половина шла на волость. Решено около 400 миллионов золота собрать. 200 миллионов пойдет в Москву и 200 останется на местах. Мы не хотим разорять, но стричь — нужда заставляет. Ведь армию содержать надо. А нужно содержать армию, конечно, по той причине, что граница у нас без армии не защищена. Если не будет на границе армии, — завтра же будет на нас нападение.

Что касается нашего международного положения, то оно, в общем, недурно. Сейчас у нас идут переговоры с Англией. Она предъявила счет на целые миллиарды военных и довоенных долгов, в том числе и уплату за национализированные фабрики. Очень многие наши заводы и фабрики принадлежали не русским капиталистам, а иностранцам. Например, в Сибири все золотые прииски принадлежали англичанам. Можно сказать, $^3/_4$ их принадлежало англичанам. Затем, на Урале добыча меди тоже в руках англичан была. Также и бесконечное количество других заводов. Теперь они в деньгах оценивают эти заводы и хотят, чтобы мы заплатили деньги или заводы отдали. Я говорю только об Англии, но и Франции мы должны миллиардами, так же и другим государствам. Несколько миллиардов получили от Англии во время царской войны пулеметами, снарядами и другой военной амуницией.

Мы, со своей стороны, тоже предъявили счет англичанам, близкий к тем же миллиардам. Во-первых, они высадку сделали в Архангельске. В Ярославле восстание было. По нашим документам мы знаем, что в этом восстании принимало участие английское посольство. В Архангельске целой областью владели. Теперь крестьяне собирают все убытки, мы подсчитываем и представляем приблизительно такой же счет в миллиардах. Конечно, англичане не соглашаются с этим. Они свои долги считают справедливыми, честными, а наши долги — несправедливыми. Я обратно думаю, но вы сами знаете, когда бедный с богатым встречаются, идет ругань, — так и там: интересы противоположны у нас, — капиталисты думают одно, мы — другое. Теперь все зависит от нашей силы, как дело дальше пойдет. Теперь можно только сказать одно, что если мы признаем все царские долги, то одних процентов должны платить в два раза больше, чем весь наш государственный расход годовой. За прошлый год мы израсходовали полтора миллиарда рублей, с продналогом и со-

всеми сборами и с эмиссией, а должны мы процентов платить около трех миллиардов, да погашать надо. Ясно, если бы было царское правительство, оно бы проценты платило, и налоги в настоящее время были бы совершенно другие, чем в 1912 году. В Англии налоги сильно выросли, во Франции — еще больше. даже в Америке выросли, — это в самой богатой стране. Ясно, у нас налоги были бы гораздо больше, чем до войны.

Наша делегация поехала в Англию и работала приблизительно недели две или месяц от начала собрания, но английская пасха мешала — получилась задержка. Пока с обоюдного согласия приступлено к решению мелких вопросов. Между Англией и нами есть бесконечное количество старых соглашений. Все они аннулированы, уничтожены, и каждое соглашение должно вновь вырабатываться. Насколько я получил сведения из Наркоминдела, десятки договоров у нас есть с Англией. Они должны быть снова пересмотрены, и на их место должны быть заключены новые соглашения. Из этого видите, какая большая работа нам предстоит.

Если будете спрашивать, можем ли мы надеяться на эти переговоры, то это трудно сказать. Мы имеем твердое решение: не платить долгов. Мы мыслим себе так: если бы английские капиталисты пошли с нами на соглашение, то мы бы согласились им кое-что дать, — я думаю, около 200—300 миллионов приблизительно или даже около миллиарда, — но с тем, чтобы они нам дали в долг. Если же в долг не дадут, тогда вообще долгов не признáем, — не будем платить. На самом деле: чем же мы будем платить? Государство у нас нищенское. Платить нечем. Насчет военных долгов мы категорически отказываемся даже говорить о них. Ведь вот мы с вами возьмем такой пример. Предположим, мы с вами сговорились драться с двумя другими. У него оказалось два топора. Он мне дал топор, чтобы совместно итти драться, а потом, после битвы, требует деньги. Мы солдат выставляли, — Англия пушки давала. За солдат убитых никто не платит, — дескать, мужик перенесет. Ясно, что это — буржуазная справедливость, а не наша. Вот как обстоит дело с военными долгами.

Уплату небольшого количества денег, если дадут взаймы, мы вот чем мотивируем. Если они дадут заем, то он даст возможность поднять промышленность, а это даст толчок сельскому хозяйству. А тогда поднятие производства в сельском хозяйстве и в промышленности даст возможность заплатить проценты за заем и те долги, которые примем. Вот та линия, которую мы

заняли. Она возможна постольку, поскольку мы сильны своей армией. Если армия будет слаба, конечно, они пошлют нас к чорту. Так как армия у нас недурна, то они не считают возможным объявить войну, и поэтому мы отстаиваем свое положение. В самом английском обществе есть разногласия. Одни — отъявленные наши враги, другие — идут на переговоры, а третьи — стоят за нас без всяких разговоров. За нас стоят, главным образом, рабочие. Самые ярые противники наши — те из английских капиталистов, которые потеряли богатства у нас.

Из других государств в Западной Европе — одно из крупнейших государств, которое еще нас не признало, это — Франция. Она очень зло относится к нам. Пожалуй, ни одно государство так зло не настроено против нас, как Франция. Главная причина, почему французское правительство зло относится к нам, та, что ему мы больше всего должны. До войны старое царское правительство у Франции заняло больше десяти миллиардов рублей, да еще военных несколько миллиардов. Англия больше во время войны давала, а Франция — больше до войны. И французское правительство в бешенство приходит от неуплаты, так как оно думало нашей уплатой погасить свои прорехи. Ведь Германия — не бездонный источник. Они обобрали все, что могли, — они взяли уже немало миллиардов, и больше взять нечего. В соответствии с этим, Франция ведет везде кампанию против нас. Она в союзе с Польшей, Румынией идет против Советской Республики, и само правительство французское сейчас — самое черное. 17-го мая смена правительства будет. Там будут новые выборы в парламент. Они происходят там через четыре года. Думают, что это правительство будет сменено на более левое правительство, которое более сговорчиво по отношению к нам. Если будет правительство левое, то возможно, что после перевыборов французского правительства начнутся переговоры и с Францией.

Недавно происходили перевыборы в Германии. Там усилилась Компартия. У них было приблизительно 12 человек, — теперь слишком 60 коммунистов выбрано в парламент.

В Англии, кажется, в декабре были перевыборы. Там рабочая партия тоже усилилась, и сейчас у власти стоит. Но рабочая партия там в меньшинстве в парламенте, поэтому она не проводит целиком своей политики, а вынуждена подчиняться большинству, — буржуазии. Да если бы и проводила, то дальше пустяковых мер она бы не шла, как у нас эс-эры и меньшевики. За каждый шаг вперед они бы уступали потом буржуазии два назад.

Если взглянуть на другие государства, — на Америку и Японию, — то безусловно, как я уже вначале сказал, наше положение недурно. Враги не решаются на нас напасть. Но, разумеется, это ни на минуту не должно особенно успокаивать нас, и нет никакого основания надеяться, что они могут завтра не напасть. Если они будут чувствовать у нас внутреннюю слабость, то нападут безусловно. Поэтому, вполне естественно, мы должны содержать еще большую армию. Мы содержим армию в половину меньше, чем прежде, при царском правительстве. Мы 600 тысяч содержим, но и эта армия берет расходов около трети бюджета. Да железные дороги берут побольше трети бюджета. Все остальное расходуется на остальные нужды, а главное падает на железные дороги и армию. Хотя железные дороги вместе с тем со своей стороны дают и доход самый большой.

Теперь вам будет вполне ясно, что особенно уменьшить налог в ближайший период нельзя. В нынешний год на 100 миллионов увеличили расход на армию и вместе с тем очень небольшие средства ассигновали на флот, — буквально микроскопические. А действительная безопасность требует, чтобы и флот был.

Может-быть, вам покажется странным: а как же старое правительство жило? Я только напомню, что оно имело большой доход с водки, — около 800 миллионов рублей. Затем оно занимало 500 миллионов в год за границей регулярно. 800 да 500 миллионов выйдет больше миллиарда, — почти весь наш нынешний бюджет. Нам пока в долг не дают. Мне кажется, это хорошо, что нам не дают. Я лично не такой уж ярый защитник, чтобы занимать. Я думаю, если бы в долг получили раньше, то расходовали бы не так производительно. Когда строишь новую власть, — все равно, что переезжаешь на новое пепелище и новое место. У того, кто переезжает, деньги льются между рук, не только потому, что глупее в этот момент стал, а потому, что обстановка новая: он еще должен приучиться к месту, не знает, где что купить и где продать. То же и новая власть, — она всю обстановку не знает, у нас создается все заново. Старое все перековеркано. Поэтому расходы большие на аппарат: там, где, может-быть, требуется пять человек, — 12 сидит. В волисполкоме, например, у вас сколько было некоторое время назад служащих? Вероятно, в два раза больше, чем сейчас, а при царизме, вероятно, было человек пять.

Теперь в волости большая работа, и крестьянин теперь не тот, что был раньше. Я думаю, если бы проехал здесь прежде

урядник, то всякий бы папиросу в карман сунул для почтительности, — было бы неудобно при нем курить. А теперь — дело иное, — теперь рот не зажмешь. Теперь попробуй даже я, стоящий во главе правительства, и то, если, обозлившись, обругаешь, — он говорит, что в газетах напечатаем: не демократично. *(Смех, апл.)*. Ясно, что власть советская, массы советские другие стали. В соответствии с этим и на государстве очень большие задачи лежат.

Если все это во внимание примете, то увидите, что мы потому справляемся с нашими скромными деньгами, что нищими живем. В нынешнем году улучшили положение нашего комсостава. Чуточку думаем улучшить положение учителей. Было недавно постановление: по крайней мере миллионов пять бросить специально на сельских учителей 1-й ступени, потому что они очень плохо живут; а мы знаем, что теперь пришло время, когда учитель делается главным руководителем в деревне. Пришла пора, — надо учить крестьян. Затем, и вы сами сказали, что у вас мост не починен, говорите: «Деньги берут, а мост не чинят». А если бы мы эти деньги, которые берем, употребили на починку мостов, то нам этих денег не хватило бы. Ведь у нас еще не починены такие мосты, как мост через Амур, где 16 пролетов и тянется на $^3/_4$ версты, — два пролета в воде. Перевоз на пароме, на баржах, страшно дорого стоит, — дорога терпит убыток. Но починка стоит сотни тысяч рублей золотом, а у нас — не один Амурский мост. Вероятно, за прошлый год мы восстановили не меньше 100 железнодорожных мостов. Вы знаете, — мы все очень усердно ломали, — теперь надо чинить. А кто должен платить? Да кто, кроме мужика и рабочего, будет платить! Нэпманов очень мало. Давайте, оберем всех нэпманов Ново-Николаевска, — получатся гроши. Ясно: уплатить должны крестьяне и рабочие.

Конечно, получается как-будто смешное положение. Всякий думал: если власть будет в руках, то с властью придут и богатство, и привилегия. Если бы была буржуазия у власти, то было бы великолепно для буржуазии. Представьте, буржуев 200 тысяч, даже возьмем 500 тысяч, с семьями. Пятьсот тысяч накормить хорошо даже при нашей бедности нетрудно. И мы могли бы накормить, и богатство бы скопилось. А вот надо, чтобы увеличилось благосостояние полутораста миллионов человек, это — хитрая задача. Поэтому и толчемся на месте, что перед нами очень трудные задачи стоят. Как заставишь полтораста миллио-

нов разбогатеть? Пятистам тысячам хорошие сапоги легко можно сделать, и сапожники найдутся великолепные, и женщинам, входящим в состав этих 500 тысяч, обувь сделаем с высокими каблучками, на которых ходят барыни по чистым улицам. И наши крестьянки стремятся, в особенности молодые девушки, хорошие башмачки купить для танцев. Да вот полутораста миллионам сапоги сделать, да еще с претензией, — задача трудная.

Наше сознание тоже мало-мальски изменилось. Теперь никто не стремится копить средства. Может-быть, живут немножко лучше, да и только. Буржуй не потому называется буржуем, что хорошо живет, а потому, что он копит капитал, который доход приносит. Теперь советский персонал немножко лучше живет, — питание за это время поправилось. Вот ваше начальство, начиная от губернатора, исправника, они, конечно, лучше съедят. Но копить никто не будет. Есть крестьяне, которые обедают лучше, чем я. У меня тоже более или менее простой обед, но есть и такие, которые еще плохо едят. Советская власть, конечно, лучше ест, — иначе она и не была бы властью, и никто не стремился бы к власти. Ведь во власть выбирают людей поумнее, поразумнее. Все равно как гусь, как старший гусак, который всегда гусей на юг ведет. Он должен дорогу лучше знать, и распоряжаться, и клювом тукнуть, чтобы не баловались, не мешали. То же самое и в народе. В старосты или в председатели сельсовета надо более разумного выбирать. Я не говорю, что нужно выбирать особенного человека, но чтобы был не особенный ругатель, а если и ругатель, так чтобы не сверхэтажный, а хотя бы одноэтажный, чтоб мало-мальски грамотный был, мог разбираться с вопросами. Когда вы все взвесите, вы увидите, что в ближайший период времени расход не уменьшится. Но я лично думаю, что если все подсчитать, то крестьянам с каждым годом становится полегче, потому что благосостояние крестьянское должно увеличиваться больше, чем налоги. Например, так скажу: чтобы доходы крестьян на будущий год увеличились на 20 процентов, а налог увеличился на 15 процентов; чтобы крестьянам было, таким образом, выгодно, чтобы его богатство росло, — вот к этому мы стремимся. Поэтому, если будет какая-нибудь возможность, налог будет уменьшаться по сравнению с ростом благосостояния.

В общем и целом, в нынешнем году мы большую работу проделали. Мы сделали дензнаки непадающими. Это — очень боль-

шая работа, и для крестьян это — большой подарок. Конечно, вы можете сказать: сами большевики уронили деньги, а теперь сами поднимают. Но это не вполне правильно. Большевики — не везде, а деньги падают везде. Польская марка, деньги австрийские, германские — сильно падают. Французский франк недавно сильно полетел. Твердый денежный знак снимает, товарищи, с каждого дома 3 рубля налога: раньше, чтобы вам скопить 3 рубля денег, вам нужно было два месяца израсходовать, а за это время деньги падали. Теперь они не падают.

Мы и зарплату теперь немножко прибавили, и эта работа нам дорого стоила. В апреле месяце двадцать процентов не додали, вообще, служащим, — отложили эту уплату до мая. Теперь запрещено новые деньги выпускать. Как новые знаки выпустим, так и погибнем. В этом году думаем миллионов на сто серебра выпустить. Главная масса серебра будет выпускаться в момент реализации урожая. В общем — плетемся. Не даром, значит, с нами ведут переговоры Англия и другие государства. Это доказывает, что мало-мальски мы плетемся недурно, и крестьянство начинает выкарабкиваться. А раз так, то и государство начинает выкарабкиваться.

Раньше у нас был кризис — то в хлебе, то в угле, то в керосине. Теперь имеем 100 миллионов угольных запасов, — не знаем, куда сдавать. Ставится вопрос о вывозе за границу. Нефти тоже достаточно. Цену на керосин вы сами знаете. В Москве фунт стоит 7 копеек. На сахар цену тоже сбавили. Теперь с пуда налог сбавили, — заставили трест сбавить. Попробовали сделать первую скидку на ситец. Это труднее всего было сделать, потому что главная стоимость ситца — в сырье и краске. Хлопок за границей увеличился в три раза по цене. До войны хлопок покупали, приблизительно, 8—10 рублей за пуд. Теперь хлопок значительно дороже, т.-е. около 35 рублей. Нашего хлопка мало. Как у вас не все поля засеяны, так и хлопковое производство в Туркестане: в нынешнем году только $^1/_4$ часть хлопка была посеяна. Теперь для развития хлопководства нужны большие расходы. Им пришлось послать около 10 миллионов рублей золота, чтобы помочь для проведения водной системы. Если у вас чувствуется недостаток земли, то там недостатка земли нет, а там большой недостаток в воде. За эти годы совершенно уничтожились так называемые «арыки», т.-е. отводы от рек, это — глиняные канавы. Теперь для их восстановления требуется около 10 миллионов рублей. В нынешнем году тоже, вероятно,

миллионов 10—12 придется бросить. Крестьяне от этих арыков проводят воду каждый к своему полю.

Из этого, товарищи, видите, какая работа и в области хлопководства. И наш хлопок тоже вздорожал. Мы платили 22 рубля золотом за пуд туркестанским крестьянам, — немножко дешевле американского. В нынешнем году думаем половину хлопка получить, а может быть $^1/_3$ часть, по сравнению с довоенным временем, из Туркестана.

Так, по существу говоря, исподволь идут успехи в Союзе по части налаживания производства. Так же медленно, как и у вас в хозяйстве. Правительство переживает почти то же самое, что и у вас. Вы видите, что у вас понемножку начинает налаживаться, — и там начинает налаживаться. Мы сделали большие расходы, бросили миллиона 4—5 на уплату убытков заводам, изготовляющим сельскохозяйственные орудия, и часть сельскохозяйственных орудий бросили по удешевленным ценам. Железо стало раза в три дороже, а сельскохозяйственные орудия продаем почти по довоенным ценам. Эти убытки государство покрывает на свой счет.

Теперь ассигновали 20 миллионов на сельскохозяйственный банк в этом году и 20 миллионов — на будущий год. Подумаешь: 20 миллионов, какая большая сумма; а по существу говоря, это — чепуха, буквально никого не удивишь. Чтобы крестьяне вносили в кредитные товарищества, чтобы колесо завертелось, 20—40 миллионов, это — также мелочь. Но государство не может сразу сотни миллионов бросить. Для того, чтобы кредит дать крестьянам полностью, — это даже в Америке не хватит денег. Ясно, товарищи, всего этого не выполнить сразу.

Вот я сделал краткий обзор того, что делается у нас. Во-первых, правительство занялось охраной наших границ, и лучшей охраной является совершенствование нашей армии. Второе дело: оно стремится войти в то или другое соглашение с государствами, идущими на это соглашение. Мы не соглашаемся только тогда, когда кабальные отношения предлагают, когда хотят превратить нас в рабов. Я считаю, что тогда надо бороться, вплоть до войны. Если превратят в холопов, то разорят так же, как Германию разорили. Но если есть возможность договориться, то это необходимо сделать. Насколько возможно, мы идем на соглашение.

Мы со своей стороны существенно уменьшить налог не можем, но постепенно сельское хозяйство растет. Мы стремимся

по отношению к налогу сделать так, чтобы крестьяне заметили увеличение богатства и чтобы было у них желание работать.

Наконец, последняя задача, это — мы стремимся, безусловно, поднять бедняков. Наше стремление — не разорять самостоятельных крестьян, не сравнять их с бедняками. Наше желание — материально поднять бедняков до состояния среднего крестьянина.

Вот это — основные мысли, которыми руководствуется Советская власть.

Я, товарищи, думаю: хорошо было бы, когда я уеду, чтобы вы обсудили без меня, — правильно, по совести обсудили — то, что я вам рассказал. Я предложил бы местной власти дать свободно высказаться. Пусть будет критика, — без этого вести политику нельзя. Но я уверен: может-быть, мы ошиблись в отдельных вещах, я допускаю это, — не ошибается тот, кто ничего не делает, — но в общем политика ведется правильно.

И с моей точки зрения мы не несем разорения для крестьян; ибо, товарищи, помните: все боялись устраивать у себя революцию, а теперь, например, германские крестьяне разорены, превращаются во французских холопов, Франция высосала все соки у Германии, и Германия буквально пропадает, разоряется. Пока-что мы Советскую Республику сохранили, и все национальности до известной степени удовлетворили.

И я вижу молодежь, которая в высшей степени охотно идет в Красную армию. Я в одном уезде спросил: «Сколько бракованных в участке?». Это было на ст. Татарская. Оказывается, три человека бракованных. Как видите, это недурно, — три человека только. А мы дали циркуляр браковать посильнее: многие пойдут назад, набор сделать небольшой, для того, чтобы из армии не высылать, ибо это стоит лишних расходов. И только три забракованных. Вся эта молодежь уже росла при Советской власти, — это, можно сказать, хлеб советский. Наконец, настроение этих красноармейцев великолепное. Не только они, но и жены их веселы, — не плачут, как прежде. Это дает уверенность и основание думать, что крестьяне чувствуют, что власть — крестьянская; и особенно дурного я впереди не жду, если, конечно, не нападут на нас. А если нападут, то, думаю, защищать будем Советскую Республику. Я думаю, не дадимся в руки белогвардейцам. Такая уверенность растет у нас с каждым днем. Пройдет еще лет пять, общее материальное благосостояние улучшится, и тогда крестьяне убедятся, что коммунисты не только умеют драться, воевать, уничтожать, захватывать помещичьи

хозяйства, а коммунисты умеют строить новую, лучшую жизнь, чем была до сих пор. Конечно, не сами тут коммунисты строят: это, конечно, сказки; а важно людей направить на основной путь, чтобы каждый знал, где вехи стоят. Мне кажется, в общем линия взята правильная, а все остальное — мелочь. Когда ты работаешь сохой, иногда плуг у тебя то в одну, то в другую сторону идет, но все-таки линия правильна.

Мне кажется, в общем линия правильно ведется, только есть частные ошибки, некоторые уклонения,—это изживается,—без этого нельзя. Мы живем не среди ангелов, и Советская власть состоит не из ангелов, а из простых грешных людей, со всеми доступными человеку недостатками. Вот в чем дело. Ведь люди остались людьми: и казнокрады остались, и мошенники, и воры остались, и взяточники. Все они на грешной земле живут. Все они влияют на остальных своей тлетворной частью.

Когда вы продумаете, то вы увидите, что у нас большие успехи есть. Можно, товарищи, по совести сказать, что мы кое-что сделали, и завтрашний день, как мне кажется, лучше, чем был вчерашний день. По крайней мере, живя сегодня, у тебя и мысли нет, что где-нибудь бунт, — конечно, если вы пойдете нормальным путем. Наоборот, я уверен, что завтрашний день будет лучше, — и работают больше. Наконец, крестьяне и рабочие начинают получать кое-что за свой труд. Начинают думать о культуре и говорят: «Дай мне щей, и щей не пустых, а возьми сметанки». А потом не удовлетворяются: «Дай щей с мясом, и потом сметанку положи». Все вместе двигаются вперед, и я думаю, что это движение не остановится. Я думаю: пройдет десять лет, и Россия, бывшая царской, империалистической страной, страной рабов, нищих, должна превратиться в хорошую культурную рабоче-крестьянскую страну. И сделать ее культурной рабоче-крестьянской страной должны мы, рабочие и крестьяне. Я думаю: через 10 лет руки крестьянских жен должны будут немного побелеть, и ручаюсь, что побелеют; вероятно, не раньше 10 лет, но общее хозяйственное положение безусловно улучшится.

Итак, товарищи, разрешите мне от имени центрального правительства, от имени партийных органов призвать всех товарищей-крестьян и всех тружеников к самой энергичной деятельности. Унывать, стонать — нет оснований. Мы медленно, но идем вперед. Безусловно, идем вперед, и наша общая энергия этому помогает. Разрешите вас призвать к деятельности,

к труду на пользу Советской власти, Советского государства, на пользу создания нового, небывалого, — действительно рабоче-крестьянского государства. И мы должны помнить: дворянство создавалось тысячелетиями, создавалось годами, а мы существуем только семь лет. Наши враги думали, что все рабочие передерутся, что мы — невежды. Теперь они думают, что мы не справимся со своими задачами. Мы должны доказать обратное, и я уверен, что мы сумеем доказать, — в этом каждый должен быть уверенным. Глубокая вера должна быть у всех крестьян, что мы идем не назад, а вперед. Мы должны достигнуть Америки в области техники и хозяйствования. Пусть каждый зарубит на носу: Америка — первый этап, первая станция. Каждый должен быть русским американцем, со всеми присущими чертами американца, и, достигнув первой станции, итти дальше.

На этом пути главная задача как центральной, так и местной власти, есть увеличение благосостояния крестьян. А это значит — поднимать миллионы бедняков. В этом — гвоздь вопроса.

Разрешите пожелать вам успеха на предстоящий ваш трудовой год! *(Аплодисменты.)*

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ ДЕРЕВНИ ГАНИРО-КВИТРИ (ГРУЗИЯ, КУТАИССК. ОКР.).

9 марта 1925 года.

О д и л о в а д з е. Правительство открыло церковь, священника нашли, а дьякона нет. Сейчас великий пост, говеть хотим, но нет дьякона, да и священник не хочет итти, — говорит: землю отнимете. Ваш закон гласит, что заявления семи граждан о желании иметь церковь вполне достаточно. Я прихожу к товарищу, — он со мной не соглашается.

Б а н г ч а л а д з е. Священника мы нашли, но дьякона не могли найти. Дьякон заявил: если буду дьяконствовать, отберут норму. Поэтому он не идет, и нужно сделать так, чтобы у дьякона норму не отбирали, а он дьяконствовал.

Ш е н г е л и. Шелковичные коконы мы свезли, а вот до сих пор не получили платы.

Н и к о. Церковь открыли, но в церковной ограде имеются деревья, которые нам не позволяют срубить.

К л а ц е й ш в и л и. Церковь открыта, но как-будто верующие вербуют других: приходите к нам, и так далее. Если я не хочу молиться, то зачем меня уговаривать?

К а л и н и н. Почему вы сегодня не собрались вместе с соседней деревней? Там все эти вопросы поднимались и обсуждались. Мы там часа два израсходовали, а вы вместо этого торжество устроили. Видите, как непрактично разрешили вопрос. Приходится повторяться.

Г о л о с а. Нам об этот не сообщили: мы — Самтредского района, и получили оттуда распоряжение собраться здесь и вас встретить.

К а л и н и н. Было решено собраться двум, тогда бы мы часа три потратили, а теперь — наполовину меньше.

Балавадзе. Дайте нам, старикам, возможность отправлять свои религиозные обряды так, как мы раньше это делали. Дайте нам возможность воспользоваться теми зданиями, теми церквами, которые мы построили. Один раз хотели разрушить церковь, — во всяком случае, она была закрыта. Правительство в конце-концов открыло; раньше был священник, но он не пережил и умер. Теперь нашли другого священника, но нет дьякона. Дьякон не хочет итти, потому что, если он пойдет служить, у него отнимут его маленький клочок земли. Мы просим правительство дать нам возможность отправлять свою религию. Если оставить то, что сейчас наблюдается, тогда лучше не разрешать совершенно, потому что это — одно мученье.

Одиловадзе. Нам нужно разрешить собрание для того, чтобы выяснить, кто верит и кто нет.

Гвинерия. Во-первых, тяжел продналог, а, во-вторых, сельские продукты не имеют ценности по сравнению с городскими товарами. Тут правительство должно нам помочь.

Микадзе. Крестьяне испытывают много нужд, например: наши продукты не имеют цены; с другой стороны, если мы заболеем, то не можем достать лекарств. Крестьяне работают для государства, для общества, им нужно дать возможность иметь лекарства, когда заболеют; мы не имеем сейчас этого лекарства, потому что оно слишком дорого.

Чхаркава. Тут указывали на нужды парода. Я еще хочу добавить, что этой зимой наше крестьянство сильно пострадало, но, несмотря на это, нам пришлось в это самое время платить налог. Если крестьянин во-время не заплатит, то с него берут еще пеню, поэтому приходится продать свою скотину. Мы везем скотину в Самтреди, а там мы должны платить одну пошлину за одно, другую пошлину за то, что арба туда идет. Платим за все, — совершенно не различают, большая скотина или маленькая, один пуд весу или 10 пудов, — никакой разницы нет.

Я вот имел такой случай: недавно мне пришлось заплатить пошлину больше, чем я сам заработал. Такое положение нетерпимо.

Манчгаладзе (женщина). Нас беспокоит один дьякон; это — общее явление. Кроме этого, меня лишили некоторой части земли, оставили только 8 кцев. Верните мне эту землю, чтобы я имела значительное количество земли, чтобы у грузин не покупала. Эта земля была приобретена на деньги, которые мне дал отец на приданое.

Ранчешвили. Вопрос о каналах: нужно, чтобы был технический надзор за каналами, а для этого требуется, чтобы правительство нам прислало техника. Мы несем много расходов, но этого не можем сделать.

Даганидзе. Наше общество—довольно большое. Раньше оно имело своего врача, и таким образом население было обеспечено. Мы сами платили доктору, сами содержали и акушерку, и фельдшера, и врача, — целый врачебный пункт. Потом правительство не могло содержать этот пункт, и его отменили, а мы не смогли восстановить. Врачи сговорились итти в другое место, обслуживать сразу несколько для того, чтобы получить больше денег, как раньше делали это священники. Мы ходатайствуем о восстановлении врачебного пункта. Это — дело правительства. Если правительство не сможет содержать врачебного пункта, то, по крайней мере, должно помочь обуздать этих врачей.

Шенгели (женщина). У меня отобрали землю.

Голос. Если можно, сократите налог и урегулируйте плату, чтобы не брали пеню за несвоевременный взнос.

Калинин. Церковный вопрос — самый острый вопрос. Мы уже до известной степени с ним знакомы и думаем в Тифлисе поднять вопрос о правах священников владеть землей. Это право во всех республиках имеется, кроме Грузии. Вероятно, в грузинском земельном кодексе есть особая статья, по которой священник не имеет права владеть землей. Думаю, что эта оговорка снимется, и все священники будут иметь право владеть надельной землей.

Само собой разумеется, церковным имуществом могут пользоваться и распоряжаться только верующие. Но здесь нужно поступить таким образом: организуйте общество — человек 20—30, теперь количество значения не имеет; исполком передает в распоряжение обществу церковь и все, что относится к церкви: сторожку для сторожа, кладбище, церковный дворик. Заключается договор, общество смотрит за ремонтом, вообще как за государственным имуществом, сданным в аренду. Общество обязано это имущество сохранить. Для организации такой группы верующих не требуется большинства деревни, — достаточно 30 человек, количество не имеет значения,—важно, чтобы они держали в сохранности данное имущество. Для государства важно не количество, а мощность: могут ли они содержать церковь, вносить страховку и прочие расходы; поэтому общество и реги-

На осмотр фабрики после митинга.

стрируется. Каждый верующий имеет право зарегистрироваться в это общество.

Теперь о продналоге.

Величина продналога невелика, но, конечно, есть некоторая неравномерность в распределении, есть некоторые несуразности, как разрешение на продажу скота.

Тов. Лордкипанидзе говорит, что такие разрешения будут уничтожены. Я лично — противник таких разрешений. У нас этого нет. Мы овец и коров никакой пошлиной не облагаем. У нас налагается на скупщиков, и крестьянин страдает только от того, что по деревням не ходят скупщики. Крестьянам приходится самим вести корову верст за 30 в город или на большой деревенский базар.

Богатый, конечно, свезет, — у него лошадь хорошая имеется; а бедняку, вдове — тяжело. Я настаиваю на том, чтобы уменьшить налог. У нас есть течение — уменьшить налог с деревенских торговцев, в особенности, своими продуктами. Во всяком случае, это — не такая принципиальная вещь, а просто неумение местного аппарата; мы это, безусловно, исправим.

Теперь о бесплатном лечении.

Бесплатное лечение очень дорого стоит. У вас рядом два теми, и я считаю, что держать врача радиусом менее 5—7 верст нельзя. У вас здесь густое население, сравнительно богатое, — это видно по домам, одежде, культурности и прочее. Я допускаю расстояние в 7—8 верст, ну, фельдшерский пункт на 5—6 верст, но ни в коем случае не меньше.

Врач стоит около 150 рублей в месяц. Государство не может устраивать врачебные пункты ближе, чем на 15 верст. Тот, кто хочет открыть врачебный пункт, имеет на это полное право. Запрещения не будет, а бесплатного врача мы вам дать не можем.

Я думаю, в Грузии врачей много. Обратитесь в Тифлис, вам пришлют, но только полностью за ваш счет. Вы не избавитесь ни в коем случае от оплаты и содержания государственного врача.

Конечно, с лекарствами положение тяжелое, но бесплатно дать не можем. Я думаю, сначала надо поставить вопрос о дешевом отпуске лекарств, а года через два-три перейдем на бесплатное. Вы знаете, что года три тому назад все было бесплатно: и учение, и врачи, и паек; у вас это не привилось, но у нас все было коммунизировано, все распределялось

по нуждам и потребностям, и нельзя сказать, чтобы население было довольно. Теперь надо довольствоваться платным, потому что иначе у государства не хватит сил.

То же самое и по вопросу о техническом персонале для каналов. Конечно, технический персонал нужен, но это ляжет бременем на тех же крестьян. Когда я осматривал каналы, мы разговорились с т. Махарадзе. Я спросил, сколько стоит вода; он говорит: бесплатно.

Таким образом, вы протянете года два, пока каналы — новые. Обслуживать их не нужно. В Туркестане вода стоит рубля четыре на десятину, иногда доходит и до двенадцати рублей, но там значительная часть расходов ведется на государственный счет. Государство расходует на поддержку Туркестана 2 миллиона рублей, затем на амортизацию не платят (на капитал, оцениваемый миллионов в 20, если не больше). Так что десятина будет стоить рублей 8, с амортизацией, — отложением капитала для восстановления разрушаемого имущества. Каждое такое улучшение несет за собою увеличение расходов.

Что касается отобранной земли, здесь ничем нельзя помочь. По нашему кодексу, 2 человека имеют, скажем, 3 пайка земли, чтобы не делить на мелкие участки, если 3 — 4 пая; а 4 человека имеют 4 пая. Я знаю земельный кодекс РСФСР. Все остальные кодексы — слепок с нашего. Конечно, у вас земельные отношения совершенно другие. Во всяком случае, если минимум разоряет хозяйство, надо его переменить. Вы должны на сходе обсудить вопрос о минимуме земли, который нужен, если этот минимум мал для одного человека. Конечно, дробить землю до бесконечности нельзя.

Теперь я хотел бы сказать еще несколько слов.

Когда мы приехали сюда, то были встречены торжественно, как полагается в Советской Республике: революционные гимны учащейся молодежи и революционные речи от всех организаций.

Это, конечно, хорошая вещь, — все это до известной степени нужно; но это — вещь праздничная, и обращать целиком внимание на это не нужно; иначе мы, по французской пословице, «с водой из ванны выплеснем и ребенка». Наши собрания превращаются в своего рода православное моление: пришли в церковь, перекрестились, и все.

Вы заметьте: на митинге сначала мы были окружены ребятишками, которые аплодировали и кричали «ура» по каждому

жесту. Но когда стали разбираться будничные вопросы, ребятишки, естественно, отошли, а мужики подошли.

Тов. Вано Стуруа — мастер говорить громко, революционно и содержательно; он бы вам сказал революционную речь, а вы «ура» прокричали, потом бы мы немножко потише, поскромнее выступили. Наша речь была бы менее цветиста, поскучнее; нам тоже бы прокричали «ура», вынесли бы резолюцию, председатель голоснул: кто — за, кто — против, и тем дело кончилось.

Какой же был бы результат?

Крестьянин постоял, потом пришел бы в сад, домой, и на вопрос жены: «Что там было», — ответил бы: «Что всегда бывает, — говорили много, а что — неизвестно». И ни один крестьянин не выступил бы.

Это значит, как не надо устраивать митинги. Я хочу сказать, что на каждом митинге должны обсуждаться животрепещущие вопросы, и в этом обсуждении должны быть несколько сторон: одна—за, другая—против, третья — воздержавшаяся, четвертая — по этому вопросу не имеет мнения, и так далее.

Когда все обсудят, тогда создается мнение большинства. Такой митинг приносит громадные результаты, воспитывает людей, превращает их в самостоятельных граждан: каждый будет отстаивать свое мнение крепко, твердо и, если не пройдет его точка зрения, скажет: «Ну, что ж поделаешь, на следующем митинге буду в большинстве!».

Такие собрания надо устраивать по всем крестьянским вопросам, а митинги торжества, где выступают одни представители наших учреждений, не нужны. Возьмем, например, женотдел, — лучшее учреждение трудно придумать. Действительно, у нас женщины сравнительно отстали, надо их выдвинуть. Но, товарищи, я думаю, что только обсуждением того или иного вопроса всеми гражданами можно принести себе пользу.

Наверное, представительница женотдела еще вчера свое приветствие заучила. *(Смех.)* Одно дело, когда землю отняли: тут, кто и не умеет говорить, — заговорит. Поэтому лучшими ораторами бывают те, которые заинтересованы в том, о чем говорят.

Вот, и я хотел вам сказать: вы — народ активный, любите говорить и защищать свое мнение. Нужно почаще устраивать митинги и не бояться, когда партийного будет крыть беспартийный крестьянин.

Ну, что ж из этого, если раза три поколотят: коммунизм сам по себе — верная идея. Я в партии свыше 25 лет; сколько

было нападений на нашу партию, а, однако, она живет и развивается, и чем больше на нее нападают, тем она делается сильнее. Я боюсь, что на нее сейчас мало нападают,—как бы она не испортилась, не прокисла.

Вот вы соберитесь, пусть и старики придут, и поспорьте: есть рай или нет? Конечно, молодому легко говорить: рая нет. А вот как нам быть с Махарадзе? Мы хоть и не думаем умирать, но надо готовиться. Так и крестьяне беспокоятся: а вдруг в ад попадут? Крестьянин — аккуратный человек, он привык все беречь.

Заметьте: валяется что-нибудь на дороге, молодой откинет ногой, а постарше—возьмет и домой принесет: пригодится. Почему он должен верить, что бога нет? — «А дай, я лучше на всякий случай помолюсь».

Зачем им мешать?—пусть себя застрахуют. Поэтому я говорю: к крестьянам надо относиться доверчивее, с ними надо бороться по существу. Иногда кажется, что крестьянин несет ересь, но это — только по форме: это значит, что где-нибудь ногу жмет. Крестьянин не умеет найти наиболее попятной формы для изложения, — коммунист обязан найти и обстоятельно поговорить.

Я ограничусь тем, что сказал. Если бы вы с соседней деревней собрались вместе, то можно было бы гораздо лучше обсудить, более детально, все вопросы. Вы разделились,—приходится повторяться, а это уж скучно.

Разрешите пожелать, чтобы вы воспользовались в будущем моим советом, и чтобы будущий митинг не только был праздничным торжеством, а чтобы крестьяне могли основательно поговорить, обсудить, а если нужно, и поругать.

Вот все, что я хотел сказать. *(Аплодисменты.)*

БЕСЕДА С ГРУЗИНСКИМИ КРЕСТЬЯНАМИ СЕЛА ДУАВЗУ, ГУРИЙСКОГО УЕЗДА.

12 марта 1925 года.

Калинин. Я приехал сюда для того, чтобы поговорить с крестьянами, главным образом, о непорядках; о том, что хорошо, говорить нечего. Затем, вы можете совершенно свободно говорить. Я даю вам полную гарантию, что никаким репрессиям не подвергнетесь. Чем откровеннее будете говорить, тем лучше. Мы проехали ряд грузинских деревень. Это — первая гурийская деревня, крестьяне которой наиболее революционны, но они не так давно выразили недовольство Советской властью. Мне хотелось бы знать причины этого недовольства. Нет ли заявлений или прямых жалоб у вас к Советской власти?

Голос. Все хорошее нас веселит.

Калинин. Мне хотелось бы знать дурное, — надо его знать, для того, чтобы уничтожить.

Шанакидзе. Я — человек рабочий, местный житель, владел землею. При Советской власти огромный участок земли от меня отобрали и отдали таким лицам, которые не могут обрабатывать эту землю. Я плачу большой сельскохозяйственный налог,

Калинин. Сколько у него осталось земли?

Голоса. 8 кцев.

Калинин. Сколько членов семьи?

Голоса. 6 душ.

Калинин. У всех так мало земли или только у него?

Голоса. 8 кцев — норма.

Калинин. Как другие находят это: справедливым или нет?

*

Голоса. Находим справедливым, потому что передали эту землю рабочим.

Калинин. Значит, у вас здесь вообще мало земли?

Голоса. Да, мало.

Калинин. Землю, значит, отняло общество, а не земотдел: тут — ничего не поделаешь.

Тамовашвили. Я — сельский работник, обрабатываю поле, занимаюсь сельским хозяйством, но моим сельскохозяйственным продуктам нет цены, нет сбыта. Я этим недоволен.

Калинин. А раньше был базар?

Голоса. Был, а теперь власти не разрешают.

Глонти. Я занимаюсь сельским хозяйством, особенно шелководством, но нам не дали права продавать этот шелк на свободном рынке. Наш шелк приобрела кооперация и не дала свободных цен. Дальше, я говорю о сельскохозяйственном налоге. Он распределен несправедливо. Есть такие люди, которые должны платить 70 — 80 рублей, а у них нет ничего. Это несправедливо.

Калинин. Почем у вас кооператив покупал пуд кокона?

Голоса. Рублей 10 в среднем, но давали аванс.

Калинин. Аванс дают до продажи?

Голоса. До продажи.

Калинин. Скажите, платили ли раньше 10 руб. за пуд кокона?

Голоса. Никогда этого не было.

Калинин. В мирное время, какая самая дешевая цена была на пуд кокона?

Голоса. От 15 до 25 рублей.

Калинин. На низкую цену у вас все жалуются: может-быть, ваш кооператив наживает? Нет ли здесь руководителя кооператива?

Индерхельс. Раньше было от 15 до 25 рублей, — цена зависела от качества и от года. Но вот теперь — то же самое бывает 15 — 25 рублей, но деньги уже не те. На них нельзя купить столько же, сколько в мирное время на пять рублей.

Калинин. Как вы думаете, почему здесь было меньшевистское восстание?

Ховтадзе. Главная причина — экономическая. Мы не имели сбыта своим продуктам.

Калинин. Чем объяснить? Предположим, экономические причины, но они у вас более или менее везде одинаковы.

А у вас было восстание, в то время, когда в соседнем уезде крестьяне выступили решительно против восстания.

Цхамерадзе. Я — человек рабочий, имел одну лавку в городе Озургеты, ее отобрали. Затем, я недоволен, что разрушили церковь в нашем селении. Теперь с меня спрашивают налог, но откуда мне взять денег? Я понимаю, что мы должны правительству платить, но откуда же брать?

Калинин. Я хотел бы знать: откуда у вас берутся деньги вот на постройку школы, народного дома, на кооператив?

Кинцкирвели. Я обращаюсь к Филиппу Махарадзе: я воспитывался на твоих писаниях и был последователем твоих писаний и твоих товарищей, но вот недавно пришли ко мне, арестовали. Я просидел в Метехском замке 14 месяцев. У меня есть сын, его не было дома, и мне говорят, чтобы я доставил этого сына. Вы говорите, что 16-летний — свободный гражданин, а моему сыну — 27 лет. Вы бы спросили присутствующих: он и пяти рублей не вносил в дом ко мне. А, между тем, когда я сидел в тюрьме, у меня взяли дом и унесли; сын вообще и 5 рублями не помогал, а дом взяли. Когда арестовали, то меня везде спрашивали: сколько мне лет, кто я и отец ли я этого человека. И в одном, и в другом месте, — везде одно и то же спрашивают: сколько мне лет, откуда я и отец ли я. Большего от меня не могли добиться, потому что я ничего не знал. Приехал домой и застал своих детей арестованными, а дом взяли. Меня разорили за то, что я отец 27-летнего сына, который ушел, и я не могу с ним ничего сделать. Хотя бы до ареста меня спросили: где сын? А то потом спрашивают в тюрьме, а как же я могу из тюрьмы доставить сына? А когда был на воле, — не спросили. В этом отношении — совершенное беззаконие и бессмыслица.

Калинин. А когда это было?

Голоса. 23 января.

Калинин. А вот ответьте,—я спрашивал,—на какие деньги содержится народный дом и школа?

Голоса. Взяли частицу дома Кинцкирвели.

Хавтавадзе. Берутся отчисления на школу, но добровольные, по желанию. Жалобу предыдущего крестьянина подтверждаю, это — правильная жалоба.

Махарадзе (крестьянин). Мы помимо этого дома строим в другом месте, но в этом же селе, большое здание. Строим это добровольно, без всякого насилия. Дом же этого

человека взяли, воспользовались им, потому что его бы унесли в другое место, и поэтому только воспользовались. А то, что мы строим, это — наше желание, и только: никого не насилуем. У нас много детей, которые хотят учиться.

Калинин. Осталось ли у него, где жить?

Голоса. Осталась маленькая хижина.

Чехаидзе. Подобный инцидент еще имел место. Сын одного крестьянина скрывается, и обвиняют одного Чехаидзе, что будто он скрывает этого сына. Был обыск, ничего не обнаружили, но дом у него разобрали, и в этом здании имеется также частица и его дома.

Калинин. Сын — меньшевик?

Голоса. Меньшевик.

Калинин. И они не знают, где он живет? А вы тоже думаете, что он здесь не живет? Какие слухи ходят по деревне? — в деревне ведь скрыть ничего нельзя. Я говорю не о действительности, а о народных слухах. Говорят ли здесь, что он скрывается, или, наоборот, таких слухов абсолютно нет?

Голоса. Говорят, что находится здесь.

Крестьянин. Неправильно, и 2% не скажут, что он здесь.

Калинин. Ваша деревня бастовала? И коммунистов вы арестовывали или нет?

Голоса. Бастовала.

Калинин. Сколько было арестованных коммунистов?

Голоса. Около 60 человек в пяти деревнях.

Калинин. Восставшие все были вооружены или нет?

Голоса. У всех не было оружия, — не хватило.

Калинин. Настроение было очень злое или шальное? Ну, предположим, люди больше играли, чем серьезно восставали, или, наоборот, было желание расправиться с людьми?

Голоса. Они были уверены, что переворот этот окончательный, но потом, когда убедились, что нет, стали отходить.

Калинин. Злость была или нет?

Голоса. Обостренного положения не было.

Калинин. Вы, товарищ, коммунист?

Голос. Да.

Калинин (к собранию). Что мы должны сделать для того, чтобы исполнить ваши желания без восстания? Что вы хотите от Советской власти? Требуется ли для этого землю по-старому устроить?

(Большинство собрания отвечает, что не нужно. Один — что нужно вернуть отобранную землю.)

Чеханидзе. Были случаи, когда отбирали землю несправедливо, оставляли небольшое количество. У меня отобрали земли 3 кцевы, оставили 5. За эти 3 кцевы я заплатил по 250 рублей, а ее отобрали и оставили 5. Это незаконно, неправильно. Вот у этого товарища тоже несправедливо отобрали землю.

Калинин. Я так вас понял, что большинство против того, чтобы землю по-старому возвратить. Советское правительство делает так, как хотят крестьяне. Если вы хотите по-кулачески разделить, — ваше дело, владейте по-кулачески. Давайте, голоснем. Кто за то, чтобы по-старому оставить?

Крестьянин. Я не против того, что у помещиков отобрали землю, а я против того, чтобы у меня брали.

Калинин. Конечно, тяжело тому, у кого отбирают землю. Если большинство против передела, тогда надо возвратиться к старому, потому что надо удовлетворить большинство, а если будет только четверо за старое, то ничего не поделаешь. Мы у дворян землю отобрали, но и крестьянскую землю делим так, как требуют крестьяне. Мы отобрали землю не только у помещиков, но поравняли землю и среди крестьян. Конечно, нельзя было поделить точно до мелочей, но приблизительно все-таки поравняли.

Крестьянин. Мы не против того, чтобы у помещиков отбирали землю, а мы против того, как вот у меня: я имею 8 кцев, — чтобы у меня не отбирали, а у кого много, пусть отбирают.

Калинин. Я сочувствую вам и, может-быть, сам не провел бы эту линию, но что скажет народ? У меня тоже в деревню землю отняли, поэтому я вам сочувствую. *(Смех.)*

Голоса. У вас было 100 десятин?

Калинин. Нет, у меня было 7 десятин, которые стоили 25 рублей. Голоснем: кто за то, чтобы не равнять? Мало. Итак, по вопросу о земле большинство стоит на той линии, которую мы проводим. Какие другие причины восстания? Я считаю, что земельный вопрос — не при чем; здесь — другая причина. Какова эта причина? Скажите, большинство стоит за школу и народный дом?

Голоса. Да.

Басилашвили. Ставить вопрос о земле, о школе, о народном доме в такой плоскости, как ставите вы, для Гурии оскорби-

тельно. Эти вопросы не вызывают никакого сомнения, а только — вопрос экономической стесненности. У нас нет выхода, нет фабрик, нет заводов, все закрыто. Работы достать нельзя, земли мало. Эти экономические условия были безусловно причиной. Искали какого-нибудь выхода, и это вызвало восстание. Другой причины, сколько бы вы ни искали, не найти. (Голос: «А церковь?».) Бросьте, никто не ходил и не будет ходить. Причина — экономическая.

Калинин. Видите ли, экономическая причина. Я, конечно, понимаю, что основа восстания — экономические причины, но все же какие-нибудь конкретные дела, которые это вызвали, должны быть. Было ли у вас стремленне отделиться от Союза?

Георгадзе. Одна из причин недовольства была, наверно, такая. Вы, конечно, были в числе тех, которые во время самодержавия проповедывали нам, говорили, что надо свергнуть самодержавие и т. д. Все мы послушались вас, шли вместе с вами, но, к сожалению, после этого водарилась такая репрессия, что мы не получили свободы слова, прессы, свободы экономического развития и т. д., а мы без свободы не можем жить, как рыба без воды. Мы при самодержавии выбирали старшину, а при вас не имеем возможности выбирать. Вы даете нам список тех лиц, которых непременно мы должны выбрать. Вот, по-моему, причины, а главное — репрессии; они безусловно влияли. Этого не должно быть. Теперь уже лучше, но не совсем хорошо. Если еще больше расширяться будет, — еще лучше.

Калинин. Я хотел бы задать вопрос. Все говорят: «экономическая» причина. Вы дайте мне конкретную причину. Из этого района, говорят, вывезли до 60 вагонов мандаринов. Какие еще продукты вы вывозите на рынок, помимо коконов, и какой процент крестьян занимается шелководством?

Голоса. Делаем водку, но на водку очень большой акциз.

Калинин. Вино или водку?

Голоса. Мы выкуриваем из винограда водку, но на эту водку большой акциз.

Калинин. Какой процент занимается шелководством?

Басилашвили. Конечно, примирение с властью противников не делается сразу. Тут требуется постепенность, можно изжить. Но есть недостатки, которые усугубляют расхождение. Свобода печати и собраний, когда это было устроено, — вполне понятно. Мы не можем требовать того, чтобы это немедленно было восстановлено, раз была вражда. Но особенно усугубляют

враждебные отношения репрессии. Я с 1902 года был участником движения, со мной рабочие шли, боролись, а во время репрессий, до восстания, эти наши соратники были расстреляны. Не разобрали хорошо дела, не исследовали, не изучили, — под видом разбойников. Это неправильно. Конечно, это особенно обострило отношения, — вот эти неразумные репрессии. В экономическом отношении — я не могу сказать, потому что все было сказано правильно.

Георгадзе. У нас вообще в Гурии образование было развито, наш народ стремится к образованию, а теперь, в виду экономической отсталости, мы не можем воспитывать наших детей так, как мы привыкли при самодержавии. Много приходится платить за ученье, а между тем нам было обещано, и говорили об этом раньше, что будет бесплатное обучение и т. д., а теперь этого нет. Желательно, чтобы в учебной части было если не освобождение, то хотя бы некоторое облегчение.

Калинин. Национальный вопрос играл какую-нибудь роль? Не смотрят ли здесь на большевиков, как на агентов Москвы? И как вы своих большевиков считаете: грузинами или московскими агентами? *(Смех.)*

Крестьянин. У нас думают, что ставленники Москвы.

Георгадзе 2-й. Ничего подобного, — этого нет. Мы думаем, что коммунисты как здесь, так и там работают на пользу народа.

Калинин. Одним словом, — одна банда. *(Смех.)*

Георгадзе 2-й. Коммунисты хорошо работают, и только несчастье, что дорогой спутывается вопрос и до нас не доходит так правильно, как разрешают там. А что ставленники русских, об этом неправильно говорят.

Калинин. Насчет церкви: она вам, очевидно, не нужна?

Глонти. Я верил, как мой дед и прадед. Они были христиане и верили. А теперь разорили церковь и не верят. Теперь спросите меня, и я не знаю, к какой религии принадлежу. Не то я мусульманин, не то — православный. Церковь теперь вернули, но разоренную.

Калинин. Кто за то, чтобы церковь совсем закрыть? Давайте, голоснем, — для меня это значения не имеет. Я хочу вынести впечатление о настроениях, больше ничего.

Крестьянин. Золотые ваши слова.

Калинин. Кто же за православную церковь?

Крестьянин. Я — старик, может-быть, сам не хочу церкви, но у меня дома трое стариков сидят, они меня поколотят. Поэтому так вопрос решать нельзя. Здесь не все присутствуют.

Калинин. Я знаю, что здесь присутствуют более активные элементы. Я эту поправку принимаю про себя, что здесь нет женщин, стариков и мало-активных, а они более религиозны.

Крестьянин. Я с удовольствием бы поднял руку, но что скажут старики, — они меня разнесут.

Калинин. Голоснем! Я ничего не нахожу позорного в вере. С нашей точки зрения, верующий крестьянин не ниже крестьянина, который не верит. Для нас крестьяне все одинаковы, и крестьяне верующие, которые умеют бороться за Советскую власть, — не хуже, а иногда лучше, чем неверующие. Так что тот, кто поднимет руку, что он верующий, не делается гражданином второго разряда. Голоснем. Кто верит? Итак, одна треть—против церкви, две трети—за церковь. Теперь я вижу, что православие еще не потеряно в Грузии.

Теперь, — по поводу шелковичных коконов. Я уже сказал, что этот вопрос урегулируем более или менее. Конечно, вероятно, шелковые коконы еще будут отставать в цене по сравнению с другими товарами. У нас вообще крестьянские товары немножко отстают, потому что промышленные товары стоят дороже, так как много денег идет на восстановление промышленности, а сельское хозяйство идет быстрее вперед, чем промышленность. Но все-таки этот вопрос так или иначе урегулируем.

Когда говорили, что главная причина восстания — экономическая, для меня это непонятно; я, конечно, понимаю: дешевая цена на шелковые коконы, уничтожение водки и т. д. — все это имело значение, но этого мало. Ведь у вас шелководство — подсобный промысел, а не основной. Он дает немного,—рублей 20—25 в год. Очевидно, у вас здесь — бедность, малоземелье и отсутствие отхожих заработков, — вот, вероятно, причины; я думаю, что эти причины могут быть изжиты. При другой власти они бы еще больше увеличились.

Мы изживаем их, у нас с каждым годом все большее количество рабочих занято работой. У меньшевиков безработица увеличилась бы по той простой причине, что Союз громаден, рынок значителен, все наши отделившиеся от бывшей России государства крайне обеднели. Они жили некоторое время на военном богатстве. И грузинское правительство жило на материалы, которые были оставлены от военных ведомств, продавая их.

Мы видим, что̀ делается в Латвии и в Эстонии. В Латвии очень невесело живется. В Грузии населения — два с половиной миллиона. А в Эстонии и столько нет, а задолженность их равняется не одному десятку миллионов рублей. Все сырье передано за границу, хозяйство с каждым днем все падает, заводы влачат жалкое существование.

Несомненно, такой же кризис пережила бы и Грузия. В Грузии у грузинских крестьян мысли приблизительно такие же, как у русских крестьян в 1921 году, что нэпом, то-есть свободной торговлей, все можно сделать. Я думаю, что из этого ничего не выйдет. Теперь хозяйственные продукты дешевы не только у нас, но и во всем мире. Сейчас американская мука почти равна по цене русской муке, а фабрично-заводские товары везде дороги. Например, сельскохозяйственные продукты за границей по цене ниже довоенной—процентов на 50, по сравнению с фабричными. У нас — процентов на 100, но было больше, теперь снизили.

Главная причина того, что наши фабрично-заводские товары дороже сельскохозяйственных, следующая: например, Закавказские дороги были убыточны, потому что персонал дорогой, а работали впустую, так как не было товаров. И только за последние два года дороги начинают себя оправдывать. Мы тратим громадные средства на их восстановление. Паровозы, шпалы, — все это надо починить, привести в порядок; всей прибыли, получаемой от дорог, не хватает на их восстановление.

Из этого вы видите, какие громадные средства требуются на восстановление производства. Они берутся от крестьян и от рабочих. Я думаю, что постепенно, шаг за шагом, положение нашего крестьянства улучшится. Постепенно, не сразу, года в два-три, мы понизим цены фабрично-заводских товаров, — это понижение уже идет. Со следующего бюджетного года будет итти снижение налогов на крестьянство. Снижение будет итти по двум путям: во-первых, мы уменьшим прямые налоги,—вероятно, процентов на 25 — 30; параллельно с этим мы будем снижать налоги с крестьянских кустарей, ремесленников, кузнецов, — а то они берут дорого за работу, — а также с тех торговцев, которые торгуют своими произведениями; значит: в настоящий момент, если вы будете продавать кукурузу или кокон, с вас могут за это брать налог, — вот эти налоги будут уменьшены до минимума. Одним словом, мы это принимаем во внимание. Для того, чтобы изжить экономическую нужду, требуются длительные меры и помощь правительства.

Дело в том, что шелковые фабрики стояли 5 — 6 лет, сейчас они только налаживаются. Они стремятся в 1 — 2 года окупить свои расходы и поэтому стараются купить коконы дешевле, а шелк продать подороже, потому что очень дорого стоит восстановление. Пройдет годика два, пока они восстановятся, а восстановление фабрик и предприятий нам очень нужно, так как без этого мы хозяйства не наладим.

Что касается репрессий, то здесь, вероятно, были неосторожные аресты по той простой причине, что у вас в деревне — большевики и меньшевики. Поэтому невольно произошло обострение. В наших деревнях меньшевиков нет и не было, — у нас очень мало и большевиков. На волость в 11 000 населения мы имеем 10 — 14 большевиков, но вместе с тем крестьянство там советское, целиком преданное, и восстаний не делает. В моей волости население предано Советской власти, их председатель — коммунист, но он избирается на собрании. Перед ним был беспартийный; одним словом, крестьяне перепробовали всех и остановились на коммунисте, — находят, что он для них самый полезный и наиболее способный работник.

Теперь, что касается арестов, может-быть, это было и несправедливо, — я это допускаю, — но власть есть власть. Вы сами понимаете, когда отстаиваете свободу печати и прочие вещи. Ведь эта свобода печати существует во всем мире, но только не для коммунистов. Для коммунистов во всем мире нет свободы печати.

Разве коммунисты свободно выступают в Германии? Во время выборов из Германии выехали все видные кандидаты в депутаты в парламент, иначе их германская полиция арестовала бы. Сейчас все германские тюрьмы переполнены арестованными коммунистами, — их целые тысячи, — а арестованных рабочих не меньше десятка тысяч.

Во Франции тоже все тюрьмы переполнены коммунистами. В Польше, Эстонии, Латвии идет систематический расстрел коммунистов.

Из этого вы видите, что не только здесь идет борьба. Мы дали возможность выехать за границу Дану, Далину, Жордания, Церетели. А теперь меньшевики стали такими врагами, с которыми бороться нужно не доводами, а оружием. Вот, когда товарищ говорит, что здесь в деревне не было особого обострения, а просто арестовали 60 коммунистов, — и все, — я так и думал, что обострения нет.

Я думаю, что если бы власть была захвачена гурийцами, если бы вы оказались у власти в деревне, разница была бы небольшая. Эта власть была бы немножко поближе к более состоятельным крестьянам, поддержала бы кулацкий слой, открыто не вставая на сторону кулаков. Мы же немножко меньше поддерживаем состоятельный слой, а больше—бедноту. Но дело не в этом, а в том, что за восставшими шли меньшевики: Церетели, Жордания, члены бывшего меньшевистского правительства Грузии,—а за ними шла Англия. Везде, когда у власти были меньшевики, за их спиной стояла буржуазия. Вы недавно читали: умер Эберт, социал-демократ, президент Германии. На новых выборах социал-демократы не выставляют кандидата, они голосуют за кандидата буржуазно-либеральной партии. Меньшевики не выставляют своего кандидата, потому что боятся, что пройдет ярый монархист-черносотенец. Итак, вы видите, что, волею судеб, меньшевики идут впереди, но за ними идет буржуазия. Теперь чистых меньшевиков, старых меньшевиков, нет, — они умерли. Теперь меньшевики идут, обнявшись с буржуазией, и поэтому, когда говорят: нужно дать свободу, — мы даем относительную свободу критиковать власть. Но свобода критиковать бывает двух родов, и осуждение бывает двух родов. Ну, предположим, мать осуждает своего сына, бьет его, но кто же скажет, что мать хочет для сына плохого? Она его ругает, осуждает и бьет для того, чтобы он был лучше. А мачеха меньше ругает, осторожнее бьет, иногда только чуть-чуть толкнет,—слова мачехи с внешней стороны как-будто мягкие, но они очень жестки для пасынка.

Критики Советская власть не боится, если эта критика исходит от человека, который хочет улучшить Советскую власть. Такой человек выходит и указывает на плохие стороны Советской власти затем, чтобы ее улучшить. Мы целиком принимаем такую критику и в газетах и устно. Конечно, некоторые местные власти и коммунисты этого не понимают,—они эту критику иногда принимают за враждебные выступления. Это — глубокая ошибка.

Вот этого товарища, который выступал, я приветствую. Он не может быть изменником своего отечества. У него богатство грошовое,—зачем он пойдет к буржуазии,—нечего ему там делать. Я ручаюсь, что большинство крестьян не хочет уничтожить Советскую власть, а хочет ее улучшить. Я ручаюсь, что если проголосуем: кто за уничтожение Советской власти или за ее улучшение, то 99% скажут: ну, власть дурная, но в ней

есть и хорошие черты. Вот землю переделили, а меньшевики придут и сделают все по-старому.

Поэтому я говорю, что одну критику нужно отделять от другой критики. Если критика идет с целью улучшения Советской власти, — здесь я допускаю самую решительную критику,—хотя бы человек прямо лез драться, но я уважаю его: он лезет драться для того, чтобы улучшить Советскую власть. А вот есть и другая критика, очень осторожная, где каждое слово обдумано, где с внешней стороны не придерешься, но ведется она не для того, чтобы улучшить, а для того, чтобы обострить отношения,—показать, что Советскую власть не исправишь, что она никуда не годится, а надо возвратить буржуазный строй.

Этой критики мы не допускаем.

Наши враги критику ведут не для улучшения, а для подготовки восстания. Вот с такой критикой мы боремся. Мы не настолько сильны, чтобы была полная свобода. Даже Германия, даже Англия этой свободы не дают, — я уж вам рассказывал, какая там свобода. Как же можем это сделать мы, которые только-что оказались у власти? Наконец, у нас нет на местах людей развитых, грамотных и испытанных в области теоретической борьбы. Вы знаете, что у буржуазии в этой области накопление гораздо большее. Возьмите ту же грузинскую власть,— почему она арестовывает? Да потому, что в споре победил непартийный: что ж тут поделаешь, как дело улучшить? В кутузку противника. Это, конечно, примитивное решение, но я вам объяснил корни.

Теперь мы переходим к новому в управлении. Теперь большинство крестьян стало безусловно советским. Коммунистическая партия должна уже не управлять, а только указывать направление, критиковать, помогать, а в управлении должно участвовать все крестьянство, в том числе и в выборах. Выбирать нужно не только коммунистов, но и беспартийных. Нечего бояться, если состоятельный крестьянин, — был бы честный труженик, — попадет в совет. Это — не плохо. У состоятельного крестьянина практическая сноровка хорошая, смекалка хорошая, голова лучше работает; если он хорошо работал на себя, пусть поработает и на общество; если же будет в карман класть, — это бывает, — тогда можно его и выбросить: у нас на один год только выбирается, а за это время палат каменных не наживешь, — пожалуй, скорее старое проживешь,— а поэтому опасаться особенно нечего; конечно, нужно быть поосторожнее.

Нельзя всякое лыко в строку ставить; все-таки посмотрите: у вас было восстание, и только один человек заявил теперь, что он сидел в тюрьме; а если бы меньшевики победили, — я ручаюсь, что коммунисты сидели бы и до сих пор, и расстреляли бы их не меньше, чем мы, хотя большевики умеют расстреливать, — это нас жестокая жизнь научила: ведь расстреливают не только с целью мщения, но затем, чтобы уменьшить количество противников, постоянно готовых на восстание.

Вы сами понимаете, что Советская власть еще слабо укреплена, а враги есть сильные. Говорят, что сейчас большинство крестьян стало советским, — это верно; но не забывайте того меньшинства, которое опирается на капиталистический мир.

Мы — шестая часть по территории, а по людям — приблизительно одна шестнадцатая. Конечно, рабочие и крестьяне капиталистических государств нам сочувствуют, но все-таки они находятся в руках буржуазии. Затем, вероятнее всего, органы ЧК имели сведения, что сын этого крестьянина здесь скрывается, — я почти не сомневаюсь в этом, — куда же он мог деться? В этом ничего невероятного нет. Но, несмотря на это, что он укрыл сына, я считаю, что наша власть совершила ошибку, — не тем, что продержала его в тюрьме, это нужно: государство — такой аппарат, для которого жертвы отдельного человека не имеют большого значения; но вот, что у него растащили дом, это — ошибка. С тюрьмой человек может примириться. Власть хотела от крестьянина узнать, где его сын, — правильно или неправильно, это — вопрос другой. Я считаю лучшим способом, чтобы узнать, где находится сын, арестовать отца: это — способ, против которого можно спорить, но наиболее реальный способ, а вот разрушать дома — совсем не хорошо. Он 14 месяцев отсидел, и через год забудет, что сидел; а дом разрушили, — этого крестьянин никогда не забудет, потому что дом для него имеет большое значение. В этом случае местная власть поступила очень неосторожно. Этим самым вы, власть, вызываете ненависть, недоброжелательство среди окружающих крестьян. Крестьяне не любят, чтобы ломали зря. Вы сломали дом и получили только одну десятую часть того, что разорили; поэтому, разумеется, такие вещи делать нельзя.

И хотя народный дом — вещь хорошая, но ни в коем случае нельзя его строить из чужих домов, сколоченных с огромным трудом, — этим самым мы опорочиваем благородное дело. Если вы имеете возможность построить — стройте, а нет — можно подождать.

Во всяком случае, я арест считаю более легким наказанием, чем разрушение крестьянского хозяйства. Крестьянин сто лет будет помнить, что его хозяйство разрушили, поэтому я считаю, что совершена была ошибка, и надо ее так или иначе исправить: надо помочь ему из государственных средств, отпустить доски на постройку по более дешевой цене. Когда его сын увидит, что наша власть справедлива и исправляет свои ошибки,— этим самым мы у него отнимаем убеждение в его правоте.

Теперь, что касается раздела земли, то он всегда несет за собой убыток для Советской Республики. У вас, видимо, крестьянство не так страдает от раздела, потому что вообще мало земли. У вас участки идут с крестьянскими домами, — тут очень часто делить не будешь.

А у нас разделы каждый год происходили, и от этого очень страдало крестьянство. У большевиков в программе не было уравнительного раздела. Этот раздел мы выполняем по желанию крестьянства. Когда собрался первый крестьянский съезд (это было при власти меньшевиков), крестьяне дали 242 наказа, и во всех этих 242 наказах была уравнительность земли. После такого требования тов. Ленин, который умел считаться с крестьянами, сказал: «Ну, что же, пусть крестьяне перейдут на уравнительное пользование; помещичьи земли нужно взять и разделить, а там посмотрим. Они сами научатся и перестанут делить лет через десять, когда увидят, что от этого убыток».

Поэтому мы миримся с разделами. Я великолепно понимаю обиду товарищей, у которых отняли,—я понимаю, что эта земля будет в убыток. У богатого крестьянина эта земля приносила 70 пудов с десятины, а у бедняка нет скота, и у него только 30 пудов будет приносить. Но, товарищи, против народа не попрешь. Советская власть тем и ценна, что всегда идет за народ. Советская власть великолепно понимает, что без крестьянства далеко не уйдешь. Мы только тогда будем крепки, когда 90—95% крестьян будут с нами,—поэтому мы и к церкви иначе подходим. У нас нет большого анти-религиозного движения. У нас церкви не закрывались из-за религиозной борьбы. Церкви закрывались в некоторых местах для того, чтобы использовать помещение.

Мы сейчас очень решительно боремся против насильственного закрытия церквей. У вас просто закрывали церковь, чтобы люди не молились: это—ошибка. Ваша деревня считается левой, но когда я голоснул, раза в два больше подняли руки за цер-

ковь, чем против, да дома еще осталось, вероятно, значительное количество, которое тоже стоит за церковь, потому что самая активная часть — на собрании, а дома осталась менее активная часть,—значит, более религиозная. Из этого для меня ясно, что на этой почве местная власть совершила ошибку. Я, товарищи, думаю, что мы исправим. В этом-то и ценность Советской власти, что она умеет свои ошибки исправлять. Тов. Ленин нас этому научил. В речах тов. Ленина вы очень часто встретите слова, что мы оказались простофилями, ни на что неспособными, и т. д. Он всегда говорил: «Коммунисты, вы около крестьян очень не мудрите, прислушивайтесь к голосу крестьянства, учитесь у него практически работать». Вот грузинские коммунисты не прислушивались к голосу крестьянства, переборщили, и, в конце-концов, вышло обострение.

Теперь непартийное крестьянство принимает большое участие в нашей работе. Вот после меня выступит товарищ, член ЦИК-а, крестьянин Тверской губ., непартийный. У нас 40 членов ЦИК-а — беспартийных. Нет ни одной крестьянской губернии, откуда бы не был выделен беспартийный крестьянин, а от промышленной губернии — беспартийные рабочие.

Это сделано для того, чтобы связаться с беспартийной массой. Коммунизм без непартийной массы не наладишь,—только одной коммунистической группой не победишь. Надо, чтобы и старики принимали участие, — эта часть умеет хорошо работать. Без крепкого трудового крестьянина, который умеет работать, который любит работать, который каждую вещь бережет,— без такого крестьянина мы хозяйство не наладим. Таких крестьян мы должны привлекать к органам управления.

В грузинском восстании не все крестьянство выступило против Советской власти, а только часть. Значит, здесь было недовольство, но не основной политикой Советской власти, не самой сущностью Советской власти, а какими-нибудь местными специфическими чертами, неумением местной власти, какими-нибудь особенно тяжелыми местными экономическими причинами, которые местная власть не умела смягчать.

Если местная власть видела, что крестьяне страдают, — надо было внести облегчение: ну, по крайней мере, не брать те два с половиной или полтора рубля, которые вы берете за разрешение продать телушку на базаре, и проч. Такого распоряжения из центра не было. Ясно, что здесь — ошибка. Ни тифлисская ни московская власть не думали об этом, — такого декрета и нет.

Теперь, принимая во внимание то, что вы почувствовали силу Советской власти, что вам придется так или иначе в лоне Советской власти искать свободу инициативы, я призываю вас исправлять вместе с нами те недочеты, которые есть. Вы должны указывать местной власти — коллективными заявлениями на съездах, на конференциях — на непорядки в той или иной области. У нас после каждого съезда, конференции принимаются резолюции, в которых очень чутко относятся к указаниям крестьян.

Наконец, вы всегда можете обратиться к вашему постоянному представителю, тов. Филиппу Махарадзе: он — гуриец до мозга костей; наконец, он работает в Госплане — председателем Госплана, — налаживает хозяйство. Вот вы и должны показать ему, как надо налаживать хозяйство.

Мы захватили власть, — теперь надо суметь наладить наше хозяйство, наше материальное благосостояние. Коммунисты не ставят своей задачей превратить всех в нищих, — тот, кто это думает, жестоко ошибается. Это — не коммунистическая точка зрения. Коммунистическая точка зрения — сделать всех такими богатыми, как вот этот старик, — не меньше. Конечно, это очень трудно выполнить. Превратить всех в нищих довольно легко,— это все завоеватели умели делать. Грузия существует около двух тысяч лет, и в продолжение этих двух тысяч лет ее бесконечное количество раз разоряли и угнетали. Почитайте только историю, и сразу же научитесь, как разорять.

Но перед нами задача стоит,—как бы это ни казалось трудным,—поднять благосостояние крестьян. Вот вы, вместе с тов. Махарадзе, должны эту задачу выполнить. Если налог тяжел, — укажите, мы его убавим; если на какое-нибудь ремесло, очень полезное для крестьянина, налог тяжел, — укажите. Во всяком случае, прежде, при царизме, для того, чтобы уменьшить налог, надо было хлопотать целые годы. У нас — тоже волокита, но в полгода, год — можно добиться. Восстание в Грузии было тем полезно, что оно соединило теснее коммунистов с беспартийными, это—первое; а второе—сами непартийные крестьяне ближе подойдут к коммунистам и вообще к Советской власти Грузии. Власть теперь, вероятно, поняла, что с беспартийным крестьянином надо искать деловой связи и считаться с голосом жизни. Вот эти полезные результаты мы должны извлечь из восстания, чтобы окупить те жертвы, которые понесли. Но это не значит, что вы должны в следующий раз восставать: это значит, что при Советской власти всегда можно найти законные формы для про-

теста, для выявления своего недовольства, найти дорогу для исправления тех или иных неурядиц, которые существуют на местах.

Давайте общими средствами налаживать это дело: вы—вместе со своим правительством, с Госпланом, председателем которого является тов. Махарадзе, а мы — с своей стороны, со стороны общесоюзного центрального правительства, которое находится в Москве, — помогали и поможем Грузии. Я должен здесь заявить, что Грузинскую республику мы ни политически, ни морально, ни экономически не угнетаем; наоборот, по мере сил и возможности, мы оказываем существенную помощь Грузинской республике. Одним из самых больших подарков является электрическая станция около Тифлиса, которая в будущем году начнет действовать. Она будет стоить нам около 15 милл. руб. Беспартийные крестьяне, которые участвуют в бюджетной комиссии ЦИК-а, будут учитывать все расходы и уменьшать их по мере возможности. Но, конечно, сравнительно много денег у нас сорится зря, но все-таки меньше, чем при царизме. Постепенно мы непроизводительные, ненужные расходы уменьшаем, а производительные, нужные — увеличиваем. Это дает нам надежду на то, что в ближайшем будущем наш бюджет будет вполне точным.

Вот все, что я хотел сказать гурийским крестьянам. Разрешите передать в Москве, что гурийские крестьяне были самыми революционными крестьянами и должны таковыми остаться. Товарищи, 15 лет тому назад меньшевики были революционны, относительно революционны, а теперь итти с меньшевиками — значит итти с контр-революцией. Теперь единственной революционной партией остались большевики. А раз вы — революционеры и хотите остаться революционерами, то вам нет другой дороги, как только итти вместе с большевиками. Пойдем вместе с нами, и если нас поколотят, это будет означать не только победу над гурийскими крестьянами и большевиками, а уничтожение всей мировой революции. Вот все, что я хотел сказать. *(Аплодисменты.)*

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СССР.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАШЕМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.

Речь на Всесоюзном съезде участковых врачей 12 декабря 1925 года.

Товарищи, от правительства официальный представитель уже был у вас на открытии, поэтому и речь мою, я думаю, можно строить более вольно, так сказать, не делая ее строго официальной. Я хочу начать с того, что, когда я прихожу на съезд, то у меня является мысль: а нужны ли вообще съезды и почему у нас так много съездов? И мне кажется, что, несмотря на то, что их много, даже по сравнению с самыми демократическими (по внешности) странами, все ж таки для практической жизни их немного,—именно для нас, потому что каждый наш поступательный шаг вперед требует совершенно самостоятельной работы мысли: наше строительство примеров себе не знает, заимствовать ему не у кого, и оно требует огромной коллективной проработки. Мы живем в такой период, когда каждый профессионал, как бы ни была узка его профессия и как бы он ни был целиком поглощен своей специальностью, он все же хочет обобщить эту специальность, проверить ее: а насколько его специальность участвует в общем движении человека или государства? Что я — имя рек — такой-то, заброшенный в глуши, а что моя работа, — нужна ли или нет для общества? имеет ли она какую-нибудь весомую частицу в общем мировом движении?

Вот на съездах это и проверяется, — как мы проверяем остроту лезвия ножа на оселке, так и профессиональную работу мы проверяем на улице. Каждый съезд — это есть не самая большая шумная московская улица, а улица огромного государства, где идет проверка того, что сделано. Есть внутренняя потребность в этой проверке; она в настоящий момент особенно остро чувствуется каждым работником по той простой причине, что сейчас, я говорю, каждый поступательный шаг нашего государства идет не по шаблону.

Мы не можем сделать так, как делали прежде: раньше мы наблюдали, что, перед тем как провести мероприятие государственное или общественное, посылали знающих людей за границу проверить. Мы не можем сейчас посылать соответствующих знающих людей за границу проверить каждое мероприятие: а как по данному вопросу разбирались за границей? Вы знаете, что, начиная с Петра Великого до 1917 года, при каждой незначительной реформе почти во всех отраслях государственного хозяйства и администрирования всегда соответствующая делегация ехала за границу, и поэтому соответствующая привычка создалась: раз какая-нибудь реформа изучена за границей, то, когда оттуда привезут, проверят и с соответствующими изменениями приспособят к местным нашим особенностям,— готово дело.

В настоящий момент при каждом новом поступательном шаге ехать некуда: мы идем впереди всех. (*Аплодисменты.*) Этим я не хочу проявить особенную гордость и сказать, что мы идем правильнее всех; я только сказал: впереди всех; проявим скромность: может-быть, за то, что мы ушли слишком далеко вперед, потом придется нам расплачиваться,— об этом я пока не говорю,— хотя и не сомневаюсь, что именно мы идем впереди, именно мы движем человечество.

Но будем скромными. Факт, не подлежащий никакому сомнению, что единственное государство во всем мире пробует новые методы, новые пути, оно втягивает во все отрасли человеческого труда,—и в особенности в государственную деятельность,— оно втягивает миллионы, десятки миллионов низовых работников. То, что делаем мы, нигде в мире не делается: у нас делается нечто новое, — в этом нет никакого сомнения. Это новое все еще не признается на Западе, оно там все еще отрицается; все бежавшие из бывшей России, — так называемая эмиграция, насчитывающая сотни тысяч людей,—думают, что все, что здесь делается, все это подлежит безусловной и полной сломке; что все, что здесь делается, оно потом, по их понятию, для будущего государства будет неподходяще,—оно само собой отбросится, и новый ход начнется, предположим, с 17-го года, с февральской революции, — не более того. Вот в каком умонастроении обретается наша эмиграция,— в такой мысли она обреталась до сих пор.

Лишь в последнее время там начинается значительный переворот. Само собой разумеется, что все перевороты, которые происходят в головах людей, всегда вначале подмечаются

людьми, которые умеют раньше схватывать, которые предопределяют переворот. И самым характерным в этом отношении я считаю статью, недавно напечатанную в «Последних Новостях» Кусковой. Кускова, вероятно, всем вам известна. Это — типичная представительница дореволюционной радикальной интеллигенции. Можно смело сказать, что 90% демократической дореволюционной интеллигенции по своему воззрению близки к воззрению Кусковой. Интересно, что она пишет про те времена, когда она была еще в Москве. Она описывает следующее:

«Помню, как неслись перед нашими глазами в период 1918 — 1921 гг. различного рода «кампании»...

«В одну из бесчисленных «кампаний», когда стены Москвы были увешаны плакатами и призывами — делать! делать! — я встретила в переулке Н. А. Бердяева. Мы оба смотрели на плакаты, зазывы, — и разговаривали, как всегда, о событиях.

— «Да, — задумчиво сказал Н. А., — это — новые люди, это — люди другой биологической породы...

«Помню, как много я думала тогда над этим его замечанием...».

Дальше Кускова спрашивает: «кто это такие?» (эти люди) и пишет:

«Большевики много раз объясняли: «Величайшая заслуга Октября заключается в том, что революция подняла самые низы, что она поставила ставку на низового человека, что она сказала ему: ты — хозяин, ты должен учиться управлять государством».

«А «мы», — кается Кускова, — видели только большевистскую «головку».

Ее вывод теперь таков:

«Каждый строй, могущий сменить большевизм, должен будет непременно впитать в себя новый людской материал, выплывший за период революции. Без этого впитывания «новой биологической породы» — всякий строй будет мертв. Нельзя забывать, а это здесь часто забывают, что все-таки двигалась вся Россия; что в революционной лаве, вулканически выплеснувшейся в 1917 году, рядом со шлаком есть и драгоценный металл, из которого будет строиться новое мировоззрение новой России». [1]

[1] Газета Милюкова «Последние Новости», 22 ноября 1925 года.

Товарищи, я привел несколько строчек из статьи Кусковой, смысл которой выражается в том, что эмиграция в лице своего наиболее демократического интеллигентского слоя на 9-м году революции начинает признавать, что революцию двигают не только большевики, а двигают огромные рабоче-крестьянские низовые массы, что революция выработала и новый тип людей, который не похож на старый, и с этим новым типом людей, кто бы ни пришел на смену большевиков, должен считаться. Через 8 лет, после бесконечного выливания помоев, после полного отрицания всякого положительного значения за коммунизмом, вдруг находят, что — вместе со шлаком — революцией сделано и много положительного, что в революции участвовали не только большевики, но вся огромная масса низового населения государства.

Вот это — нечто новое. Это — принципиальное признание положительных факторов революции, признание со стороны наиболее опасных врагов революции, ибо в смысле идейности кто же мог быть более сильным врагом, как не Кускова: ведь все остальное среди эмиграции — есть неприкрытая контр-революция, все остальное — сплошная чернота, против которой всегда и постоянно боролся каждый сознательный честный русский человек. И вот, если с этой — не монархической, не помещичьей, а радикально-интеллигентской — стороны мы получили принципиальное признание положительности революции, я считаю это огромным достижением для нас. Мы-то знали, что революцию, конечно, не могут двигать одни большевики. И тот размах, который она приняла благодаря массам, — этот размах до сего времени не уменьшается. А, между тем, все мысли так называемых сменовеховцев о том, что хотя у нас создается и новое государство, но в конечном счете, — долго ли, коротко ли, — оно примет формы демократически-буржуазные, мне кажется, эти мысли возникают у них оттого, что они упускают из виду, что революция еще не кончилась. Кончилась ее непосредственная борьба, — борьба за власть. Но ведь революция имеет две стороны. Одна — разрушающая, когда революционные классы захватывают власть и эту власть укрепляют юридически. Первое юридическое укрепление власти происходит тогда, когда ты стоишь коленом на груди врага и приставил к его виску револьвер. Это — первый юридический аргумент революции, первый ее момент; а после, когда враги все больше и больше начинают признавать изменившуюся обстановку, тогда захватчики превращаются в законного властелина, — перед ним уже встает вопрос:

а выполнит ли он исторические задачи? проведет ли он ту программу, которая рисовалась на его знамени? Ведь каждый революционный класс ставит перед миром идеалы для претворения их в действительную жизнь.

И вот в настоящий момент коммунисты должны заполнить содержанием тот вексель, который они выдали десять лет тому назад рабочим и крестьянам. Но если коммунисты и выдали этот вексель, зафиксировали его в своих программах, в своих воззваниях и, наконец, в своем теоретическом учении, то я считаю, тем не менее, что этот вексель дан не только коммунистами, не только Коммунистической партией, но этот вексель выдан самим себе рабочими и крестьянами и всей русской интеллигенцией, всей ее честной частью. *(Аплодисменты.)* Они, конечно, не формулировали этот вексель в строго очерченной формуле, как это сделано в партийной программе: интеллигенция не боролась партийно-сплоченными, дисциплинированными рядами, — значительные слои интеллигенции только в мыслях, в своих фантазиях, лежа на диване, фантазировали о будущем благе народа, — ведь мысль о лучшем будущем рабочих и крестьян, о том, чтобы выдвинуть этот класс на авансцену, в особенности среди русской интеллигенции, бродила на всем протяжении ее истории, — в этом не было никакого сомнения. *(Аплодисменты.)* И сейчас, после победы в борьбе за власть, движение вперед будет в значительной степени зависеть от того, насколько наша интеллигенция приспособлена к практическому проведению идеалов, которые рисовались ей в тумане. Коммунистическая партия сознает, что в настоящий момент каждый шаг вперед тесно связан с работой интеллигенции, работников высококвалифицированного труда: инженеров, техников, врачей, агрономов и т. д. Если достаточно было простого технического труда, чтобы возобновить работу завода, — это можно было сделать даже без инженера, — то двигать производство дальше, двигать промышленность дальше — без специалистов нельзя. Темп развития должен быть быстрее, чем он был в 1913 году; размах наших заводов и фабрик, новых научных изысканий должен быть не меньшим, а гораздо бо́льшим — по той простой причине, что рабочие и крестьяне больше предъявляют потребностей на улучшение их положения, чем это было до 1913 года. Потребность возросла до огромных размеров, и она должна быть удовлетворена. Это выполнимо лишь тогда, когда мы сочетаем труд высококвалифицированных

специалистов с физическим трудом рабочих и крестьян, сочетаем этот труд целесообразно. И вот эту грандиозную задачу интеллигенция должна взвалить на свои плечи.

Для чего я это говорю перед вами, участковыми врачами, которые как-будто бы не управляют ни фабриками ни заводами, которые мало отдают сил на предмет непосредственного увеличения производительности, общим промышленным целям? Я нахожу, что работа врача не изъята от общей работы. Мы стоим перед задачей поднять благосостояние рабочего и крестьянина, — поднять его до культурного уровня. Человечество теоретически ставило эту цель несколько тысячелетий: это — задача, над которой работали лучшие умы, начиная от древних философов и кончая Львом Толстым, — задача, мимо которой не проходил ни один интеллигентный человек, занимаясь ею или будучи студентом, или если не студентом, то под старость. Теперь эта задача стоит практически. Программно мы ее решили, — сейчас мы ее проводим практически. Конечно, мы знаем, что от программы до практики — большая дистанция. Мы, коммунисты, в этом отношении — очень прозаические люди: мы сознаем, что программа от практики имеет огромную дистанцию, но все же таки мы проводим задачу практически.

Необходимо, — говорим мы, — создать такой строй, при котором значительная часть страданий, выпадающих на долю человека, отпала бы. От этого зависит судьба нового строя. Если эту задачу изъять из коммунизма, коммунизм будет выеденным яйцом: он потеряет тогда все свои положительные черты. Коммунизм без улучшения материального положения, без поднятия на высокий культурный уровень всей низовой массы, — без этого коммунизм не есть коммунизм, как путь к новому обществу.

Ну, а теперь врачи, — могут ли принять в этом участие или нет? Конечно, могут, ибо к тем экономическим страданиям, которые переносит человечество в обыкновенном буржуазном обществе, где неравенство — богатство и нищета — гуляют открыто по улице, ко всему этому в значительной части прибавляется болезнь. Здоровый человек, имеющий большую физическую силу, и в классовом обществе все ж таки живет более или менее сносно; он все ж таки, как ни жестоко классовое угнетение, еще кое-как постоит за себя. В классовом обществе больше всего страдает именно больной человек. И если мы, увеличивая количество домашних предметов в квартире рабочего, поставим ему если не рояль, то граммофон, если мы это будем

считать культурным завоеванием так же, например, как и кусок хорошего мыла или книжку, которая появляется у рабочего, то смешно было бы, если бы мы не считали большим завоеванием такое положение, когда лечебные средства будут рабочему более доступны, наконец, когда медицина будет не только лечить умирающего, но когда она в известной степени будет предвосхищать эти болезни. *(Аплодисменты.)* Конечно, работа врача является одним из больших ручейков общей коммунистической работы.

В том-то и есть по существу величайшая значимость и непобедимость коммунизма, что коммунизм творят не коммунисты только. Калинин очень мало коммунистического делает, да и не может непосредственно коммунистическое делать, — достаточно ему представительные речи говорить *(смех, аплодисменты)*, — а коммунизм творит на местах человек, который говорит: «Я — против коммунизма, решительно против коммунизма»,—но сам-то творит работой своей коммунистическое дело, потому что сейчас коммунистическое дело означает в отношении, например, медицины — поднятие здоровья народа: ибо если при Советской власти количество смертей уменьшится, предположим, по сравнению с Америкой, то это и есть огромный плюс Советской власти. И вот, предположим, что группа уездных врачей, настроенная решительно против коммунизма, смертность трудовых масс уменьшит вместо 20 до 9 проц. Что она: коммунистическое дело сделала? Да, коммунистическое. *(Продолжительные аплодисменты.)* По существу говоря, мы именно этим и побеждаем. В том-то и сила коммунизма, что коммунистическую работу при Советской власти проводит по сути дела каждый, — честно, сознательно работающий по своей отрасли. А казалось, что общего между коммунизмом и врачом? Вы знаете, что в буржуазном обществе, несмотря на огромные успехи, которые дал капиталистический мир в области врачебного дела, — несмотря на это, я все ж таки должен сказать, что только одна сторона в капиталистическом обществе развивается в медицине: это — непосредственные лечебные знания; развивается техника, научная мысль, наконец, просто накапливается опыт медицины, — и все.

Но, товарищи, не заметили ли вы, что почти все талантливые, исключительные врачи, что они талантливы и исключительны не только тем, что они — знатоки, артисты, художники своего дела, но тем, что они умеют к больному подойти как-то особенно, тем, что для них больной является особо близким чело-

веком. Хороший врач не только лечит, но между врачом и больным, его пациентом, должна установиться психологическая связь, известная теплота в человеческих отношениях.

Для врача больной должен быть самым близким, родным человеком, а для больного врач, это — тот близкий человек, на которого больной опирается, которому верит и которому целиком отдает всю свою жизнь. Ведь как бы человек ни был велик, как бы он ни был мал, но он одинаково дрожит за свою жизнь. Если человек отдает свою жизнь врачу, доверяет ему, так он должен этого врача очень и очень уважать, — он должен уважать в нем человека, его преданность делу, он должен уважать его, как знатока этого дела. Но этого явления, как массового явления, на которое сама профессия толкает, не было при капитализме. Там такие врачи — одиночки. И это вполне понятно. Этого явления не могли выработать врачи в том обществе, где соревнование за кусок хлеба являлось решающим фактором. Поэтому в медицине капиталистического общества об этой идеальной части, об этих идеальных отношениях между врачом и больным, как массовом и органическом явлении, нечего было и думать. Я считаю, что в настоящий момент мы вступаем в такой период, когда врач будет все меньше и меньше заинтересован в своей оплате, в своем прославлении непосредственно для добычи материальных средств, — для него медицина будет поприщем для проявления одной из его характерных личных особенностей, его симпатий, когда он медицинской работе будет отдаваться не для того, чтобы получить наилучшие материальные ценности, но и для того, чтобы стать избавителем людей от смерти. Одним словом, я думаю, что при новом социалистическом строительстве эта новая сторона — идеальные отношения между врачом и больными — безусловно будет развиваться и безусловно эта сторона поднимет на недосягаемую высоту врачей перед всеми остальными профессиями. Врачебная практика является одним из благороднейших занятий, нужных для человека. Но в старом буржуазном обществе она была засорена *(аплодисменты)*, — в этом обществе, какое ни взять благородное занятие, оно при существовании конкуренции, при которой, если человек не побеждал своего конкурента, то он спускался на дно, оно извращалось. Только новый строй дает действительную возможность развернуться всем лучшим идеологическим сторонам данной профессии. *(Бурные аплодисменты.)*

Товарищи, наша работа и наши успехи в новом строительстве и ваше в нем участие — есть только начало. Мы хотим слить в один поток труд и знание. Но еще по существу у нас нет полного сочетания интеллекта с физической силой, а интеллект Советского Союза не может быть ниже интеллекта самого просвещенного капиталистического общества. Он может быть забит, он может быть до известной степени надорван той революционной борьбой, которая была. Но, товарищи, вы сами понимаете, что когда проходит огромная гроза над лесами и полями, то она коверкает, ломает, взрывает деревья с корнями, и вся трава становится прикошенной, прибитой к земле. Однако, после этой бури все оживляется и буйно, цветуще растет. Я не сомневаюсь в том, что революционный ураган, который прошел, мог немножко придавить творческую мысль человека. Но сейчас несомненно одно: она буйно развертывается, она не может не развертываться, ибо подталкивается подпочвенными силами в лице рабочего класса и многомиллионного крестьянства, которое растет, вышучивается и своим напором толкает интеллигентские слои на усиленную работу, которые увеличивают до небывалых пределов свою энергию. У нас нет никакого сомнения в том, что пройдет еще 2—3 года, и наши противники все больше и больше будут признавать ценность того огромного творчества, в котором принимают участие многомиллионные массы. Не малая доля в этом творчестве принадлежит также и врачам, которые, я не сомневаюсь, будут увеличивать свою энергию до новых и все больших пределов. *(Аплодисменты.)*

Заканчивая перед вами свою речь, я хотел указать на следующее. Вы все заброшены в глухие трущобы Советского Союза. Я знаю состояние этих трущоб, великолепно знаю состояние интеллигента, заброшенного в эти трущобы. Но, товарищи, от вашей воли, от вашей энергии зависит эти трущобы превратить в уголок Москвы. *(Аплодисменты.)* Я лично думаю и могу смело сказать, что если ваша воля будет упорна, то еще при нашем поколении самые отдаленные места нашего Союза, самые глухие трущобы его будут превращены в уголок Москвы Товарищи, всего год, как существует радио у нас; однако, сейчас опера московского театра передается на очень большие расстояния. Если не каждый крестьянин, то значительное количество крестьян сейчас может слушать оперу московского театра. Разве это не имеет культурного влияния на всю массу? Я не сомневаюсь, что через 2—3 года можно будет на далеком расстояние не только

слышать пение артистов, но и видеть их игру. Может-быть, это произойдет через 5 лет, может-быть раньше ... чорт возьми, это в конце-концов во многом от вас зависит *(смех, аплодисменты)*: вы, люди высококвалифицированного умственного труда, и можете быть творцами в этом деле. *(Аплодисменты.)* Техника наша растет. Мы замечаем стремление в каждой, даже самой отсталой народности — быть центром творчества. Вы, приехавшие из разных республик, видите здесь представителей самых глухих отдаленных республик, самую забытую республику — Марийскую, столица которой бывший Царевококшайск ... Царевококшайск, — город, прославленный Щедриным, как место особенно глухое, — теперь этот Царевококшайск является столицей одного из народов, и я не сомневаюсь, что он культурно безусловно растет.

Когда бросишь взгляд в перспективу нашей отсталой Советской России, — где интеллигенция вкраплена очень редко, где невежество и бедность царят полностью, — видишь вместе с тем ту новую почву, которая существует внизу, и думается, товарищи, что мы доживем до того момента, когда наша отсталая Советская Республика будет итти впереди всех государств. *(Аплодисменты.)*

Она должна итти впереди. Вы поймите: вот мы, интернационалисты, теперь являемся больше патриотами, чем архипатриоты из интеллигенции. Для нас нет сомнения в том, что Советский Союз должен итти — в области культуры, техники, медицины — впереди всех капиталистических государств, — он не может не итти впереди. Когда я говорю, что мы должны итти впереди, я говорю это потому, что иначе — мы погибнем. Вот как история поставила: «или — или», — или быть первыми на миру, или быть побитыми и превратиться в колонию капиталистического мира. Нет двух дорог. Я не сомневаюсь, что наша интеллигенция, под влиянием народных масс, поднимающихся к творчеству, с каждым часом все больше будет проникаться этим сознанием. А коль скоро и рабочая, и крестьянская масса, и интеллигенция, — все будут пронизаны таким сознанием, то я не сомневаюсь, товарищи, что свою историческую роль мы выполним: что коммунизм нами будет не только сохранен, — а коммунизм — это есть синоним движения вперед, — но что коммунизм будет доведен до полной победы во всем мире; и в этой победе будет немалая ваша частица, — в победе за великие идеалы, над которыми работали величайшие умы человечества и которые были заветом, неосознанной мечтой всех трудящихся мира. *(Продолжит. аплод.)*

ВОПРОСЫ РАБОТЫ В ДЕРЕВНЕ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НАШЕЙ БОРЬБЕ В ДЕРЕВНЕ.

I.

Вопросы деревни в настоящее время[1] все больше завоевывают центр внимания. Они все чаще появляются на повестке ЦК РКП, который постановил одно время даже создать специальную деревенскую комиссию при Политбюро ЦК. Это говорит за то, что из области деклараций и благих пожеланий, общих директив и указаний вопрос перешел к практическому осуществлению. Разумеется, разрешение отдельных частностей в крестьянском вопросе не исчерпает полностью стоящие на очереди крестьянские задачи, ибо они принадлежат к тем задачам, которые имеют свойство вновь возрождаться и видоизменяться при других отношениях, при другой политической обстановке.

Жизнь в своем развитии будет выдвигать на очередь дня все новые и новые вопросы, новые затруднения, ибо развитие советского государства не движется с закономерностью часового механизма. Наоборот, то одна отрасль производства выскочит вперед, то самая, в данный момент необходимая, задерживается в своем развитии, чем тормозит смежные с собой производства, связанные взаимно экономической зависимостью или же технически вытекающие одно из другого,—хотя бы текстильная промышленность, развитие которой может быть задержано от степени наличности хлопка. Но что несомненно,—вопрос о деревне во всех наших партийных и советских инстанциях обращает на себя самое заметное внимание рядом с важнейшими очередными вопросами,—и теперь уже не вызывает удивления, если деревенский вопрос ставится на обсуждение в первую очередь. Это я считаю большим достижением.

---

[1] *От редакции.* Эта глава писалась после XIII партийного съезда.

Параллельно с этим можно отметить значительный перелом к этому вопросу и в печати. Не говоря уже о газетах, мы имеем за короткое время ряд новых книжек и брошюр о деревне. Каждый периодический журнал также стремится поместить что-либо о деревне. И, наконец, партийные конференции на местах также уделяют большое внимание деревне. Ни по одному вопросу XIII съезда РКП на периферии не было столько резолюций и тезисов, как по проекту тезисов о работе в деревне. Все это ярко доказывает, насколько вопрос о деревне или, правильнее, вопросы об отношении рабочего класса к крестьянству сделались важными в глазах советской общественности и в партийных рядах. Вопрос о деревне я свожу к одному кардинальному: это — вопрос об отношении рабочего класса к крестьянству; практически речь идет здесь о сохранении союза, единства революционных сил обоих классов, сохранении такого союза не с частью крестьян, примерно — бедноты, а с большинством — с середняками. Ибо союз рабочего класса, примерно, с одной пятой, одной четвертью бедноты, в современных международных условиях нас не может удовлетворить; он необходимо должен включать в себя и середняков. Тогда процентов 90,—а возможно и больше, — крестьянского населения явятся активными защитниками советского строя. Да, наконец, и остальную часть крестьянского населения, наиболее зажиточную, нет основания без большой нужды отталкивать от себя, заостряя их враждебность к Советской власти. Своей политикой мы должны их, по крайней мере, нейтрализовать; ни в коей мере не заигрывая с ней сделать, однако, для них знаком вопроса: какой строй лучше. Зажиточная часть крестьянства, при всей ее недоброжелательности к коммунизму, врастает под могущественным давлением общих условий в советский строй, а в своей молодой части начинает его и любить, принимая активное участие в его строительстве. Не использовать в политике такие факторы — было бы серьезной тактической ошибкой.

С момента практической постановки, вопрос о работе в деревне уже разделяется на ряд выдвигаемых жизнью задач как в смысле их очередности, так и особой значительности каждой из них. Правильное решение вопроса встречает на своем пути исключительные трудности. В особенности приходится упомянуть здесь о тех из прошедших революционную боевую школу людях, которые приучились решать скоро, резко и определенно, не считаясь с жертвами, не заглядывая в отдаленное будущее.

М. И. Калинин на заседании в 1919 г.

Сейчас, в обстановке относительно мирного строительства, при замедленном течении политической мысли крестьянина, трудно рассчитывать на быстрые эффекты в нашей деревенской работе. Тут сроки должны быть весьма значительные, чтобы конкретно ощутить результаты работы. Если военное положение оправдывает некоторое ослабление внимания к будущему, то — наоборот—спокойная обстановка решительно обязывает каждого политика строго учитывать могущие быть последствия его тактики.

Вот почему от работников в деревне требуется гораздо бо́льшая гибкость, уменье найти такие формы марксистского поведения, которые, с одной стороны, не убивали бы революционной сущности марксизма, а с другой стороны — не шли бы в разрез с окружающим бытом, резко ему противопоставляясь, — хотя иногда резкое противопоставление является одним из самых сильных революционных действий, приносящих наибольшие результаты. Значит, тому, кто хорошо изучил окружающие условия, во-первых, и умело применяет в подходе к ним марксистский метод, во-вторых, — тому уже гораздо свободнее маневрировать, менять тактику в соответствии с изменяющимися обстоятельствами. А работнику в деревне, — если вспомнить обширность нашей территории, разнообразие хозяйственных форм крестьянского производства, различие культурного уровня населения, его многоязычность и т. д.,—прибегать к этому приходится довольно часто.

Сейчас нам особенно понятны и значительны слова тов. Ленина, сказанные им на закрытии XI партийного съезда: «Весь гвоздь теперь в том, чтобы авангард не побоялся задачи поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное умение. Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством, показывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, вести его вперед. Такую задачу при данном международном положении, при данном состоянии производственных сил России можно решить, лишь решая ее очень медленно, осторожно, деловито, тысячу раз проверяя практически каждый шаг».

Этот заключительный абзац в речи тов. Ленина для данного момента по работе в деревне вырос в директиву, в одно из обязательных практических указаний для нас при решении выдвигаемых жизнью задач крестьянского строительства. В самом деле,

главная политическая задача в деревне сейчас, это — заставить деревенских работников приобщить самые широкие массы крестьянства к общему, вместе с пролетариатом, движению вперед. Надо, чтобы они двигались вместе. А для этого, для достижения широкого общего фронта, партия, ее работники на местах должны доказывать тактикой, делом, что они учатся и научатся помогать крестьянству. Ибо только дело, только практические успехи укрепляют в крестьянах уверенность в правильном руководстве. А успехи достигаются очень медленно и требуют на себя значительного расхода труда, опыта и знаний, которых у нас, по сравнению с грандиозностью стоящих на очереди задач, еще сравнительно мало.

Все это повелительно заставляет членов партии, — и в особенности членов партии, работающих в деревне, — вплотную заняться изучением крестьянского вопроса как практически, так и теоретически.

Практическая часть — собирание материалов о состоянии деревни, изучение процесса ее изменения, зарисовка перерождения быта и т. д. — все это и сейчас выполняется по мере сил и возможностей как центром, так и местами. Самым слабым местом у нас является, по-моему, неподготовленность в теоретическом отношении, а, между тем, как я уже сказал, практические вопросы села столь разнообразны и сложны, что именно это и требует для правильного их решения знания теоретических основ или, по крайней мере, главных положений марксизма о деревне, о крестьянстве. Насколько это важно, можно понять из того, что Владимир Ильич, — будучи марксистом, можно сказать, с рождения, — вышел на политическую арену с брошюрой о крестьянстве: «Что такое друзья народа», а ушел с приведенной мною выше заключительной речью на XI съезде партии. Даже в статьях о Рабкрине, — как известно, писанных уже больным, — он не забывает оттенить важность крестьян, как составной части сил революции, которую необходимо сохранять и беречь.

Теоретическое изучение крестьянского вопроса представляет в настоящее время довольно большие трудности, ибо у нас нет скомбинированных учебников или, по крайней мере, сборников по данному вопросу, хотя бы со статьями Маркса, Энгельса, Ленина. Приходится все выбирать собственными силами из полных сочинений, что представляет большие препятствия. Но какие бы препятствия ни стояли перед товарищами, наступил период, когда это изучение становится необходимым, и, конечно,

главной настольной книгой при изучении крестьянского вопроса являются сочинения Ленина. Его преимущество перед всеми остальными—в том, что у него теория обосновывается глубоко практическими, иногда буквально злободневными доводами, благодаря чему она и воспринимается с гораздо меньшими трудностями.

II.

Один из уроков борьбы с народничеством.

История нашего экономического развития за последние десятилетия жестоко посмеялась над народническими сказками, настолько далеко отбросив те времена, когда приходилось еще воевать с идеологией народников, что, пожалуй, не стоило бы и возвращаться к этому вопросу.

Но сам по себе путь, который привел нас от тогдашней эпохи к нынешнему времени и похоронил народнические иллюзии и народнические ошибки,—сам по себе путь этот в высшей степени поучителен, в особенности для нашего молодого поколения. Тем более поучителен, что нынешняя эпоха нэпа будет сопровождаться целым рядом новых (хотя и видоизмененных) идеологических вылазок врага, цель которых всегда одна и та же: засорять классовое сознание трудящихся.

При решении стоящих на очереди задач деревни у нас больше не имеется глубоких принципиальных разногласий, аналогичных разногласиям марксистов с народниками, когда были не разногласия по ряду тактических и программных пунктов, а коренное расхождение в основном вопросе: о развитии капиталистического хозяйства. Расхождение по этому основному вопросу уже предопределяло, разъединяло, бросало людей в разные лагери; у них политические оценки были уже совершенно различные, расходящиеся в разные стороны, хотя общая ненависть к царизму и левизна политических лозунгов внешне сближали их в глазах широких масс, путали у них карты. В 1907 году, при выборах во вторую думу, на рабочих собраниях эс-эры все еще были серьезными нашими противниками. Наши обвинения эс-эров в оппортунизме отбивались аргументами: «Вы только говорите, а мы действительно боремся: кто убил Сипягина, кто убил Плеве?» и т. д. Эти доводы перед широкими рабоче-крестьянскими массами были неотразимы, ибо непосредственное физическое уни-

чтожение наиболее злостных врагов народа сеяло иллюзии, что это — наиболее «левый», действительно революционный путь. Все это затемняло, вносило путаницу в головы рабочих и крестьян, вселяло в них убеждение большей революционности тактики эс-эров по сравнению с с.-д., а в особенности — с меньшевиками.

Империалистическая война и затем революция были такими сильными и верными средствами испытания действительной революционности партий, что в настоящее время малый ребенок видит контр-революционную сущность сошедших у нас с политической сцены партий, как эс-эры, меньшевики и т. д.

В теоретическом смысле их идеологи были биты давно... И, конечно, главным виновником теоретической победы и решенности крестьянского вопроса является тов. Ленин, который начал свою политическую деятельность, как известно, с великолепного памфлета, направленного против главных вождей народничества — Михайловского, Кривенко, Южакова и т. п.: «Что такое друзья народа», с подзаголовком: «Как они воюют против социал-демократов». Надо знать тогдашнюю обстановку и обаяние названных лиц на интеллигентскую среду, учащуюся молодежь и т. д., чтоб понять, какую смелость и, до известной степени, дерзость проявил Владимир Ильич в брошюре о «Друзьях народа». Уже в этой книге выявился будущий Ленин, все его характерные особенности. Из брошюры вы совершенно не заметите, что автор — новичок в литературе; наоборот, получается впечатление, как будто бы автор уже десятки лет ведет жестокую борьбу с оппонентами. Автор великолепно знает предмет, литературу, трактующую о нем, знает все слабые места противников, и,—как талантливый музыкант достигает совершенства мелодии, между прочим, и глубоким знанием своего инструмента,—так и тов. Ленин в совершенстве использовал имеющиеся в его руках качества против своих противников. Эту первую брошюру, вышедшую нелегально в 1894 году, можно рекомендовать особенно нашей молодежи, как образец идеальной первой работы, образец глубокой проработанности предмета, чего так часто недостает многим и многим принимающимся за перо. И, наконец, в ней поднят вопрос, на котором тогда было заострено внимание общества: на вопросе — в какую сторону будет развиваться капитализм, как скажется его влияние на деревню, — проходил водораздел между народниками и нарождающимся в России марксизмом.

В тогдашних спорах по этому вопросу Михайловский и его сторонники приписывали марксистам то, чего у них и в уме не

было и не могло быть. Михайловский старался, свести дело к тому, что последователи Маркса в России — просто-на-просто книжные фанатики, которые тщатся двинуть жизнь так, как это должно быть по книге Маркса. Михайловский обвинял марксистов в том, против чего они сами более всего воевали, т.-е. против вздора о возможности словесными пожеланиями изменить ход истории. Маркс не строит истории, а дает ключ к ее объяснению, — указывает, по какому пути идет экономическое развитие и сопутствующие ему явления политической и общественной жизни. А обладая этим ключом, т.-е. верным подходом к пониманию действительности, можно верно определять путь борьбы рабочего класса.

Но Михайловский ссылается на то, что он «собственными ушами» слышал от марксистов то, что он им приписывает.

На это Ленин отвечает:

> Конечно, г. Михайловский может сколько угодно опровергать эти заявления тем, что он «собственными ушами» слышал именно исповедание абстрактной («книжной, отвлеченной, не жизненной») исторической схемы. Но какое же нам, социал-демократам, или кому бы то ни было дело до того, что г. Михайловскому приходилось выслушивать от его собеседников всякий абсурдный вздор? Не доказывает ли это только того, что он очень счастливо выбирает своих собеседников, и ничего больше? Очень возможно, конечно, что эти остроумные собеседники остроумного философа именовали себя марксистами, социал-демократами и т. д., но кто же не знает что в настоящее время (как это давно уже замечено) всякий прохвост любит рядиться в «красные» платья? (Все это писано в предположении, что г. Михайловский действительно слышал исповедания абстрактных исторических схем и что он ничего не переврал. Считаю, однако, безусловно необходимым по этому поводу оговориться: за что купил, за то и продаю.) И если г. Михайловский настолько прозорлив, что не может отличить таких «ряженых» от марксистов, или если он настолько глубоко понял Маркса, что не заметил этого усиленнейше выдвигаемого им (Марксом) критерия всего его учения, все его значение (формулирование «того, что совершается перед нашими глазами»), то это доказывает опять-таки только, что г. Михайловский не умен, — и ничего больше.
>
> Во всяком случае, если он брался за полемику в печати против «социал-демократов», он должен был иметь в виду ту группу социалистов, которая уже давно носит такое имя и носит его одна, так что других нельзя смешать с нею, и которая имеет своих литературных представителей — Плеханова и его кружок. И если бы он сделал так, — а так, очевидно, должен был бы поступить всякий мало-мальски порядочный человек, — и обратился хотя бы к первому социал-демократическому сочинению, к книге Плеханова «Наши

разногласия», он увидал бы там на первых же страницах категорическое заявление от лица всех членов кружка:

«Мы ни в коем случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени» (т.-е. авторитетом Маркса). Понимаете вы русский язык, г. Михайловский? Понимаете вы разницу между исповеданием абстрактных схем и отрицанием всякого авторитета Маркса в суждении о русских делах?

Понимаете ли вы, что, выдавая первое суждение, которое вам посчастливилось слышать от ваших собеседников, за марксистское и оставляя без внимания печатное заявление одного из выдающихся членов социал-демократии от имени всей группы, вы поступили нечестно?

И дальше заявление делается еще более определенное:

«Повторяю, — говорит Плеханов, — между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности»; наша доктрина — «первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений».

Кажется, трудно говорить яснее: марксисты заимствуют безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений, и, следовательно, критерий своей оценки этих отношений видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью.

Или, может-быть, вы думаете, что, делая такие заявления, автор на самом деле рассуждал иначе? Но это неправда. Вопрос, которым он занимался, состоял в том, «должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития?». Вопрос этот был, следовательно, формулирован совсем не по-марксистски, а по субъективным методам разных отечественных философов, видящих критерии этого долженствования не то в политике начальства, не то в деятельности «общества», не то в идеале общества, «соответствующего человеческой природе», и тому подобной белиберде. Спрашивается теперь: как должен был отвечать на подобный вопрос человек, исповедующий абстрактные схемы? Очевидно, он стал бы говорить о непререкаемости диалектического процесса, об общефилософском значении теории Маркса, о неизбежности для каждой страны пройти через фазу ... и т. д., и т. д.

И как отвечал Плеханов?

Так, как только и мог отвечать марксист.

Он оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересовать лишь субъективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной их эволюции. Поэтому не дал он и прямого ответа на такой неправильно поставленный вопрос, а ответил вместо того так: «Россия в с т у п и л а на капиталистический путь».

А Михайловский с видом знатока толкует об исповедании абстрактной исторической схемы, об имманентных законах необхо-

димости и т. п. невероятной ерунде. И называет это «полемикой» против социал-демократов!! Решительно отказываюсь понимать, — если это полемист, то кто же после этого называется пустолайкой?!

Для современного массового читателя эту политическую выписку из первого литературного труда Ленина нелегко будет понять: книгу надо прочесть несколько раз, да она и заслуживает серьезного внимания. Трудны здесь не только иностранные слова, — крестьяне, рабочие (учащаяся молодежь) сравнительно быстро усваивают смысл иностранных слов. Здесь трудны излагаемые понятия; и тот, кто усвоит, переварит их в своем мозгу, тот сделает значительный шаг вперед в области теоретического изучения марксизма, а в частности — крестьянского вопроса. Ведь в этих изысканиях, в этих, на первый взгляд, отвлеченных понятиях решался коренной злободневный вопрос: кто будет руководителем, застрельщиком «русской революции»? Развитие капитализма предопределяло, предвосхищало гегемонию пролетариата, принятие этого понятия означало — сдать в архив не только народническую теорию, а и славную в своем историческом прошлом народническую революционную тактику. Это означало — изгнать из революционного обихода сантиментализм, романтику, позу, самолюбование своей обреченностью на высокое служение народу, — качества, особо присущие интеллигентским слоям, в значительной степени распространенные тогда в обществе. Это означало — перенести революционную базу в пролетариат, и уже через него и посредством него приобщить крестьянство, как одну из могучих демократических сил, к революции. Вот почему вокруг этих теоретических вопросов кипел бой не на живот, а на смерть, между народниками и марксистами. И тов. Ленин своим первым выступлением, — можно сказать, военным языком, — произвел небывалые прежде опустошения в народнических рядах.

Если в своей первой работе тов. Ленин всесокрушающий удар направил на идеологию народников, то в одной из следующих работ, вышедшей почти десять лет спустя, Ленин обращается непосредственно к деревенской бедноте (надо не забывать, что в промежутке вышла капитальная работа Ленина «Развитие капитализма в России», где крестьянству, крестьянской экономике, тенденции развития крестьянского хозяйства отведена крупная роль). Насколько форма изложения, общий тон в первой работе были непочтительны, даже грубо-пренебрежительны к оппонентам, настолько же своеобразной, новой была форма обращения к крестьянству, к его беднейшим слоям. Интелли-

генция выработала в себе в прошлом манеру обращаться с крестьянами, как с меньшим братом, как с несчастененьким, который не понимает или, во всяком случае, плохо воспринимает мысли, изложенные просто по-русски. Покровительность, снисходительность к бессильному, неумелому, угнетенному народу сквозили в каждой революционной фразе. В брошюре, предназначенной для деревенской бедноты, казалось бы, особо должна развернуться красноречивая стилистика о тяжести настоящего положения крестьянина и ряд ярких картин лучшего будущего, на что были большие мастера эс-эры. Владимир Ильич прозаически спокойно, не лукавя, говорит:

«Не все крестьяне будут помогать рабочим,— есть богатые; нам надо узнать, сколько их по всей России, какова их сила, чтоб бедный крестьянин не на авось шел, не с завязанными глазами, а чтобы он точно знал, каковы его друзья и каковы его враги».

Просто, скупо, понятно каждому мужику. Или: «но когда бедному и среднему крестьянину говорят, что улучшение хозяйства и удешевление плугов поможет им всем выбиться из нужды и на ноги встать, не трогая вовсе богатых людей, то это — обман. От всех этих улучшений, удешевлений и кооперации (союза для продажи и закупок товаров) гораздо больше выигрывают богатые. Богатые становятся все сильнее и все больше теснят бедноту и средних крестьян. Покуда богатые остаются богатыми, покуда они держат в своих руках бо́льшую часть земли и скота, и орудий, и денег, то до тех пор не только бедноте, но и средним крестьянам никогда из нужды не выбиться».

До сих пор, кажется, никто не обратил внимания на то, что впервые так разговаривают с крестьянином. Вся предыдущая крестьянская литература полностью как бы молчаливо подразумевает в крестьянине человека с примитивными, более упрощенными умственными способностями, для которого должен быть особый, более упрощенный язык. И, пожалуй, никто так не злоупотреблял, не вносил столько привкуса слащавости, сантиментализма, внешней жалости и скорбности, как именовавшая себя крестьянской партия эс-эров. Казалось бы, именно партии эс-эров, претендовавшей на монополию защиты крестьянских интересов, должны были быть особенно свойственны или, по крайней мере, понятны характерные черты русского крестьянства, и ее решения и воззвания должны бы быть по содержанию понятны рядовому крестьянину, как простые неопровержимые доводы в интересах

бедноты и середняков. В действительности эс-эровская литература била главным образом на чувство, менее всего в ней было доводов.

Теперь, когда партии окончательно и полностью выявили свое политическое лицо, нам понятно преобладание фразы над делом у эс-эров. Фразы, общие места, крайний радикализм по внешности, включительно до применения террора к отдельным правительственным лицам, скрывали содержание, давали возможность под лозунгом трудового населения протащить общность интересов богача, кулака-крестьянина, с бедняком, чем эс-эры сознательно или бессознательно служили именно кулаческому слою крестьянства. Если вспомнить, что преобладающий процент интеллигенции, в особености сельской, также рекрутировался, вырастал из более состоятельного кулаческого слоя крестьянства, священнослужителей и т. п., то нам будет вполне ясна классовая близость к кулачеству интеллигенции, которая безраздельно царила в нрах эс-эровской партии. Значит, идеология эс-эров есть идеология кулака; политика эс-эровской партии, ее язык, литература, — все питалось из этого социального слоя. Надо сказать, что до войны состоятельные группы населения деревни (социальная база эс-эровской партии) были очень радикальны; царское самодержавие с своей стороны сделало все, чтобы восстановить их против себя, и, конечно, значительный слой партий искренно верил, что они защищают не кулачество, а крестьянство в целом; да не только крестьянство, а вообще трудовые слои населения; но от этой искренности не изменялась экономическая сущность эс-эровщины, как партии деревенского кулачества, которое и накладывало на эс-эровскую партию свой классовый отпечаток во всем.

Тов. Ленин своей брошюрой «К деревенской бедноте» подошел к крестьянству с марксистским методом, пользуясь в обозрении крестьянства классовой идеологией. Без дальних слов признавая, что перед ним имеются здравомыслящие люди, он выкладывает перед крестьянской беднотой и середняками один довод за другим, стремясь ими не столько убедить, настроить враждебно к существующей власти, сколько прояснить, заставить крестьянина самого проследить, проанализировать классовые отношения в деревне. Он был уверен, что если крестьянин подумает, сделает самостоятельно такой анализ, то придет к аналогичному с Лениным выводу.

Здесь сказалась исключительная, так свойственная Ленину уверенность в том, что на революционный путь защиты своих

классовых интересов станут сами классы, если они только уразумеют эти интересы.

И никто столько не поработал, как Ленин, над изучением классовых отношений в деревне, где он внутри крестьянства отыскивал революционные силы, которые могут быть приобщены к силам пролетариата в борьбе с царизмом.

Только сейчас, обозревая пройденный путь жестокой борьбы за влияние в крестьянстве, мы начинаем понимать, какую колоссальную работу в этой области выполнил тов. Ленин, сколь много он сделал для того, чтобы засоренный эс-эровщиной путь расчистить, и как облегчил нам понимать деревню.

III.

Часто можно слышать: Маркс — теоретик революционного социализма, а Ленин — его практический проводник. Можно ли эту фразу понимать буквально?

Изучая общественное развитие, Маркс и Энгельс, так же, как и Ленин, стремились полученные выводы использовать, как оружие на арене практической борьбы. Они — не ученые только, — в отвлеченном, книжном смысле, — а и политические вожди пролетариата. Лишь особо неблагоприятные условия, внешне не зависевшие от них, заставляли их больше изучать, чем делать историю; но при каждой возможности они также стремились именно делать историю в самом боевом смысле политической деятельности. Достаточно упомянуть организацию I Международного Товарищества Рабочих, предшествовавший ему съезд в Лондоне и богатейшую полемическую деятельность Маркса и Энгельса (а эта деятельность преследовала в большинстве случаев *самые насущные цели тогдашнего рабочего движения* и борьбу против некоторых вождей последнего).

Что касается Ленина, то при всей бросающейся разнице масштабов революционной деятельности его и Маркса (у Ленина этот масштаб был неизмеримо больше), — при всей этой разнице преобладает все же несомненное сходство, то-есть громадная самостоятельная теоретическая работа и теоретическая роль Ленина.

Какое практическое значение имеют сделанные только-что замечания? Во-первых, не нужно, чтобы в сознании наших новых работников из рабочих и крестьян образ Маркса рисо-

вался в извращенном свете. В слово «учитель социализма» (Маркс) не должно вкладываться библейского привкуса или слепого преклонения перед иконой мудрости. Образ Маркса, напротив, должен быть для каждого как-раз стимулом к самостоятельной критической проработке всякого вопроса, к самостоятельным размышлениям, не отрешаясь при этом от жизни и от происходящей вокруг тебя борьбы, а, наоборот, почерпая из нее *новые и новые материалы* для теоретических выводов.

Ленин, как революционер, именно является образцом человека, сочетавшего революционную деятельность с непрестанным теоретическим накоплением, которое у него не прекращалось в самые горячие периоды практической деятельности.

Возьмем конец августа 1917 года. Это был острый революционный период, когда, казалось, все внимание должно было направляться исключительно на практические нужды дня. И вот в этот период Ленин пишет: «Было бы крайне желательно, чтобы Совет Крестьянских Депутатов опубликовал как можно более подробные данные обо всех этих наказах (если уже абсолютно невозможно напечатать все их полностью, что было бы, конечно, всего лучше). Например, особенно необходим полный список губерний, уездов, волостей с указанием, сколько наказов из каждой местности доставлено, время составления или доставления наказов, анализ основных хотя требований, чтобы можно было видеть, заметны ли различия по районам относительно тех или других пунктов. Скажем, район подворного и общинного землевладения, районы великорусские и инонациональные, районы центра и районы окраин, районы, не знавшие крепостного права, и пр., — отличаются ли они постановкой вопроса об отмене права собственности на все крестьянские земли, о периодических переделах земли, о недопущении наемного труда, о конфискации инвентаря и скота у помещиков и пр., и пр. Научное изучение необыкновенно-ценного материала крестьянских наказов без таких подробных данных невозможно. А мы, марксисты, всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики».

Надо вспомнить предоктябрьский период, всю тогдашнюю обстановку, — ведь у Ленина была уже вполне созревшая мысль о необходимости вооруженного свержения временного правительства, скорейшего его свержения, ибо опоздание может погубить успех, — и все-таки Ленин сожалеет об отсутствии систематизиро-

ванных материалов из наказов земельных комитетов; значит, он считал, что горячая политическая атмосфера требует особенно полно и научно ознакомиться с материалами, выводы из которых могут оказаться ценнейшими пособниками в предстоящей борьбе.

Сейчас, когда истекшие события у нас стоят перед глазами, как бы на ладони руки, нам понятны мотивы, которые руководили В. И. Несмотря на исключительное, может-быть, единственное в своем роде знание крестьянства, каким обладает тов. Ленин, он, как революционный марксист, понимает, что эти знания для политики, для практической деятельности ценны постольку, поскольку они обновляются, поскольку они не отстают от темпа развития крестьянской экономики и психологии. Психология, надо сказать, в обыденное время в своем поступательном развитии обыкновенно отстает, как бы плетется за экономическим развитием хозяйства, а в революционное, наоборот, она стремительно настигает экономику и далеко ее оставляет позади.

Вот почему В. И. были так необходимы обработанные сводки крестьянских наказов. Через наказы, как в зеркале, он видит правильную картину деревни, видит вместе с тем вожделения и чаяния крестьянства, — за какие нужды, наиболее насущные, крестьяне будут решительно бороться, и насколько созрела воля к такой борьбе.

Своеобразие Ленина, как теоретика, заключается в том, что каждую свою теоретическую задачу он одновременно решает, как задачу практическую.

Давая теоретический бой народникам в брошюре «Друзья народа», он немедленно переходит к практической атаке в брошюре «К деревенской бедноте». Сопоставьте эти две брошюры, — это — задача в высшей степени благодарная для всякого, кто хочет понять, что такое ленинизм, — и вам с замечательной ясностью представится, как сочеталась у Ленина теория (в «Друзьях народа», например) с практикой (в брошюре «К деревенской бедноте»). В этой последней Ленин пишет:

«Первый вопрос: может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда в России из двухсот сорока миллионов десятин удобной земли сто миллионов десятин принадлежит частным землевладельцам? Когда у шестнадцати тысяч крупнейших землевладельцев находится в руках шестьдесят пять миллионов десятин?

«Второй вопрос: может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда полтора миллиона богатых крестьянских дворов (из всего их числа десять миллионов) забрали в свои руки половину всех крестьянских посевов, всех крестьянских лошадей, всего крестьянского скота и гораздо больше половины всех крестьянских запасов и денежных сбережений? Когда эта крестьянская буржуазия продолжает все больше и больше богатеть, притесняя бедноту и среднее крестьянство, наживаясь чужим трудом батраков и поденщиков, когда шесть с половиной миллионов крестьянских дворов—разоренная беднота, всегда голодная, добывающая жалкий кусок хлеба всяческой работой по найму?

«Третий вопрос: может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда главной силой стали деньги,—на деньги можно все купить: и фабрику, и землю, и даже людей купить в наемные работники, в наемные рабы? Когда без денег нельзя ни жить, ни вести хозяйство?

«Когда мелкий хозяин, бедняк должен вести борьбу с крупным хозяином из-за добывания денег, когда несколько тысяч помещиков, купцов-фабрикантов и банкиров забрали в свои руки сотни миллионов рублей и, кроме того, распоряжаются всеми банками, в которых собираются тысячи миллионов рублей?

«От этих вопросов никакими сладкими речами о выгодах мелкого хозяйства или кооперации не отвертишься. На эти вопросы ответ может быть один: настоящая кооперация, которая может спасти рабочий народ, это — союз деревенской бедноты с городскими рабочими социал-демократами для борьбы против всей буржуазии. Чем скорее будет расширяться и крепнуть такой союз, тем скорее средний крестьянин станет на нашу сторону».

Приведенная выписка взята из брошюры, предназначенной для наименее подготовленного слоя деревни,—не только в понимании теории, а и простой грамоты. Но какой теоретик по общественным вопросам откажет в научности этой брошюре? По существу дела — разве это не та же книга-памфлет по адресу Михайловского и др., в которой мы встречаемся с тончайшими нитями научно-философской мысли, изложенной соответствующим, т.-е. сугубо академическим языком?

В «простой» брошюре научность нисколько не принижена, зато теория выступает в ней остро отточенным практическим оружием, которое будущий полководец вкладывает в руки борющегося класса.

Это оружие было выпущено тридцать лет тому назад. Почему оно не заржавело? Почему оно до сих пор сохранило свою силу? Почему по сей день с захватывающим интересом читается брошюра «К деревенской бедноте»? Ведь не потому же, чтобы жизнь стояла на одном месте и не двигалась вперед. Почему же? Потому, что уже в этой брошюре заложена основа одной из величайших ленинских идей—союза рабочих и крестьян. При этом надо заметить, что ценна она не только замечательным анализом крестьянского вопроса и тем, что она намечает будущий путь борьбы, но она толкает читателя к самостоятельной работе теоретического накопления в процессе практической борьбы.

Теория и практика, практика и теория, их взаимопроверка и взаимодействие, — вот чему учит нас ленинизм. Этим должен проникнуться каждый работник, а деревенский в особенности: тут, в деревне, только один революционный пыл, без правильной, трижды продуманной теоретической перспективы, может сослужить очень скверную службу. И, наоборот, теоретическая ясность в голове придает бодрость, уверенность и устойчивость в самой работе, что особенно важно в деревне, где материала для разочарований больше, чем где бы то ни было.

IV.

О теоретическом совпадении классовых интересов пролетариата и крестьянства и практическом их столкновении.

В предыдущей статье я стремился показать, что как бы враги ни искали противоположности интересов крестьян и рабочих, на самом деле эти интересы глубоко совпадают или, во всяком случае, коренные крестьянские интересы могут быть удовлетворены в значительной степени даже при условии, если бы рабочие не проявили никакого самоограничения своих интересов.

Но совершенно прав тов. Ленин, говоря: «В течение громадного периода господства буржуазии крестьянство поддерживало ее власть, оно было на стороне буржуазии. Это понятно, если принять во внимание экономическую силу буржуазии и политические средства ее господства. Мы не можем рассчитывать, чтобы средний крестьянин стал немедленно на нашу сто-

рону. Но если мы правильно будем вести политику, то через некоторое время эти колебания прекратятся, и крестьянин сможет встать на нашу сторону».

Вот именно: колебания среднего крестьянина должны прекратиться; об этом пуще всего должна позаботиться партия, должна позаботиться Советская власть.

Конечно, для этого придется серьезно, много поработать,— быстрых и ярких эффектов в этой области ожидать не приходится. Подумать только, что еще громадный процент европейских рабочих находится под сильнейшим влиянием капиталистического строя, — и тогда консерватизм крестьян станет нам еще более понятным! Ведь II Интернационал, ведущий за собой большинство объединенных в профсоюзы европейских рабочих, ведет буржуазную, антиклассовую рабочую политику, и лишь с течением более или менее длительного времени коммунизм — слой за слоем — отрывает рабочих от II Интернационала, просвещая их и раскрывая прячущийся под флагом социализма обман буржуазии. У нас нет сомнения, что раньше или позже эти миллионы пролетарских масс сделаются — должны ходом классовой борьбы и ее уроками сделаться — коммунистическими. С тем бо́льшим терпением, большей настойчивостью и, вместе, осторожностью мы должны решать проблему приобщения трудового крестьянства к коммунизму.

Наиболее благодарно, с надеждой на успех, можно вести ее среди русского крестьянства. Оно, плечо к плечу с рабочим, боролось за Советскую власть. Оно перенесло разрушение, голод, а сейчас несет на своих плечах восстановление разрушенного хозяйства. И если коммунист на своем практическом пути встречает сильное сопротивление крестьянской среды, если его труд и напряжение не дают тех результатов, которых он в праве ждать, то пусть не смущается и не поддается разочарованию: достаточно ему бросить взор на совместно пройденный семилетний путь крестьянина и рабочего, чтобы понять, что его работа приносит исключительные, небывалые в прошлом истории, результаты.

Конечно, корень разногласия между рабочим и крестьянином, это — не классовая противоположность интересов, а вопрос распределения имеющихся материальных благ и их воспроизводства. Вопрос же этот слишком важный, и разрешение задачи удовлетворения рабочего и крестьянина не так легко, как кажется. Достаточно вспомнить, что буржуазия — уж на что, казалось бы,

классово-единая — будучи вся и полностью советскому строю глубоко враждебной, не может солидарно, объединенно, общими силами выступить против нас, — ее внутренняя сила парализуется, разлагается внутренней борьбой, взаимным поеданием друг друга. В чем тут дело? В буржуазном мире каждый капиталист видит в другом не только друга, но и злейшего врага, с которым он конкурирует на рынке, борется за покупателя своих товаров, за реализацию прибавочной стоимости.

Правда, между крестьянином и рабочим нет третьего лица, за эксплуатацию которого они боролись бы между собой. В среднем, оба они трудятся примерно с одинаковым напряжением. Более долгий рабочий день летом у крестьянина погашается непрерывностью работы (зиму и лето) у рабочего. Наиболее тяжелая крестьянская работа — пашня — заменяется у рабочего не менее тяжелой работой — литейной, подземной и т. д. Значит, первая встреча рабочего с крестьянином происходит на рынке, куда идут продукты и рабочего, и крестьянина; здесь происходит обмен между продуктами, и здесь, на рынке, впервые сталкиваются интересы рабочего и крестьянина.

По существу дела, это—только кажущаяся противоположность интересов рабочего и крестьянина на рынке. Только в буржуазном мире рынок воплощает всю тяжесть капиталистической эксплуатации, что̀ обнаруживается — даже для обыкновенного смертного, не искушенного в экономических науках, — при первом же простом сопоставлении необходимого ему прожиточного минимума с той покупательной способностью, которой награждает его буржуазный мир за труд, идущий на производство всего того, что обращается на рынке. Если же, отвлекаясь от слоя посредников по купле-продаже, взглянуть на наш рынок, то мы видим здесь обмен продуктами различных производителей. Они не конкурируют, а взаимно дополняют один другого своим производством. Крестьянин обменивает продукты земли на продукты городского производства, и обратно, — городской рабочий обменивает свои изделия на предметы, необходимые рабочему. Они не только не имеют противоположных интересов, но не могут жить один без другого. Взаимный их товарообмен, — вот в чем суть рынка. Капиталистический рынок свою положительную роль (быть местом обмена между производителями) превратил в место, где производится обирание и рабочего, и крестьянина; буржуазия на рынке собирает свою прибавочную ценность, благодаря чему с рынка, как с игорного дома, все производители идут

М. И. Калинин среди членов первого легального Петроградского Комитета РСДРП (б.) в 1917 г.

разочарованные, обобранные. Виновником в данном случае является не товарообмен сам по себе, а буржуазия.

Но не будем сейчас рисовать обмена в развитом коммунистическом строе.

Наш рынок в данный момент, конечно, далек от этого идеала, в нем еще слабо защищены интересы производителя, он еще служит основной базой, откуда идет рост частного капитала, а это значит, что крестьянин и рабочий теряют на рынке известную часть своего труда. Советское правительство своей финансовой налоговой политикой вносит некоторую поправку: довольно тяжелым обложением торговцев оно значительную часть их прибыли переносит в государственные ресурсы и тем отчасти как бы восстанавливает справедливость. Крестьянин, однако, видит только то, что торговец взял с него лишнее, — ему слишком трудно заметить, что часть этого излишка правительство возвращает ему в виде хотя бы добавочного жалованья учителю или доктору.

Советское государство — в лице своих трестов и госторгов, кооперации и всевозможных общественных организаций — выступает на рынке все с бо́льшим количеством товаров. От этого опять-таки еще мало пользы как рабочим, так и крестьянам, ибо это—еще новые, молодые организации, почти не имеющие опыта. Прибыль, которую капиталист-посредник клал себе в карман, они съедают в значительной степени своим аппаратом, во-первых, и, во-вторых, все они оперируют с очень ограниченными оборотными капиталами; простое самосохранение таких организаций толкает их на более, чем нормально, быстрое накопление капитала, что́, конечно, увеличивает накладку на цену.

Из этого видно, что от рынка страдают и рабочие, и крестьяне, — страдают оба, — и пока-что я положительно не вижу противоположности их интересов. Наоборот, они одинаковы: это — стремление уменьшить, насколько возможно, процент прибыли посредников, ибо лишь в редких, исключительных случаях происходит обмен между производителями непосредственно; нормально же, конечно, все происходит через посредника.

Но было бы неправильно сказать, что вообще интересы рабочих и крестьян не сталкиваются. Я говорю: они не противоположны, не ведут с неумолимой экономической закономерностью на почве такой противоположности к жестокой политической борьбе, к захвату гегемонии, к порабощению одним классом другого, — примерно, как буржуазия, которая, поскольку она остается

буржуазией, вынуждена еще утолщать, улучшать свойство того материала, из которого делаются цепи, сковывающие рабочий класс.

Буржуазия, если бы и хотела, не может этого не делать, ибо рабочий класс ни на минуту не оставляет желания, стремления во что бы то ни стало разбить эти цепи. Всякий, самый злейший враг советского государства вынужден будет признать, что отношения между рабочим классом и крестьянством — не те, не похожи на только-что нарисованные мною отношения буржуазии к рабочему классу.

А признать это — значит признать положение, что интересы рабочих и крестьян не только не противоположны, но — я скажу больше — в корне, в основе они общи. Общи по той простой причине, что если и возможны какие-либо перспективы у крестьянства, как класса, так эти перспективы возможны только в советском государстве. Достаточно поставить в параллель перспективы американского крестьянина, — крестьянина наиболее богатой капиталистической страны, — и Союза Советских Республик, — страны наиболее разоренной, бедной, — чтобы видеть, что капиталистический строй есть злейший враг не только рабочего, но и крестьянина-середняка, не говоря уже о бедняке.

Но где же расходятся интересы рабочих с крестьянами? Они расходятся в единой трудовой семье. Интересы семьи общи, но член семьи, имеющий возможность одеть новый кафтан, уже вызывает зависть, неприязнь остальных, не имеющих возможности завести новый. Они — не в производстве, а в распределении, в пользовании материальными благами. На этой почве возможны столкновения не только между рабочими и крестьянами, а и между рабочими различных категорий труда, различных районов. Кто же не знает, что в революционный период многие рабочие профессии, — хотя бы таких заводов-гигантов, как Путиловский, Брянский, Сормовский, — жестоко пострадали в материальном отношении. Эти же категории рабочих, которые наиболее упорно разрушали старый мир, несли и наибольшие жертвы в революции, получая от нее непосредственно чуть ли не меньше всех, если не считать значительного кадра рабочих, выделенного их заводами на управление.

Значит ли это, что рабочие больших заводов не достигли Октябрьской революцией тех целей, к которым стремились своей революционной работой? Значит ли это, что интересы рабочих

больших заводов не получили своего удовлетворения в пролетарской революции? Разумеется, нет. В общем—цели достигнуты, но пока-что советское рабоче-крестьянское государство не в силах удовлетворить насущные потребности даже наиболее храбрых своих бойцов, пострадавших в гражданской войне, получивших инвалидность.

Лишь постепенно, шаг за шагом, подымается материальная обеспеченность различных групп населения. И, к сожалению, жизнь не настолько справедлива, чтобы наиболее стойкие борцы обеспечивались в первую голову. Наоборот, острые потребности заставляли, — да и еще до сих пор заставляют, — лучше обеспечивать те группы рабочих, в которых в данный момент крайняя нужда, на изделия которых рынок предъявляет спрос, превышающий предложение.

Следовательно, значительного уравнения в материальном положении еще далеко не достигнуто даже между рабочими различных профессий: одни работают по цене близкой к довоенной, другие — гораздо дешевле. Я не говорю уже о разнице платы по квалификации, вызываемой производственными требованиями.

Если так заметна разница в экономическом положении между разными группами рабочих, то, само собой, она должна быть еще больше между рабочими и крестьянами. Она должна особенно расходиться между рабочим, — примерно, хоть текстильщиком средней квалификации, — и крестьянами, принадлежащими к различным крестьянским прослойкам. Крестьянин-бедняк живет, конечно, значительно хуже, середняк — близко к рабочему, зажиточный крестьянин — лучше. С рабочими сравнивают не зажиточного крестьянина, а бедняка, и на основании этого часто говорят, что рабочим живется лучше. Как я уже сказал, с этим сравнением надо быть очень осторожным. Какого рабочего сравниваешь, и с каким крестьянином? Но если даже признать, что рабочим сейчас живется немного лучше, чем, примерно, середняку-крестьянину, то ведь именно так и должно быть. Рабочий труд во многих профессиях — настоящая каторга, да и вообще заставить крестьянина променять поле на завод, фабрику, — не такая легкая штука; только при очень заметной разнице в лучшую сторону—крестьянин пойдет в город, на завод. Поэтому некоторое преимущество для рабочих необходимо. Ведь надо понять, что рабочие не с улицы берутся, а привлекаются из тех же деревень и сел.

Но как бы то ни было, а все-таки развитие и укрепление революции требует не только мира, а и тесной связи между крестьянами и рабочими. Партия, ответственная за политику советского правительства, не может без внимания, без сугубого внимания относиться к отношению рабочего класса к крестьянству, и крестьянства — его большинства — к рабочим.

Значит, оно должно внимательно отнестись к крестьянским претензиям, и если есть возможность их удовлетворить, надо не тянуть с таким удовлетворением. Ибо никогда не надо упускать из виду, что союзник рабочего класса имеет свойство подвергаться влиянию не только коммунистической партии, но и мелко-буржуазных партий. Чтобы излечить крестьянство от этого недуга (которым, как я уже говорил, страдают даже западно-европейские рабочие), требуется исключительно умелая тактика нашей партии. В особенности требуется умелое проведение в жизнь советскими и общественными организациями партийных директив по работе в деревне.

В чем должно выражаться излечение крестьянина от мелкобуржуазного недуга? Главным образом, в укреплении в нем уверенности, что рабочий ведет правильную политику, что эта политика дает крестьянину наибольшую материальную обеспеченность, что только в союзе с рабочим крестьянин имеет действительную возможность принять участие в управлении страной. Принять участие не одним или пятью десятками голосов в парламенте, а тем, что каждый общественно-активный крестьянин имеет возможность пройти в органы управления и на командную должность в армии. Кем заполняются сейчас эти поры? В большинстве — крестьянами. Это — один из самых действительных признаков участия в управлении страной. Значит, советское государство удовлетворяет политическое честолюбие крестьянства, если не полностью, то, во всяком случае, в значительной степени.

Враги рабочих и крестьян, злобно хихикая, подмигивая, подсказывают крестьянину: а все-таки в советском государстве ты — младший брат; все-таки Коммунистическая партия, посредством которой проводится политика, есть партия рабочая, а не крестьянская. И вообще Коммунистическая партия больше мирволит рабочему, чем крестьянину. Да, действительно, наша партия по составу рабочая: вот мы, старые коммунисты, — выходцы из рабочих, крестьян, интеллигенции, — особенно стремимся ее

орабочить, пока еще живы старые партийные большевистские подпольные кадры. Но было бы наивно думать, что наше стремление исходит из простого сочувствия, симпатии к рабочим, — в политике одной симпатией далеко не уедешь; нет, оно происходит потому, что на рабочем классе лежит историческая задача: привести всех людей, без различия класса, даже Моргана, вопреки его воле, в лоно коммунизма.

Буржуазия выражает сомнение, почему эта миссия спасения человечества падает именно на рабочий класс, а не на нее, буржуазию, или в крайнем случае — крестьянство, которое своей верхушкой близко к буржуазии.

Ни о чем так не старается буржуазия, как о том, чтобы вселить в крестьянские массы недоверие к рабочему классу.

Она хватается за это отравленное оружие извращений с особенным усердием, ибо знает, что неграмотные массы еще не овладели возможностью самостоятельно изучить всю марксистскую литературу, познакомиться со всеми различными течениями общественных наук, чтобы критически разобраться во всех основных вопросах классовой борьбы. Но Советская власть постарается, в меру всех своих возможностей, восполнить этот пробел, и не одной только наукой, но и разъяснением фактов повседневной классовой борьбы во всем мире, где крестьянство душится капитализмом. Чего стоит один болгарский пример, кончившийся полной гибелью «крестьянского» правительства Стамболийского!

Излишне доказывать, что буржуазия вождем-избавителем от гнета людей быть не может, ибо как-раз она должна избавить угнетаемых от себя.

Класс, который должен вести за собой все человечество, вместе с тем должен владеть, управлять последним словом науки и всеми материальными ее достижениями. Ну, примерно, в декабре 1924 года миссия класса, ведущего за собой человечество, хотя бы в одном государстве, требует от него, чтобы он управлял или, по крайней мере, фактически владел: железными дорогами, почто-телеграфом, изготовлением пушек, аэропланов и т. д., и т. п. Если бы три года назад все перечисленное было в руках Деникина, а не у нас, — посмотрел бы я, как мы могли бы победить Деникина, хотя бы и имели численность населения, равную Китаю. Все перечисленные элементы могущества человека находятся в руках рабочих. Техника насильно толкает рабочих вперед, заставляя рабочий класс быть вождем и бойцом за комму-

низм. Вот почему Коммунистическая партия стремится быть по составу рабочей. Рабочий состав предохраняет ее от мелкобуржуазного интеллигентского влияния, от мелко-буржуазных иллюзий.

Политика, проводимая Коммунистической партией, есть политика защиты классовых интересов рабочих и всего обездоленного народа вообще. Ее политика является выгодной не только крестьянской бедноте, но и крестьянскому середняку. Выгодна потому, что, во-первых, из крестьянства широким каналом вливается в рабочую массу наиболее бедная часть его; во-вторых, ее политика дает возможность заключения союза рабочих с крестьянами для борьбы с буржуазией, для захвата власти и, потом, совместного управления. Как бы враги ни кричали, как бы ни ехидничали, а факт останется фактом: нигде в мире стоящие у власти буржуазия и помещики не делят власти с крестьянством. Лишь в Республике Советов крестьяне являются совладельцами власти.

И у меня нет никакого сомнения, что если рабочий класс и Коммунистическая партия не сделают грубых ошибок, не оттолкнут своей повседневной политикой крестьянские массы, то союз между рабочими и крестьянами будет неизменно служить Республике Советов, как могучий источник несокрушимой ее силы.

А это — главная наша задача, и она сама собой должна подсказать коммунистам на местах правильную линию поведения и напоминать рабочим массам:

«Берегите союз с крестьянством! Сим победиши».

А чтобы сохранить союз, рабочий класс никогда не должен упускать—при своей практической политике—интересов крестьянства, как класса, и беречь его самолюбие в общении его с государственными и общественными организациями.

V.

О классовом расслоении.

Правильная политика по отношению к крестьянству может строиться при условии правильно понятых экономических процессов в деревне.

Отделив процессы, которые мы считаем здоровыми, от процессов нежелательных, вредных, остается направлять политику

в благоприятную для здоровых процессов сторону и, наоборот, в неблагоприятную — для вредных.

Вся соль в том, *какой именно* процесс считать здоровым, какой — вредным, и *какими именно* политическими мерами осуществлять нам государственное воздействие на эти процессы и государственное регулирование.

Тут требуется всестороннее изучение крестьянской жизни, всесторонний анализ экономических явлений в деревне. Тут, мне кажется, менее всего уместно руководствоваться вкусами революционной романтики или заученной революционной фразой и агитационным шаблоном. Подобными подходами можно только запутать вопрос и внести туман и в собственную политику, и других сбивать с толку при толковании этой политики.

А, между тем, серьезная политика тумана не терпит. С этой точки зрения следует считать романтическим или, попросту сказать, обывательским, некритическим такой подход, который начинается и кончается общими фразами о бедняках и криками о кулаках, о сплочении против кулацкого засилья, без ясной конкретизации *реальных путей и способов* этого сплочения.

Все это — очень хорошие и вполне благонамеренные фразы (о бедняках, о сплочении против кулаков и так далее). Но кто какое экономическое содержание вкладывает в эти фразы, — остается часто загадочным. Можно, однако, заранее утверждать, что содержание это достаточно разнообразно, ибо часто за ним не видно серьезно произведенного экономического анализа деревни. Тот, кто дал бы правильный анализ, принес бы этим в миллион раз больше пользы, чем целыми томами более или менее отвлеченных пожеланий и заклинаний, как бы эти последние ни льстили непосредственному чувству революционера.

Страна вступила в 6-й год нэпа, и потребность иметь перед собой ясную картину *современных* экономических процессов в деревне приобретает все бо́льшую остроту, ибо беречь союз рабочих и крестьян — значит считаться с экономическими интересами крестьян, уважать права их на общественно-политической арене. Для этого — прежде всего и важнее всего — нужно знать и изучить многосторонне крестьянскую жизнь. Многим покажется смешным — на 8-м году призывать органы власти и партию к изучению крестьянства. Разве вся история Коммунистической партии,—от основания до Октября и от Октября

до настоящего дня, — не есть изучение крестьянства? Это правильно, но с существенной оговоркой, что $^{9}/_{10}$ по изучению вопросов, связанных с крестьянством, в нашей партии падало на тов. Ленина. Что я здесь не обостряю вопрос с агитационной целью, стоит просмотреть нашу литературу, и каждый согласится, что это так. А тов. Ленин выбыл с фронта изучения крестьянства уже свыше двух лет, и, конечно, его заменит в этом деле только значительный коллектив работников.

Владимир Ильич оставил нам образец теоретического изучения экономических процессов деревни в своем труде «Развитие капитализма в России».

Задача, подобная той, которую выполнил Владимир Ильич в названной книге, завещана теперь нам, всей партии, обязанной решить ее с точки зрения новых условий, с учетом и изучением всех тех сдвигов, которые явились результатом войны и революции, — вот та линия, по которой должны итти решение задачи и построение соответствующих выводов для практической политики.

Без этого условия мы рискуем в вопросе об установлении правильных отношений с крестьянством слишком долго задержаться и топтаться на неопределенной почве неопределенных политических деклараций, допускающих самое разнообразное толкование, а следовательно — и самое разнообразное применение.

* * *

Экономически-грубо мы делим современное буржуазное общество на три класса: крупная буржуазия, мелкая и пролетариат. Но, разумеется, в каждом классе имеется значительное число оттенков, которые на политической арене выявляются партиями с разными программами, хотя эти партии и являются представителями одного класса. Наиболее однородным классом является пролетариат, но и в нем много политических оттенков, вытекающих из экономического различия пролетарских прослоек. Рабочая аристократия более оппортунистична, и во многих случаях численно значительна. Например, американские профсоюзы, недавно возглавляемые умершим Гомперсом, являются защитниками привилегий рабочей аристократии в производстве. А всякий социальный слой, защищающий особые привилегии своего слоя, политически скатывается к буржуазии, — основной защитнице всяких преимуществ и привилегий.

Крестьянство, являясь становым хребтом мелко-буржуазного класса, само пронизано бесчисленными оттенками политической мысли, и не случайно. Крестьянство экономически очень разнообразно. Беднейшая часть крестьянства сливается с пролетариатом, а его верхушка близка к крупной буржуазии. Если не прямо экономически, то через посредство выделения из себя интеллигенции, — инженеров, врачей, руководителей хозяйственными предприятиями буржуазии и т. п., которые, являясь практическими исполнителями воли буржуазии в областях экономической, политической и культурной, вполне естественно превращаются в самых ярых защитников интересов крупного капитала. Вот почему Коммунистическая партия всегда очень тщательно изучала внутреннее расчленение крестьянства на различные общественные группы. До сих пор классическим трудом по этому вопросу остается «Развитие капитализма в России».

Народники замазывали разнородность крестьянства, не признавали, что в крестьянстве происходят процессы, развивающие капитализм. В противовес народникам, тов. Ленин дал яркую картину развития капитализма. Кто хочет изучать современное расслоение крестьянства, — основательно облегчит свою работу, если предварительно ознакомится с этой работой тов. Ленина, которая вместе с тем и покажет, насколько это трудная работа, требующая длительного предварительного собирания материала и затем уже его глубокого изучения. Разумеется, ни того, ни другого в данный момент нет, да и не может быть, когда значительная часть деревни с 14-го года подвергается сильному внешнему, идущему наперекор производственным интересам, влиянию. Оно не прекратилось до сих пор, хотя во многих случаях свое направление изменило прямо в обратную сторону; например, во время войны царское правительство давало помещикам льготы, покупая по выгодным ценам у них хлеб и в то же время мобилизуя трудоспособные элементы деревни на фронт; ясно, что это разоряло крестьянина и усиливало экономически помещика. Затем, в период революции раздел помещичьих земель крестьянами производит новый огромный сдвиг в крестьянской экономике.

Если в экономике раздел помещичьих земель производит сдвиг, то в политике — революцию, которая в свою очередь влияет и на экономику увеличившего свой земельный надел двора крестьянина. Надо заметить, что хотя общая сумма земли, перешедшей от дворян и частных помещиков к крестьянам, и очень

значительна,—приближается к ста миллионам десятин,—все же ее влияние заметно только в губерниях чисто-земледельческих, со значительным количеством помещиков. А в Сибири, центральной и северной России она существенного значения не имела. Но было бы неправильно думать, что в этих местах не нанесено глубокого удара капитализму. Если в одном месте, как Сибири, совсем не было помещиков, — в другом, как центральная Россия, они играли малую производственную роль; наоборот, они в значительной степени расходовали на свои подмосковные дачи средства, добываемые в других местах. Здесь, как нигде больше, было развито первоначальное хищническое накопление. Весь центральный район испятнан маленькими заводиками, фабриками, мастерскими, торговлей и пр., и пр. Весь этот слой людей — капиталистиков первоначального накопления — жестоко пострадал от войны, а потом его добила революция.

Разложение, даже уничтожение этой крестьянской буржуазии не могло пройти экономически бесследно,—оно несомненно сильно отозвалось на крестьянстве, далеко отбросило его от товарного производства к натуральному. В деревне появились туземцы, по 30 — 40 лет не бывшие в деревне; взялись за соху крестьяне, во втором, третьем поколении ее не бравшие; появились в стоявших заколоченными домах их богатые владельцы, лишенные средств производства; одним словом, в промышленно-центральном районе число хлебопашцев увеличилось больше, чем крестьяне получили помещичьей земли. Параллельно с этим почти полностью оборвались отхожие промысла, специальные заработки отдельных мест на окраинах государства, где орудует по первоначальному накоплению тот или другой земляк, сам явившийся на родину с претензией на землю. Совокупность всех вышеизложенных событий, конечно, произвела громадное, небывалое в истории крестьянства поравнение, повлекшее за собой — по совокупности с империалистической войной—столь же громадные растраты производительных сил страны. Надо открыто сказать: это было поравнение значительного понижения материального благосостояния более или менее обеспеченных людей и очень слабое повышение незначительного слоя деревни,—во многих местах буквально—единиц. Да это и вполне естественно: основные богатства уже были израсходованы империалистической войной.

* * *

Начиная с 1921 года, с момента проведения политики нэпа, крестьянская стихия все больше входит в берега, жизнь приобретает мирный характер: у людей, оторванных почти 10 лет от производительного труда, вполне естественно накопилась энергия к труду, жажда к улучшению личного благополучия. К тому же сама Советская власть усиленно указывала на необходимость быстрого развития хозяйства в стране. «Всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии — в экономике, рабоче-крестьянской властью — в политике) достаточно узкие, умеренные». Такими словами в брошюре о продовольственном налоге подкреплял Владимир Ильич безопасность развития хозяйства, хотя бы и частного, в деревне. Все это значительно толкало вперед сельское хозяйство. По крайней мере, в настоящем году,[1] несмотря на значительный недород зерновых хлебов, все же сельское хозяйство достигло до 70% производительности мирного времени зерновых хлебов.

Хотя в 1923 и 24 годах мы застряли, и количество урожая зерновых хлебов в эти года не превышает размеров 1922 года, все же — благодаря увеличению клина под техническими растениями, как лен, хлопок, табак и т. д., развитию ремесла, кустарного промысла и т. п., — общее благосостояние деревни растет, что в свою очередь вызывает рост частного капитала, или накопления. Общее экономическое состояние Союза нуждается в крестьянском накоплении, как нуждается в воде плодоносная земля в раскаленные бездождные дни. Только непрерывный рост накопления у крестьян оплодотворит, даст сильный толчок экономическому развитию государства, и не только в области промышленности, но поставит на ноги и кредитные учреждения, как сельскохозяйственные банки, кредитные общества, сельскохозяйственную кооперацию, т.-е. как-раз те учреждения и предприятия, через которые только и можно охватить распыленное крестьянское хозяйство.

Теперь наступил момент, когда мы должны подвести итоги политике нэпа в крестьянском хозяйстве, должны хоть грубо учесть накопление крестьянского хозяйства и как это накопление распределяется среди различных имущественных групп крестьян. В особенности мы это должны сделать сейчас, так как в нашей литературе и в некоторых советских органах созда-

[1] 1924/25 году. Ред.

лось впечатление о быстром экономическом росте кулака, о таком росте, когда хозяйственная мощь кулака уже претворяется в соответствующую его интересам и желательную для него политику в деревне. Но, прежде чем перейти к обзору непосредственного расслоения деревни, я хочу напомнить, что говорил тов. Ленин в докладе о продналоге на всероссийской конференции РКП. «...Задача должна состоять в том, чтобы каждый областной хозяйственный центр, каждое губернское экономическое совещание при исполкоме немедленно поставило, как первоочередное дело, организацию тотчас же различного рода опытов или систем «оборота» на счет тех излишков, которые остаются после уплаты продналога. Через несколько месяцев надо иметь практические результаты, чтобы сравнить и изучить их. Местная или привозная соль; керосин из центра; кустарная деревообрабатывающая промышленность; ремесло на местном сырье, дающее некоторые, хотя бы не очень важные, но необходимые и полезные для крестьянина продукты; «белый уголь» (использование местных водных сил небольшого значения для электрификации) и так далее, и тому подобное—все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частно-хозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать».

Вышеприведенные слова тов. Ленина отводят всякие кривотолки, они прямо признают экономической необходимостью накопление, совершенно справедливо говоря в другом месте: «Всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью в политике) достаточно узкие, достаточно умеренные». Вопрос может стоять только о том, не переросли ли в данный момент материальные средства кулачества эти рамки.

Вот что говорит по этому поводу в докладе на пленуме ЦК партии наркомзем тов. А. П. Смирнов: «Обращаясь к данным налоговых списков 1922/23 г., мы видим, что процесс по линии

земли и после 1918/19 г., хотя и медленно, но идет по пути раскулачивания, а не наоборот. По данным налоговых списков, группировка хозяйств по пахоте представляется в следующем виде:

На 1 едока в %%.

	До 0,5 д.	0,51—1,0 д.	1,01—2,5 д.	св. 2,5 д.	Итого.
1922 г. . .	15,8	36,0	44,7	3,5	100
1923 г. . .	16,9	37,7	43,2	2,2	100

«Материалы налоговых списков 1924 г., к сожалению, не дают возможности точно проследить этот процесс дальше, так как в этом году группировка хозяйств производилась и по скоту, с переводом в пашню, но едва ли это движение заменилось обратным». Для большей убедительности и успокоения беспокоящихся о росте кулачества в деревне тов. Смирнов продолжает: «Другим процессом, важным для понимания положения всего вопроса землепользования, являлась делимость крестьянских дворов. Разделы дворов в первые годы революции приобрели характер массового явления; за период с 1917 г. по 1920 г. разделилось 10% хозяйств (данные по 4 губерниям), т.-е., в среднем, 3,3% за год. В следующие годы этот процент падает, выражаясь за год в среднем 2,3%, но все-таки остается выше довоенного, так как в довоенное время в среднем он не превышал 1,7%».

Приведя целый ряд доказательств, как цифровых, так и логических, тов. Смирнов ставит точку над «i»: «Как видно из вышеуказанных цифр, стихийная эволюция нашего сельского хозяйства идет именно в таком же направлении более усиленного роста по линии посевной площади, инвентаризации, а не по землеобеспеченности отдельных хозяйств, где наблюдается обратный процесс.

«Подводя итоги всему вышеуказанному, можно сказать, что какого-либо роста кулачества, который оправдывал бы поднятый вокруг этого вопроса шум, у нас в республике не наблюдается. Кулачество могло бы стать социально-опасной силой только при возможности вложения накапливаемого капитала в расширение землепользования, что у нас невозможно по законам республики даже на базе аренды. Капитал же, вкладываемый в инвентарь в крепком крестьянском хозяйстве, имеет естественный предел в размере землепользования, ограниченном трудовым наделом. Этот капитал, очень слабый в общем, идет целиком по про-

изводственно-товарной линии. Надо сказать, что охват инвентаризированного крепкого крестьянства, выводящего этот производственный капитал в коллективные формы строительства при условии нашей советской системы хозяйства, делает крепкое трудовое хозяйство не менее ценным в общесоветской работе, одновременно лишая возможности и базы для развития чисто-эксплуататорских инстинктов».

Мне кажется, столь авторитетные цифры и данные тов. Смирнова, по крайней мере для РСФСР, должны бы положить предел страху перед якобы надвигающейся волной кулачества, враждебной советскому строю. Каждый, кому только не лень, склоняет по всем падежам слово «кулак», не давая себе труда основательно продумать, какая экономическая мощь скрывается в крепком хозяйстве и насколько враждебны, непримиримы и активны его политические стремления по отношению к советскому строю. Этот хозяйственно-политический вопрос стал настолько актуальным в обыденной жизни, что требует немедленно практического разрешения, ибо со словом «кулак» у нас связано лишение целого ряда гражданских прав. К сожалению, до сих пор не появилось ни одной работы, посвященной изучению кулачества и более точному определению термина «кулак», если не считать сборника крестьянких писем редакции «Бедноты» — «Деревня при НЭП'е»— с подзаголовком: «Кого считать кулаком, кого тружеником». Но и сама редакция сборника не претендует на свое издание, как на научное исследование, и совершенно правильно тов. Сосновский в предисловии говорит: «Однако, очень и очень существенным дополнением к сухим статистическим таблицам могут явиться свидетельские показания самой деревни. Что думает деревня о своем классовом облике? Какие классовые группировки и их признаки бросаются в глаза самому крестьянину и как относятся разные элементы деревни к деревенской буржуазии?».

Именно дополнениями, штрихами деревенского быта, а главное — из писем сборника, можно до известной степени выяснить вообще отношение между собой в различных слоях крестьянства. Разумеется, насколько крестьянство различно имущественно, постольку и отношение к кулачеству различно. Например:

«Итак, на вопрос крестьянина Смердова: можно ли называть буржуем имеющего 3 лошади, 3 коровы, новую хату? Можно, да осторожно: посмотри — в чьей он шкуре. Имел собственность, эксплуатировал чужой труд — «буржуй»; можно не дать

слова, из совета можно выгнать. Нет этих признаков, значит — наш. По коровам судить о буржуе нельзя, иначе мы насажаем в совет не только кулаков, но и помещика, вернувшегося в лаптях из путешествия из Парижа в новую Россию.

Краском С. П. Гречкин,
крестьянин Воронежской г.,
Бобровского у., слоб. Криница».

Или:

«Живет гражданин Ерхов в более или менее сносных условиях, по-человечески. А ведь в нашей округе за кулака считается. В то же самое время по честности все выполняет и по советским законам живет.

«Нет, его тоже нельзя подвести ни под рамку кулака, ни буржуя. Он — трудовик.

«Можно ли считать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду? Тоже нет. А тем более, если еще человек земельного участка не имеет и в городе, в пригороде живет. Если он не будет с лотка торговать, то с голоду помрет.

«Слово «буржуй» для деревни неприменимо. А что же такое «кулак»? По-моему, кулак — человек, живущий исключительно чужим трудом и от чужого труда. Другими словами — паук-кровосос. У нас таких нет. Все живут своим трудом.

Учитель Г. Смагин.

С. Атмис, Н.-Ломовского уезда,
Пензенской губ.».

Из этих двух писем, — а они типичны для сборника, — видно, насколько произвольно понимание толкования «кулака» в деревне, и эти произвольные толкования имеют общую тенденцию считать неудовлетворительным, недостаточным определение только имущественным положением хозяйства, — все авторы писем к имущественному положению прилагают и общественные качества. Одним словом, чтобы определить хозяйство: кулаческое оно или нет, необходимо подойти к нему не только с имущественной стороны, а изучить историю хозяйства и формы его ведения. Собственно говоря, против этого возразить нечего, — вопрос только в том, что обследователи-то каждый по-своему понимают кулачество, соответственно с чем и определяют по своему вкусу, куда отнести определяемое хозяйство. Нет общепринятых норм такому определению.

Об этом ничего не говорит и доклад тов. Смирнова. Он не видит роста кулачества, говоря, что крепкое трудовое крестьянство не менее ценно в общесоветской работе. По-моему, это сказано неуверенно, с целью убеждения кого-то, кто сомневается в такой ценности крепкого крестьянина, огульно относя его к кулакам. Примером расширительного толкования кулачества могут служить материалы информационного отдела ЦК КП(б)У,— результаты выборного обследования 18-ти украинских сел,— где, между прочим, говорится: «Приводим бюджет типичного кулацкого хозяйства на Полтавщине. Кулак имеет 12 десятин земли. Семья его состоит из 9-ти человек, из них 6 работников. Инвентарь у него имеется полный, вплоть до веялки и молотилки; имеет коня, 2 коровы, пару волов, 1 свинью, 70 кур и 20 гусей. Посеял он в этом году две десятины озимой пшеницы и получил 70 пудов; $2^1/_2$ дес. ржи и получил 120 п.; яровой пшеницы $1^1/_2$ дес., урожай — 25 пуд.; ячменя 1 дес., урожаю 15 пуд.; овса 1 дес. — урожаю 50 п.; гречихи $^1/_2$ дес.—урожай 22 п.; итого хлеба 302 пуда. Под озимый он засеял ржи 20 п., пшеницы 20 п., под яровой будет сеять 50 п., итого на посев требуется 100 п. У него остается таким образом 202 п. хлеба, 60 п. картофеля и огородные овощи, играющие большую роль в прокормлении семьи. Продналога он платит 88 рублей. Таким образом, несмотря на недород, в этом году у него имеются излишки, и его хозяйство укрепляется».

Приведенный пример является образчиком очень смелого определения типового кулацкого хозяйства. Я просмотрел всю книгу «Деревня при НЭП'е», где помещен ряд крестьянских писем, и там я не встретил ни одного столь ясного определения. Малограмотные крестьянские корреспонденты для названия хозяйства кулаческим требуют знания не только его мощи, а и как создалась эта мощь, и каково настоящее ведение хозяйства, а ученые статистики информационного Отдела ЦК КП(б)У—смело, без малейшего сомнения, самое настоящее трудовое крестьянское хозяйство причисляют к кулаческому. Какое же значение после этого имеют статьи тов. Квиринга, секретаря ЦК КП(б)У, в защиту крепкого хозяйства, когда возглавляемый им аппарат—хозяйство, стоящее незначительно выше незаможного, называет кулацким, т.-е. крестьян, имеющих хозяйство выше незаможного, лишают прав полномочного гражданина Союза. Ибо ведь с кличкой «кулак» у нас связано более усиленное обложение,

возможное лишение избирательных прав в советы, лишение права служить в Красной армии и т. д.

Определение в кулаки информационным отделом ЦК не есть литературный документ, имеющий лишь академическое значение,— оно дает директиву, указание местным органам смотреть на данные особенности хозяйства, как на кулацкие. Какие же это особенности. То, что крестьянская семья, состоящая из 6 взрослых и 3-х маленьких, в вегетационный год без наемного труда заработала 350 — 400 рублей — беру и неучтенные доходы — на 9 десятинах хорошей земли, из которых 88 руб. уплатила прямыми налогами. Значит, на семью в 9 человек на круглый год остается около 300 рублей, по тридцать три рубля, если не считать расходов по дому, которые возьмут не меньше одной трети. Остается по 22 руб. на год. Ясно, что только привычка обходиться нищенским крестьянским минимумом дает возможность данному хозяйству просуществовать. Я не знаю, в чем обследователь нашел излишки в этом так называемом «кулацком хозяйстве», которое очевидно, надо раскулачивать, где взрослые, работоспособные, опытные в сельском хозяйстве шесть спаянных между собою в производстве членов семьи заработали в год каждый по 50 руб., — накинем зимние доходы, — при всем желании больше не натянешь, как 60 руб. в год. Из них четвертую часть надо отдать на прямые налоги.

И после этого хотите, чтобы не возмущались, не протестовали названные шесть членов семьи. Никакими доводами вы не докажете беспристрастному человеку, что это — семья кулацкая. Наоборот, именно такую семью надо взять за исходную при определении желаемой мощи крестьянского двора. Такое хозяйство должно быть обложено в будущем небольшим прямым налогом 25 — 30 рублей, ибо ведь и оно, по существу, нищенское, и оно в результате своей работы с девяти десятин имеет только 200 пудов зерна и 60 п. картофеля. Нет, ни в коем случае такое хозяйство назвать кулацким нельзя, именно оно является типично середняцко-трудовым. На него в производстве сельского хозяйства мы должны ставить ставку.

В самом деле, есть ли в вышеприведенном хозяйстве хоть одна специфическая черта кулачества? Ведь всякому кулацкому хозяйству, — как большому, так и маленькому, — присуще увеличивать свою мощь эксплуатацией маломощных. Конечно, и это мое толкование слишком расширительно. Под это определение также

подходит всякое частное хозяйство, хоть в какой-либо степени пользующееся наемным трудом. А наши противники под это определение подведут и наши государственные и общественные предприятия в деревне. В литературе, да и в обыденной жизни, под кулачеством подразумевается закабаление окружающего населения такими условиями работ или такими хозяйственными сделками, которые являлись бы для одной стороны убыточнее средних сделок в этом роде. Говоря это, мы имеем в виду, что и другая сторона (в данном примере) в основном сохраняет трудовой строй хозяйства. Примерно, крестьянин наймет работника и, за уплатой вперед заработной платы, понижает ее ниже среднего в данной местности. Второй случай: кулак покупает у бедняка хлеб на корню за плату ниже нормальной. Третий случай: дает пользоваться инвентарем за цену значительно выше стоимости. Четвертый случай: продает свои продукты бедноте в долг — или просто монопольно — по повышенным ценам. Одним словом, кулак всегда стремится на исключительной бедности, на трудных моментах клиента нажиться, разоряя его.

Подходит ли «типично-кулацкое» хозяйство Полтавщины к такого порядка определениям? Всякий разумный человек скажет: нет, не подходит; не подходит потому, что оно является, по существу, без всякой маскировки трудовым. Нельзя крестьянское хозяйство, благосостояние которого целиком зависит от благоприятного соотношения рабочей силы, зачислить в кулацкое. Это неправильно экономически, вредно политически. Не могут без протеста принять на себя такую кличку шесть работоспособных членов семьи, живущих только физическим трудом, получающих за свой труд минимальное вознаграждение. Это безусловно наносит сильнейший удар по производительности труда в сельском хозяйстве, и как-раз в ту социальную группу крестьян, которая в производстве зерновых хлебов играет решающую роль.

Значит ли это, что правительство должно свое внимание перенести с маломощного крестьянина на мощного? Разумеется, не значит. Разумеется, сильное хозяйство должно нести и более тяжелое обложение. Об этом никто не спорит. Разумеется, забота советского правительства в первую очередь должна быть направлена на маломощные хозяйства. Вопрос стоит в том, чтобы хозяйства типа Полтавщины признать трудовыми, со всеми вытекающими отсюда последствиями; что политика по отноше-

нию к таким хозяйствам должна быть поощрительной, а руководители таких хозяйств — полноправными гражданами Союза; чтобы органы власти, стремящиеся к уравнительности в крестьянстве, несли ее не понижением мощного хозяйства к маломощному,—чего добиться очень легко, и успех в этом деле обеспечен тем более, чем бездарнее администратор, — а поднятием маломощного хозяйства к сильному, что требует огромного труда, умелого администрирования и правильной политики. Успехи, достигнутые в этом направлении, действительно представляют облегчение пути к коммунизму — действительными революционными достижениями.

К кулачеству подходят с разных сторон: во-первых, в ряде работ отрицают серьезный рост кулачества, — к числу их принадлежит А. П. Смирнов. Другие, как т. Ларин, бьют тревогу о сильнейшем расслоении деревни, ее пролетаризации и росте кулачества. Третьи всякое антисоветское проявление в деревне считают делом рук кулака. Вообще кулак из экономической категории деревни превратился в политического козла отпущения: где что бы ни стряслось, — гадит кулак. По глубоко укоренившемуся мнению советского аппарата и значительного числа наших товарищей, кулак является первопричиной всех зол в деревне; тем самым, по-моему, он невольно несет уже большую положительную работу: вносит успокоение в советское общество, что причины зла и бед найдены, — остается найти лишь средства излечения их. В отыскании лечебных средств от кулака у нас серьезно работают, и, вне всякого сомнения, такие средства общими силами будут найдены. Это движение столь сильно захватило советское общество, что и я, несмотря на инертность своего характера, не избежал участия и приобщился к столь важной работе.

До сих пор я вместе с А. П. Смирновым стремился от кулацкого слоя оторвать, с нашей точки зрения, трудовую часть крестьянства. Теперь надо разобрать: что же из себя представляет кулачество, и каковы причины его возникновения и роста? Я вполне согласен с А. П. Смирновым, что надо раз и навсегда отмежевать от кулачества сильное трудовое крестьянство. Оно может быть настроено противосоветски, контр-революционно; оно может иметь кулацкие наклонности, но оно не есть суть кулачества. К нему должен быть подход политического воспитания, переработка в сторонника советского строя. Кулак — не то: этот слой по своей экономической сущности враждебен

обществу. Он строит свое благополучие на бедствии, на несчастьи своих односельчан, как паук, распуская паутину, чтобы бедняки, попавшие в нее, были обескровлены полностью.

С кулаком мы должны бороться безотносительно к его политическому мировоззрению, ибо род деятельности кулака по существу враждебен, непримирим с советским строем, и потому вполне правильно и последовательно он лишается у нас гражданских прав. Надо указать, что наша конституция лишает части гражданских прав ряд категорий советских граждан, как то: торговцев, служителей культа, живущих на доходы с ренты и т. д. Но данные категории граждан не преследуются за свою профессиональную деятельность,— их по чисто-политическим мотивам лишают избирательных прав. Кулаки преследуются за запрещенный род деятельности. Поэтому вполне понятна реплика Владимира Ильича на вопрос, — кто же является кулаком: «Чтобы сказать, кулацкое ли данное хозяйство, необходимо знать его историю». Именно, надо знать историю хозяйства, каким способом оно наживалось: кулаческим, общепринятым в буржуазных странах присвоением, или трудовым. Конечно, между кулацким и буржуазным присвоением есть много общего, но все-таки их разделяют такие оттенки присвоения, что, например, в советском государстве законодательством допускается капиталистическое присвоение, а кулацкое — карается, как уголовное преступление, и, главное, оно особо презирается и ненавидимо народом.

Рост кулачества многими выдвигается, как досадный результат досадного расслоения деревни. Собственно говоря, само-то расслоение потому так и опорочивается, что несет за собой рост кулачества. Но можно ли говорить серьезно о действительном росте производительности в деревне без параллельного роста расслоения? Слов нет, — заманчива мечта, чтобы деревня в своем благосостоянии росла, как деревья в культурном саду, — по усмотрению садовника. К сожалению общественных садовников, — крестьянская Россия по своим размерам значительно больше, чем имеют сил садовники, — настолько больше, что общественные садовники вынуждены считаться с капризами крестьянского сада, и с 1921 года проводят так называемый нэп. Тот, кто думает о подстриженном росте деревни при данном экономическом, политическом и культурном состоянии СССР, является утопистом чистой воды, ибо у нас еще рабочий класс по заработку, а значит, — и по материальному положению, основательно разнороден.

Расслоение деревни есть необходимое следствие ее экономического роста, и Советская власть всеми имеющимися в ее распоряжении средствами помогает экономическому росту деревни, значит, косвенно, и расслоению. Кто хочет серьезно мешать, затормозить расслоение, должен остановить и рост деревни. Но неужели Советская власть сознательно несет расслоение деревни, преднамеренно середняков превращает в маломощные, с одной стороны, и растит кулачество и богатое крестьянство, — с другой? Да, действительно, этот процесс происходит, но вместе с тем этот же процесс несет и положительные элементы, которые покрывают отрицательные стороны процесса. Ведь вместе с расслоением растет и общее благополучие, в том числе и бедняка. Статистика, говорящая о 40% безлошадных в 1924 году, не равна, не равноценна такому же числу безлошадных 1921 года. Она тем более неравноценна в советском государстве, где увеличивающаяся производительность теми или другими иными каналами все-таки дойдет до бедняка. Если говорить по правде, не подделываясь к бедноте, так увеличение производительности в деревне есть единственный способ действительного улучшения положения маломощного. Ясно, что насильственная борьба с расслоением, поскольку она будет тормозить увеличение производительности, экономически вредна и политически бесцельна.

Но ведь это ведет к росту кулачества... — скажут. Когда сжигают в топках каменный уголь, от него остается ни на что не нужная в горении, страшно вредная для хозяйства, убыточная зола. Почему же, несмотря на зольность, употребляется уголь? Да только потому, что его полезные свойства превышают вредные.

Но я ставлю вопрос: ведет ли расслоение единственно лишь к росту влияния кулачества?

Конечно, расслоение деревни уменьшает однородность крестьянства, что разрушает натуральную крестьянскую равнину с небольшим количеством кулаков, бороздя ее по всем направлениям.

Начнем с бедноты. Беднота расслоенной, захваченной товарными отношениями деревни не похожа на бедноту натуральной. Беднота деревни с натуральным хозяйством, это — несчастненькие производственные инвалиды. Беднота деревни с капиталистическими отношениями, это — наиболее производительная часть деревни: батраки, профессионалы-рабочие (кузнецы, портные), служебный персонал и т. д.; а в Центрально-Промышленном районе значительный слой бедноты занят отхожими промыслами. По стати-

стике исчисления их производственного имущества они являются беднотой, а по экономической сущности — эта крестьянская беднота переваривается в деревенский пролетариат. Она уже на свой крестьянский инвентарь смотрит, как на страховку на случай безработицы, и обработка земельного надела все больше переходит к женщине, как второстепенная работа, ибо основными ресурсами к существованию маломощного хозяйства все больше становится заработная плата, а главным товаром, с которым выступает на рынок это хозяйство, является рабочая сила.

Середняцкая группа, которую стремятся сохранить, законсервировать противники расслоения деревни, имеет также целую гамму имущественных переходов. Она начинается с хозяйства, только-что вышедшего из маломощного состояния, и оканчивается мощно-трудовым.

Когда говорят, что при расслоении убывают середняки, надо понимать, что убывает именно середняцкая часть, примыкающая к бедноте, и увеличивается мощная часть середняка. Увеличение процента мощных трудовых хозяйств за счет слабых, мне кажется, надо приветствовать, ибо оно служит показателем развития крестьянского хозяйства и производительности в деревне. Многие как бы страшатся развивающейся инициативы в слоях мощного трудового хозяйства, боясь, что, вместе с ростом хозяйства, соответственно возрастет и буржуазно-кулаческая идеология среди этого слоя крестьянства, а через него — и во всем крестьянстве. Мне кажется, эта мысль обосновывается по аналогии старых дореволюционных отношений к крестьянству. Действительно, тогда мощное трудовое крестьянство соприкасалось с буржуазным миром, поставляя капиталистическому хозяйству служебный персонал из своих членов семьи, а через них, как бы в уплату за верную службу капиталистам, получало буржуазную идеологию.

При советском строе мощное трудовое крестьянство своей производительной стороной соприкасается с государственным хозяйством, а с идеологической стороны—с советской общественностью и советским государственным строем, откуда и будет черпать советскую идеологию. Думать, что государственный хозяйственный организм менее влиятелен, чем буржуазный, что советская идеология уступает буржуазной в своей привлекательности и что советский строй дает меньше удовлетворения честолюбивому стремлению подрастающей крестянской молодежи, — нет основания.

Наоборот, все говорит за то, что идеологическое влияние нашей государственности гораздо сильнее буржуазного. Да так и должно быть, — поэтому и большой опасности в расхождении советского строя с мощным трудовым крестьянством — нет.

Наконец, расслоение деревни создает небольшой слой настоящей мелкой буржуазии в лице хозяйчиков, ремесленников, торговцев, кустарей, очень ограниченного числа хозяев высоко поставленных товарных хозяйств. Но, если мы допускаем частный капитал в городе, заключаем концессионные договоры с полной надеждой использовать их в интересах развития коллективного хозяйства, — нет никакого сомнения, что и сельская мелкая буржуазия через государственный кредит, госторговлю и кооперацию будет способствовать росту общественного хозяйства.

Подводя итоги сказанному, я утверждаю, что расслоение деревни не только не мешает росту коллективного хозяйства, а, наоборот, увеличивает производительность и товарность в сельском хозяйстве и, следовательно, подготовляет элементы к коллективизму и, как бы это ни казалось парадоксальным, расчищает почву для советизации деревни.

VI.

Место совхозов в нашем социалистическом строительстве.

Расслоение деревни, на котором я подробно останавливался в предыдущей статье, рассмотрено мною все же только с одной стороны, — со стороны, я бы сказал, роста крестьянского индивидуального хозяйства, на которое советское государство влияет лишь косвенно как политическими, так, главным образом, финансово-экономическими мероприятиями. В общем же, конечно, развитие крестьянского хозяйства идет стихийно. Но в области расслоения, правильнее говоря, в области соотношений и самого появления новых социальных прослоек в деревне правительство действует и непосредственно, прямо.

К таким прослойкам, которые растут или уменьшаются непосредственно в зависимости от общей политики советского государства, относятся рабочие совхозов и члены сельскохозяйственных коммун. Как бы ни был невелик, по отношению к общему числу крестьян, процент рабочих совхозов и членов

сельскохозяйственных коммун, их значение в деревне во много раз больше их численного соотношения с крестьянством. А потому увеличение или уменьшение процента этих прослоек далеко не безразлично для советского государства, а, наоборот, в росте данных прослоек советское государство крайне заинтересовано. В будущем эти прослойки будут великолепными приводными ремнями от Советской власти к крестьянству, от города к деревне. К сожалению, советским государством именно в этой области, в области развития государственных советских хозяйств сделано так мало, как только это «мало» практически возможно.

У нас является какой-то модой указывать преимущественно на бесхозяйственность совхозов; возможно, что это отчасти и правильно, но ведь беспристрастный суд не только приводит отягчающие мотивы против обвиняемого, а принимает во внимание и обстоятельства, объективно, независимо от обвиняемого толкавшие его на провинность. Коль скоро они значительны, степень провинности соответственно уменьшается перед судом. Вот об этих-то объективных причинах, не только тормозящих развитие хозяйства совхозов и по существу являющихся непреодолимым препятствием к такому развитию, менее всего говорят. А казалось бы, именно тем, кто усматривает опасность в развитии и росте кулачества, надо бы особенно бить тревогу о неблагополучии на фронте государственного сельского хозяйства, — о необходимости быстро притти ему на помощь. Вместо всего этого предлагают в интересах крестьянских стремлений распылить, свести до минимума как размеры совхозов, так и количество их.

Такая политика есть политика движения по линии наименьшего сопротивления; конечно, окружающие совхоз деревни, получившие его в свое владение, отдельные крестьянские дворы, будут временно удовлетворены такими результатами, которые вполне соответствуют их вожделению смести с лица земли все, что напоминает крупное землепользование. Но соответствует ли это интересам советского государства, интересам крестьянства в целом? По моему глубокому убеждению, совершенно не соответствует, ибо разрушение совхозов, если не разрушает непосредственно крестьянского хозяйства, то, во всяком случае, отдаляет его глубокое улучшение на более далекий срок. Думать, что можно поднять крестьянское хозяйство до уровня хотя бы европейского без соответствующей сети совхозов, — значит обманывать себя, подменять действительность желательными иллюзиями. Но, к сожа-

лению (а, может-быть, и к счастью), хозяйство как-раз наименее способно жить иллюзиями; наоборот, иллюзии руководителей хозяйства есть наиболее опасный враг его процветания.

Говорят, совхозы являются бельмом на глазу крестьянина своей бесхозяйственностью. Это правильно, но это не уменьшает значения совхоза в сельском хозяйстве. Бесхозяйственность в совхозах лишь еще раз напоминает о необходимости коренного изменения хозяйствования в них. У нас как-то забывают, что наладить работу совхоза в десятки раз труднее, чем работу любого промышленного предприятия. Начать хотя бы с того, что промышленность — худо ли, хорошо ли — получила от капиталистического хозяйства значительное количество не только технического персонала, но и хорошо вышколенных в производстве рабочих, которые свое благосостояние целиком связывают с развитием своей фабрики.

Совершенно обратное было с совхозами. От имений прежних помещиков остались лишь кое-где единицы с техническими и организационными навыками, небольшие кучки батраков и громадный кадр малоземельного крестьянства, на кабальных условиях работавших у помещиков. Самый социальный состав работников помещичьего имения органически стремится к разрушению хозяйства, к его разделу между ними. [1]

Руководители совхозов должны не только налаживать хозяйство, руководить его управлением, но и заново создавать рабочие кадры, пропитывать их пролетарской идеологией, от чего совершенно избавлен руководитель завода или фабрики.

Наконец, надо же открыто сказать, что до сих пор мы эксплуатировали совхозы с ориентацией не на их развитие, а именно на разорение, и, пожалуй, в целом эта политика продолжается до сих пор. Кто же может сомневаться в том, что в гра-

[1] Настоящая статья уже была написана, когда до меня дошел № 9—10 журнала «Большевик», в котором опубликовано известное в партийных кругах письмо Влад. Ильича, написанное им во время XI съезда партии (16-III — 22 г.) по поводу проекта тезисов к съезду о работе в деревне. Подвергая критике эти тезисы, т. Ленин особенно резко обрушился на один из пунктов, который отражал довольно распространенное заблуждение относительно социального и идеологического типа совхозской прослойки пролетариата. Вот замечание т. Ленина по поводу этого места тезисов: «В § V «кадром сельскохозяйственного пролетариата» объявляются «рабочие совхозов». Это неверно. Это «комчванство». Гораздо чаще это *не* пролетариат, а *и* «пауперы», *и* мелкие буржуа, и все, что хотите»....

жданской войне наиболее пострадала материальная часть помещичьего хозяйства, что сплошь и рядом совхозы пришлось строить на голом поле? В соответствии с этим, вполне естественно, совхозы должны бы на свое восстановление потребовать громадных сумм, — во всяком случае, десятки миллионов рублей, — как на пополнение основного капитала, так и на дотацию по производству. Ибо ведь получали же в свое время дотации железные дороги, угольная промышленность, металлургия и т. д. Если причислить к дотациям повышенную часть стоимости продуктов, их изготовление, сравнительно хотя бы с довоенными ценами, дотации выразятся в сотнях миллионов рублей.

Почему же такая строгость к совхозам? Почему совхозы свои произведения должны продавать по ценам ниже довоенных, равняясь по крестьянским ценам? Разве производительность рабочих в них осталась довоенная, и разве рабочие довольствуются довоенным содержанием? Ничего подобного нет: производительность рабочих значительно упала, хотя бы уже потому, что рабочий день стал чуть ли не вдвое меньше, чем был у помещиков; жалованье рабочих, несмотря на его относительную незначительность, все-таки гораздо выше довоенного, и совхозы лишены кабального труда крестьян, что давало возможность помещикам продавать дешевле свои продукты.[1] Наконец, совхозы в большинстве лишены и побочных доходов от первично обрабатывающих заводов, как выгонка спирта-сырца, мельницы, сахарные заводы и т. д., и как-раз лишены тех элементов, благодаря которым помещик сводил концы с концами.

Цены сельскохозяйственных продуктов, если их взять в целом за ряд лет, будут близки к довоенным; но ведь у нас стало обыденным явлением, что осенью цены — ниже среднего, а весной — выше. Ясно, что весенней выгодной ценой пользуется крепкий крестьянин, выдерживающий цены; наши же совхозы,

---

[1] На это обстоятельство (относительно производительности труда совхозских рабочих) мне пришлось указать года два назад на съезде Всеработземлеса. На съезде заметно выделялась тенденция: все предусмотреть и все обеспечить по линии строжайшего соблюдения числа рабочих часов и тарифных норм и, на ряду с этим, отсутствие такой же тенденции в отношении производительности труда. По этому поводу мне пришлось часть своей общеполитической приветственной речи специально посвятить вопросу производительности труда, который, как я указывал, в первоначальный период восстановления хозяйства должен играть доминирующую над всем роль в интересах самих же рабочих.

как бедняки-крестьяне, постоянно нуждаясь в средствах, большей частью по дешевым ценам осенью сдают свои продукты государственным торговым органам. Было бы очень интересно, если бы опытный хозяйственник высчитал, насколько в худшем положении находятся наши совхозы по сравнению с американским фермером, а, между тем, цены земледельческих продуктов по отношению к промышленным и там страшно невыгодны, вследствие чего американское земледелие вот уже несколько лет переживает хронический кризис.

Совхозы, из числа оказавшихся в лучших материальных условиях, сделали значительные успехи за время революции; образцом таких совхозов могут служить хотя бы совхозы Каширстроя. Я не привожу истории их роста и таблиц их хозяйственного развития, — это слишком увлекло бы нас в сторону, — но одно можем сказать, что, благодаря материальной возможности и организационному опыту аппарата Каширстроя, его совхозы из года в год все тверже становятся на собственные ноги, усиливаясь материально (улучшается почва, увеличивается травосеяние, рабочий и молочный скот, развиваются племенные стада рогатого скота, лошадей, свиней, и растет производительность труда рабочих). Было бы очень хорошо, если бы специалисты Наркомзема в своих органах произвели обследование Каширской группы совхозов или иной группы, работающей с неменьшим успехом, и сравнили их.

На мой запрос наркомзем тов. А. П. Смирнов ответил мне ворохом убийственных цифр и нарисовал целую эпопею борьбы за совхозы в наших ведомственных инстанциях. Привожу пару таких цифр. Им принято 1200 совхозов, сейчас их количество сократилось до 634, с земельной площадью в 716 000 дес. Он пишет: «До меня было получено целевых кредитов на совхозы 1 782 288 руб., местам послано 1 100 536 руб., в мое время до 1-го октября 1924 г. получено 1 583 820 руб., направлено на места 2 005 510 руб. Если принять во внимание только последнюю сумму и разделить ее между совхозами, выходит на каждый совхоз 3 000 руб., ясно — сумма недостаточная для сколько-нибудь значительного производственного эффекта. Надо принять во внимание, что и в области сельского хозяйства в начале революции у нас был широкий размах, — совхозы создавались на болотах, требуя для своего культивирования громадных средств. Сейчас бросить многие из них уже не представляется возможным, в виду значительности средств, вложенных

в них, а, между тем, вероятно, еще ряд лет они будут требовать на свое поддержание государственных средств.

Итак, с экономической стороны, мне кажется, совхозы не менее рентабельны, чем наша промышленность, если их рентабельность измерять не крестьянскими ценами, а хотя бы ценами продуктов американских фермеров, которые, как я уже говорил, считают эти цены убыточными для себя. Если совхозам возвратят промышленные предприятия, им принадлежавшие, — как спиртовые заводы, мельницы, картофелетерочные и даже небольшие сахарные заводы, как подсобные, — можно быть уверенным в полном оздоровлении совхозов.

Помимо культурной роли, которую, безусловно, совхозы будут играть в ближайшем будущем среди крестьянского населения, они явятся источником пролетарской струи среди крестьянской массы. Конечно, это — не фабрика, но все-таки около рабочих совхоза в будущем станут группироваться маломощные слои деревни. Рабочие совхоза силою своего положения явятся выразителями интересов крестьянской бедноты, ее представителями. Крестьянское хозяйство бедняка железными цепями держит его около себя, не давая развернуться творческим силам хозяина, а когда он выкарабкается из повседневной нужды, его душа уже перескочила к середнякам. Вот почему исключительное политическое значение имеет развитие совхозов. В этом вопросе на нашу общественность слишком давит крестьянская стихия, и, при некритическом к ней отношении, возникает опасность вместе с водой выплеснуть из ванны и ребенка.

С какой бы стороны ни подойти, все говорит за необходимость развития советских хозяйств. Конечно, на это потребуются значительные государственные средства, и я считаю, что расходы государства в этой области будут сторицею окуплены, и что — если не сегодня, так завтра — крестьянство в массе поймет исключительную их полезность для самого крестьянского хозяйства. Несмотря на сложившиеся мнения о плохом хозяйстве совхозов и их вредном влиянии на окружающее крестьянство, я хотел бы убедить работников и поборников советских хозяйств в том, что дело их не стоит на месте, что оно растет материально и создает среди крестьянского моря пролетарские ряды, создает элементы социализма.

VII.

О значении сельскохозяйственных коммун в советском строительстве.

Влияние коммун на крестьянство.

В предыдущей статье (о совхозах) мне уже пришлось указать, что советские хозяйства, увеличивая пролетарские ряды деревни, тем самым увеличивают степень влияния социалистической мысли среди крестьян.

То же самое, с известным основанием, следует сказать и о сельскохозяйственных коммунах.

Рост членов сельскохозяйственных коммун преобразует, если так можно выразиться, видоизменяет само крестьянство в направлении к коммунизму, сея на деревенской почве новые навыки и новые взгляды, характерные для коллективного, общественного строя хозяйства.

В самом деле, как бы ни был пролетариат близок к крестьянству, какими бы тончайшими нитями пролетарских нервов ни было пронизано крестьянство, все же эти нити питаются извне крестьянских кровеносных сосудов. Все же только в лице рабочего крестьянин видит плавильную печь, переплавляющую неопределенность крестьянина в ясные признаки рабочего. Крестьянин не видит собственной дороги с рабочим к коммунизму; для того, чтобы быть на одном пути с рабочим, крестьянин и сам должен сделаться рабочим. Фигурально выражаясь, в классовом государстве два закадычных друга отправляются в ресторан ужинать, встретили неожиданно житейское препятствие, — один из них оказался в русской рубашке и острижен под скобку. Если они хотят провести ужин вместе, то придется или одному из них сходить к парикмахеру и явиться одетым в крахмале, или же удовлетвориться простым трактирчиком. Крестьянин — он как бы настороже с рабочим: «а не придется ли мне снять с себя исконно-русскую привычную одежду...».

Члены сельскохозяйственной коммуны в подавляющем большинстве — рядовые крестьяне. В подавляющем большинстве в коммуне ищут не только и не столько путей к коммунизму, как непосредственного материального улучшения собственного положения и лучшего обеспечения своей семьи.

Вот эти побуждения для крестьянина вполне понятны, хотя в душе он, может-быть, и не верит, что именно таким путем можно действительно и навсегда улучшить свое материальное положение. В значительной степени он на это смотрит, как на интеллигентскую затею, которая в конечном счете совсем разорит крестьянина. И все же данный путь к коммунизму, пожалуй, для него наиболее понятен, наиболее приемлем, — путь, где крестьянин еще долго, очень долго оставаясь крестьянином, все же движется вперед к коллективному труду. В лице коммунаров крестьянская масса видит не более, как свою крестьянскую разновидность, окраску которой она может свободно приобрести, если это будет выгодно, если это не поведет к коренной ломке настоящего быта.

Вот почему сельскохозяйственные коллективы имеют исключительное значение для советского государства. Если через советские хозяйства мы пронизываем пролетарскими нитями крестьянскую массу, как бы сказать, не только охватываем, а именно пронизываем крестьянство, то через сельскохозяйственные коллективы происходит изменение тканей самого крестьянства, перерождается крестьянская психология, в собственнической крови крестьянина появляется бацилла артельности, бацилла сомнения в собственных одиноких усилиях. Помимо отруба, хутора или какого-либо иного предприятия, могущего улучшить благосостояние крестьянина, — в его глазах, как бы ни старался крестьянин не видеть, стоит коллектив, общественный труд, который безусловно имеет ряд ценнейших преимуществ перед мелким индивидуальным хозяйством и через который крестьянин делается еще ближе к советскому государству. Пока он работает на хуторе, государственное строительство идет как бы помимо его, — кто-то, где-то строит лучшее новое, — работа же коллективов сразу превращает самого крестьянина, как члена коллектива, в активного строителя нового уклада жизни.

В поисках наилучшей формы коммун.

Опыт коллективной обработки земли и, в частности, организация сельскохозяйственных коммун, члены которых стремились в той или другой форме осуществить коммунизм, по крайней мере в практической жизни, — этот опыт в советском Союзе

произведен в громадном масштабе. Все прежние попытки великих утопистов, как Оуэна, Фурье и других, по сравнению с развернувшимся движением у нас, кажутся детскими забавами. В самом деле, по данным Наркомзема [1], к концу 1921 года было всего 15 819 коллективов, и в них числилось 1 015 125 человек. Конечно, это—меньше одного процента всего населения Союза, но все же это—такая армия коллективных строителей, какой нигде в прошлом не видел мир.

Территориальный размах, количество участвующих в коллективах людей, глубина психологического захвата строителей коллективной жизни—говорят сами за себя. Только теперь, проникая сознанием в эти цифры, вспоминая настроение строителей коммун, начинаешь яснее понимать, как близка была наша партия к массам. Лишь она — Коммунистическая партия — не только приветствовала, не только приняла в лице своих членов активное участие в этом великом массовом порыве к коммунистическому строительству, но была и главным застрельщиком, увлекаясь с массами перспективами переделки крестьянина-индивидуалиста — в коллективиста.

Теперь, подводя итоги этого движения, получается некоторое разочарование; они оказываются как бы меньшими, чем должны быть или, правильнее говоря, чем хотела и хочет масса. Но в практической жизни желания всегда идут вперед выполнения,— исполненная задача оказывается только началом выполнения еще более сложной. Так и с коллективизацией сельского хозяйства: восьмилетняя работа сотен тысяч людей не решила задачу, а еще глубже развернула — перед широкими массами рабочих, крестьян и партией — огромность и сложность предстоящей работы.

Работа социалистов-утопистов, как я уже сказал выше является детской игрой по сравнению с развернувшимся у нас движением по коллективизации сельского хозяйства, но было бы неправильно, если бы мы стали отрицать влияние ее на широту и глубину нашего движения, которое, как бы ни было широко по обхвату и глубоко по содержанию, все же является еще незаконченным этапом движения. Я понимаю незаконченность в том смысле, что оно еще не дало общепринятых или общепризнаваемых форм коллективных организаций. Наоборот, именно в последнее время особенно усилились поиски таковых. И, конечно,

[1] Я беру их из книги К о н ю к о в а «Коллективное земледелие».

их нельзя найти помимо глубокого изучения всей той массовой работы, которая произведена в 15 819 коллективах со свыше чем миллионом членов в них за восьмилетний революционный период.

Что говорит опыт.

Надо признаться, в этой области (т.-е. в собирании опыта) сделано еще очень мало. По крайней мере, тот материал, которым я располагаю, в высшей степени недостаточен для того, чтобы на основании его изучения можно было говорить с некоторой уверенностью о той или иной выдержавшей все испытания форме, наблюдаемой в развитии коллективизации сельского хозяйства. Из книг, заслуживающих внимания по этому вопросу, я встретил только брошюру И. А. Конюкова [1]. Ее главный недостаток — устарелость цифр, на которых базируется автор, а затем он мало уделяет внимания внутреннему процессу коммун в борьбе за существование. «Наблюдения, — говорит, например, автор и говорит слишком сжато, — показывают, что в тех коллективах, где имеется более или менее умелый, авторитетный организатор, в виде отдельного лица или совета коллектива, там все вопросы дисциплины труда разрешаются легко, и всякие недоразумения, возникшие на этой почве, быстро улаживаются. Это явление не свидетельствует о непригодности крестьянства в качестве материала для организации коллективного хозяйства. Оно указывает лишь на трудность организации новых форм хозяйства и на необходимость усиленной организационной помощи для коллективов. В особенности благоприятные результаты получаются в том случае, если эта организаторская сила создается внутри самого коллектива. Правда, в этих условиях как-будто начинает веять духом просвещенного абсолютизма (опеки и руководства сверху), но опасности здесь, в сущности, нет. Это начало несомненно лежит и в основе всего кооперативного движения, в организации демократических политических партий и рабочего профессионального движения. Конечно, массы здесь влияют на вождей, но в значительной мере и вожди влияют на массы».

---

[1] «Коллективное земледелие» (Из итогов аграрной революции). Изд. 2-е, 1925 г.

Такой абзац следовало бы развить в целой, самостоятельной главе.

Возможно, автор не располагал достаточным количеством описаний внутреннего состояния коммун. Что этот вопрос не выпал из его поля зрения, указывает ряд мест в книге,—например: «В заключение считаем необходимым указать на следующие попытки подойти к рациональному решению проблемы организации труда в коллективе. Артель «Муравейник» (Серпуховского уезда) и Семковская артель (Подольского уезда) от каждой семьи требуют для коллективных работ по равному количеству работников. Третье — Стрелецкое сельскохозяйственное товарищество (Курского уезда) — установило такой порядок, что от каждых трех едоков в общественных работах участвует один работник. В артели «Нижний Хутор» (Калужской губ.), в которой все члены однолошадные и лошадь считается паем, на каждую работу выставляется одинаковое количество рабочих, устанавливаемое советом».

Я сам еще год тому назад сделал попытку обратиться к местам с просьбой прислать имеющийся на местах материал о коллективах. Я имел в виду не статистический материал, а именно описание внутреннего состояния коммун. У меня не было мысли получить ответ полностью на интересующие меня вопросы, а получить более или менее наглядную картину коммунальной обстановки. Мне казалось, что, само собою, в каждом описании центром описания будет самое больное место коммуны. Но в громадном количестве ответы пришли в неудовлетворительной для меня форме. Слишком они формальны и административны. Например: сведения о сельскохозяйственных артелях Богородского уезда на 10-е декабря 1924 г. — таблица с целой серией граф. Каждый, прочитавший их, видит, что они, давая довольно полную цифровую сводку настоящего состояния коллективов, вместе с тем абсолютно ничего не дают. Для того, чтобы те или другие сведения имели интерес, они должны обладать, по крайней мере, хоть одним из следующих качеств: или чтобы по цифрам можно было видеть процесс развития коммун, а для этого надо их привести за ряд лет, или же дать простое описание каждого коллектива в отдельности, чтобы на основе такого описания было видно состояние описываемого коллектива. Как-раз такого-то материала и поступает мало.

Устав, быт и хозяйство.

Но все же из сотен полученных докладов есть интересные наблюдения. В материалах Томского губисполкома заместитель заведующего земельным отделом, тов. Пуздрин, пишет:

«Самый устав сельскохозяйственных коммун в значительной мере является чертой нового быта и накладывает особый отпечаток на образ жизни коммунаров. Мы, на основании имеющихся материалов и личных впечатлений, отметим следующие стороны.

По управлению хозяйством и внутренним распорядкам коммуны можно разбить на две группы:

1) Крупные колхозы, где замечается некоторое разделение труда, управляются единолично, особым руководителем — председателем совета; здесь налицо должны быть организационные способности руководителя и дисциплина рядовых членов коммуны. И там, где имеются соответствующие руководитель и дисциплина, коммуна процветает. Распределение работ в хозяйствах этой группы производится вечером, когда каждый рабочий получает соответствующие задания и орудия работ.

2) Небольшие коммуны управляются патриархально: председатель крупной роли не играет, а все дела решаются после ужина на завалинках между разговорами («Первые Всходы»).

Питание и распределение продуктов. Здесь также можно отметить два принципа: 1) работай вместе, и живи вместе; 2) работай вместе, и живи врозь.

Общие столовые с давнего времени имеются в коммунах «Боевая» и «Марсель», при чем в первой она поставлена на особую высоту: отведено большое, чистое помещение, каждому едоку полагается отдельный прибор. Кушания приносятся особо наряжаемыми женщинами, обеды питательные, хотя далеко не всегда с мясом, хлеб вкусный. В общем столовая не уступает городской.

Почти во всех коммунах организовано общественное питание детей, при чем в некоторых, например в «Боевой», это дело поставлено особо хорошо. Здесь под детский дом отведено лучшее здание, дети содержатся чисто и опрятно и находятся под наблюдением особо приглашенного со стороны воспитателя; женщины совершенно освобождены от обязанностей воспитатель-

ниц и чувствуют себя хорошо; уход за детьми хороший, а видятся матери с детьми в любое время.

Вначале женщины противились и не отдавали своих детей в детдом, но теперь примирились и бывают недовольны, когда снова приходится возвращаться к старому.

Коммунары не венчаются, но брак обставляется торжественно, как советский праздник, и обычно сопровождается митингом о «новом быте».

Религия. Большинство членов коммун неверующие, но с религиозными уживаются; общий тон — неверие.

Классовые противоречия, как ни странно, наблюдаются. Так, в каждой коммуне имеются спецы, при чем, чем выше квалификация, тем больше требований, недоразумений и попыток уйти из коммуны».

Заслуживает внимания доклад по обследованию коллективов в Киевщине тов. Барзама. Им обследовано пять коммун, в том числе Рыжинская коммуна («Новый путь»), организованная приехавшими из Америки русскими выходцами. Главное отличие этой коммуны от других — ее высокое материальное обеспечение. Люди приехали и с солидными запасами средств, и со значительным обеспечением сельскохозяйственным инвентарем, и, надо предполагать, значительным жизненным опытом. Казалось бы, тут все условия для процветания коммуны. Однако к моменту обследования коммуна еще не вполне окрепла организационно. Она еще не пережила муки родов, несмотря на то, что на ее текущем счету в банке значилось 5 000 рублей,—пожалуй, единственный случай среди коммун. Характерно,—бросается в глаза ее индустриальный состав. Обследователь, описывая положительные стороны коммуны, говорит:

«Только содержание скота оставляет желать много лучшего и далеко не соответствует наружному состоянию коммуны. Объясняется это и неумением коммунаров, коим поручено это дело, и отсутствием хозяйственной жилки у лиц, составляющих административный аппарат коммуны. Конюшни тесные, темные, грязные; коровники — еще хуже, и поражают своей грязью. Свинарки — в ужасном положении: мы констатировали не только сплошную грязь, повидимому, очень давно не убиравшуюся, но и плохой уход за животными: нигде в решетках не было пойла, и свиньи от жажды задыхались». Обратно этому: «Хлебопекарня обслуживает только нужды коммуны и, видимо, хорошо устроена. Единственный хороший хлеб во время на-

ших долгих поездок по обследованию мы ели в Рыжинской коммуне».

Еще более наглядно, куда клонятся симпатии и внимание коммунаров: «Имеется хорошо и любовно оборудованное училище, там же помещаются клуб и библиотека. Выписываются следующие девять газет: московские «Известия», московская «Правда», «Радянское Слово» (киевская), харьковская «Селянская Правда», бердичевский «Голос Працi», киевский «Серп», нью-иоркский «Новый Мир», чехо-словацкая газета, английская газета. На обязанности учителя лежит ежедневно знакомить всех коммунаров со всеми наиболее крупными и важными событиями протекшей недели».

Обыкновенная же история коммун довольно типично и ярко описывается председателем коммуны «Возрождение», Пензенского уезда: «Наступил двадцать первый год, год неурожайный, голодный по всему Поволжью, который впоследствии отразился не только на одном Поволжьи, но и на всей России; на почве безвыходного положения бедноты народа со всех концов начали стекаться и поступать в члены нашей коммуны. В продолжение первой половины года прибыло в коммуну десять семейств. Дело в коммуне пошло успешно, живого и мертвого инвентаря хватало, физических сил по работе тоже, а главное — опять столкнулся вопрос с продовольствием, о котором пришлось строго позаботиться и приступить к предложению всем членам продать имеющиеся деревенские лачуги и сделать запас хлеба, чтобы не захватить голода на будущее время. На это предложение получается такая же картина, какая случилась в прошлом—двадцатом—году. Более сознательные члены согласились на это предложение, а неопытные и слабохарактерные товарищи пожалели расстаться со своими деревенскими лачугами и, не дожидаясь даже, покинули коммуну и ушли, так что к началу 1922 г. состояло 32 члена».

«Наступил 1922 год. В этом 1922 году выплывает на сцену нэп, который дал больше свободы осуществить жизнь, а крестьян освобождает от всевозможных притеснений, а самое главное — продразверстки. Конечно нэп не прошел и мимо нашей коммуны, члены которой хотели скрыться от всего этого, сразу стали вести упорную борьбу за раздел коммуны на индивидуальные хозяйства. Вот здесь-то и пошла самая упорная борьба против раздела коммуны, и только с помощью высших органов удалось отстоять и не дробить коммуну; в виду сложившихся

После схода.

таких толчков часть из членов ушла добровольно из коммуны, а некоторых пришлось исключить, так что к 1923 году осталось членов в коммуне 14 человек».

«При таком количестве членов коммуны начался 1923 год, благоприятный и спокойный, всему составу членов дал вздохнуть, и работы, какие касались, шли свободно и добросовестно со всеми усмотрительными расчетами. На первом плане было предусмотрено построить общий скотный двор, на который потребовалась довольно значительная часть материалов; все это было выполнено в точности своими силами, и в данный момент, сего 1923 года, коммуна имела более определенную форму всего хозяйства, как в живом и мертвом инвентаре, а также и в рабочей силе, состоящей на первое января 1924 года в количестве 14 членов».

В 1924 году, под редакцией тов. Биценко, в издании «Новая Деревня», вышла брошюрка А. Бибикова: «Сельскохозяйственная коммуна «Пролетарская Воля», где в предисловии говорится: «Не случайно назвалась коммуна «Пролетарской Волей». Только благодаря непреклонности именно пролетарской воли смогла она отстоять свое существование и добиться тех успехов, которые выдвинули ее в первые ряды и принесли ей признания со всех сторон».

На Всесоюзной выставке коммуна получила премию, местные земельные органы также отмечали ее успехи и соответственно поощряли. В судебном процессе об участке земли, по словам председателя коммуны тов. Бибикова, «противник, в лице своего уполномоченного, старика-крестьянина, заявил, что их общество накануне суда на своем сходе, после того как они полтора года следили за нашей работой, постановило отказаться от всяких претензий к «Пролетарской Воле».

В 1923 году количество и качество труда коммунаров поощрялось постановлением о выдаче в личное распоряжение стоимости того рабочего времени, которое тот или иной коммунар отдает больше, чем это с него требуется за право пользования в коммуне прожиточным минимумом.

Но после годового отчета, когда выяснилось, что большинство коммунаров выполнило более ста процентов своего трудового долга перед коммуной, общее собрание единогласно постановило: отменить «подгонку рублем», которую считать для сознательного коммунара таким же оскорблением, как и подгонка дубьем в буржуазно-раб-

скую эпоху. Вместо этого ввести чествование героев труда, при выборе которых руководствоваться: количеством его полезного труда, сознательностью отношения к делу и общей полезностью для организации. За 1923 год решили провести это решение тут же в жизнь. Чествовали трех героев, имеющих наибольшее количество дней и признанных лучшими коммунарами.

Чествовали: Бухтиярова, Николая Максимовича; Гончарова, Тихона Семеновича, и Бибикова, Освальда Александровича.

«В утвержденном на общем собрании уставе внутреннего распорядка отменяются все пункты, в которых говорится о материальном вознаграждении личности, и устанавливается просто учет труда и добросовестности — на предмет чествования героев труда или же, наоборот, выставления на черную доску.

«Потребление коммуны с первых дней ее организации — коммунальное. Пища готовится в общей кухне, куда продукты выдаются экономом коммуны, по подробно разработанной на целый месяц раскладке. Пища для всего здорового взрослого населения одинаковая и принимается в общей коммунальной столовой. Исключение делается только для больных и детей, которым выдается диэт-питание и разрешается получать на квартиру. Для детей летом предполагается устроить столовую при своем детском помещении.

«По раскладке на декабрь 1923 года и на январь 1924 года питание коммунаров по существующим рыночным ценам обошлось по 11 (одиннадцать) копеек на душу, с оплатой труда кухарок, амортизацией посуды, топливом и проч.».

В заключительной части истории коммуны т. Бибиков продолжает:

«Равнение коммуна держит по лозунгу: «От каждого по его силам и каждому по его потребностям». Был период, когда над внутренним строем за это равнение над коммунарами смеялись. В конце 1922 года были противники этого лозунга в самой среде коммунаров, и в связи с этим имелось два-три случая ухода из коммуны. Но в начале 1924 года наступил окончательный перелом. Не только нет речи об уходе из коммуны, а, наоборот, коммуна имеет массу заявлений о желании вступить в коммуну, при чем желающим нравится именно наш внутренний строй».

Легче на поворотах!

Экзальтированность тов. Бибикова проявляется не только в мною цитированных местах, но вся вводная статья брошюры пронизана такой экзальтированностью: «Коммуна держит равнение по лозунгу: «от каждого по его силам и каждому по его потребностям».

Что можно возразить против столь благородного, действительно коммунистического стремления, кроме того, что невольно напрашиваются сомнения, что суровые окружающие условия. неподготовленность к коллективной жизни людей вообще и, наконец, разлад на почве повседневной работы и тесного сожительства в конце-концов разложат коммуну.

Мне казалось, что слишком смело, самонадеянно тов. Бибиков хочет сразу же от крестьянского индивидуального хозяйства практически перейти к коммунистической жизни в коммуне; по крайней мере, коммунары, в лице хотя того же тов. Бибикова, так думают, что они почти пребывают в коммунизме. Я боюсь, что слишком горячее желание коммунаров быть скорее у коммунизма разрушит коммуну, — ей не выдержать материально: количества выработанных продуктов не хватит на удовлетворение потребностей коммунаров, ибо современное состояние техники и степень совершенства организации не дадут возможности не только удовлетворить каждого по потребности, но хоть мало-мальски поднять уровень жизни над окружающими условиями крестьян.

«Каждый работает по своим силам», но ведь силы-то различны: какими путями и средствами и доводами можно убедить более сильного и ловкого работника в необходимости в его же пользу отдавать их все коммуне, не считаясь с более неловкими и слабыми ее членами? Наконец, как понудить ленивого и беззаботного члена к тяжелому напряжению труда? Все эти вопросы встают пред мной, как огромные практические трудности, стоящие на пути коммуны «Пролетарская Воля». На все эти сомнение я получил ответ в уставе внутреннего распорядка коммуны. Он в высшей степени интересен. Каждый работоспособный член коммуны обязан выработать в год 300 рабочих дней по 8 рабочих часов. К этой норме приравнена и годовая работа ответственных работников. Секретари комячейки, РЛКСМ—по 72 дня, лекпому — 30 дней, режиссеру — 2 дня за спектакль и т. д. Всякая профессия и выполняемая обязанность оценена в рабочие дни.

Заметно, что эта оценка серьезно продумана и испытана на практике: например, на кормление и уход за свиньями за 8 рабочих часов—полагается 10 взрослых свиней или 15 поросят.

Женщины в период беременности на 8-м месяце до и втором месяце после родов—по 12 рабочих дней, а на 9-м месяце до и в 1-м месяце после родов получают по 24 рабочих дня в месяц.

Какими же средствами коммуна заставляет своих членов выполнять обусловленные в уставе коммуны требования? На этот вопрос отвечает ряд параграфов устава:

§ 8. «Невыполнение нормы как по выработке, так и по времени, без уважительных причин пресекается установлением черной доски, за несознательность и мало интенсивное выполнение трудового долга. Вторичное решение о выставлении на черную доску равно исключению из коммуны».

§ 10. «В страдную пору никто не имеет права отказаться от выполнения работ сверх нормы, в ущерб хозяйственным работам коммуны».

§ 14. «Если во время исполнения возложенной на того или иного члена коммуны работы обнаружено умышленное упущение или недобросовестное отношение, задание ему не только не считается, а, наоборот, высчитывается из количества проделанных рабочих дней, а если упущение или недобросовестность вызывают материальный ущерб или вред коммуне, то и этот ущерб высчитывается из его рабочего времени.

Примечание. Если указанные в этом параграфе явления несвоевременно обнаруживаются или намеренно скрываются завхозом, ответственность за ущерб завхоз несет своими рабочими днями».

§ 15. «Специалисты обязаны выполнять все работы по своей специальности и могут быть в конце операционного года премированы за общие результаты своей работы или, наоборот, лишены отработанных дней за явную недобросовестность».

Как видно, внутренний распорядок не менее строг, чем фабрично-заводской, а по многим пунктам, вероятно, гораздо требовательнее, и наказание более тяжелое, чем на фабрике. Так, например, параграф 26 говорит: «За каждый пропущенный день без уважительных причин, по вине рабочего, рабочий теряет два нормальных рабочих дня из запаса отработанного времени». Хотя, повидимому, этот параграф применяется в период полевых работ,—в уставе сказано: «На весенне-летний и осенний периоды», т.-е. три четверти года.

Не оставлена без внимания и зимняя работа. Среди ряда пунктов распорядка и оценки рабочих дней § 24 указывает: «Прядение и вязание чулок, носок, перчаток и починка мешков и др. женские работы производятся женщинами в свободное от работ или дежурств время, в общий запас для коммунального распределения, при чем работа измеряется 8-часовым рабочим днем».

Имея в руках такой устав, дающий в руки распорядителя работ столь сильные принудительные средства, как за день прогула вычет двух рабочих дней из запаса сработанных дней, можно предполагать, что лозунг коммуны: «От каждого по его силам и каждому по его потребностям» не опасен коммуне «Пролетарская Воля».

Несмотря на то, что материалы о коммунах основательно удлинили мою статью, я все же думаю к ним присоединить некоторые места из корреспонденций в «Бедноту». Они тем более необходимы, что до сих пор мы пользовались данными руководителей коммун и органов управления, а корреспонденции пишутся часто самими коммунарами. Вот что пишет С. П. Митрофанов: «В Курской губ., Щигровского уезда, Тимской вол., есть коммуна имени Карла Либкнехта. Она имеет [великолепные природные условия для развития, но коммуна не развивается, а хиреет, потому что коммунары не имеют своей самостоятельности, от этого нет и заинтересованности.

«Сюда из укома и уездного земельного управления приезжают уполномоченные, — люди совершенно не знакомые с сельскохозяйственным производством. Они приказывают, а возражать — не сметь. Даже сулят разгоном коммунаров. Были случаи нынешним летом: в коммуну приезжали уполномоченные и увольняли хозяйственников-создателей этой коммуны, оставляли самых неспособных работников в ней.

«Хотя здесь есть часть товарищей партийных, хорошие хозяйственники, но по партийности берет не их верх, а все зависит от большинства на собрании ячейки. Ячейка кого хочет, того и увольняет, не считаясь ни с чем. В коммуне нет теперь умелых спецов по садоводству, по огородничеству и так дальше, потому что их отсюда прут вон, а если и есть хорошие работники, то и у них опускаются руки.

«И вот некоторые из них увольняются сами.

«Дальше жить и работать под таким давлением нельзя. Коммуна остановилась сейчас на вопросе — быть или не быть ей.

Большинство беспартийных коммунаров и меньшинство партийных думают: чтобы сохранить коммуну и чтобы она развивалась, пусть укомовские уполномоченные не приказывают нам, а только советуют. А если не откажутся командовать коммуной, то она скоро покончит свое существование».

Эти явления неудачного партийного вмешательства и неумелого администрирования советских органов — постепенно изживаются. В сущности и партия и советские органы крайне заинтересованы в развитии сельскохозяйственных коммун и со своей стороны делают все возможное для них. Поэтому с этой стороны, мне кажется, не грозит большой опасности: этим я не хочу оправдать вмешательство советских органов без основательного повода в коммунальную жизнь, а тем более партийных. Несомненно, известный процент среди погибших коммун есть и погибших от неумелого руководства вышестоящих органов.

О личном интересе коммунаров.

Гораздо серьезнее для существования коммун следует признать поводы, выставляемые членом коммуны «Победа» В. Н. Столбовым, Ярославской губ.: «Мы не собираемся ни делиться ни изменять форму хозяйствования. Но за эти шесть лет состав коммуны менялся. Одни вступали, другие выходили. Новые члены коммуны не желают отвечать за прошлое, за старое имущество, которым они не пользовались. Потом, инвентарь изнашивается, постройки рушатся. Их необходимо поправлять, новые возводить надо. Машин, каких не имеется, покупать надо.

«Вкладывать свой труд во все это и чувствовать, что все приобретаемое *не наше*, а *государственное*, — это нас смущает.

«Нам надо, чтобы мы могли распределять прибыль так, как нашли бы это удобным. Могли бы часть наросшей прибыли разложить *на личные счета членов в обеспечение их на случай выхода*. Чтобы каждый коммунар знал, чем он располагает, и что его труды и жертвы в деле поднятия хозяйства коммуны даром не пропадут».

Редакция делает примечание: «Выходит, коммуна, — по мнению автора, — должна стать средством для *единоличного обогащения*. Между тем, главная цель коммуны — обогащать каждого через *общее обогащение*, плодами которого должны пользоваться все члены коммуны».

Ответ редакции правильный, но, надо признаться, чисто формальный. Каждый коммунар знает, что через коллективную работу каждый член коллектива стремится увеличить производительность своего труда, получить более повышенное материальное обеспечение. Ведь и коммунизм, в конечном счете, стремится к такому обеспечению отдельного человека, чтоб он был гарантирован от всякой эксплуатации. Однако, мы должны принять во внимание своеобразные условия положения коммунара.

Крестьянин — самостоятельный хозяйчик—поступает, входит в коммуну, чтоб увеличить свое благосостояние — во-первых, и приобщиться к активной работе по строительству коллектива — во-вторых. У организаторов и строителей коммун в разной пропорции содержатся эти мотивы. У одних преобладают экономические мотивы, у других—идеологические, идейные. Конечно, последние реже первых задумываются о тех материальных последствиях, которые могут последовать от их решения перейти с индивидуального хозяйства в коллективное, но ведь их — незначительное меньшинство, во-первых; а, во-вторых, все попытки в прошлом истории построить коллективную жизнь на чисто-идеологических основах кончались крахом для устроителей. Думать, что у нас внешняя обстановка поможет идейным коммунарам в их борьбе за существование, слишком самонадеянно Конечно, наши условия для развития коммун во много, много раз благоприятнее буржуазных; конечно, Советская власть со своей стороны всегда шла им навстречу, будет итти и в будущем, но силы и возможности Советской власти ограничены, как у всякой власти. Она не может гарантировать коммунара от таких индивидуальных неудач, не может застраховать, обеспечить его при таких неудачах. А что они возможны, говорит не только значительный процент разорившихся коммун, но еще более—значительный процент выходящих из коммун членов, возвращение их в старое лоно индивидуального хозяйства.

Если, как я говорил выше, к этим могущим быть последствиям подходит более или менее хладнокровно идейно-идущий в коммуну член, то, разумеется, рядовой крестьянин-коммунар их очень опасается; во многих случаях, я думаю, они становятся для него решающими. Войдя в шкуру крестьянина, делаются понятными его опасения. Худо ли, хорошо ли, большей частью худо, он хозяйствует на своем земельном наделе, который, пусть плохо, но все-таки дает некоторое обеспечение его семье. Коммуна несет более производительный труд, большее материальное

благополучие, но у хозяйчика пропадает уверенность в завтрашнем дне: «А что... да если...»,— а ведь мы знаем, знает и крестьянин, сколько этих «если». Вот почему вопрос тов. Столбова имеет актуальное значение. Чисто-формальный ответ на него, как я уже сказал, недостаточен, он не разрешает сомнения коммунара — и сомнения вполне справедливые. Крестьянин, привыкший думать о завтрашнем дне, не может, хотя бы и коммунар, мимо него пройти, удовлетвориться формальным ответом. Поэтому в жизнь коммун — вернее, в отношение коммунального коллектива к отдельному коммунару — должны быть внесены коррективы (изменения), дающие известные права выходящему из коммуны члену.

Я ожидаю возражения со стороны защитников голого коллективизма, которые отрицают право отдельного члена коммуны на часть имущества, падающего на него из общей суммы коммунального имущества, думая этим, с одной стороны, оберечь таковое для коммуны, а с другой — спасти от мелко-буржуазной ереси слабого члена коммуны. Это очень похоже на старый способ «истинных христиан», которые, чтобы спасти еретиков от вечного ада в будущей загробной жизни, жгли их на кострах при настоящей. У нас вообще есть стремление превратить коммуну в монастырь, хотя бы коммунистический, а это я считаю самой большой ошибкой, наиболее опасной для роста сельскохозяйственных коммун. Ибо самый идеальный монастырь — есть общежитие, нетерпимое массами, куда идут только единицы, теряющие связь с массами, — как говорят крестьяне, — теряющие связь с миром. Идет сильнейшее распыление семьи, и революция не только не усилила семейные устои, а нанесла им сильнейший удар. Как же после можно восстановить семью или семейное отношение в новой форме — коммунальной? Если современная личность не выносит семейного режима, ясно, что она не вынесет и коммунальной семейности. Значит, коммунальный быт надо строить так, чтобы член коммуны не чувствовал себя связанным в своей личной жизни до мелочей, в роде того, как, отправляясь в гости, просить у коммуны 50 коп. на расход.

Конечно, не одни сомнения и беспокойство за будущее личное положение обуревают коммунаров. Ряд коммун, претерпевших длинный путь жизненных невзгод, вышли на широкую дорогу коммунального строительства. Вот что пишет тов. Смородинов из коммуны «Путь», Тамбовской губ.:

«Количество коммунаров увеличилось до 109 чел. Симпатии к коммуне со стороны местных крестьян растут не по дням, а по часам, сказываясь на всякого рода выборах.

«Один из коммунаров трижды проходит председателем волисполкома, другой председательствует добровольно в потребительском обществе, третий — член правления того же общества, четвертый является председателем Кирсановского районного союза сельскохозяйственных коллективов и кооперативов.

«...Крестьяне и молодежь настолько привыкли к коммуне и сроднились с ней, что, не побывав в ней день-два, уже сильно скучают дома и снова спешат в нее — почитать газету, взять книжку, прослушать доклад...».

Вышеприведенные строки наглядно показывают, сколь огромное значение может иметь хорошая коммуна на окружающее крестьянство; ее влияние и авторитет являются наилучшей смычкой Советской власти с крестьянством, ибо успехи и неудачи в работе коммуны крестьяне относят к успехам или неудачам самой власти.

Признать ценность коммун в коммунистическом строительстве — не значит еще признать их жизнеспособность: одно может не совпадать с другим. Но и на этот кардинальный вопрос, при всей осторожности ответа, можно сказать, что история ряда коммун дает положительный ответ. Сельскохозяйственные коммуны при известных благоприятных условиях могут существовать и развиваться; но они встречают на своем пути огромное количество подводных камней и рифов, обход которых требует значительного искусства от руководителей коммун.

О сектантском уклоне коммун.

Первый вопрос, который стоит перед организатором коммун: чем же сама по себе является коммуна? Есть ли это в своей основе производственный коллектив, или же новая коммунистическая семья? Это — не академический вопрос; от того или другого ответа зависит и соответствующая организационная структура коммуны. По этому вопросу написана очень интересная статья тов. А. А. Лисицыным в «Бедноте» от 15 сент. 1925 г.: «О сектантском уклоне коммун». Тов. Лисицын на основании газетных корреспонденций вывел заключение, что организаторы коммун стремятся к возможно полному самообслуживанию ком-

мун и что авторы корреспонденций рассматривают такое обслуживание, как факт большой приближенности к коммунизму. Это-то он и называет сектантским уклоном.

Мне кажется, тов. Лисицын прав: стремиться к полному самообслуживанию — значит поворачиваться назад к натурально-замкнутому хозяйству. И не имеет существенного значения, является ли хозяйство индивидуальным или коллективным; его замкнутость, обособленность от советского рынка порождает мелко-буржуазную психологию не только у хозяина-индивидуалиста, а и у коммунара, что, в свою очередь, вносит элемент разложения в среду коммунаров, иллюстрируемый в статье тов. Лисицына.

Наконец, чем полнее обслуживает себя коммуна, тем менее производителен труд коммунара, ибо в промышленном предприятии и в сельском хозяйстве производительность растет с увеличением специализации на каком-нибудь одном товаре.

Между прочим, на падение производительности труда указывает тов. Троцкий в коммуне «Авангард», в Запорожьи, выставляя главной причиной такого падения слишком строгое проведение коммунистических принципов в оплате труда коммунаров. Тов. Троцкий говорит об этом:

«Что же является причиной того, что в коммунах не растет производительность труда? Причина одна: отсутствие личной заинтересованности. Нэп именно потому дал толчок развитию производительных сил, что ввел в хозяйственную жизнь момент личной заинтересованности. В сельскохозяйственных коммунах об этом нет и речи. Они построены на принципе полного коммунизма: несмотря на известную регламентацию труда, каждый работает, по существу, сколько может или хочет, а коммуна в одинаковой степени обеспечивает существование всех своих членов и их семейств. Тот, кто работает с полным прилежанием, ничем не вознаграждается. Тот, кто работает неряшливо или мало, ничего от этого не теряет. Наиболее ревностные члены коммуны нередко остывают и начинают работать «как все», т.-е. без увлечения. Результатом этого и является снижение производительности труда».

Возможно, что в коммуне «Авангард» действительно единственной причиной падения производительности труда является уравнительный способ оплаты труда коммунаров, но есть коммуны, где оплата происходит по затраченному труду, и все же производительность низка. Мне кажется, что наиболее важной при-

чиной низкой производительности труда является общая вообще нашему крестьянству причина: недостаток товаризации хозяйства, стремление превратить коммуну в самообслуживаемое, замкнутое хозяйство. Как я уже выше указывал, у нас преобладает тенденция превратить коммуну не только в производственный коллектив, а и в коммунистическое сожительство, и как раз на последнее обращают, пожалуй, еще большее внимание, чем на первое. Если в коллективном производстве соблюдается между коммунарами известная соразмерность, вытекающая из интересов самого производства и понятная каждому коммунару в отдельности, то в устройстве коммунистического сожительства часто замечается много надуманности, теоретичности, трудно применимых в общежитии, — на этом поскальзываются многие лучшие, победившие экономические трудности коммуны.

Но я согласен с тов. Троцким, что в области оплаты труда коммунаров еще рано вводить полную уравнительность, пока ее не имеется в жизни. Вобще уравнительная оплата труда — одна из труднейших проблем, которые придется решать рабочему классу, и успех ее, вероятно, в значительной степени будет зависеть от успехов производительности труда. Если уравнительность является одной из причин разрушения коммун, то, обратно, разность оплаты при совместной жизни тоже служит причиной распадения коммун. Поэтому, мне кажется, надо по возможности отделять частную жизнь коммунара от производственной.

В первую очередь необходимо наладить производственный коллектив; распорядительный аппарат, ведающий производством коммуны, не является аппаратом, ведающим обслуживание потребностей коммунаров, — для этого образуется на праве добровольности соответствующий кооператив, если он необходим; но каждый коммунар не о б я з а н, а в о л е н входить или не входить туда. Одним словом, производство требует одной формы организации, а частная жизнь производственников, как бы тесно она ни была связана с производством (как это бывает в сельскохозяйственных коммунах), все же и в интересах производства и в интересах частной жизни коммунаров,—требует иной формы.

Риск, связанный со вступлением в коммуну.

В заключение мне бы хотелось остановиться еще на одном моменте, который является значительным тормозом для всту-

пления в коммуну крестьянина, является тормозом, мешающим организации новых коммун: это — индивидуальная небеспеченность коммунара. Коммуна сулит крестьянину в перспективе повышение благосостояния, значительное повышение интенсивности его труда; это — бесспорно, это — доказано целым рядом существующих коммун; но вместе с тем она повышает и риск этой его повседневной обеспеченности. Убогое крестьянское хозяйство, как бы оно ни было жалко, все же является его собственностью, потерять которую не так-то легко. Если же и случаются такие истории, как потеря крестьянином собственного крестьянского хозяйства, превращение его в бездомного, так в огромном большинстве у крестьянина это происходит или от ошибок, неумения самого крестьянина, или же от стихийных бедствий, как пожар, голод и т. д., т.-е. от причин, уважительных для крестьянина. Но и при этих трудных обстоятельствах крестьянин-общинник не лишается права на землю, помощи комитетов взаимопомощи и т. д.

В совершенно ином положении находится коммунар. Его производственное имущество входит небольшой составной частицей в общий инвентарь коммуны и там обезличивается. Он сам из самостоятельного мелкого хозяйчика превращается в сочлена значительного коллектива людей, где он несет производственную работу, на ряду с другими членами коллектива, как простой наемный рабочий, под руководством распорядителя работ. К стихийным бедствиям и собственной неприспособленности, по сравнению с крестьянином, у коммунара прибавилось во много раз больше подводных камней, о которые может разбиться его ладья личного благополучия. А при современных условиях сколько их, — подводных камней. Ведь его судьба будет находиться не только, даже не столько в руках его собственного усмотрения, сколько в руках всех, кто имеет право и возможность влиять на деятельность коммуны — от десятника работ до предгубисполкома и дальше. Значит, уйти из коммуны — шансы во всяком случае не меньше, чем, примерно, увольнение рабочего с завода. Но ведь рабочий имеет защитника в лице профсоюза, при увольнении он не только получает необходимое пособие, а и имеет все основания найти такое же, примерно, место, как и только-что им оставленное. Мало того, он работает на заводе, но никто не возбраняет ему искать лучшее место. Коммунар же, выходя из коммуны, лишается всего и превращается в бесправного бедняка. Вот почему каждый рассудительный кресть-

янин, прежде чем решиться пойти на организацию коммуны, основательно—и даже очень основательно—подумает, и, по-моему, действительно есть над чем подумать. Коммуна дает преимущества, но, как я уже говорил выше, и риск велик.

Важность коммуны в советском строительстве вряд ли кто будет отрицать. Партия много раз в своих директивах указывала на желательность и крайнюю целесообразность сельскохозяйственных коммун. Значит, работники коммун — крестьяне, коллективизирующие свои хозяйства—должны иметь поддержку от государства, как люди, стоящие на особо полезной работе, как деятели, выполняющие особо важные задачи — задачи внедрения коллективного земледелия. Худо ли, хорошо ли, но наше рабоче-крестьянское государство стремится так или иначе обеспечить рабочих, в особенности на тяжелых и ответственных отраслях труда. Деятели-коммунары выполняют ответственную государственную работу. И, мне кажется, на основании этого они должны быть причислены по своим правам по крайней мере к сответствующей группе рабочих, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И когда крестьянин увидит, что коллективизация хозяйства может дать ему значительно более повышенный уровень жизни и что опыты коллективизации застрахованы в случае его личных неудач, — во всяком случае его имущество ему будет возвращено, и законы республики дают ему все права на труд и соответствующее пособие до прииска работы, — несомненно, интерес к коллективизации хозяйств возрастет среди крестьянства, и образование сельскохозяйственных коммун и коллективов сделается обыденным явлением.

Но все же, какие бы трудности ни стояли перед деятелями и организаторами сельскохозяйственных коммун, у меня нет ни малейшего сомнения, что наилучшие формы таких организаций, способные устоять и привиться, будут найдены, ибо в поисках их участвуют тысячи людей. Все лишнее, ненужное отбросит сама жизнь, а необходимое, самое ценное для развития коммун останется, зацепится жизнью и даст ростки новых побегов коллективного творчества. Рассматривая проделанную работу, энтузиазм масс в строительстве, в творчестве нового братского общества, как-то невольно проникаешься уверенностью в победе над стоящими впереди трудностями. Эта уверенность у нас сильна, во-первых, потому, что необходимость и полезность коммун очевидна каждому коммунисту, и, наконец, это

вполне сознано довольно широкими массами беднейшего крестьянства, иначе бы оно не могло выделить на это дело стольких беззаветных работников.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Кстати, хочу обратить внимание читателя на одно могущее быть замечание относительно места с.-х. коммун в общем строительстве коллективного хозяйства в деревне. Это замечание сводится к тому, что с.-х. коммунами нисколько еще не исчерпывается действительный размах коллективизации в области сельского хозяйства. Совершенно правильно, что артели и машинные товарищества, кредитная кооперация и кооперация вообще, во всех ее разнообразных видах и формах, — все эти формы коллективизации, конечно, имеют и будут иметь решающее значение в коммунистическом строительстве.

По этому поводу я думаю написать статью, аналогичную этой, о кооперации, к которой я отношу по своей организационной сущности названные виды коллективизации. В настоящей же статье я умышленно ограничил тему лишь с.-х. коммунами, как имеющими свои особенности перед другими формами.

27 октября 1925 г.

О «КРЕСТЬЯНСКОМ УКЛОНЕ» И «ХОЗОБРАСТАНИИ» КОММУНИСТА.

(Ответ на письмо.)

Товарищу Калинину М. И.
Курсанта парт-работников при ЦК РКП (б).

Дорогой Михаил Иванович.

К вам, как к старшему члену РКП, обращаюсь с товарищеским письмом за разъяснением.

Вопрос, мною излагаемый, касается не единиц и не сотен даже, а значительного количества членов РКП.

Этот вопрос таков.

Ответственный коммунист уездного масштаба, у которого семья находится в деревне, и он ей материально помогает, а семья ведет с. х. на уровне односельчан, имеет одну корову, одну лошадь, 4 овцы и с.-х. инвентарь. Такое хозяйство не отрывает от товарища ни одной минуты из его общественного дела, на которое он работает. Так вот, надо ли этого коммуниста уличить в хозобрастании и крестьянском уклоне? Надо ли от него требовать, чтобы он сейчас же ликвидировал эту связь с деревней?

Я на курсы послан Можайским Укомом, Московской губ. До этого 7 лет работал на ответственных постах в армии и тылу. На курсах учился хорошо, о чем свидетельствуют мои учебные характеристики, в которых говорится, что на курсах я значительно вырос, усваиваемость выше средней, правильно, по-марксистски, ставлю и разрешаю вопросы, твердый партиец, хороший товарищ.

Но все это не мешало комиссии в партхарактеристике написать мне «крестьянский уклон» и «хозобрастание» и рекомендовать на работу под руководством.

Это за то, что я помогаю жене и троим детям деньгами, которые ведут с. х., имеющее 1 лошадь, 1 корову и 4 овцы.

Я считаю, что наша курсовая комиссия не по-ленински мыслит, отрывая членов РКП от того или иного производства или связи с ним, если он находится временно на общественной службе.

Михаил Иванович, если вы найдете такой подход к делу неверным, то убедительно прошу возбудить его в МК РКП и внести в него ясность. Ведь курсы секретарей в составе 300 человек, разъезжая по СССР, могут стать на неправильное суждение.

С коммунистическим приветом

(подпись).

Ответ.

Я скрыл имя кореспондента в виду того, что из письма неясно, обращается ли он ко мне частно, или же поднимает вопрос широко общественно. По-моему, этот вопрос безусловно имеет огромное общественное значение, и было бы очень желательно основательно его продискуссировать в партийной прессе.

Что хозяйственное обрастание является вредным явлением в партии, в этом нет спора. Спор начинается с того момента, с какой суммы средств или с какого количества материальных благ можно считать обрастание вредным. И наиболее вредной формой такого обрастания — обрастание крестьянским хозяйством — у нас в партии, пожалуй, считается наиболее предосудительным. Это происходит, вероятно, потому, что крестьянские материальные ценности, худо ли — хорошо ли, состоят, главным образом, в капитале, хотя и мертвом, пусть в убожеском, который в своей сущности является мертвой веревкой для своего владельца, но все же это — капитал, т.-е. средство производства, к которому можно приложить наемные руки.

Но, вообще-то говоря, нуждается ли наша партия в членах от сохи? Каждый скажет, что нуждается, — крестьяне от сохи наиболее желательные члены партии после рабочих; наибольшая связь партии с крестьянством, конечно, может итти только через членов партии от сохи. Если мы допускаем это, то само собою вытекает, что коммунисты имеют право вести собственное хозяйство, ибо как же мы, принимая членами партии крестьян от сохи, лишим этого права старых членов партии, которые уже

ведут такое хозяйство? Наконец, может-быть, для коммунистов, ведущих собственное земледельческое хозяйство, необходимо ввести некоторые ограничения, хотя бы такого порядка, какой введен по отношению к кореспонденту вышеизложенного письма?

У нас в партии нет разрядов коммунистам. Прием в партию делается очень разборчиво, социальное положение при приеме имеет громадное значение; но поскольку человек принят в партию ее членом, он имеет полные права члена, его прежнее социальное положение значится лишь в анкете, его настоящая профессия ничем не ограничивается, поскольку такая профессия не значится предосудительной для члена партии. Крестьянское хозяйство, поскольку я знаю, не значится таковым.

Поэтому дать характеристику крестьянского уклона и хозяйственного обрастания на основании внешних признаков хозяйственной мощности — нельзя. Затем, грубейшей ошибкой является сближение крестьянского уклона с хозяйственным обрастанием.

Крестьянский уклон, — это у нас, всего чаще, — не отход от идеологии партии, а известная склонность к постоянной переоценке крестьянского момента в решении тех или иных вопросов (примерно, как болезнь «ведомственности» в учреждениях или узкого профессионализма у работников профсоюзов). Крестьянский уклон, с указанной точки зрения, в умеренной форме бывает даже полезен партии, — опасности от него в данный момент я совершенно не вижу. Поэтому не вижу и основания в партбилете или официальной партхарактеристике особо говорить о специфически крестьянском уклоне. Притом такие характеристики попадают часто пальцем в небо.

Иметь тот или иной уклон — законное право каждого члена партии (поскольку, разумеется, он допускается партией, — до ее решения). Это является до известной степени рекомендацией члена в его идейности или по крайней мере в том, что его мысль работает в сфере идей. Но совершенно иной, другого порядка является характеристика: «хозяйственное обрастание». Что означает хозяйственное обрастание? Оно обозначает, что у данного члена партии стали притупляться идейные мотивы жизни, что он все больше и больше уделяет внимания на свои материальные удобства или удовлетворение личных потребностей и что его потребности постепенно перемещаются из сфер идейных — в бытовые мелочи.

Это не значит, что член партии должен избегать материальных удобств, тех или иных наслаждений, — ведь в конечном

счете коммунизм есть достижение материальных и культурных ценностей всему народу. Эти удобства с каждым годом будут распространяться среди народа, да их распространение и происходит. Мы не поспеваем за потребностью в их удовлетворении. Значит, вопрос идет, если можно так выразиться, о перерождении характера партийца, когда из пользователя удобствами он превращается в раба удобств.

Такие члены партии безусловно вредны в партии, они наиболее беспринципны, готовы служить не за страх, а за совесть всем власть имущим, — и они, надо признаться, значительно преуспевают в партийных и советских постах. Да это и очень естественно: у них меньше всего происходит столкновений на идейной почве. Затем, они довольно пунктуальны в выполнении внешних партийных обязанностей; все это делает их довольно неуязвимыми членами партии.

Что касается обрастания крестьянским хозяйством, то здесь перед контрольной комиссией, как хранительницей партийных принципов и партийной этики, исключительно трудные задачи. Перед моими глазами — два коммуниста деревни: один пришел просить у меня лошадь для своего хозяйства, — я пригрозил ему контрольной комиссией, если снова услышу, что он использует партию в своих хозяйственных интересах; другому коммунисту я сам послал гвоздей для крыши его дома.

В данных случаях я исходил из того, что нуждающийся в лошади коммунист систематически использовал свое положение коммуниста для увеличения мощности своего хозяйства, что лошадь он мог свободно купить и действительно ее купил на собственные средства, что основа его жизни, — по моим наблюдениям, — накопление, которое и выражается в усилении хозяйства. Наконец, в самом-то усилении хозяйства никакой роли не играют хотя бы крестьянские уклоны или же собственные исключительные усилия; наоборот, накопление происходит легко, благодаря использованию партийности. Это я называю обрастанием крестьянским хозяйством.

Другой помешан на идее — показать крестьянам, что̀ может сделать коммунист собственными руками по крестьянству. И, действительно, он сделал сравнительно много для своего хозяйства, ухлопал бездну труда, сил и здоровья. Возможно, что дело подходит к логическому концу, — оборвется надорванная жизнь. С ним можно согласиться, можно не согласиться, но отнять в его работе идейность нельзя. И характерно: к этим двум типам—

совершенно разное отношение крестьян. Одного считают человеком, который в коммунистах состоит из-за материальных расчетов, — каждый его шаг в глазах крестьян является корыстным. К другому они относятся с некоторой насмешливой гримасой: дескать, оборвешься, слишком тонка кишка, чтобы ты достиг полностью своей цели. Но вместе с тем дополняют: честнейший человек, настоящий коммунист, — и, конечно, суют его во все общественные дыры, вплоть до председателя волости.

Представьте теперь, что последний коммунист материально оброс раза в два больше чем первый, а это ведь возможно: если бы у него была физическая сила и притекали бы средства, он их с жадностью бы употреблял на хозяйство. Но дело только в том, что к своему хозяйству он подходит, как к образцу хозяйства для крестьян. Если его убедить, что его хозяйство не может быть, да и не должно быть примером для крестьян, для него будет потеряна вся его привлекательность, и, конечно, он просто сбежит от него. Что удивительно: от крестьян не укрылась затаенная мысль коммуниста, и они с злорадством потом будут говорить о неудаче попытки, если она сорвется.

Приведенные мною два примера говорят об исключительной сложности вопроса. В практической жизни, как в калейдоскопе, каждый индивидуальный факт имеет свои особенности, и вот при оценке-то таких фактов или событий необходимо отыскать корень этих особенностей, изучить их, и уже на основании добытого материала выносить свои решения. Поэтому, когда корреспондент мне ставит в упор: «права или неправа» атестационная комиссия в данном случае, — я должен сказать: если ее решение было вынесено без изучения данного конкретного случая, а просто на основании голых анкетных сведений, то она поступила неправильно. Членам партии не возбраняется поддерживать свое крестьянское хозяйство, и не указываются те формы, какими должна поддерживаться семья членом партии.

6/VIII 1925 г.

К ВОПРОСУ О РАССЛОЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА.

(Речь на 7-м московском губсъезде советов, 13 апреля 1925 г.)

Мне председателем предоставлено слово без ограничения времени и вне темы. Он надеется, что я не злоупотреблю доверием, а я постараюсь его разочаровать, чтобы в следующий раз он был более осторожным. *(Общий смех.)*

Товарищи, мне хотелось бы поговорить на нашем 7-м губернском съезде, уездным делегатом которого я являюсь, о статье Ларина в «Правде» от 8 апреля по вопросу о деревенском нэпе и линии партии. Как-раз вопрос о деревне у нас сейчас обсуждается, так что тут — полное совпадение, и поэтому я считаю возможным остановиться на этой статье.

Статья эта, как и все статьи тов. Ларина, такая, что из нее можно вычитать все, что хочешь, и я бы безусловно не стал на ней останавливаться, если бы к этой статье была приписка, что она — для обсуждения или для дискуссии. Конечно, товарищи, статья, из которой все можно вычитать, имеет свои достоинства. Вы знаете, что лучшие, гениальные произведения читаются различными людьми или людьми различных положений или различных возрастов, и каждое положение и каждый возраст находят свои отклики в этих произведениях. Я напомню вам хотя бы о Дон-Кихоте. Я читал его в детстве и им восхищался; я читал его уже в зрелом возрасте и тоже восхищался. Ясно, что когда я читал его в детстве, находил одни качества, а в зрелом возрасте восхищаюсь другими сторонами. Вы видите, что есть произведения, которые удовлетворяют не только лиц различных классовых положений, но и различных возрастов.

Статья Ларина, как публицистическая статья, тоже претендует на полное удовлетворение всех и всякого, но публицистика есть публицистика, хотя бы написанная и талантливо, и своей разносторонностью не достигает поставленной цели, — наоборот,

она никого не удовлетворяет. Ларин говорит, что Смирнов, Осинский, Квиринг — в «Правде», а Калинин — в речах, в целом затушовывают развитие классовой борьбы в деревне, не говоря о моих статьях (тов. Ларин, как опытный литератор, о них умолчал). Мне кажется, что когда говорят персонально о Калинине, то нельзя говорить о речах Калинина, а надо говорить о статьях Калинина, ибо в речах всякий марксист должен приспособляться к обстановке, к аудитории, и речь надо строить всегда в соответствии с окружающей обстановкой. В этом отличие марксиста от сектанта. Марксист всегда умеет выявить свою точку зрения так, чтобы она дала максимум результатов при данной обстановке. Когда я говорю перед разными аудиториями, то я говорю по-разному, хотя высказываю одни и те же мысли: у крестьян я буду говорить по одной форме, у рабочих — по другой, и у интеллигентов — по третьей. В каждой группе населения я должен выдвигать те моменты, которые особенно свойственны данной группе людей. Когда тов. Ларин говорит о речах, а не о статьях, это — просто лицемерие, потому что в статьях то, что говорится в речах, более тщательно проанализировано.

В последней статье в «Известиях» я поставил точки над «i» и определенно выявил: что такое кулак, что такое середняк и что такое бедняк. Там строго проанализированы эти вопросы, ибо я не мог взять еще чуть-чуть вправо, чтобы не свалиться в мелко-буржуазный уклон. Большевики — на то и большевики, чтобы уметь проходить по самым опасным местам, по лезвию ножа, не сваливаясь в мелко-буржуазное болото. Если тов. Ларин хотел серьезно представить вопросы о бедняках и кулаках, он должен был взять мою статью: «Теория и практика борьбы». Вместо этого он просто скользит по поверхности. Всегда можно найти речь, при этом еще неверно переданную репортером, где будет какое-нибудь неудачное выражение, или можно неверно истолковать речь, но статью на такую злободневную тему, как по вопросу о кулаках и бедняках, который является сейчас самой актуальной темой, истолковывать неправильно нельзя. При чем она написана так, что ее нельзя обсуждать с двух точек зрения. Поэтому я нахожу, что тов. Ларин взял неправильную линию.

По существу тов. Ларин как-будто защищает нашу общую линию, т.-е. линию, по которой обеспечивается развитие крестьянского хозяйства. А если это так, то можно сделать вывод,

*

что тов. Ларин—не против общего толкования развития крестьянского хозяйства. Его слова: «Факт наличия и неизбежности при нэпе известного роста предпринимательского крестьянского хозяйства ясен. Отрицание его нашими законами вредит не кулаку, а бедняку. Как-будто бы именно этого, и только этого, требуют и все вышепоименованные товарищи». Но, к сожалению, из этой статьи можно сделать и другой вывод, прямо противоположный, а именно, что развитие крестьянского хозяйства ведет к усилению кулачества, и единственный путь, который несет действительное облегчение крестьянам, той бедноте, которой — по Ларину — 40%, это — колхозы и коммуны.

Вывод ларинской же статьи.

Я считаю, что если из одной статьи можно сделать два вывода, то статья при данных обстоятельствах никуда не годится: она не приемлема ни для воспитательной работы, ни для практической.

Что представляют собой статьи тов. Смирнова? Если к этим статьям подойти не с практической точки зрения, т.-е. не принять во внимание все объективные условия современного положения, то можно сказать, что там есть мелко-буржуазные элементы, некоторая затушевка классовой борьбы. Но ведь и слепому ясно, что тов. Смирнов достигает этим своей цели. Он говорит, что в деревне есть тормоз для развития крестьянского хозяйства, — он сознательно перегибает палку. Это есть тактический ход, который помогает практически проводить в жизнь свою линию. Надо знать, в какой момент пишется статья, какие она стремится получить результаты, и какие объективные условия имеются в данный момент для внедрения ее мысли в жизнь. Вы видите, что тов. Смирнов налегает на одну сторону вопроса, стремясь в этом отношении добиться практических целей.

Если говорить по вопросу о расслоении крестьянства, то надо было бы лучше обратиться прямо к моей статье, дающей анализ классового расслоения деревни, который можно применить к практической политике. Вы, члены московского губернского съезда, являетесь в большинстве практическими работниками, и для вас важно иметь статью, которая имеет не только теоретическую ценность, но возможность и практического ее использования, ибо вы, читая статью, думаете: а как бы эти мысли практически применить в жизни, — так применить, чтобы чувствовать себя опершимся на теоретический фундамент. Моя статья и дает в этом отношении опору. Я должен сказать, что

когда я пишу по этим вопросам, то не из любви к литературному искусству, а из глубоких практических целей: для того, чтобы наш коммунист, работая в практической работе в деревне, идя далеко навстречу нэпу и частному хозяйству, вместе с тем не упускал из поля своего зрения нашей конечной цели.

Тот человек, перед которым стоит ясно конечная цель, который не упустит конечной цели, может часто делать очень большие поблажки в частных практических вопросах, приспособляясь к жизни, зная, что его руль правильно стоит, что эти подводные рифы практической политики есть только подводные рифы, они не дадут ему возможности потеряться в дороге, что линия в общем верна. Наоборот, те, которые не видят конечной цели, теряют ее и стремятся смотреть под ноги, боясь сделать практический шаг вперед, боясь, как бы они не шли вразрез с коммунистическими целями, те, конечно, попадут из огня да в полымя.

Ларин обвиняет целый ряд людей в том, что они последнее время обеляют верхушечный элемент. «Нам нужен такой подход к несомненной наличности в сельском хозяйстве растущих буржуазно-предпринимательских отношений, который наиболее облегчал бы защиту интересов пролетариата и полупролетарской бедноты при этой наличности, который облегчал бы улучшение положения эксплуатируемых масс и накопление социалистических элементов хозяйства». Эту фразу можно написать через двадцать лет,—она взята из старых социалистических учебников,—она и сейчас верна. Но разве об этом сейчас идет спор? Спор идет о том, каким образом сочетать движение к коммунизму с увеличением материального благосостояния крестьянства. Вот в чем вопрос. В этом корень вопроса.

Ларин в последнем абзаце говорит, что бедняк может найти выход только в коллективизации, колхозах и кооперации. Вот его ответ о том, как увеличить накопление. Бедняк может найти выход только в коллективизации, колхозах. Что говорить, — умный ответ. Но, ведь, товарищи, всякий, кто проходит школу политграмоты, скажет, — у нас в программе так сказано, — в конечном счете общее благосостояние и уничтожение бедности будет только в коммунистическом строе. Сейчас в крестьянской массе объявить, и на этой почве вести практическую работу: ваше улучшение целиком зависит только от того, когда вы пройдете в колхозы, — разве это отвечает назревшей потребности настоящего времени? Можем ли мы сейчас издать такой декрет или закон, который способствовал

бы увеличению коллективизации и наращиванию новых колхозов? У нас сейчас появился декрет о кустарях, который говорит о том, что мы совершенно освобождаем от налогов мелкие кустарные предприятия, разрешая иметь учеников и т. д. Вот в каком направлении идет жизнь.

Значит ли это, что мы упускаем конечную цель коммунизма? Конечно, нет. Это значит, что мы обходим рифы, мы не об общей линии спорим, а о сегодняшней политике. Если говорят, что это—единственный выход из бедности в о о б щ е,—конечно единственный. Но можно ли с е й ч а с сказать, что это—единственный выход, и только он? Разумеется, нет. Прежде чем мы дойдем до этого единственного выхода, у нас будут еще десять практических опытов, — десять, так сказать, практических мер, идущих впереди этого выхода. Но одну из этих мер мы сейчас проводим в декрете о кустарях. Следующая мера, вероятно, потребует непосредственной помощи кустарям. Теоретическая предпосылка остается, и она правильна.

Но н е в э т о м с п о р. Мы спорим о с е г о д н я ш н е м д н е. Это—социалистический подход вообще, а не конкретный, — коммуниста, который указывает, как к данному вопросу подойти практически.

Вся статья тов. Ларина основана на противопоставлении середняков и зажиточных бедноте. «Задача дружбы с середняками весьма почтенна и необходима, но она не должна вызывать недооценки и замазывания вопроса о низах. Не должно быть противопоставляемо одно другому. По каждой волости в среднем по СССР есть около 150 батраков и около 150 колхозников. Надо добиться, чтобы в каждом сельсовете, в каждом волисполкоме среди их членов было обязательно по колхознику и батраку. У нас имеются выдвиженцы-середняки,— должны пойти вверх и выдвиженцы-батраки до ЦИК и до Наркомзема включительно». Вся статья пишется о противопоставлении, а потом говорит: «не должно быть противопоставления». На самом деле в моих статьях я всегда проповедую, что Советская власть относится иначе—к середнякам, и иначе—к бедноте: середнякам мы очищаем путь, даем возможность развивать и растить хозяйство, а бедноте прямо приходим на помощь. Мы защищаем законом путь для середняцкого крестьянства, снимая тормозы с развития его хозяйства. Но если бы нашим расчищенным путем воспользовалось только среднее и богатое крестьянство, — такая линия законодательства была бы неверна, она не

соответствовала бы природе рабоче-крестьянской власти. В наших декретах, в наших законах, которые идут от имени рабоче-крестьянского правительства, красной нитью проходит, чтобы каждый закон облегчал пути накопления для мало-мальски состоятельного крестьянства, чтобы он бо́льшую льготу и бо́льшую возможность давал бедноте.

Но, товарищи, разумеется, мы — люди практические. Мы понимаем, что этими льготами, даваемыми бедноте, пользуется более сознательное крестьянство. Это тоже Советская власть знает. Она знает, что волшебной палочкой не излечишь, не уничтожишь бедноту. Это — слишком долгий путь, и на этом пути мы должны делать целый ряд обходов. И вот, товарищи, мне кажется, что эта статья Ларина с точки зрения общей политики, с точки зрения коммунизма, написана вне времени и пространства.

Через сто лет, когда будут читать, будут думать: до чего современна статья. Вероятно, в некоторых государствах и тогда эта статья будет иметь цену, но практически она негодна. Дает ли она новую ориентировку практической работе? Она новой ориентировки не дает. Все то, что здесь есть положительного, то известно каждому коммунисту. По крайней мере думается, что это должно быть известно.

Действительного анализа существующего положения и умения проявить ту исключительную гибкость, которую умеет проявлять только Коммунистическая партия, в статье нет. Все великолепно понимают практическую цель, преследуемую статьей тов. Смирнова: он вбивает в головы сознание ценить производительность. Помните, как мы заставили деревенского кулака признавать Советскую власть? Мы его до земли согнули, а теперь немножко разгибаем. Вот в чем состоит вопрос. *(Апл.)* Военный коммунизм идет, не сгибаясь, а практическая жизнь требует гибкости, требует приспособления к крестьянским массам. И вот, чтобы достигнуть этой цели, тов. Смирнов сознательно перегибает линию нашей партии. В этом я с ним согласен. Если пройдет из его статьи десятая часть, — будет достигнута значительная польза.

У нас опасность — с другой стороны. В настоящий момент у нас стоит не вопрос о пути, а вопрос о том, чтобы по этому пути найти наиболее верный темп хода, который бы ни на минуту не ослаблял нашу мощь. Мы не только должны дойти до коммунизма, а мы должны, идя к коммунизму, ни на минуту

не ослаблять нашу фактическую мощь, мощь советского государства, которая покоится, во-первых, на рабочем классе, а, во-вторых, — на том, в каком отношении крестьянские массы находятся к Советской власти и рабочему классу. Мы идем вооруженным союзом рабоче-крестьянских масс. Наша армия всегда состоит из двух элементов. Когда мы делаем новый шаг вперед, мы должны оглянуться назад: в сохранности ли наша армия, состоящая из этих двух элементов. Тот, кто идет к коммунизму, не оглядываясь назад,—не вождь: он—только передовик. Товарищи, Коммунистическая партия—не только передовик, а Коммунистическая партия есть вождь, ведущий за собой рабочий класс и крестьянство и почерпающий из этих двух сил свое могущество. Вот почему, товарищи, я считаю, что такие, с внешней стороны чисто-литературные, стилистические статьи, как бы подкованные на все четыре ноги, сейчас никакого значения не имеют.

Как-то я на одном собрании корреспондентов,—кажется, транспортников, — сказал: «Товарищи, есть два сорта кореспондентов. Один корреспондент все время бьется, отыскивает новые пути и часто ошибается; его много бьют, поднимают на смех, и т. д. Есть другой тип корреспондента: он берет самую модную тему и кричит громче всех о том, о чем все кричат, он всегда идет впереди. На этом пути вас ожидают честь и слава. Я же сочувствую корреспондентам первого пути, которые отыскивают реальные пути, пути сегодняшнего дня, отыскивают, как обойти с наименьшими болями и жертвами те препятствия, которые стоят перед практическими работниками».

Я думаю, что тов. Ларин не может быть учителем. Его статьи не учат: его статьи, это — один из самых громких голосов общепринятого мнения; но, как я уже сказал, самый громкий голос общепринятого мнения—не есть самый ценный голос. Так как передо мной аудитория, которая практически теорию коммунизма претворяет в жизнь, мне бы хотелось, чтобы товарищи, когда им придется читать статьи Ларина, с этой точки зрения подошли к ним, чем они и уберегут себя от грубых ошибок. *(Продолжительные аплодисменты.)*

МЫСЛИ О ЗАВТРА.

ПО ПОВОДУ СПОРОВ О КОМИТЕТАХ ВЗАИМОПОМОЩИ.

(Доклад на Всесоюзном совещании секретарей сельских ячеек, созванном ЦК РКП в октябре 1924 года.)

Товарищи, заглавие моего доклада ставит вопрос как бы только о толковании последнего декрета о комитетах взаимопомощи. Но я думаю, что толкователем этого декрета каждый из вас будет гораздо лучшим, чем я, ибо на местах, где декреты проводятся в жизнь, к ним относятся куда с бóльшим вниманием, и это совершенно естественно. Когда декрет проводится в жизнь, тогда невольно приходится вдумываться в каждую статью, в каждый пункт, — и по существу, и формально.

Постараюсь остановиться лишь на принципиальном значении комитетов взаимопомощи.

I.

Года два назад, когда был первый съезд комитетов взаимопомощи, я тогда ставил вопрос так, что это — организация, с внешней стороны самая убогая, на которую еще никакого внимания не обращают. Организация, если взять каждую в отдельности, слишком незначительна и слишком мало открывает перспектив для людей, работающих в ней.

Каждый партийный работник, у которого развито чувство самолюбия или, вернее, чувство честолюбия (разумеется, здорового творческого честолюбия), который хочет продвигаться дальше по партийной лестнице, — его не увлекает работа в комитетах взаимопомощи. Ему кажется, что эта работа, — если он не дал себе труда продумать ее принципиально, — ему кажется, что она не связана с общей цепью всей нашей работы по строительству будущего. Она, так сказать, мала, узка, не дает развернуться и показать себя, показать свои силы и способности.

Несомненно, раз такое сознание преобладает у большинства, то в эту работу идут большей частью те наши коммунисты, которые менее взыскательны или же которые действительно любят непосредственно это дело (но таких, сравнительно, меньшинство). А активная часть партии как бы в стороне от этого вопроса держалась. Даже официальные сферы как партийные, так и советские, если они не относились отрицательно, то во всяком случае у них также не было серьезной оценки этих организаций, — их оценивали с той внешней стороны, которую эти организации имели. А внешняя их сторона отличается своей примитивностью (дескать: собрать — раздать, а что тут мудреного!..), минимальным составом деятельных работников, очень малыми материальными средствами. Наконец, каждая организация отделена от других организаций и не имеет такой тесной связи, как другие организации.

Например, заводская ячейка в самом глухом, заброшенном в большие леса заводе, — и та чувствует связь. Она в недрах своей заброшенности ощущает пульсирование общепартийной крови.

Комитеты же взаимопомощи, заброшенные в деревни, не чувствуют общего пульсирования этой крови в себе.

Все это вместе, разумеется, и дает право местным работникам, которые привыкли все оценивать на готовой практической основе, слабо ценить комитеты взаимопомощи вообще, как организации. По существу же, если мы подойдем ко всем, какие только есть крестьянские организации, то я не знаю, какую из них вы могли бы противопоставить комитетам взаимопомощи в качестве средства, позволяющего овладевать крестьянскими массами, в смысле охвата крестьянских масс, в особенности низовых крестьянских масс.

Вот вы — представители местных ячеек — вы знаете (по крайней мере, должны знать) деревенскую жизнь. Назовите мне другую крестьянскую организацию, — исключая, конечно, совет, — которая может охватить так массу, как комитеты взаимопомощи.

Возьмите хотя бы кооперацию. Как бы ни говорили, но кооперация низовую деревенскую бедноту, наиболее обездоленную часть крестьянства, — безземельных крестьян, те крестьянские дома, которые выбыли из производства в силу тех или других бедствий, — эту часть кооперация охватить не может. Самое большее, что может охватить кооперация, это — более или менее

среднее крестьянство или ту крестьянскую бедноту, которая из хозяйственного строя не выбыла и в производстве участвует.

Наконец, кооперация замыкает свою общественную работу в узком кругу правления, — она связывает крестьян, так сказать, пассивно. Очень ограниченные слои крестьянства непосредственно, активно участвуют в кооперации, ибо туда требуется закупщик, требуется председатель, требуется секретарь, одним словом, требуются люди с известным торговым опытом, и небольшое притом число людей. Без опыта этих людей кооператив выгорит в трубу.

Поэтому, когда мы выбираем непартийного крестьянина в кооперацию, мы должны не только рассматривать его социальную лестницу в крестьянском классе, но мы безусловно должны учесть и его торговые знания, и торговое умение.

Дальше бывают только годовые или полугодовые общие собрания членов, где происходят выборы.

Какие еще есть организации в деревне? Есть комсомол. Конечно, комсомол должен целиком захватить молодежь. Но вы знаете, что в деревне деревенский быт, деревенская психология революцией еще очень мало расшатаны.

Правда, мы в деревне можем найти передовых крестьян, которые в области политического развития и коммунистического понимания идут в передних рядах. Они были и в армии, работали в советских учреждениях, прошли значительный практический стаж и сделались большевиками. Такой слой у нас в деревне имеется.

Но велик ли этот слой? Конечно, очень не велик: это — только единицы.

Бывшие красноармейцы, которые пришли в деревню с желанием перевернуть всю деревенскую психологию, пересоздать ее по образу и подобию красноармейца Красной армии, в которой они умели воевать и побеждать, — им казалось, что им будет очень легко перевернуть деревню, но на деле сделать это оказалось не так-то легко.

Мало того: когда этот слой пришел в деревню, то сам стал таять, так что перевернуть деревню оказалось гораздо труднее чем опрокинуть Деникина. Да, гораздо труднее.

Эти бывшие красноармейцы сами ассимилируются, смешиваются с массой, превращаются в обыкновенных крестьян скорее чем перерождается само крестьянство под влиянием передовых слоев. Но все же надо сказать, что от этого слоя осталось еще

много, и слой этот будет по первому зову Советской власти бороться за Советскую власть, воевать и побеждать.

Все это так. Но, товарищи, он не в силах быстро переродить деревню.

Еще очень велика неподвижность главной массы деревни — крестьянства, которая, правда, сегодня может вынести решение о том, чтобы были закрыты церкви, но которая завтра же будет справлять праздник с вызовом того же самого священника, крестьянство, которое все сделает, шкуру сдерет для того, чтобы отнять землю у попа, но которое в то же время обращается к этому самому попу для совершения обрядов, — и так далее.

Я уверен, что если бы я сказал: вот у попа имеется 150 десятин земли, но землю эту можно взять, только содрав шкуру с этого попа,—я ничуть не сомневаюсь, что крестьянство нашло бы оправдывающие мотивы для сдирания этой шкуры, чтобы взять землю. *(Смех.)* Но значит ли это, что от крестьянина отлетели все специфические, характерные для крестьянства черты? Ничего подобного.

Возьмем отношение к молодежи. Нельзя сказать, что крестьянин относится к молодежи свысока, но он говорит: «вы еще мальчишки».

Если вы в нутро крестьянина сумеете войти, вы увидите, что крестьянин относится к молодежи в общем попрежнему: «яйца курицу не учат»,—эта поговорка еще очень сильна у нас в деревне. Поэтому, если комсомольская ячейка работает и очень хорошо, она все же не может охватить всей деревни, не может оказывать влияния на всю деревню.

Ясно, что эта организация, — с моей точки зрения, я прямо скажу, — самая могучая организация, наиболее активная в деревне организация, наиболее преданная Советской власти; она при контр-революционных выступлениях может их парализовать очень часто, — молодежь всегда горит огнем самопожертвования. Другое дело — крестьянин. У крестьянина нет ни малейшего желания нести свою жизнь на алтарь высокой идеи. Безусловно, молодежь сыграет огромную роль, но все-таки и кооперация, и комсомол, — всего этого еще мало, они не охватывают деревни целиком, эти организации захватывают деревню на 40 процентов, а нам надо захватить деревню на 90 и даже на 95 процентов, захватить основную базу деревни — среднее крестьянство и бедняков. И, кроме комитетов взаимопомощи, нет у нас организаций, которые могли бы за эту задачу взяться.

Вот почему комитеты взаимопомощи, с внешней стороны делающие слабые успехи, по существу являются решающей организацией деревни. Я иду дальше, — я думаю, что они будут той организацией, которая будет действительно учить социализму, должна учить социализму крестьян.

Что значит учить социализму?

Конечно, товарищи, через учение, путем теоретическим, не каждый человек придет к социализму. Теоретическим подходом, работой мозгов, подходят к социализму только единицы. Но если бы мы стремились превратить всякого в марксиста-теоретика, то, вероятно, мы бы никогда Коммунистической партии не создали, как массовую партию. Ведь рабочие — они больше по психологии коммунисты. В решении целого ряда практических дел рабочий инстинктивно выбирает совершенно правильную линию.

Поэтому, когда мы подходим к среднему крестьянину, мы должны прежде всегда и раньше всего учитывать его психологию. А как изменить психологию крестьянина, — психологию, которая вырабатывалась целыми тысячелетиями! Менять крестьянскую психологию — одна из труднейших задач. Это — дело многих и многих поколений. Когда крестьянин родится, то уже в зародыше, в организме, в анатомическом расположении его частиц, в зародыше от отца он получает этот тысячелетний быт. Вот мы теперь комсомольскую молодежь стараемся переродить, новым бытом заразить, но у коренной массы крестьянства старый быт в высшей степени повелителен. Как же сделать этот быт более восприимчивым к социализму? Мне кажется, это—задача комитетов взаимопомощи.

Что значит крестьянину быть более воспримчивым к социализму?

Это значит — расширить перво-наперво его кругозор. Но, товарищи, одними лекциями не расширишь кругозора крестьянина. Вы сами знаете, что деревенский мальчишка, который оканчивает школу, через 5 — 6 лет забывает читать. Поэтому, если мы хотим расширить кругозор крестьянина, то надо так устроить, чтобы крестьянин, по крайней мере, не ставил перед собой так остро вопрос о завтрашнем своем обеспечении.

Крестьянин — собственник.

Каждый крестьянин привык полагаться только на себя в заботе об обеспечении детей и обеспечении своей старости.

Вот — коренные вопросы, которые, может-быть, не осознаны, но сидят в каждом крестьянине: обеспечить свою старость и сделать лучшее будущее своих детей. И это обеспечение и детей, и своей старости он видит только в увеличении богатства своего дома.

Он других способов не видит, — не знает других способов. И главное усилие наше должно быть направлено к тому, чтобы разбить фетиш, иллюзию этого мелкого собственника, будто он может обеспечить завтрашний день только сохранением своего богатства, сохранением своего имущества. И здесь комитеты взаимопомощи призваны к тому, чтобы крестьянин, подвергшись опасности пожара, бедствия, разорения по целому ряду причин, — видел, что ему помогают извне, что ему помогает окружающая среда.

Ведь это впервые — через комитеты — вносится в крестьянскую среду чисто альтруистическое (способное отзываться на чужую беду) настроение. Крестьяне не знают альтруизма. По существу говоря, нет более альтруистического мировоззрения, как коммунистическое мировоззрение. Но в крестьянской среде еще за эти семь лет не было у нас возможности развернуть перед крестьянином плоды величайшего альтруизма, исключительно братских взаимоотношений человека к человеку, какие несет в себе коммунизм. Этого еще крестьяне не видели. Мы от них брали продналог, мы их мобилизовали, отправляли на фронт, с фронта возвращали, опять ломали, коверкали и прочее.

Одним словом, настоящего альтруизма крестьянин еще не видел.

А между прочим, товарищи, каждый сознательный коммунист великолепно понимает, что все те бесконечные жертвы, которые мы несем, окупаются исключительно величайшим идеальным моментом, к которому Коммунистическая партия стремится. Если бы не было этих величайших идеальных побуждений, если бы не было в конечной перспективе братских отношений... даже слово такого не подберешь (братские — слишком узкое слово; коммунистический быт — шире и больше этого понятия), — тогда, конечно, я не думаю, чтобы мы могли преодолеть те препятствия, которые лежат перед нами. И вот, этот альтруизм будущего мы сейчас в крестьянскую среду несем, и комитеты взаимопомощи — его зародыш. Да, маленький зародыш, микроскопический зародыш, которого еще не оценивает никто, но все же — зародыш.

Многие скажут со смехом: «Это — издевательство! Убогий комитет взаимопомощи, который лечит испорченную ногу лошади крестьянина, это—зародыш коммунизма? Да ведь это—издевательство!».

А, по существу, это — правильно. По существу — сейчас — социализм, развитие социализма, приближение к социализму, оно у нас только на этой материальной базе построено (обеспечить лошадь, избу и т. д.). Если крестьянин будет знать, что он умрет, и с его смертью не связана нищета, голод, хождение под окнами по миру его детей, если он в этом будет убежден, я ручаюсь, психология крестьянина решительно изменится, — не в два, не в три года, — но по крайней мере в 5—10 лет решительно изменится.

У крестьянина — жадность к собственности, которая сейчас до огромных пределов развита. Наша революция не уничтожила жадности к собственности, ибо обеспеченность не увеличилась.

А как может жадность к собственности не увеличиваться, если обеспеченность не увеличивается!

Жадность к собственности будет уменьшаться параллельно с обеспечением человека, — параллельно с его уверенностью в завтрашнем дне. И чем больше эта обеспеченность идет от общества, от солидарной помощи его однообщественников, тем— невольно, хочет он или не хочет, — будет развиваться социалистическая психология.

Поэтому, товарищи, если вы развернете эту картину комитетов взаимопомощи, то вы увидите, что эти убогие организации— в своем потенциале, в скрытых в них возможностях, в своем существе, в обстановке многомиллионного крестьянского моря,— призваны сыграть исключительную роль, если они, конечно, сумеют эту роль сыграть.

У нас есть некоторое прошлое этих комитетов взаимопомощи. Дает ли это прошлое уверенность? Я, товарищи, думаю, что дает. Я, товарищи, думаю, что до сих пор мы не знаем ни одной крестьянской организации не только в нашем Союзе, но я не знаю ни одной организации в Западной Европе, которая бы крестьянство охватывала довольно полно и которая в сравнительно долгий промежуток времени руководила бы крестьянством. Я не знаю: может-быть, другие работники, занятые вопросом о крестьянстве, знают. Были, правда, могучие крестьянские движения,—это было,—но чтобы крестьянство умело

создать организацию, которая бы охватывала более или менее большинство, и руководила бы им, — этого я в истории не помню, а между тем я слежу за этим вопросом не только в настоящем, но и в прошлом.

Из этого вытекает новизна задачи, которая стоит перед нами. Это—одна из труднейших задач, стоящих перед партией. Успехи этой организации — они не должны измеряться непосредственно организационными успехами этой организации, — в организационном отношении дело двинется не быстро. Ибо эта организация не может выскочить из той среды, из того слоя, который мы организуем, а этот слой,—он, товарищи, вообще медлительный, как вообще медлительно все развитие крестьянства.

Я здесь беру массовое крестьянство, в области производства более натуральное, а раз более натуральное, значит, более патриархальное, — и, значит, успехи этой организации надо измерять медлительностью перевоспитания того класса, с которым работаешь.

II.

Теперь, как организационно построить эти комитеты взаимопомощи?

Мне кажется, главный и основной принцип должен быть такой, чтобы они соответствовали бытовым условиям среднего крестьянина; ну, предположим, чтобы в этой организации, если крестьянин придет в комитет, в помещение комитета, чтобы его чувство не было оскорблено тем или другим примером, ну, кощунством; чтобы его крестьянская натура, которая в своем поведении очень благообразна, — это не значит, что он всегда благообразен, — ну, предположим, взять икону и повесить кверху ногами, — чтобы натура крестьянская не коробилась. В комсомольских организациях это, наоборот, вызовет некоторое удовольствие, но по отношению ко взрослому крестьянству этого делать нельзя, то-есть — издеваться и вешать икону кверху ногами. Необходимо, чтобы, когда крестьянин придет в комитет взаимопомощи, не были оскорблены его чувства. Средний крестьянин любит некоторое чинопочитание или, так сказать, старшепочитание, внешнее благочиние в поведении. Поэтому я говорю, когда организуются такие комитеты,—в особенности, когда организуют коммунисты городские,—вот все эти особенности они при этой организации должны принять во внимание.

Теперь, каковы же главные цели, которые преследуют эти комитеты? Я вам сказал, что отдаленная перспектива — приблизить к коммунизму. Что касается ближайших целей и форм, то мы должны строить так, чтобы заинтересовать крестьянство непосредственной пользой, непосредственной выгодой этих учреждений. У крестьянина мысль все больше и больше зреет, что свое благо он может построить только сам. Уже надежда на барина и даже на бога постепенно, так сказать, отпадает от крестьянского мировоззрения.

Но вот теперь необходимо ему сказать, что увеличение этого блага получается от взаимного страхования, и это сознание мы должны в нем развивать. И поэтому, организуя комитет взаимопомощи, цель наша должна быть поставлена не столь резко, — прямая помощь бедноте. Если вы ставите перед комитетом взаимопомощи прямую цель — помощь бедноте, этим самым, с моей точки зрения, вы уже испортили дело. Вы уже у крестьянина, живущего благополучно, вы уже отняли у него желание участвовать в этом комитете. Крестьянин вообще не любит помогать другим, он других считает лодырями. Поэтому надо организовать комитет вообще для помощи.

Конечно, мы должны помогать всем, кто попал в бедствие. Мы говорим: средний крестьянин, даже крестьянин, который в настоящий момент крепкий, зажиточный, если он не кулак, если он не крупный торговец — мы должны ему помогать.

Сегодня ты — зажиточный, но завтра — пожар.

Ведь зажиточность крестьянина не избавляет его от необходимости страховки собственного имущества. Зажиточный особенно и должен беречь эту зажиточность. Прежде он берег с тем, чтобы увеличить свое, домашнее; но надо ему доказать, что таким способом он не вполне сохранит свою обеспеченность, и это не есть наиболее верный банк, его обеспечивающий, а наиболее верным банком является комитет взаимопомощи; что эти убогие организации, у которых очень мало средств, что они, несмотря на все свое убожество, отдельному крестьянину, впавшему в бедствие, могут существенно помочь. И вот здесь, на страховании от бедствия, от нищеты, — на почве этой работы мы и начинаем организовывать крестьян.

*

Затем, наш декрет наделил комитеты сравнительно очень большими правами. Комитеты, по декрету, имеют очень значительные возможности помощи крестьянину. Это в известной степени создает побудительные стимулы для состоятельного крестьянина итти в комитет.

Как мы строим эти комитеты? Наша задача, это — привлекать все крестьянство, имеющее избирательное право, то-есть, иначе говоря, 99 процентов, а во многих местах — 100 процентов крестьянства. Мы не стремимся эти комитеты создавать на почве индивидуального привлечения, — это все-таки в конце-концов общекрестьянские организации,— иначе они могут выработаться в привилегированные группы, одна над другой, а нам нужно захватить основной массив крестьянства. Поэтому наше стремление — привлечь всю массу крестьян.

Теперь я хотел бы остановиться на последнем вопросе: это— о том, как коммунисты должны относиться к комитетам.

Товарищи, моя мысль такова. Я думаю, что коммунисты формально не должны сильно распространять свою опеку над этой организацией. Но по существу в этой организации главные руководящие лица должны быть безусловно коммунисты. Тут, я бы сказал, особенные коммунисты, так сказать, — с альтруистической жилкой коммунисты, которые и до своей партийности любили работать для других, которые увлекаются, так сказать, общественностью.

Я должен сказать, что комитеты взаимопомощи уже выработали, — это можно видеть в письмах, я имел некоторые сообщения через съезд, — они выработали свой круг идеальных людей. Что я хочу этим сказать? Вы понимаете сами, что когда партия у власти, — у нас значительный, огромнейший процент руководящих мест в управлении занят членами этой партии, и соответственно этому психика у них подгоняется к требованиям и запросам управления. На первом плане забота у них не об устройстве отдельного человека, а об общих вопросах общественной жизни и общественного управления. Оттого они и кажутся иногда черствыми и суровыми, — между тем, самый характер их работы отвлекает их от разбора отдельных случаев, требуя сосредоточения внимания на крупных, общих сторонах управления. И только здесь, в этих комитетах, — организациях, как бы обиженных и материально, и сравни-

тельно очень узким кругом деятельности, и тем вниманием, тем малым вниманием, которое на них обращено, — в этих комитетах прививаются только такие коммунисты, которые не приспособились к официальному участию в наших ведомствах или учреждениях; здесь, наоборот, они развертываются, здесь они делаются патриотами своей идеи, глубокими и близкими для каждого общественника; это именно—идеальный тип, здесь этот тип вырабатывается. Одним словом, если так можно выразиться, работать в комитете взаимопомощи, это — итти в народ, упроститься. *(Смех.)* Поэтому наша Коммунистическая партия должна, мне кажется, с сугубой осторожностью, с исключительным вниманием выделять туда работников, и в особенности желательно, чтобы сами крестьяне выбирали наших работников. Ведь это — не такая организация, куда стремятся, как я уже сказал, честолюбивые люди проникнуть, — туда, наоборот, пихать надо. Поэтому надо стремиться, чтобы коммунисты были именно избраны. Если за этими организациями только следить, а отдать целиком практическое руководство не коммунистам, то, я боюсь, они не будут проникнуты той глубокой общественностью, которой коммунизм пронизывает всякую свою работу. Я не политической стороны боюсь, что комитеты взаимопомощи выпадут из наших рук, но я боюсь, что комитеты взамопомощи, которые должны быть зародышем глубокой общественной работы среди крестьян, будут вырождаться и превращаться в случайную благотворительную канитель, теряющую свой резон. Эти причины заставляют меня туда продвигать коммунистов, — именно тех коммунистов, для которых, так сказать, повелительным двигателем поведения являются внутренние, глубокие коммунистические тенденции или переживания. Вот, товарищи, те несколько слов, которые я здесь хотел сказать перед вами.

Заключительное слово.

Я думаю в заключительном слове остановиться лишь на практических вопросах. Комитеты во многом совпадают с целями советов, но разница та, что совет, это—орган власти, поэтому деятельность советов идет как деятельность органов власти.

Возьмем, например, хотя бы борьбу с пьянством. Несомненно, подход и способы борьбы у советов будут другие, чем

у комитетов взаимопомощи. Советы действуют административно, принудительно, в то время как комитет общественной взаимопомощи подходит к борьбе с пьянством по общественно-воспитательной линии. Это значит — бороться с пьянством лекциями, всевозможными культурно-просветительными учреждениями, театрами, одним словом, культурно-пропагандистскими методами.

Теперь о помощи. Формы помощи столь разнообразны, что примерами их исчерпать трудно. Комитеты, скажем, одинаково могут дать первую поддержку и начинающему деревенскому поэту-комсомольцу, и слепой, бездарной старухе. И на эту помощь (например, бедной старухе, от которой ждать возврата уплаты обществу нет основания) нельзя смотреть, как на подачку, в отличие от второго случая, когда мы выдвигаем новую живую силу. Оба случая помощи должны быть проникнуты коммунизмом. Что значит: проникнуты коммунизмом? Это значит—быть проникнутым общим пониманием, что пользующаяся помощью старуха получает помощь не как благотворительность, а как вознаграждение за свой ранее потраченный труд. В комитетах взаимопомощи должно быть вытравлено филантропическое содержание — помощи как нищему. Если мы комитеты сузим до кассы взаимопомощи, до кассы самострахования, то тем самым мы превратим комитеты в организацию отдельных лиц, а, между тем, комитеты взаимопомощи должны будут охватывать в будущем все крестьянство полностью, и крестьяне должны будут находить в них полное обеспечение на будущее, и не только обеспечение строго материальное, но и обеспечение юридическое, общественное и так далее.

Теперь относительно привлечения в комитеты взаимопомощи. Здесь в записке говорят, что если люди состоятельные не пойдут в комитет, а пойдет беднота, тогда у комитетов не будет средств. У нас в декрете есть указание, что если большинство деревни или волости согласилось организовать комитет взаимопомощи, то все остальные крестьяне автоматически становятся членами этого комитета взаимопомощи и должны выполнять те членские обязанности, которые на них падают. У нас в декрете не прошел вопрос об индивидуальном членстве. Мы думали, что если провести индивидуальное членство, то наши комитеты взаимопомощи могут превратиться в комитеты бедноты или же кассы самострахования. Голосование схода, его большинства, об организации комитета взаимопомощи определяет, что все остальные,

даже не желающие итти в комитет, должны будут входить. Значит, в комитеты взаимопомощи входят не индивидуально, а целыми обществами.

Еще раз повторяю: это не есть комитеты бедноты, а это есть комитеты, которые стремятся охватить крестьянство в целом. Во всяком случае, они выбрасывают из своей среды только те элементы, которые лишены у нас по конституции юридических прав. Вообще же завоевание крестьянства комитетами взаимопомощи есть одна из важнейших задач их.

Меня здесь спрашивают: «Судя по вашему докладу, мы должны иногда санкционировать и молебны при открытии комитетов». Что значит санкционировать? Возьмем, например, какую-нибудь деревню. Приехал агитатор в эту деревню, где, предположим, нет ни одного коммуниста. Деревня выбрала организационное бюро. и сказала она этому организационному бюро: начнем с молебна. Что же, вы будете запрещать? Административно будете запрещать? Я—решительно этому противник. Общественно бороться за это, — пожалуйста, надо бороться. Предложите, чтобы этого не было. А еще лучше, если выступит не партиец, не агитатор, а беспартийный.

Если предположить, что у нас в Советском Союзе есть десять тысяч комитетов и что из них один комитет служил молебен, то ведь это—мелочь, это—чепуха: большинство ведь не служат молебнов. Да и потом, если начнут с молебна, а кончат большим общественным делом, это—хорошо, тогда молебен уж не большая такая штука; а если мы начнем с коммунистических лозунгов, а кончим мелко-буржуазной канителью, — практически, канителью, — то это будет уже плохо. Поэтому коммунисты не должны упускать из виду той трибуны, перед которой они выступают.

Можно ли, например, коммунисту венчаться? Конечно, нельзя. Но бывают исключительные случаи. Бывает, когда в деревне живет рядовой крестьянин. Какая же за него порядочная девка пойдет, если он не будет венчаться? Это легко говорить вам, товарищи, в городе, когда через каждые десять дней можно жениться. Гораздо хуже обстоит дело в деревне. Конечно, если парень красивый, то ему—ничего, он может и без венчания обойтись. *(Смех.)* Но, ведь, надо условия знать.

Когда мы судим такого коммуниста, то нужно эти обстоятельства принять во внимание. Конечно, можно говорить, что у коммуниста нет ни дома, ни семьи, ни хозяйства, — у него есть

только Коммунистическая партия. Но ведь это — только слова. Мы должны к каждому вопросу подходить по-марксистки, а подходить по-марксистки — значит подходить по-человечески.

Но если мы подходим так к коммунисту, то как же мы должны подходить к такой деликатной организации, как комитеты взаимопомощи? Не сами организации деликатны, а деликатна та среда, которая по своему существу не коммунистична, а глубоко мелкобуржуазна; поэтому я говорю относительно форм, которых вы найдете очень много в декрете в этом отношении, декрет пробуждает мысль и дает огромное количество форм, но все же я думаю, сколько я форм ни придумал бы, все же жизнь ярче, лучше их приводит. Я придумаю 20 форм, и каждый из нас придумает еще 20 форм, и все же это будет неполно. Я думаю, что, главным образом, не надо упускать из виду то, чтобы эти комитеты не превратились в мелко-буржуазные лавочки, или в собесовские филантропические учреждения. Чтобы вы этого не потеряли из виду.

Теперь еще два слова. Если работа в комитете взаимопомощи у нас будет итти плохо, у вас не хватит, может-быть, молодого терпения, — ведь каждому хочется, чтобы плоды его трудов выявились перед глазами; чем больше человек видит плоды своих трудов, тем больше энергия поднимается; и вот, если при работе комитета взаимопомощи вам будет казаться, что работа слаба, что труд не вознаграждается в том количестве, в каком мы тратим энергию, то, товарищи, вы не забудьте: мы революцию победили при помощи крестьян; если бы у нас не было громадной обработки крестьянства с 17 — 18 гг. и раньше, если бы мы не вложили огромное количество сил по прояснению сознания в нашу армию, то — возможная вещь — мы не победили бы. Вы не забывайте: крестьяне три года боролись на наших фронтах и выделили значительное количество талантливых борцов, — например, Буденного, — и громадное количество ответственных руководителей. Вот это показывает, что кажущаяся незаметной работа среди крестьянства, среди мелко-буржуазного болота, как любят говорить, как-будто не дающая никаких плодов, это — неверно. Если крестьянство слишком велико, а результаты работы микроскопические, то не следует смущаться. Нужно поднять свою микроскопическую работу, проделать ее в одной деревне или в одном комитете взаимопомощи, а для того, чтобы твоя энергия росла, сознавай, что она суммируется, связывается с общей работой. Вы должны помнить, что ваша работа не является отдель-

ной работой, отдельной самостоятельной работой, которая забудется, забросится, зарастет обывательской тиной, — если вы всегда знаете, что она не зарастет, что она — не одна, а суммируется деревня с деревней, уезд с уездом, губерния с губернией, и получается огромная, колоссальная работа, которая измеряется сотнями тысяч крестьянства; если в своей практической работе, товарищи, вы это будете всегда помнить, тогда, товарищи, те небольшие успехи, которые перед вашими глазами, они будут вырастать в огромную махину, достигаемую общим трудом соратников, работающих в других местах, на таком же поприще, как и ты. *(Аплодисменты.)*

О СОВЕТСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.

ДОКЛАД ТРЕТЬЕМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ СССР.

Товарищи, к вопросу я готовился очень основательно, но когда я вчера прочитал набросанную речь, то увидел, что ее нужно бы совершенно иначе сконструировать *(смех, апл.)* и в совершенно иной форме вам представить. Мысли одни и те же, а форма другая. И если вам покажутся неясными или неубедительными те мысли, которые я буду излагать в докладе, то это не значит, что мысли неправильны: это есть неудачная форма их изложения *(смех, апл.)*. Я думаю, что эта ошибка, может-быть, будет поправлена на будущих съездах.

Итак, перехожу к существу самого доклада. Вопрос, подлежащий вашему обсуждению, — о советском строительстве, — служил предметом особенных забот и глубокого внимания центральных законодательных органов Советской власти.

Не вдаваясь в историю возникновения и развития советского строительства, я укажу лишь, что VII, VIII, IX и X съезды советов этот предмет подвергли уже значительной дискуссии.

Но как бы высоко ни ценить работу, проделанную съездами советов с VII по X включительно, все-таки нужно признать, что эта работа носила узко-организационный характер. Это была работа внутри самого советского аппарата: она охватывала лишь отношение одного исполкома к другому, президиума к пленуму, отделов к президиуму и т. п.

Должен оговориться: хотя в нашей практике как-будто очень резко разделяется организационная работа от политической, но это — только кажется, это — только обман внешнего впечатления. По существу же говоря, всякая организационная работа есть вместе с тем и политическая.

Конечно, элемент политики существует и во всех решениях от VII по X съезд, но в них она находится еще в зачаточном, неразвитом состоянии.

В настоящий же момент вопросы советского строительства исключительно пропитаны политическим содержанием. Они имеют своей задачей не только прямо и непосредственно улучшить ту или другую часть советского аппарата. Нет, в настоящее время под формулой «советское строительство» скрываются отношение города к деревне, рабочего класса к советскому государству и отношение Коммунистической партии как к рабочим, так и к крестьянам. Сегодня в советском строительстве каждая принятая нами административная мера, та или другая организационная перестройка содержит в себе глубокое политическое значение.

Как вам известно, Центральный Комитет создал по партийной линии комиссию по советскому строительству. Затем Президиум ЦИК Союза ССР организовал так называемое совещание с местными работниками по советскому строительству, которое имело две сессии: первую — с 5-го по 7-е января и вторую — с 1-го по 3-е апреля. Совещание было исключительно полно представлено местами и, главным образом, низовыми советскими работниками.

На первой сессии совещания обсудили общий доклад по советскому строительству, заслушали ряд докладов с мест и приняли два проекта: о перевыборах советов и об укреплении законности, которые в январе же были декретированы, как законодательные постановления.

Эти две сессии имели огромное значение для выяснения самого вопроса о центральных органах и для поднятия этого вопроса на местах. Я не буду долго останавливаться на этих совещаниях. Их оценка мною была дана на самых этих совещаниях. Скажу только одно, что тов. Сталин, который очень внимательно относился к работе этих совещаний, между прочим, мне сказал, что он не ожидал такой зрелости и организационного опыта, которые были проявлены делегатами этих совещаний с мест. Я должен сказать, что, действительно, вопросы, которые разбирались на этих совещаниях, подвергались удивительно вдумчивому обсуждению и коллективной проработке. Особенность этих совещаний—в том, что в них чувствовалось коллективное творчество, в них чувствовалось, что каждый участник этого совещания являлся не пассивным участником, а творцом: каждый чувствовал, что он вложил в те проекты, которые вырабатывались этим совещанием, свою частицу. Суть тут не в качестве самого про-

М. И. на Обуховском заводе, в Ленинграде.

екта,—ибо можно собрать и тысячу людей, и вряд ли что-нибудь можно выдумать, что более или менее неизвестно, о чем не знают другие, — но важны именно способ и метод проработки вопросов на этом совещании. На это я особенно указывал, и в этом, мне кажется, самая главная польза этих совещаний. Главный вопрос, который был поднят на этих совещаниях, это — вопрос о так называемом низовом советском аппарате. Но, по существу, когда говорят о низовом советском аппарате, не договаривают: называя его так, затемняют основную мысль, что вопрос стоит не о низовом советском аппарате, а о чем-то более значительном,—о б о р г а н и з а ц и и С о в е т с к о й в л а с т и н а м е с т а х.

Организация власти на местах — один из кардинальнейших вопросов советского строительства. Об основных принципах власти, — об этом у нас нет спора. Советская форма, общепризнанная, испытанная на опыте в революционный период, в дни величайшей опасности для революции, — она оказалась на высоте положения. Она дала возможность объединить вокруг советов все, что есть революционного. В период же мирного строительства, когда крестьянство распылено, когда общие задачи выпадают из его перспектив, заменяясь экономическими, правовыми и культурными нуждами, — перед советами встают огромные трудности. Во-первых, какими целями и лозунгами приковать внимание крестьян к советскому строительству, а во-вторых, какими организационными формами закрепить на более или менее длительный период это внимание?

У наших врагов готов ответ: демократия, свобода печати, расширение начал народовластия. Но ведь как бы снисходительно ни относиться к этим—лицемерным в сущности—заявлениям, в каком бы развернутом виде ни мыслить буржуазную демократию,—в конечном счете у них принимает участие в управлении небольшое меньшинство, в конечном счете основная масса населения при буржуазной демократии абсолютно оторвана от управления и в очень малой степени свое положение связывает с существующим строем.

Буржуазная демократия, когда-либо существовавшая, — для нас, для Советской республики, — пройденная ступень.

Количество рабочих и крестьян, уже участвующих в управлении, влияющих на политику, активно принимающих участие в строительстве советского государства, конечно, далеко оставило за флагом всякие, как я уже сказал, демократии. Ведь в этом же и состоит сила советского строя.

У нас уже стоит более сложная задача, чем формальная демократия, а именно: спаять существующим строем всю — как рабочую, так и крестьянскую — массу в их повседневной работе и быту, чтобы как рабочий, так и крестьянин были органически слиты с существующей системой.

Как самый благочестивый католик молится, вставая и ложась, глубоко верит в своего бога и значительную часть жизни и даже свою судьбу после смерти связывает с религией, так и нам нужно привязать к советам рабочего и крестьянина, ибо сила Советской власти заключается именно в рабочем и крестьянине.

Демократизм Советского Союза имеет своеобразные формы. В данный момент мы стремимся его растить в наиболее полном его проявлении. В самом деле, партия направляет исключительную энергию на развитие политического сознания масс, общественной инициативы, стремится привлечь самые широкие рабочие, крестьянские и городские массы в органы управления, эти органы отдать под широкий общественный контроль. Можно смело сказать: ничего аналогичного вы не встретите ни в одном государстве. И вместе с тем у нас диктатура рабочего класса осуществляется через Коммунистическую партию. В данной исторической эпохе пролетарской революции демократия,—если говорить о ней без лицемерия, без демагогического обмана масс,— может развиваться только в пределах пролетарской диктатуры.

Сама диктатура пролетариата опирается на широкую демократию трудовых масс, в ней она увеличивает свою мощь до пределов, позволяющих ей так успешно сопротивляться капиталистическому строю.

В капиталистических странах развитие общественности идет стихийным путем по линии классовых соотношений. Каждый класс стремится выравнять политику по интересам собственного класса. В Советском Союзе власть взял рабочий класс. Но политика, соответствующая интересам этого класса в целом, совпадает с интересами большинства населения.

Преимущество рабочего класса, преимущество диктатуры пролетариата перед всеми диктатурами — в том, что она обеспечивает основные интересы большинства населения от покушающегося на эти интересы меньшинства. Руководство рабочего класса крестьянством есть оберегание крестьянского большинства, имеющего постоянную тенденцию к потере собственных прав отдачей их буржуазному меньшинству, перед лицом которого крестьянство непобедимо только при условии союза с пролетариатом.

Из существа советской системы, из понимания советской демократии неизбежно вытекают и методы, которыми должна разрешаться проблема советского строительства сегодняшнего дня; разрешение этого вопроса должно производиться на базе основных начал Советской власти, на базе укрепления диктатуры пролетариата; новые же организационные формы советского строительства должны заключаться, с одной стороны, в развитии самодеятельности широких масс населения—рабочих и крестьян,— в вовлечении их в советскую работу и, во-вторых, в улучшении и развитии самой системы советов.

«Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности», — сказал тов. Ленин в ответ на запрос левых эс-эров. «Нельзя же при помощи партийных организаций победить старыми бюрократическими приемами безграмотность», — говорил т. Ленин на московской губпартконференции в 1920 году. «Каким же иным способом можно прекратить бюрократизм, — продолжал он, — как не привлечением рабочих и крестьян?».

Следует помнить, что предпринимаемые меры по улучшению работы советов могут дать свои результаты лишь при условии самодеятельности и активной работы в органах Советской власти самих трудящихся. Улучшение же работы советов должно итти по линии исправления тех недочетов, которые обнаружились на практике, на которые указывают места — рабочие и крестьяне.

Перехожу к существу повестки дня по советскому строительству и предлагаемого вниманию съезда проекта резолюции по этому вопросу.

В первом пункте своем резолюция говорит о необходимости улучшения работы советов. После бурного революционного периода наши советы до известной степени оторвались от масс. Конечно, товарищи, мы, как и всегда, каждое положение любим особенно обострять. Когда я говорю, что оторвались, то это надо понимать в нашем смысле слова. Мы понимаем это так, что они имеют тенденцию к отрыву, в то время как у нас все стремления — еще больше их связать.

В резолюции мы указываем, что продолжающееся развитие производительных сил требует параллельного усиления хозяйственно-культурной работы советов, что эта работа сейчас делается ударной, и советы должны овладеть и руководить ею. Эту очередную, имеющую исключительное значение задачу со-

*

веты могут выполнить, лишь привлекая к советской работе широкие слои трудящихся.

По целому ряду условий в советах наблюдается ряд нежелательных, вредных сторон. И, прежде всего, — недостаточно широкое вовлечение трудящихся, в особенности женщин и в особенности в наших автономных республиках, областях и на окраинах Союза. Замечается умаление роли советов, как органов подлинной народной власти, подмена их персонально председателями исполкомов, в то время как деятельность советов всегда должна носить коллективную форму.

Низведение советов до роли учреждения, регистрирующего готовые решения, является наиболее опасным и вредным явлением, отталкивающим массы от советов и тем самым уничтожающим настоящую ценность советской формы власти; до сих пор наблюдаются административный произвол, нарушение или игнорирование общереспубликанских законов в целях «местной целесообразности», пренебрежительное отношение к просителю, буржуазная отписка, волокита и т. д.

Отмечая эти явления, резолюция вместе с тем указывает, что Советская власть систематически борется с этими болезненными явлениями, но эта борьба должна быть усилена. В этом же разделе предлагается съезду одобрить постановление совещания по советскому строительству.

Второй пункт резолюции говорит о выборах в советы. Несомненно, в последнюю избирательную кампанию мы сделали значительный шаг вперед,—я имею в виду не только значительное увеличение процента участвующих лиц на перевыборах, но и, главным образом, изменение формы выборов. В последние годы выборы во многих местах утеряли характер политической борьбы. Ячейки партии, комсомол, исполкомы проводили кандидатов не идейным завоеванием большинства голосов, а теми или другими механическими манипуляциями, — возьмите для примера,—хотя бы искусственной затяжкой собрания, исключением из списка избирателей неугодных лиц под видом кулаков и т. п. Все это привело к отрыву масс от советов, к абсентеизму в избирательных кампаниях, к усвоению рядовым крестьянством мысли, что, какое бы горячее участие он ни принял в выборах, все равно, — коммунисты или комсомол проведут своих.

Вы знаете, что в настоящем году был целый ряд кассаций выборов. Там, где в выборах участвовал небольшой процент населения, были назначены перевыборы. Здесь мы должны еще

проделать огромную работу по воспитанию рабоче-крестьянских масс и по воспитанию руководителей общественно-политической жизнью на местах. Выборы являются, пожалуй, самым главным фактором воспитания в нашей политической жизни, когда мы можем приковать внимание самых широких рабоче-крестьянских масс к советской государственности.

Вы сами знаете, — отечество наше огромно: в Советском Союзе целые миллионы крестьян распылены на огромных расстояниях и по самым медвежьим, непроходимым местам Советского Союза. Несомненно, сама крестьянская работа, отдаленность от центра, повседневный тяжелый труд, плохое материальное обеспечение и некультурность — заставляют широкие круги рабочих и крестьян забывать о государственности и целиком замыкаться в свою работу. И вот период выборов является тем моментом, когда перед нами стоит задача вскрывать скорлупу домашнего быта, вытягивать из этой скорлупы крестьянина, крестьянку, рабочего-железнодорожника, заброшенного на глухой станции, и приобщить их к общей государственности.

В советском государстве, которое мы строим, в советском государстве, которое подвержено всяким опасностям, мы не можем себе позволить той вольности, чтобы рабочий и крестьянин замыкались и не интересовались государственностью. Недаром и партия, и сама Советская власть употребляют огромные, нечеловеческие усилия для привлечения рабочих и крестьян к органам власти. Поэтому я и говорю: несомненно, период выборов является тем моментом, когда мы должны приковать внимание; этот момент — такой же, как для христианина — христов день: он забывает все домашние дела и общается с религией. Так для нас должен быть праздник, когда рабочие и крестьяне забывают все домашние дела и посвящают себя целиком общественности.

Но для того, чтобы посвятить себя целиком общественности, надо, чтобы крестьянин чувствовал, что это — день праздника, что он творит, что он участвует в процессе выборов, что он влияет на ту или другую сторону дела. И когда вы учтете это, вам будет понятен целый ряд мер, предлагаемых в резолюции о проведении выборной кампании, где была бы полная гарантия всем трудящимся, участвующим в выборах, от каких-либо произвольных распоряжений, неправильного лишения их избирательных прав и прочее.

Надо сказать, что у нас в целом ряде мест есть случаи, когда товарищи, которые хотят провести тот или другой спи-

сок, вместо того, чтобы выступить с открытым забралом, — ибо что может быть благороднее тех целей, к которым стремится Советская власть? — не делают этого. Если иногда мы и ошибаемся, если в наших рядах имеется тот или другой злонамеренный или эгоистический элемент, то это — только отдельные единицы, а ведь в целом-то у нас единственные во всем мире цели, цели благородные — добиться освобождения рабочих и крестьян от старого рабства и кабалы. Какова бы ни была критика, которую встретит избирательный список, эта критика может быть направлена только против отдельных людей: она не может быть направлена против нашей программы и не может быть направлена против наших целей. И поэтому надо завоевывать голоса не различными манипуляциями, как затяжка собрания или отвод под флагом кулака того или другого неугодного кандидата и прочее, а надо вести кампанию борьбы за свои идеалы, за свои принципы.

И вот резолюция во 2-м пункте о выборах, указывая целый ряд недостатков, вместе с тем указывает и те пути, по которым должны итти как наши местные органы власти, так и все те общественные работники, которые работают на местах. Для того, чтобы поднять авторитет советов, сделать советы органами чаяний и надежд рабочего класса и крестьянства, для того, чтобы их полностью сроднить, выборная кампания должна быть проведена со всем искусством, на которое способна наша партия. Там должны быть выявлены идеалы нашей партии, там должно быть скрещено оружие против тех элементов, которые по своему незнанию и недоверию к тем целям, к которым мы стремимся, иногда выступают против нас. Мы должны завоевать их не какими-нибудь манипуляциями, а мы должны выставить им преимущество тех целей, к которым мы стремимся, и преимущество той программы, которую мы выдвигаем.

Третья часть резолюции говорит о вовлечении в управление широких рабочих масс. Если мы проведем выборную кампанию по всем правилам искусства (а это значит — привлечем максимальное количество рабочих и крестьян, это значит, что мы дадим почувствовать каждому рабочему и крестьянину, что он является полноправным гражданином советских республик, что он выбирает органы власти, что эти органы власти подконтрольны и подотчетны ему), если мы все это проведем, для нас этого еще недостаточно: это — только первая ступень общения широких рабоче-крестьянских масс с советами.

Следующая ступень, это — вовлечение отдельных выдвигающихся даровитых лиц и целых категорий лиц в работу советов. Если в буржуазных республиках после выборов все кончается, после выборов никакой демократии нет, а действует бюрократический аппарат, то у нас выборы есть только первая ступень, и после выборов идет дальнейшее внедрение советского строя, советских принципов в рабоче-крестьянские массы. В чем состоит это внедрение? Во втягивании рабоче-крестьянских масс, не только партийных, но и беспартийных, в советский аппарат.

Мне хотелось бы далее обратить ваше внимание на столь, с внешней стороны, безобидное явление, как систематическое стремление мест увеличивать число своих делегатов на съезд свыше полагающейся губернии нормы; непрерывное увеличение числа членов исполкомов, ЦИК'ов, исходящее не из интересов деятельности этих органов, но идущее навстречу удовлетворению претензий соответствующих учреждений, тех или других общественных и профессиональных групп, — одним словом, из частных, привходящих нужд момента.

Такие явления лучше всего иллюстрируют, что в глубокие толщи, в советскую и партийную общественность еще слабо проникло сознание исключительной важности выборов в советы, не проникло сознание, что моменты выборов—это есть моменты, когда наиболее ярко должна проявляться пролетарская демократия. Диктатура пролетариата нуждается в поддержке широких и не только чисто-пролетарских трудовых масс, а такая поддержка может быть оказана полностью лишь тогда, когда массы почувствуют себя участниками советского строительства, когда почувствуют, что власть, между прочим, получила полномочия и от них.

Пунктуальное соблюдение конституционных выборных форм, максимальное привлечение к выборам населения, понимание партией и рабочим классом, что выборы являются на данной ступени нашего развития почти самой серьезной политической кампанией по сближению рабочего класса с крестьянством, сделают свое дело, и каждая выборная кампания будет поднимать все новые пласты населения и втягивать в строительство советского государства.

Третий пункт резолюции указывает пути и способы вовлечения рабоче-крестьянских масс в органы управления Советской власти. Я уже сказал, что успокоиться только на хорошо проведенной выборной кампании нельзя. В капиталистических стра-

нах цель выборной кампании—надуть широкие народные массы, провести своих ставленников в парламент. С окончанием выборов оканчиваются и рекламируемые обещания партии до новых выборов. Выборы в буржуазных странах — один из способов обмана народа, один из способов удалить подальше от власти народ. Советская власть сама является продуктом деятельности народных масс, ее сила и будущее заключается в мощи рабочих и крестьян, в их политической зрелости. Вполне естественно, что выборную кампанию она стремится закрепить, вылавливая наиболее даровитых крестьян, рабочих и деревенскую интеллигенцию в органы советов.

Привлечением в органы управления выдвиженцев из масс мы, во-первых, приближаем эти органы к массам; в особенности это касается беспартийных. У людей, только-что пришедших из деревни, фабрики, еще свежи впечатления деревни, впечатления фабрики; у них еще сильны нити, связывающие их с выдвинувшими их на поверхность массами. Во-вторых, они являются новой, не надорванной рабочей силой, не зараженной известной рутиной и канцелярскими навыками. Находясь под свежим впечатлением влияния масс, вполне естественно, что у них наиболее сильно желание принести своей работой наибольшую пользу народу. И, наконец, мы таким путем сближаем советские органы с массами, ставим их как бы под большее воздействие масс. Конечно, здесь есть много неудобств, — новые пришельцы иногда слабо оценивают предшествующую работу, не понимают вполне ценности налаженного аппарата,—но все эти неудобные для практической очередной работы стороны сторицей покрываются вышеприведенными плюсами.

Указанный пункт резолюции дает целый ряд практических указа́ний по развитию связи советов как непосредственно с населением, так и с общественными организациями. Я пропускаю их в надежде, что на них более детально остановятся товарищи, которые будут выступать, принимавшие очень деятельное участие в разработке вопросов советского строительства.

Четвертый пункт резолюции говорит о проведении твердой революционной законности. Печать этому вопросу уделяла в прошлом, уделяет и сейчас значительное внимание. В совещании по советскому строительству он подвергся основательному обсуждению, в результате которого был принят проект об укреплении революционной законности. Несмотря на столь основатель-

ную предварительную разработку данного вопроса и уже проведение его в известной степени в жизнь, мы все-таки считаем необходимым и своевременным, чтобы именно по этому пункту сказал свое властное и высокое слово всесоюзный съезд.

Если для сознания и слуха делегатов съезда эти мысли и директивы не новы, то для жизни они еще полны значения. Укрепление революционной законности потребует очень больших усилий советских, партийных, общественных организаций, содействия широких слоев населения Союза (на что и указывает резолюция) и, вероятно, очень значительного времени, измеряемого, во всяком случае, годами. Внедрение законности означает поднятие культурного уровня масс, ибо лишь культурные рабочие и крестьяне будут настойчиво добиваться восстановления своих прав, неграмотный же бедняк слишком занят необходимостью заработать себе пропитание тяжелым, необеспеченным трудом,— ему не до восстановления прав.

Укрепление законности повышает культурность населения, его правосознание. Многие думают законность утвердить циркулярами, строгими административными мерами и т. д. Я не отрицаю известного значения таких мер, но было бы наивно думать, что только ими можно ее восстановить. Достаточно вспомнить, что в нашей стране в прошлом законность никогда не занимала почетного места. Существовало полное бесправие масс, безнаказанность дворянства, а потом и капиталистов вообще, общепризнанное взяточничество чиновников и полный административный произвол местной власти над податным населением. И так ведь продолжалось не года, не десятки, а сотни лет. На такой почве хищничества сильных при полном бесправии слабых создалось и росло правосознание народа. Само собой понятно, что у нас никаких корней уважения к праву и к закону в народе не было и не могло быть. Закон был законом, а жизнь шла у нас своим путем.

Было бы слишком самонадеянно и неправильно, если бы мы думали, что за годы революции мы далеко ушли в этом отношении от дореволюционного периода. Конечно, у нас очень выросло чувство самодостоинства в массах. Рабочий, крестьянин, городской обыватель сейчас куда более ревнивей, чем это было до революции, к нарушению его прав. Это — бесспорное, положительное завоевание революции. Но параллельно с этим война и гражданская борьба создали громадный кадр людей, у которых единственным законом является целесообразное распоряжение

властью. Управлять — для них значит распоряжаться вполне самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона.

Из каких бы предпосылок ни исходить, но больше государство не может управляться на основании доверия масс к тем или другим лицам. Что качество руководителя имеет громадное значение, в этом нет сомнения, это само собой очевидно. Но при всех прочих равных условиях наиболее нетерпимым управлением является управление по усмотрению, управление, переданное в личное распоряжение, как бы ни была мала эта власть в данном лице.

Вот почему, между прочим, в этом пункте резолюции говорится об ограничении административной власти. Административное распоряжение основывается в значительной степени на личных качествах администратора. Примерно, если сам администратор любит ездить быстро, то он будет более терпимо относиться к нарушению правил езды; если он—противник алкоголя, от него последуют наиболее жестокие кары против нарушителей правил распития опьяняющих напитков и т. п.

Сущность зла—в праве администратора, не в злоупотреблении только людей этой властью, а в том, что такая власть, по вполне понятным причинам, приобретает черты самого администратора, что, разумеется, не может соответствовать или совпадать с настроением большинства жителей данной местности. Потому-то административная власть и дается в значительных размерах лишь при обстоятельствах чрезвычайных, где должно проявиться максимальное единство воли, например, — в военное время командующий наделяется исключительными полномочиями.

Управление на основании свода законов при всех других равных условиях должно дать наиболее благоприятные результаты.

Главные возражения против этого: во-первых, что основная масса населения совершенно не имеет понятия о существующих законах, и, во-вторых, сложность жизни и уменье преступного элемента так обходить статьи закона, что судьи не в силах применить необходимую кару за преступление.

Безусловно, эти возражения в значительной степени верны. Но и при этих условиях я все-таки стою за минимальное применение административного права,—только в исключительных условиях и только на определяемое вперед время. Кара, нало-

женная судом, теряет личный характер; подвергшийся этой каре, хотя бы и не знал до суда статьи закона, все же эту кару воспринимает, как возмездие за нарушение общепризнанного закона, зная, что его карает не судья, не то или другое административное лицо, а безличный закон, за которым стоит все советское общество. Как бы подсудимый ни был отрицательно настроен к закону, к суду, у него все же остается сознание, что он является сам виновником постигшей его кары.

Не могу также обойти молчанием указания в резолюции об ограничении конфискации имущества по суду, продажи имущества за неуплату налога и т. д. Смотрите в резолюции. Это предложение имеет огромное принципиальное значение. На основании виновности подсудимого конфискуют все его имущество, а, между тем, очень часто остается у него семья, состоящая из жены и детей. Закон карает только виновника, тогда как тяжесть репрессии всей силой обрушивается и на его семью, совершенно неповинную в преступлениях виновника. Наши революционные законы, вообще говоря, суровы; им же соответствуют и суровые органы. А все это соответствует настоящему жестокому времени борьбы нового мира за право на свое существование и развитие.

Но я думаю, что наступает полоса, когда в области суда мы должны внести некоторые смягчения. Степень наказания не может стоять на одном месте. Она развивается параллельно развитию данной государственности. Государство заинтересовано не только в возмездии нарушителю закона, а и в уменьшении караемых нарушений, в исправлении виновников, и, наконец, оно, карая виновника, стремится максимально предохранить от этой кары невинных.

И вот, предполагаемое ограничение конфискации имущества по суду и есть первая попытка предохранить невиновных членов семьи от тяжести конфискации, что безусловно выгодно и государству, ибо оно предохраняет от полного разорения, от превращения в нищих—семьи подсудимых.

Я должен еще сказать несколько слов по отношению к суду. Если я говорил о выдвижении в совет, то то же нужно сказать и относительно суда. Суд, это—один из могучих факторов культурного и политического воспитания. Я думаю, что в значительной степени крепость буржуазного общества обоснована и на том авторитете суда, который буржуазный, классовый, безусловно

антирабочий суд сумел внушить рабочему классу, несмотря на свою классовую сущность. Он внушил это благодаря умелому проведению своей судебной политики.

Товарищи, в наших руках судебная политика, — это есть могучий фактор проведения культуры, законности, гражданского самосознания среди граждан Советской Республики. Это есть один из могучих рычагов строительства советского государства, и мне хотелось бы указать, что и в этой области нужно выдвигать вновь нарастающие талантливые элементы как среди партийных, так и в особенности среди непартийных, ибо суд не должен стоять застывши на одном месте, а также должен расти вместе со всем обществом, и в нем должно выявляться то новое правотворчество, советское правотворчество, пролетарское, которое вырастает среди рабочего и крестьянского класса. Решение суда, каждое решение суда, товарищи, с внешней стороны, может-быть, лишенное большого значения, имеет, однако, глубокий политический характер. И чем больше решение суда соответствует сознанию крестьян и рабочих, чем оно больше совпадает с сознанием масс и взглядом рабочих и крестьян на степень наказания, т.-е. что вот за это преступление виновный должен потерпеть такое-то возмездие,—если это решение совпадает с мнением рабочих и крестьян, то в этом и состоит душа и сила суда. Задача суда—никогда не отрываться от масс, а всегда итти с массами и в соответствии с массами, разумеется, изменять соответствующие кодексы, соответствующие статьи законов.

Пятая часть резолюции говорит о защите национальных меньшинств. Конечно, наша национальная политика, в общем и целом, есть самая справедливая и верная политика, которая объединяет все нации. Но к нам все-таки поступают нарекания со стороны национальных меньшинств, говорящие о случаях притеснений, нажимов, о некотором невнимании к интересам национальных меньшинств.

У меня целый ряд этих фактов в портфеле. Я их не оглашаю только потому, что если я оглашу данные, касающиеся пары республик, то все подумают, что только в этой паре республик есть невнимательное отношение к национальным меньшинствам. Я должен сказать, что этим страдают все республики в Советском Союзе, начиная с РСФСР и кончая самыми маленькими.

Наша резолюция дает только принципиальное указание на необходимость устранения недочетов. Но я думаю, что товарищи на местах учтут это; они поймут, что мы должны беречь не

только те народности, которые по своей численности уже являются республиками, — а у нас есть республики, которые насчитывают у себя не более 200 тысяч жителей, — значит, вы видите, более или менее у нас гарантированы все народности.

Но все-таки в каждой республике у нас есть и свои национальные меньшинства. Достаточно вам привести такой пример: в РСФСР, вероятно, есть от 3 до 5 миллионов украинцев; в Украине, вероятно, есть от 3 до 5 миллионов русских. Вы видите, как перемешано, как перетасовано наше население. И беречь, относиться чутко к меньшинству, находящемуся в республике, — это все равно как, представьте, вот у родной матери есть родная дочь и есть падчерица. Очень мало матерей, очень мало таких, которые умеют так поставить, что падчерица не замечает разницы. Это—очень трудная вещь. У нас около 30 матерей, у всех этих матерей есть огромное количество падчериц, а в том числе и у РСФСР. Я бы хотел, чтобы съезд советов указал, что падчериц у нас нет. Это есть родные дочери, имеющие все права на любовь матерей. *(Аплодисменты.)*

Я хотел бы еще остановиться на последнем абзаце резолюции, на вопросе о критике. Сущностью нашего строя и его необходимой принадлежностью является, конечно, право критики. Надо сказать (я говорю не о буржуазной критике, а о нашей), что в этой области у нас сделано очень мало. У нас все — за полную критику, но чтобы эта критика... не касалась его. Если мы сейчас вот здесь голоснем, то все голоснут за то, чтобы была полная критика, а если эта критика коснется каждого деятеля или учреждения, то они всегда встают на дыбы; а, между прочим, критика нам необходима, и не только в вопросах государственного управления, а и управления каждым учреждением. Ведь, в самом деле, глава каждого учреждения руководит им в целом, а на каждую деталь уделяет только такую часть внимания, сколько у него деталей. Если у него сто деталей, то на каждую деталь — одну сотую внимания. А что большей частью критикует критик? Он критикует только одну сторону. У критика внимание обострено на каком-нибудь одном явлении этого учреждения, на одной ненормальности; и когда критик показывает ненормальности, он этим самым заставляет обратить внимание руководителя учреждения, он обостряет на этом внимание самого руководителя учреждения.

Но у нас очень часто критику смешивают с критиканством. Конечно, не о буржуазной критике я говорю. Мы всегда найдем способ бороться с буржуазной критикой. Буржуазная критика преследует цели дискредитации советского строя. Как бы ни была умеренна по форме буржуазная критика, сущность этой критики заключается в том, чтобы посеять недоверие, в том, чтобы дискредитировать, в том, чтобы вселить полную безнадежность в советский строй. Вот в чем сущность буржуазной критики. Наша же внутренняя, собственная критика основана на желании улучшить учреждение. Но вместе с тем часто бывает критиканство: это — когда один хочет подсидеть другого, когда человек критикует, хочет другого дискредитировать и завоевать его место. Затем очень часто критикуют неосновательно. Но, несмотря на все те отрицательные стороны, которые я вам привел, все-таки, безусловно, критика является необходимой. Она обостряет внимание на больные места, она сигнализирует руководителю о том, куда он обращал до тех пор особенно мало внимания. Поэтому у нас введен абзац, где говорится о том, чтобы крестьяне и рабочие не только принимали участие в выборах в советы, чтобы они не только выдвигались после выборов в советы, но чтобы они никогда не упускали из своего взора работы соответствующих учреждений сверху донизу, чтобы они своим критическим подходом способствовали улучшению как советского, так и всех других аппаратов.

Товарищи, в заключение я хочу кратко формулировать все основное, что предлагает наша резолюция. Наша задача в области советского строительства — улучшить советы через непосредственную творческую работу их. Во-первых, добиваться этого правильными выборами в советы; во-вторых, через укрепление революционной законности; в-третьих, через самое активное участие рабочих и крестьян как в советской работе непосредственно, так и в надзоре за работой советов.

Этот вопрос в данный момент является одним из актуальнейших вопросов политики. Успех тех мероприятий, которые мы предлагаем в своей резолюции, будет во многом зависеть от того, насколько вы внимательно отнесетесь к этим предложениям и насколько глубоко вы их проведете на местах в жизнь. *(Аплодисменты.)*

Заключительное слово.

Товарищи, мое положение очень трудное: никто не выступал с критикой доклада. Это бывает хорошо, но не всегда. Иногда бывает, что с критикой не выступают, а положений в жизнь не проводят. Мне бы хотелось, чтобы те положения, которые будут выработаны съездом, были активно проведены в жизнь.

Вопрос стоит не только о том или другом законопроекте: вопрос именно стоит о переломе, о политическом переломе состояния рабочих, крестьян и ответственных советских работников.

Я хотел бы указать, что товарищи-украинцы, выступавшие против тов. Ларина, [1] по существу говоря, благодаря своему выступлению, создали такое впечатление, как-будто те случаи, которые были рассказаны, имели место только в одной Украине.

Я в своем докладе сказал, что я не оглашаю фактов, потому что для равноправия я должен был бы огласить такие факты по всем республикам. Тов. Ларин не был стеснен этим равенством и огласил факты только по двум республикам, самым большим: по РСФСР и по Украине. Но когда он говорил о РСФСР, он говорил о губерниях, поэтому получилось такое впечатление, как-будто все прегрешения происходят только на Украине. Но, мне кажется, когда выступали тт. Буценко и Гринько, они перегнули палку в другую сторону: они считали, что большой опасности с этой стороны нет, и считали себя правыми.

Это мне кажется неправильным. Несомненно, в общем и целом, в Союзе наблюдается ряд таких явлений,—иначе у нас и не было бы соответствующего пункта в резолюции. Это — явление общее, а не только украинское. Поэтому очень хорошо, что тов. Ларин огласил ряд таких фактов. Самое лучшее оживление советов и самая лучшая критика—это есть критика действительными, неопровержимыми фактами, а критика фактами наиболее оживляет советы.

Поэтому, я считаю, тот пример, который был приведен здесь, должен будет служить примером для всех наших съездов и для других советских органов.

Мне подали ряд записок, но записки эти не носят принципиального характера.

---

[1] Тов. Ларин привел в своей речи ряд примеров недопустимого пренебрежения к интересам национальных меньшинств в некоторых республиках. — *Ред.*

Наибольшее количество записок касается необходимости увеличения оплаты работников сельских советов. Напор в этой области очень большой.

Когда у нас происходило районирование, то, между прочим, одним из мотивов районирования было удешевление советского аппарата. Теперь, когда районирование произошло, мы первой низовой платной ячейкой делаем не район, как было прежде, а сельсовет, в котором приблизительно около 3 — 10 тысяч человек; значит, по существу говоря, если в сельсовете мы будем иметь платными двух-трех, а может-быть и четырех человек, то этим самым мы вводим старую волость, но в более уменьшенном масштабе, и количество служилого элемента в деревне увеличиваем до громадных размеров, и содержание низового аппарата, безусловно, будет нам стоить гораздо дороже, чем стоило до районирования. Поэтому особенно увлекаться повышением платности аппарата сельских советов и увеличением самого аппарата сельсоветов, я думаю, не нужно, иначе это ляжет огромной расходной суммой на рабочие и крестьянские массы и на государственный бюджет.

Поэтому я думаю, что к вопросу о введении платности в сельсоветах надо подходить очень осторожно. Во всяком случае, наши крестьяне привыкли свою местную низовую власть содержать на свои средства.

Если мы твердо, в административном порядке, закрепим положение совета, как определенного органа, с определенными штатами, то этим самым, несомненно, этот орган не будет столь демократичным, каким он был до сих пор. Самым демократичным органом в нашей деревне является сельсовет.

У нас в настоящий момент в большинстве случаев решающей инстанцией является даже не сельсовет, а сельский сход. Но к замене сельского схода советом нужно подходить весьма осторожно. Во всяком случае, нужно очень основательно продумать эту мысль, прежде чем приступить к разрушению сходов.

Вот, в сущности говоря, то небольшое количество замечаний, которые я нашел необходимым сделать. Все остальные товарищи только до известной степени дополняли или разъясняли мой доклад. Никаких возражений, как я уже сказал в начале, я не встретил, и в заключение должен сказать, что было бы очень желательным, если бы места столь же солидарно, как настоящий съезд, вынесенную нами резолюцию проводили в жизнь.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ СУДЬЯ И КАК ОН ДОЛЖЕН КАРАТЬ. [1]

В настоящий момент перед нами стоит задача, чтобы с новым советским правом сжились широкие крестьянские массы. В этой области, мне кажется, мы сравнительно слабы, в том смысле, что когда мы изучаем наш закон, мы слабо прислушиваемся к голосу практической жизни.

Весьма характерной чертой является вынесение приговора, и мне кажется, что в массе своей мы выносим приговор сугубо суровый. Судьи, обвиняя крестьянина за самогон или рабочего за воровство или какое-нибудь другое преступление, решают этот вопрос, не входя по существу в оценку того, как крестьянские массы относятся к этому вопросу, как рабочие реагируют на это преступление. А ведь право творится на основании того самосознания, которое создается обществом. Поэтому, вынося тот или иной приговор, если вы хотите, чтобы этот приговор произвел впечатление, чтобы этот приговор произвел решительное политическое действие, — он не должен резко расходиться с мнением крестьянских масс на это преступление. Если ваш приговор совершенно разойдется с мнением крестьянских масс на это преступление, то мы не получим того политического результата, для которого существует наша юстиция. Поэтому, мне кажется, что основной вопрос, который было бы желательно проработать на съезде, — кроме формального выполнения статей закона, — вопрос о том, как эти формальные статьи закона наполнить необходимым содержанием.

Если судья будет держаться строго-формально статей закона, то это будет не судья, а нечто в роде еврейского талмудиста-ученого, т.-е. если внешне то или иное преступление подходит

[1] Речь тов. Калинина на 5-м всероссийском съезде деятелей советской юстиции 10 марта 1924 г.

под статью закона, то уже по этому одному считать совершившего преступление виновным. Недавно был такой случай: по приговору уездного суда было подано прошение об амнистии одного человека, который был приговорен на год. Я задал вопрос: если вы уверены в том, что он был невиновен, зачем вы его осудили? Мне ответили, что «по такой-то статье закона мы не могли его оправдать». Я считаю это глубокой ошибкой нашего суда или, вернее, наших судей, ибо я думаю, что наши судьи по существу должны быть не только «талмудистами», не только слепыми исполнителями закона, но и творцами закона, т.-е. на основании целого ряда решений вырабатывать новые судебные формы. Если они будут строго проводить статьи закона, не входя в существо каждого вопроса, тогда отпадает судебное творчество, как творчество. Возникает вопрос: нужно ли судебное творчество? Мне кажется, несомненно, нужно.

Второй вопрос, на котором я хотел бы остановиться, это — вопрос об отношении наших судей к приговору. Я останавливаюсь на этом вопросе потому, что очень часто по тому или иному приговору мною производится амнистирование приговоренного. И вот судья говорит, что такое амнистирование является дискредитированием суда. Мне кажется, что это — грубая ошибка, ибо суд в Советской Республике не может быть карательным органом. Суд в Советской Республике, вынося карательный приговор, выносит его не только для покарания виновного, но выносит его с воспитательной целью, — с целью предохранения других от возможного преступления. Каждым своим приговором судья стремится содействовать воспитанию при вынесении приговора. Вероятно, в будущем у нас совсем не будет карательного института, а будет только просто осуждение, которое, может-быть, будет самой величайшей карой. В конце-концов, мы к этому идем. Но в настоящий момент, я говорю, судьи, поскольку они судят, сейчас их желание в этом деле — только покарать. И вот судья, когда он выносит этот приговор, он не должен думать, что он является только карателем, но он должен думать, что он является и воспитателем, который каждым своим решением перевоспитывает наше общество.

А это, товарищи, совершенно другая задача. Я скажу, что судья — более, чем следователь и прокуратура, которые изыскивают все мотивы и доказательства преступления, которое совершено, — не может на основании только этих данных и доказательств прокуратуры решать вопрос: он должен выслушать

и адвоката, и, после того как он всех выслушает, у него должна быть свободная мысль, не скованная одним лишь формальным соответствием текста статьи с рассматриваемым делом.

Он не должен говорить, что если этот человек виновен, то я его покараю, а он должен сказать так, что я должен вынести ему такой приговор, который дал бы максимальный результат от этого приговора.

Я говорю, конечно, о советской юстиции. И если этот результат получается от мягкого приговора, то мы выносим мягкий приговор; если же он получается от жесткого приговора, мы выносим жесткий приговор. Одним словом, вынесение каждого приговора есть большая политическая работа. Грубо говоря, при вынесении каждого приговора мы должны оценивать текущий юридический момент и на основе этого выносить тот или иной приговор. Из этого, товарищи, видно, что самый суд, если он хочет быть судом советским, — так, как я мыслю, а я, само собой разумеется, мыслю не как юрист, а как политик,— то, мне кажется, что если он хочет быть судом советским, то он должен каждым приговором двигать вперед общество, делать его более культурным, воспитывать в более советском духе.

Если вы обратите внимание на все это, то вы увидите, что задача, стоящая перед судьями, она с укреплением советской власти все более и более усложняется: с одной стороны, она требует от нас дальнейшего углубления советской юстиции, требует таких, так сказать, общих норм и улучшения формулировки этих норм, а с другой стороны — она требует и более глубокого в настоящий момент подхода к решению каждого частного вопроса в воспитательном значении. И из этих частных вопросов в конечном счете создается действительное творчество нового советского права.

Если так можно выразиться, чем сильнее низовое творчество,— именно творчество, я подчеркиваю это слово, — чем сильнее будет в низах судебное творчество, тем плодотворнее будет и большая теоретическая работа на вершинах, так сказать, юридической науки.

Вот эти несколько мыслей я и хотел здесь бросить перед вами в надежде, что, разъехавшись на места и продумавши их, вы найдете возможность использовать их в общей вашей практической, повседневной работе.

О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ БАНКЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИИ. [1]

Я считаю, что созданием Центрального сельскохозяйственного банка мы делаем одно из больших дел.

Трудно говорить о коммунизме, когда с этим коммунизмом не связано и не сомкнуто наше многомиллионное крестьянство.

К многомиллионному крестьянству прямым путем трудно подойти в этом направлении, почти невозможно, и здесь Центральный сельскохозяйственный банк является одной из этих возможностей, облегчая переход крестьянского хозяйства к товарным формам, собирая распыленные средства крестьянства, укрупняя их, обобществляя сельское хозяйство, то-есть делая то самое, без чего не может быть подхода к социализму.

Конечно, банк не является всем и вся. Это — только одна из возможностей. Роль, которая отводится Центральному сельскохозяйственному банку, зависит от его развития и от руководства этим банком.

Если содержание банка будет недорогим, если скопление средств банком будет поставлено рационально, политически продуманно, — для крестьянства выгодно, если крестьянин сможет нести деньги просто и брать просто, — то, несомненно, банк сделается настоящим крестьянским учреждением, близким крестьянству. Если же это учреждение будет бюрократическим, связанным с волокитой, и кредит будет дорогой, то банк не выполнит своей задачи и не выполнит даже и одной десятой своей роли в общем коммунистическом строительстве.

Вот все это и говорит за то, что перед руководителями банка стоит трудная задача. Трудность выражается в том, что всякий капиталистический банк растет в соответствии с тем доходом, который он получает. Чем доходнее банк, тем больше

[1] Речь при открытии Центрального сел.-хоз. банка 9 июля 1924 года.

в него несут, тем быстрее растет его капитал. Но при современном положении Центральный сельскохозяйственный банк не может быть таким. Он, по сравнению с обычными коммерческими банками, будет безусловно малодоходным; деньги оборачиваться будут, вероятно, медленно; отделений он вряд ли будет иметь много, — на это не хватит средств, — поэтому приток средств, в особенности на первых порах, будет, вероятно, невелик. Для того, чтобы этот приток был больше, здесь, очевидно, нужно будет произвести большую агитационную, разъяснительную работу перед крестьянами о выгодности и необходимости этого банка.

Я думаю, что банковские деятели должны прямо поставить перед собою задачу изыскивать средства помимо государства. Я считаю, что те запросы, которые будет предъявлять крестьянство банку, никакими государственными ресурсами он не в состоянии будет удовлетворить. Как бы ни было богато государство, ясно, что Центральный сельскохозяйственный банк только тогда будет в известной степени удовлетворять крестьянство, если в него потекут средства непосредственно из деревни, от крестьянства, если банк будет хранилищем крестьянских средств, хотя бы временным, чтобы у крестьянина было такое настроение, что, если он откладывает 10 рублей на 3—4 месяца, то у него должно быть желание и стремление положить их именно в Центральный сельскохозяйственный банк, а он положит их только тогда, когда будет чувствовать, что это — его банк.

Промышленный банк как-будто в отношении промышленности эту роль выполняет. Промышленники чувствуют его своим банком. Для сельскохозяйственного банка это труднее сделать. Промышленников и предприятий, которые имеют дело с Промышленным банком, единицы, десятки и сотни, а Центральный сельскохозяйственный банк должен иметь дело с многомиллионным крестьянством. Повторяю: если банк будет в этом положении действовать бюрократически, если крестьянин не будет чувствовать своего влияния, я думаю, он не назовет этот банк своим, крестьянским банком.

В связи с этим перед руководителями встанет очень трудная задача, — задача, которая стоит вообще перед Коммунистической партией, именно: превратить наше распыленное, многомиллионное крестьянство — в работников на коммунизм, чтобы каждый крестьянин, работая в отдельности, как бы стремясь только к своим личным интересам, вместе с тем, при достижении этих личных

интересов, своей инициативой невольно способствовал росту коммунизма или приближению к коммунизму. Вот как нужно ставить вопрос, — не так, чтобы говорить крестьянину: «пойдем в прекрасную коммунистическую страну», а чтобы ему разъяснить, что, работая на себя, исходя из непосредственных интересов своего хозяйства, исходя из индивидуальных интересов, он, вместе с тем, через улучшение и машинизацию хозяйства, невольно подготовляет почву для развития коммунистического строя. И вот банк, который мы сегодня открываем, есть одна из тех организаций, посредством которой можно многого достигнуть в этом направлении.

В Америке, да и у нас на юге, крестьяне всю энергию тратили на увеличение мощи капиталистических трестов, и все средства выкачивались из крестьянства, главным образом, через банковские учреждения. А наша задача—использование банковских средств, с одной стороны — на улучшение сельского хозяйства и положения самого хозяина, а с другой стороны—на увеличение общественного богатства, ибо в настоящий момент у нас задача коммунистического строя разрешается в связи с задачей накопления материальных средств. Центральный сельскохозяйственный банк является, по существу, одним из тех каналов для такого накопления, где должны и будут сосредоточиваться из мелких средств огромные суммы.

Он должен по своим ресурсам (по своим средствам) в будущем соперничать с Государственным банком. Вот, если вы проанализируете эту мысль, то вы увидите, какая ответственная задача лежит на Центральном сельскохозяйственном банке, и организационные неудачи этого банка очень тяжело скажутся на всем деле сельскохозяйственного кредита, они оттолкнут от него крестьянство. Поэтому уже при первых шагах банка, во всяком случае, и Наркомфину, и руководителям банка придется употребить немало усилий для того, чтобы завоевать себе доверие в крестьянстве.

Банк, по существу говоря, будет главным органом, который будет способствовать изживанию натурального крестьянского хозяйства и переходу его в товарные формы. Ибо ведь к банку обратится только тот крестьянин, который не ведет натурального хозяйства, крестьянин же с натуральным хозяйством не нуждается в банке. В банк идет крестьянин, который работает на рынок, который производит и сбывает товар. В соответствии с этим, несомненно, работа банка есть в то же время товари-

зация крестьянского хозяйства. Это есть огромная производственная задача — превращение крестьянского натурального хозяйства в крестьянское товарное хозяйство. А это крестьянское товарное хозяйство будет обобществляться, социализироваться, будет служить накоплению государственных средств для создания коммунистического строя. Вот те задачи, принципиальные задачи, которые лежат на вновь открываемом банке.

Товарищи, открытие его происходило очень медленно, но, как-будто бы, этот пройденный банком медленный путь подсказывает, что и организаторы банка, и наше финансовое ведомство вполне подготовились и освоились с теми задачами, которые лежат на них; это опоздание, которое некоторые рассматривают как явление печальное, мне, наоборот, дает уверенность, что оно послужит нам к пользе,—оно даст возможность, по крайней мере, с самых же первых шагов поставить банк на более или менее нормальные рельсы. Оно даст возможность с первых шагов не обанкротиться перед рабоче-крестьянскими массами, а, наоборот, показать банк с лучшей стороны.

Разрешите мне всем деятелям Центрального сельскохозяйственного банка, ответственным его руководителям, финансовому ведомству и всем тем, которые будут соприкасаться с банком и помогать ему, — разрешите мне пожелать вам в этом отношении полного успеха. Я одно только могу сказать, что хотя здесь отдаленная принципиальная цель руководителями банка, может-быть, и не подчеркнута, но по существу Центральный сельскохозяйственный банк является могучим орудием, одним из самых могучих средств (если мы только сумеем овладеть этим средством) для приближения нашего крестьянства к коммунистическому строю. Товарищи, разрешите надеяться, что это могучее средство будет использовано рационально, и ту долю работы в этом направлении, которая лежит на нем, он исполнит в совершенстве.

ПРОФСОЮЗЫ В ДЕРЕВНЕ.

ВСЕРАБОТЗЕМЛЕС И ЕГО РОЛЬ В ДЕРЕВНЕ.

(Речь на пятом Всесоюзном съезде работников земли и леса, 26 января 1926 года.)

Три струи в составе Всеработземлеса.

Союз Всеработземлес — в высшей степени своеобразный союз не только у нас, в Советском Союзе, но, пожалуй, во всем мире.

В чем заключается своеобразная особенность этого союза? Мне кажется, уже самый состав союза в высшей степени оригинален, потому что в нем заметны три очень резко отличающихся профессиональных струи.

Это, в о - п е р в ы х, то, что Всеработземлес состоит из батраков, из деревенского пролетариата, который целиком и полностью своим положением связан с пролетариатом.

В о - в т о р ы х, в союзе Всеработземлес очень сильно бьет интеллигентская струя. Мы видим там значительное количество земельных работников, агрономов, землемеров и т. д. Эта группа очень значительна, и процент этих членов в союзе не малый. Влияние этой группы очень заметно должно сказаться на союзе.

И, наконец, т р е т ь я линия, это — линия крестьянская.

Всеработземлес впитывает в свои ряды много различных профессий, к которым, если подойти с определением, куда принадлежат эти члены союза, — к пролетариату или к крестьянству, то определить это будет значительным затруднением.

Если мы возьмем северные губернии, то мы видим, что члены Всеработземлеса на нашем севере целую зиму работают в лесу, и, таким образом, одним из главных, основных источников их существования является, конечно, работа в лесу, т.-е. наемный труд. Но сказать, чтобы они были пролетариями, — это будет натяжка, потому что и по своей психологии, и по своему экономическому положению они к пролетариату принад-

лежать не могут, ибо, помимо того, что у них есть дом, у них есть еще и лошадь, и упряжь, есть некоторое хозяйство. Ведь там, на севере, встречаются, главным образом, не те, которые пилят лес, а те, которые возят лес, т.-е. возчики, и таким образом у них имеется, хотя и захудалое, но все-таки свое хозяйство.

Если мы обратимся к южным местам, то там в союз Всеработземлес берут пастухов. Надо сказать, что пастухи по той социальной лестнице и по тому, так сказать, неуважению, которое создалось к этой профессии среди крестьянства, внушают распространенное мнение, что в пастухи, как говорят, идет только тот, кто ни на что не годен, и они, таким образом, являются наиболее бедными, наиболее обездоленными, неграмотными: это—те, которые не умеют пробить себе жизненный путь на более сложном поприще.

Если я так говорю, то это не значит, что я не уважаю пастушьей профессии, я только рисую вам то положение, которое существует, и хочу сказать, что на основе этого внешнего впечатления мы очень и очень обманываемся. Во-первых, уже потому, что заработная плата, в особенности теперь, в этой профессии очень быстро растет, и, кроме того, значительный процент пастухов — это есть настоящие крестьяне.

Мы знаем целые волости и уезды, где основной профессией крестьянства является пастушество, где пастушество является их отхожим промыслом, но, вместе с тем, там развивается и крестьянское хозяйство, которое ничуть не хуже хозяйства тех районов, где плотники и печники уходят на отхожие промыслы. Надо сказать, что хозяйство таких пастухов нисколько не беднее, чем хозяйство рядового крестьянина, не идущего в пастухи.

Если вы приедете на юг, то там, среди членов Всеработземлеса, вы найдете тех, которые нанимаются на возку свеклы, на разработку свеклы и т. д. Я не буду подробно останавливаться на этом, — многие из делегатов более точно знакомы с разделением труда южного крестьянства, — но и там есть целый ряд профессий, которые значительную долю своего времени употребляют на отхожие промыслы. Несмотря на это, они имеют свое крестьянское хозяйство.

Таким образом, в вашем союзе очень сильно бьет крестьянская струя. Вот почему перед ним стоит сложная и своеобразная задача. Это — суметь пропитать пролетарской идеологией в высшей степени мелко-буржуазную струю, которая в очень значительном проценте представлена в вашем союзе.

Об интеллигенции, входящей в союз.

Если мы теперь обратимся к интеллигенции, то, надо сказать, наша интеллигенция, в особенности старая интеллигенция, дореволюционная, в массе своей была пропитана-мелкобуржуазной идеологией, и, конечно, она эту идеологию приносит в союз, безотносительно, хочет она того или не хочет.

Ведь человек не может, как змея перед зимой, взять и сбросить свою чешую. Человек свою идеологию, свои способности, свои черты, выношенные жизнью и соответствующей социальной средой привитые, не может так быстро изменить.

Но было бы неправильно нашу интеллигенцию рассматривать только с точки зрения старой интеллигенции.

В современной интеллигенции значительной струей уже бьет новая интеллигенция, которая целиком и полностью советская и у которой целый ряд мелко-буржуазных предрассудков изжит.

Почему эти предрассудки изжиты? Потому, что они уже изжиты вообще нашим обществом. Предположим, возьмем религиозное отношение. Несомненно, интеллигент, воспитанный до Октябрьской революции, 8 — 9 лет тому назад, в области религиозных вопросов совершенно иначе был сформирован, был пропитан иными взглядами, если не в самом религиозном вопросе, то в подходе к этому религиозному вопросу, чем новая интеллигенция. В новой интеллигенции религиозные чувства сейчас почти полностью атрофированы (исчезли). Это еще не значит, что религиозные предрассудки уже не сильны. Они еще очень сильны,—например, перед большими праздниками церкви набиты народом, — но это не мешает сказать, что новая интеллигенция в значительном своем количестве изжила старые мелко-буржуазные предрассудки.

Эти 8 лет революции, конечно, оказали свое влияние на молодую интеллигенцию. Молодая интеллигенция старой буржуазной жизни не знает. Для нее советский строй является строем родным. Если, предположим, человеку было 15 лет 9 лет тому назад, а теперь ему 24, то ясно, что от 15 до 25 лет его психология изменилась. Он привык к советскому строю и почти забыл прежний буржуазный порядок. Поэтому в этой новой интеллигенции, — я, разумеется, говорю не об отдельных людях, я говорю о массе интеллигенции, — в этой массе есть струя новая, которая, конечно, ближе к нам и которая по

своей сущности безусловно советская. Но было бы наивностью думать, товарищи, что эта новая интеллигенция, которая целиком советская, которая будет на фронтах воевать за советскую республику, что она пропитана насквозь пролетарским мировоззрением.

Мы так не думаем. Мы знаем, что эта интеллигенция пролетарским мировоззрением не пропитана. Она несет в себе опасность, и это не подлежит для нас никакому сомнению, но эта опасность представляется нам опасностью другого рода, чем у старой интеллигенции.

Эта опасность более углубленная. В прежнее время у нас было просто: с одной стороны, была пролетарская психология, а с другой—ярко выраженная мелко-буржуазная психология.

В новой же интеллигенции ярко выраженной мелко-буржуазной психологии вы не встретите. Напротив, по внешности вы увидите убеждения, подсказанные самым искренним намерением служить советскому строительству и интересам масс. Но, несомненно, среди нее вы встретите целый ряд индивидуалистических, анархических стремлений.

Эти индивидуалистические и анархические стремления рождаются у новой интеллигенции на почве профессиональной работы. Возьмем, предположим, лесничего. Ему приходится все время работать в лесу. С людьми он сталкивается только на чисто деловой почве. Он привыкает думать сам для себя и сам в себе таить свои мысли, а не выражать их перед массами. Возьмем наших комсомольцев. Комсомолец привык свои мысли выражать вслух, мысли его подвергаются в прениях систематической критике. Эта ежедневная критика (незаметно для человека) оказывает на него чрезвычайное воспитательное действие.

Вы, наверное, замечали, как наши комсомольцы великолепно говорят на больших собраниях. Почему это так? Потому, что они привыкли выступать на арене, и их мысли довольно отчетливы, потому что они всегда привыкли мыслить вслух, привыкли подвергать эти мысли испытанию критики, привыкли эту критику принимать в расчет. Поэтому мысли их.—каковы бы они ни были первоначально, — и их психология, под влиянием коллектива направляются в соответствующее русло. (Надо заметить: здесь порождается другая опасность,—убивается оригинальность, растет шаблонность; но это — дело будущего — бороться с шаблоном.) Конечно, такого общения среди значительной части интел-

лигенции нет, и обрезывать острые углы некому. Вполне естественно, в этой интеллигенции может пробиваться антипролетарская струя, и задача профсоюза здесь зорко смотреть за тем, чтобы не было струи индивидуализма и анархизма, которая может быть в молодой интеллигенции,—и парализовать ее.

Сложнее обстоит дело с крестьянством. Когда я говорил об опасностях, которые несет новая интеллигенция, то все же мы имеем дело с советской интеллигенцией. Можно ли сказать, что в лице крестьянской струи союза мы имеем целиком советскую струю? Наоборот, мы должны еще крестьянство подтянуть к профсоюзам, мы должны приблизить тех молодых рабочих, которые идут к нам в город и которые еще подчас далеки от Советской власти, которые часто дальше от охвата профессиональным движением, чем эта новая интеллигенция.

Задача профессионального союза Всеработземлеса — вот эту крестьянскую массу приблизить к Советской власти, поставить ее в таком состоянии, в каком находится наша советская интеллигенция, в каком она стоит в вашем профессиональном союзе. И когда через несколько лет мы всю эту крестьянскую массу, втянутую в профессиональный союз, сделаем советской, когда она пропитается более или менее полным профессиональным настроением, если можно так выразиться, тогда мы будем искать опасности индивидуалистические, анархические и т. д. Теперь же эти опасности в рабоче-крестьянской массе еще не так заметны, во всяком случае перед вами не так остро стоит задача, чтобы на эти опасности в первую голову обратить внимание.

Итак, товарищи, вы имеете два крыла: с одной стороны — интеллигентское, с другой стороны — крестьянское. О чем это говорит? Это говорит о необходимости того, чтобы основным хребтом, чтобы стержнем союза Всеработземлес была пролетарская база, чтобы около этого пролетарского стержня можно было потом формировать и пропитывать по-пролетарски всех примыкающих к этому союзу.

Какую политическую роль должен играть Всеработземлес в деревне?

То состояние вашего профсоюза, которое я только-что нарисовал, многим может показаться чересчур мрачным; многие могут подумать, что я слишком умалил его пролетарскую часть; возможно, конечно, — но нарисованное мною состояние профсоюза,

с точки зрения пролетариата, является его слабостью. Во Всеработземлесе имеются мелко-буржуазные тенденции, — это есть его слабость. Но, вместе с тем, именно этот союз имеет в наших условиях огромную политическую ценность для Советского Союза.

Ведь наша страна, товарищи, крестьянская, и диктатура пролетариата может проводиться только при поддержке ее большинством крестьянской массы. Вопреки этой крестьянской массе диктатура пролетариата проведена быть не может. И вот, ваш союз является одним из приводных ремней связи пролетариата с крестьянством.

У нас есть много профессиональных союзов, которые имеют с деревней связь, и довольно тесную,—например: строители, текстильщики и проч. Значительное количество текстильных рабочих — крестьяне, но сказать, что текстильный союз работает в деревне, этого нельзя. Наоборот, поскольку крестьянин ушел на текстильное дело, он порывает совершенно с деревней. Он только на отдых едет в деревню. У него деревня превращается в дачу, где он расходует свои средства. Но связи производственной между текстильщиком и деревней нет.

Союз Всеработземлес — единственный, у которого прямая, непосредственная связь с производством. Там крестьянин работает, там пастух в деревне работает. Это — единственный союз, который производственно внедряется в деревню. Поэтому вполне естественно, что если мы хотим охватить деревню, хотим крестьянство привлечь к социалистическому строительству, заразить пролетарской идеологией, хотя бы в частичных проявлениях, то кто же может лучше выполнить эту работу, как не Всеработземлес, у которого почти в каждой деревне найдутся члены.

Большего количества глаз в деревне, большей связи с деревней, разумеется, ни один союз не имеет, как Всеработземлес. Конечно, эта огромнейшая связь с крестьянством, которую имеет Всеработземлес, она также опасна и чревата обратным влиянием огромной крестьянской мелко-буржуазной среды на союз.

В самом деле, предоставьте пастуху (хотя бы он был самым архикоммунистом, пропитанным коммунизмом с головы до ног), предоставьте ему одному остаться в деревне, пусть он идеологически будет и коммунистом, но весь его быт, вся жизнь села замнет его, и, если он твердый коммунист, неиспаримый, все-таки его идеология будет загнана внутрь, во всем же он приобретет все черты окружающих крестьян.

Из этого вы видите, насколько деревня будет сильно влиять на ваш союз. И характерно: чем многочисленнее будет ваш союз, чем больше у вас будет членов, чем больше вы приобретете силы и влияния среди других профсоюзов, тем большему вы будете подвергаться сами влиянию крестьянина, потому что каждый новый член вашего профсоюза будет связан невидимыми нитями с крестьянством.

Это несет свою опасность, но это вместе с тем есть величайшая политическая ценность. Товарищи, всякий инструмент несет, с одной стороны, облегчение и службу человеку, и он же способен приносить неисчислимые бедствия. Огромные океанские корабли несут тысячи людей за океан совершенно спокойно. Но, однако, когда пароход гибнет, он ведет к гибели вместе с собой тысячи жертв. Если погибнет лодка, то там погибнет только один-два человека. Я и говорю, что союз Всеработземлес — великолепный инструмент в руках диктатуры пролетариата для охвата крестьянских масс, для пропитывания их пролетарской идеологией, но, вместе с тем, сам союз подвергается величайшей опасности. Все равно, как работник наш, который по должности борется с контр-революцией,—ведь гораздо больший процент, гораздо большее количество их подвергаются опасности разложения на почве борьбы с дурными сторонами нашей общественной жизни. То же самое происходит и внутри профессионального союза.

Это означает, что перед вашими органами стоит в высшей степени ответственная задача. Может-быть, ни в одном союзе, ни в одной руководящей группе союза, нигде, может-быть, не нужна такая пролетарская выдержанность, как в вашем союзе. В его руководящие органы должны вовлекаться наиболее крепкие, способные руководители, наиболее неподвергающиеся постороннему влиянию.

Союз Всеработземлес, его работники должны быть скалой, на которую изо дня в день бьет морская волна, и органы Всеработземлеса должны быть неприступной скалой, умеющей противостоять, переваривать мелко-буржуазную стихию, и вместе с тем внедрять пролетарскую психологию в неустойчивые элементы, прививать пролетарскую выдержанность. Это, я говорю, одна из труднейших задач, — и наше правительство, и коммунистическая партия отдают себе отчет в этом. Вы видите, что союзу Всеработземлес оно уделяет, пожалуй, больше внимания, чем другим профсоюзам, и это естественно.

Вся наша политика направлена на сохранение союза между рабочими и крестьянами, на привлечение крестьян к советскому строительству, на внедрение крестьян в русло советской мысли. И всюду, где есть привод, всюду, где мы видим подходящий источник, связывающий пролетариат с крестьянством, связывающий Советскую власть, — такой источник нами оберегается, нами поддерживается и, если только есть возможность, усиливается советским правительством. К такого рода источникам принадлежит Всеработземлес.

Товарищи, ваш союз сравнительно молодой, и какие-нибудь 2 — 3 года тому назад он насчитывал десятки тысяч членов, если не меньше. В настоящий момент рост его идет гигантскими шагами. Этот гигантский рост не является завершением союза, — наоборот, гигантский рост еще более расширяет сферу нового роста. Каждый новый член соприкасается с целым рядом еще не привлеченных в члены вашего союза.

Все это говорит за то, что политическое влияние союза с каждым годом все будет расти, а соответственно с этим и ваши задачи, и ваша ответственность перед советским государством будет также расти, ибо через вас, через данный профсоюз, мы должны теснее спаяться и еще более закрепить смычку с крестьянством. Ваш профсоюз дает возможность профессиональной линии взглянуть в самую деревню, в нутро самой деревни. Это опасно: это все равно, что опуститься в пучину морскую, опуститься на дно морское; а, с другой стороны, — это политически необходимо.

Не сегодня, так завтра заглянуть в деревню профессионально мы должны; не сегодня, так завтра мы должны все полупролетарские элементы захватить в профсоюзы, и тогда уже через них серьезно влиять на деревню.

Вот какая почетная и ответственная задача стоит перед вашим союзом.

Я думаю, что рост вашего союза, усиление в нем батрацких элементов, руководство Коммунистической партии, приливновой интеллигенции, руководство, которое имеется от ВЦСПС, влияние пролетарских масс других союзов и т. д.,—все это дает надежду, что с этой огромной задачей, которая лежит на вас, вы справитесь. И мне хочется вам пожелать, чтобы та работа, которая происходит на вашем съезде, была серьезной вехой для дальнейшего развития и дальнейших успехов вашего союза.

Я думаю, что та задача, которую история возложила на Советскую власть, — задача сближения между рабочим классом и крестьянством, задача привлечь крестьян и добиться того, чтобы они признали с в о е й диктатуру пролетариата,—я думаю, что именно эта задача есть главная из стоящих перед союзом Всеработземлес, и эту задачу он должен выполнить. *(Бурные аплодисменты.)*

БОРЬБА МИНУВШИХ ВРЕМЕН.

СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ.

Роль рабочих и крестьян в современном капиталистическом государстве.

В современном капиталистическом государстве рабочие и крестьяне составляют от 85 до 90 процентов всего населения, притом населения трудового, наиболее производительного. Вполне естественно, казалось бы, и государство, его исполнительные органы сверху донизу должны бы служить интересам этого подавляющего большинства населения.

На самом же деле в жизни происходит не так, а совершенно наоборот. В жизни, по словам Карла Маркса, высказанным им еще более 70 лет тому назад, капиталистическое государство есть комитет по защите интересов капиталистов. Если в этом еще можно было сомневаться тогда, когда эти слова были впервые высказаны Марксом, то в настоящее время, спустя 70 лет, я думаю, в этом никто из рабочих и крестьян не сомневается.

Последняя империалистическая война, унесшая до 20 миллионов жертв убитыми и ранеными в угоду, в интересах капиталистов, должна убедить камни, а не только людей, в том, что современное капиталистическое государство есть комитет по защите интересов капитала, а не труда; капиталистов, а не рабочих и крестьян. Это особенно наглядно видно нам, русским. Наши помещики и капиталисты громче всех кричали о великой России, о великом русском народе, они постоянно обвиняли рабочих, революционеров в измене своему отечеству, выставляя в противовес этому свою преданность «родине».

Гражданская борьба в России сдернула с них маску лицемерия.

В настоящее время, когда рабочие и крестьяне уже восемь лет стоят у власти, укрепляя единственное в мире социалистическое, действительно народное отечество, русские капиталисты, помещики и все их слуги, от попов до бежавших за границу полицейских, ведут самую бессовестную изменническую борьбу с рабочими и крестьянами своей страны, ведут борьбу при помощи наших врагов, снабжаясь оружием от буржуазных правительств, совершенно забывая, что когда-то, не столь давно, они считали себя сынами России, а теперь они согласны (если бы имели возможность) объединиться с самим чортом против своего народа. Они бы согласились утопить в океане шестую часть суши, со всем на ней живущим, лишь бы не видеть на географической карте Союза ССР. Вот где мы имеем наглядный урок «преданности» своему отечеству...

Но, может-быть, господствующая в капиталистических государствах часть населения — все привелигированные — имеют исключительное значение в жизни государства вообще? Да, «дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников, до прекраснодушных Маниловых. «И между ними,—писал Герцен,—развелись люди 14 декабря — фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя. Это — какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия». К числу таких детей принадлежал Герцен».

Так говорил Ленин к 100-летию рождения Герцена. Среди бесчисленных драчунов, псарей и т. п., вопреки желанию и стремлениям господствующих классов, рождались Герцены и вели за освобождение народа жестокую борьбу еще 100 лет тому назад.

Если мы посмотрим историю других европейских и внеевропейских стран, то и там увидим ту же картину бесконечного издевательства и надругательства помещиков и капиталистов над рабочими и крестьянами в своих и чужих колониальных странах. Одним словом, вершители судеб человеческих стремились свести на-нет права рабочих и крестьян, стремятся и сейчас в обыденной жизни превратить их в вьючный скот.

И уж во всяком случае не их вина, а их беда, что растет значение рабочего класса, а с ним вместе растет и значение крестьянина.

О союзе рабочих и крестьян говорят много, в особенности в последнее время. Раньше всех и наиболее обстоятельно об этом говорил В. И. Ленин.

Еще в 1903 году в своей брошюре «К деревенской бедноте» он писал: «Мир — говорят нам — большая сила, мирское соединение тесно сплачивает крестьян; организация (т.-е. объединение, союз) мирского крестьянства колоссально (т.-е. огромно, необъятно). Это неверно. Это — сказка. Хоть и добрыми людьми выдуманная, а все-таки сказка. Если мы сказки слушать будем, мы только испортим свое дело, дело союза деревенской бедноты с городскими рабочими. Пусть каждый деревенский житель посмотрит хорошенько кругом себя: похоже ли мирское соединение, похоже ли крестьянское общество на союз бедноты для борьбы со всеми богатеями, со всеми, кто живет чужим трудом? Нет, не похоже и не может быть похоже. В каждой деревне, каждом обществе есть много батраков, много обнищавших крестьян, и есть богатеи, которые сами держат батраков и покупают себе землю «на-вечно». Эти богатеи — тоже общественники, и они верховодят в обществе, потому что они — сила. А разве нам такой союз нужен, в который входят богатеи, в котором верховодят богатеи? Совсем нет. Нам нужен союз для борьбы с богатеями. Значит, мирской союз совсем для нас не годится. Нам нужен добровольный союз, союз только таких людей, которые поняли, что им надо соединяться с городскими рабочими».

Значит, когда говорят о союзе с крестьянством, подразумевается не все крестьянство в целом, а от общей его массы отсеиваются кулаки-богатеи, которые в союз с рабочими не пойдут, которые глядят, как бы и против крестьян, и против рабочих объединиться в союз с буржуазией, с помещиками, с которыми они сообща эксплуатируют и угнетают бедноту. Вообще, многие жестоко ошибаются, а другие сознательно затушовывают, говоря «крестьянство», объединяя этим словом кулаков, середняков и бедноту, хотя между двумя крайними полюсами ничего общего нет: кулак и — беднота. Но, конечно, бывают исключительные исторические моменты, когда буржуазия в той или иной степени участвует в революции, в свержении докапиталистических, добуржуазных порядков. Так было в целом ряде революций, в том числе и в великой французской революции, происходившей около 135 лет тому назад.

Нас, однако, это обманывать не должно. Каждая новая революция все больше приобретает из буржуазного — народный харак-

тер, в ней все бо́льшую роль начинают играть крестьяне и в особенности рабочие, которые народный характер революции окрашивают в коммунистический цвет, что, само собой разумеется, отпугивает не только крупную буржуазию, но даже и мелкую, находящуюся под сильным воздействием крупной буржуазии.

В особо тяжелые исторические моменты крестьяне пробовали самостоятельно отстоять свои крестьянские интересы, но в огромном большинстве случаев крестьянству это не удавалось.

Обыкновенно небольшое частичное удовлетворение эксплуататорами запросов той или другой части крестьянства или же поблажки в какой-нибудь отдельной местности—влекли за собой отпадение от революционной армии части крестьянства, что ослабляло силу революционного напора.

Враги, используя момент, разбивали крестьян по частям.

Характерно, что во всех более или менее известных крестьянских восстаниях принимали живое участие и рабочие (или городская беднота). Мало того, только тогда и приобретает грандиозный размах крестьянское революционное движение, когда в нем участвуют жители города — ремесленники или рабочие заводов.

Крестьянские восстания в прошлом.

Первое записанное историей крестьянского движения восстание крестьян связано с именем Дольчино в Италии. Дольчино принадлежал к так называемым апостольским братьям, которые вели усиленную агитацию против пап в монастырях и городах Италии.[1]

Сначала Дольчино появился в Пьемонтских Альпах, откуда он спустился в долину и напал на крепость Гаттинара близ Верчелли. Кроме братьев, искателей приключений и ушедших с военной службы наемников, особенно много примкнуло к нему крестьян.

Вскоре вокруг Дольчино собралось пять тысяч бойцов, представлявших для того времени значительную армию; в ней участвовали не только мужчины, но и женщины, которые под предводительством Маргариты, жены Дольчино, сражались, как львицы.

---

[1] Все примечания к этой главе (№№ 1—10) — см. в конце главы, стр. 404—406.

Митинг у поезда «Октябрьская революция» в 1919 г.

Эксплуататоры этой местности мигом забыли свои внутренние раздоры. Епископы Верчельский и Наварский, как и тамошнее дворянство и города, вооружили армию и выслали ее против мятежников. Но поход этот кончился полным поражением армии эксплуататоров. Они были в безопасности, да и то сомнительной, только за стенами городов.

Могущество Дольчино возросло еще больше, но этот энергичный, блестящий полководец не воспользовался моментом, когда его противники не смели уже выступить против него в открытом поле: он не воспользовался им для того, чтобы пойти дальше и сделать восстание всеобщим. Он остался в долине Зезии, где восстание началось, и довольствовался экспроприацией и разрушением монастырей, поместий, городов.

Коммунистическое движение осталось местным, но его противники знали, что оно имеет не только местное значение. Великая интернациональная держава того времени — папство — вмешалась в это дело и организовала крестовый поход против мятежников.

Этим судьба их была решена. Не будучи в силах удержаться в долине, они ушли в горы, где продолжали партизанскую войну против крестоносцев.

Блестящий военный талант Дольчино и геройство его товарищей совершили в этой борьбе подвиги, достойные удивления. Несколько раз преследуемым удалось победить своих врагов в открытом поле; еще чаще они причиняли им вред засадами и неожиданными нападениями. Но, несмотря на это, железное кольцо все крепче и крепче сжимало коммунистических мечтателей, которые в то же время мало-по-малу теряли всякую поддержку сельского населения, начавшего ненавидеть их за опустошение и страдание, внесенные в страну войной.

Все-таки патарены (апостольские братья назывались иногда патаренами) сумели оттянуть развязку до 1307 г., когда и были побеждены, благодаря лишь нужде и лишениям. Крестоносное войско отказалось победить их оружием и удовольствовалось тем, что выморило их голодом (зимой 1306 — 7 года).

Итак, уже в первом выступлении крестьянство вступает в союз с чисто городскими элементами, представителями городских низов, которых несомненно в данном случае отражал собой Дольчино.

Восстание крестьян в Англии в 1381 году.

В середине 14-го века еще более сильное восстание было во Франции—крестьянская война, известная в истории под именем Жакерии, после которой последовало выступление английских крестьян в 1381 году.

В 14-м веке обычай замены натуральных оброков денежными получал все большее и большее распространение. Из общинного пользования мало-по-малу изъемлются не только пахотные земли, но и пустоши, из которых прежде выкраивались наделы для новых хозяйств.

Раньше эти общинные пустоши служили местом пастбища для крестьянских стад. Теперь помещики, по возможности, сокращают их площадь и либо заводят на них собственное хозяйство, для чего им нужны рабочие, либо сдают в аренду.

Аренда выгоднее для помещика, чем крепостное держание и чем наследственное оброчное, ибо при последнем оброчные ставки неизменны, а при аренде договор заключается на срок, и рента может повышаться.

В крестьянах это вторжение помещика в вековой строй естественно вызывало недовольство. Особенно больно ударяло по интересам крестьян изъятие из общего пользования пустошей, которые были свободным земельным фондом общин. Элементы борьбы между помещиками и крестьянами были таким образом налицо уже до черной смерти (чумы) в середине 14-го века. Это развитие черной смерти как-раз создало тот кризис в рабочих руках, который заставил помещиков издать жестокий закон по принудительному привлечению рабочих к сельскому хозяйству и ремеслу.

Попытка принудить к работе сельскохозяйственных рабочих заставила последних организоваться. И уже в 14-м веке мы имеем дело с организацией одного из первых союзов сельскохозяйственных рабочих. Между прочим, характерно, что черная смерть и нехватка рабочих заставила многих помещиков отказываться от наемного труда и от денежного оброка и опять крестьян переводить на барщину. Совершенно ясно, что это должно было вызвать решительное противодействие английского крестьянства.

Борьба крестьян с помещиками из-за перевода на барщину вспыхнула по всей стране.

Крестьяне предъявляют требования отмены всех феодальных повинностей, прежде всего — той пошлины, которая уплачивалась крестьянами при переходе земли из одних рук в другие; затем— свадебной, которую крестьянин должен был платить, когда выдавал замуж дочь. Затем идут пошлины по поводу продажи коровы или лошади. Затем крестьяне предъявляют требование упразднить монополию помещичьей мельницы, уничтожить парки и садки и всем предоставить право свободно охотиться и ловить рыбу.

Таковы были общие хозяйственные причины восстания.

Однако, в крестьянском движении в Англии крестьяне выступали опять-таки не одни.

Они шли в союзе с ремесленниками городов. Стоило движению подойти к какому-нибудь городу, и к нему сейчас же присоединялись низшие слои городского населения, у которых были свои причины быть недовольными.

Именно этим союзом деревни и города можно объяснить такой крупный успех восставших крестьян, как захват Лондона. Известно, что в 1381 г. восставшие крестьяне подошли к Лондону. Попытка переговорами остановить крестьянское движение, на что вынужден был пойти тогдашний король, успехом не увенчалась.

Крестьяне в союзе с народными массами Лондона захватили королевский дворец и расправились с наиболее ненавистными сановниками.

Однако, здесь выступила чрезвычайно характерная для крестьян ограниченность их движения чисто местными, узкими крестьянскими интересами.

Достаточно было королю подписать грамоту, дававшую целый ряд льгот крестьянам, закрепленных его честным словом (которое было так же быстро им отменено, как и дано), чтобы крестьяне постепенно начали расходиться из Лондона и тем самым позволили рыцарям расправиться сначала с горожанами, из которых были повешены целые тысячи, а потом расправиться и с самими крестьянами. Хотя, как правильно отмечают историки, дело было не в одной ограниченности крестьян, но и в том, что крестьяне вышли с недостаточным продовольствием, что заставило скорее спешить в свои деревни.

Крестьянская война в Германии.

В 14-м веке дворяне в Германии пытались, с одной стороны, не дать себя оттеснить на задний план растущему классу капиталистов и князьям, а с другой — снизу — стремились подавить крестьян.

В конце-концов они подчинились князьям, принявшим за то на себя обязанность держать в повиновении крестьян.

Дворяне продали свою независимость, чтобы поставить на более прочную ногу эксплуатацию крестьян.

Это угнетение, увеличение повинностей как натуральных, так и денежных, установление большей зависимости от землевладельцев, конфискация общественных крестьянских пастбищ и лесов в пользу землевладельцев (конфискация частной крестьянской собственности и обезземеление крестьян наступили позже),— все это совершилось, разумеется, не без энергичного сопротивления со стороны крестьян: в течение всего 15-го столетия крестьянские восстания в Германии следовали одно за другим; чем ближе к концу столетия, тем они были чаще и грознее.

После жестокого подавления крестьянского движения в Богемии нужно было пройти значительному промежутку времени, чтобы могли подняться на восстание крестьянские массы Германии. Однако, крестьянами Германии был использован опыт прежних движений. В отличие от разрозненных выступлений отдельных общин во время богемского восстания, крестьяне выступают уже более крупными организованными массами. Несомненно, в этой организации решающую роль имеет связь с городскими ремесленниками, с движением городских низов.

Весьма характерно, что одним из центров являются горные округа Саксонии.

Горные рабочие в промыслах, расположенных вокруг Цвикау, давно вели борьбу с предпринимателями из-за заработной платы. И вся крестьянская война проходит в теснейшей связи с движением рабочих. Вот из этого движения горных рабочих и вышел будущий вождь крестьянского движения Томас Мюнцер.

Дошедшая до нас прокламация Томаса Мюнцера дает богатый материал для выяснения его попытки привлечения на сторону крестьянского восстания горожан. Например, в одном из характернейших его посланий к горным рабочим он призывает

их на восстание вместе с крестьянами и убеждает их готовить оружие

Успех крестьянского восстания в Германии обуславливался довольно успешным снабжением военным снаряжением крестьян тогдашними рабочими. Однако, и рабочие, которые являлись цементом, спаивающим восставшие крестьянские отряды, не могли переделать крестьянской ограниченности.

Опять здесь во всей силе проявляется наивная доверчивость крестьян к княжескому слову.

Крестьянская война оставила нам целый ряд примеров того, как часто крестьяне теряли плоды своих побед именно благодаря тому, что напуганные восстанием сеньоры [2] чрезвычайно охотно шли на уступки, которые тотчас же брались назад, как только восстание было подавлено. Не будем подробно останавливаться на том, как господствующие классы расправились с крестьянским восстанием.

Стоит только почитать грозные призывы Лютера [3] (сначала как-будто шедшего против крупной духовной и светской знати, но быстро изменившего движению низов), стоит только почитать его выпады против восставших, чтобы понять, какой ненавистью пылали тогдашние князья и их прислужники (в роде Лютера) против крестьян, осмелившихся восстать против своих господ.

Правда, в моменты, когда крестьянское движение было в самом разгаре и когда дворяне не были уверены в сохранении своей власти, Лютер в своих воззваниях призывал к примирению и любовному соглашению обеих сторон.

Когда же восторжествовавшая помещичья реакция начала жестокую расправу с крестьянами, то Лютер одобрял, благословлял и призывал рыцарство к делу уничтожения крестьянства. Как писал он в одном из своих воззваний: «Восстание хуже, чем убийство, поэтому всякий должен помогать его душить явно и тайно, всякий должен думать, что нет ничего более ядовитого и вредного, чем восставший человек. Он подобен бешеной собаке, — если не убьешь ее, то она все равно искусает. Теперь не время милости, — теперь время меча, гнева, а не милосердия».

И, конечно, против этих «бешеных собак» нет ничего запрещенного, — ни самых жестоких пыток, ни вопиющего вероломства, с помощью которого зачастую обманывали доверчивых крестьян тогдашние рыцари.

Крестьянская война имела целый ряд ярких и интересных эпизодов, особенно интересных благодаря своей связи с городским движением. Однако, оно в общем и целом было чрезвычайно быстро подавлено союзом господствующих классов. Поддержка горных рабочих могла временно обеспечить успех крестьянского восстания, но сами горные рабочие были слишком слабы и еще мало организованы для того, чтобы овладеть властью. Мы имеем дело лишь с интереснейшим фактом захвата города Мюнстера восставшими рабочими, которые образовали там коммуну и в течение ряда лет выдержали осаду рыцарей и войск церкви.

Все это далеко от нас. И притом все приведенные исторические примеры взяты из прошлого Западной Европы.

Но чтобы понять общность уроков этих движений с нашим собственным крестьянским движением, напомним о событии нам более близком, которое еще не изгладилось из памяти народного предания, это — о Пугачевском бунте.

Крестьянское движение в России.

Восстание крестьян в 1773 — 74 годах было первым ответом на усиление барщины, и новый Петр III (так называл себя Пугачев) нигде не имел более верных сторонников, как среди уральских горнорабочих — представителей той отрасли крепостного труда, где интенсификация была доведена до последних в то время пределов.

Этот факт хорошо отметили уже современники, хотя и не понимая его экономической подкладки. Биограф Бибикова, писавший с их слов (когда вышла эта книга, всякий помещик за 50 лет мог рассказывать о Пугачеве по личным воспоминаниям), выдвигает среди «подлой черни», составлявшей пугачевскую армию, на первое место «рудокопов». Без них не было бы той «пугачевщины», какую мы знаем, — было бы лишь слабое повторение одного из казацких бунтов, в роде булавинского [4] при Петре.

В сущности, вся пугачевщина явилась соединением двух взрывов, вызванных каждый самостоятельными причинами: то были конечные этапы борьбы за свободу уральского крестьянства, с одной стороны, уральского казачества—с другой. Уральское движение было самостоятельным, остальное — лишь сообщенным, но сообщиться оно могло только потому, что основ-

ной экономический фон всюду был одинаков, — разница была лишь в степени гнета и, отчасти, в связи с этим, в степени организованности движения.

Горнозаводские крестьяне (их в 60-х годах на Урале считалось до 100 000 душ мужского пола) не были юридическими крепостными. Это были черносошные, казенные крестьяне, отрабатывавшие на заводе свою подушную подать, т.-е. таково было их правовое положение. По инструкции 1734 года, всем заводчикам, в видах расширения их производства и устройства новых заводов, было обещано от 100 до 150 дворов государственных крестьян к каждой доменной печи и по 30 дворов к каждому молоту.

Заводчик обязывался платить за этих крестьян подати, как помещик за своих крепостных, а крестьяне—на него работать, по известной таксе; выработанные ими деньги не выдавались им на руки, а высчитывались в подать.

По расчету одного новейшего исследователя для довольно типичного случая, каждому работоспособному крестьянину, чтобы выработать подати, приходилось затратить на заводскую работу 120 дней; другими словами, по тяжести заводская работа равнялась приблизительно двухдневной барщине в неделю.

Это было бы еще не так тяжело, если бы соблюдать требование инструкции приписывать ближайшие к заводам деревни.

На самом деле, юридическая оболочка никого не обманывала: дело шло о возможности получить крепостных из казны, и само собой разумеется, что заводчики и их управители тянулись к лучшим, наиболее богатым и населенным волостям. В результате, «заводские крестьяне оказывались за 400, 500 и даже 700 верст от завода, к которому они были приписаны». Это одно уже делало заводскую барщину исключительно тяжелой.

«Земледельцы не могут пропитаться своим собственным хлебом, — говорит Н. Рычков о Соликамском уезде около 1770 г., — сие не столько от непосредственного плодородия их земель, но больше от того, что обитатели сей области — почти все к заводам приписанные крестьяне, а потому большая часть из них, упражнены будучи заводскими работами, не имеют довольно времени к распространению своего хлебопашества. Ибо в тот час, когда руки земледельцев должны были обрабатывать свои земли и пользоваться плодами, от нее произрастаемыми, принуждены были итти на заводы, находящиеся от них в весьма дальнем расстоянии, каковые суть заводы Верхо-

туровского купца Походяшина, лежащие в 500 верстах от тех селений, кои к ним приписаны, и еще в таких местах, куда и пешим с великим трудом пройти возможно по причине чрезмерно болотистых и лесистых мест».

По расчету того же исследователя для того же типичного случая, походы приписных крестьян на завод при расстоянии, которое можно считать скорее средним, чем очень большим (400 верст), брали у них 96 дней в год; т.-е. их барщина растягивалась до 216 дней, из двухдневной превращалась в четырехдневную.

Это уже одно делалало положение «приписных» значительно худшим в сравнении со средним положением барщинного крестьянина по всей России; но это было еще далеко не все. Работа крестьян на их наделах и заводская барщина сталкивались не только потому, что вторая брала время, нужное для первой. По самым условиям производства заводская работа требовала непрерывности, доменную печь потушить было нельзя, — потухшая домна была крупным убытком для заводчика. Странно было думать, что более сильный пойдет в этом случае на убытки ради интереса более слабого. И вот заводчики начинают систематически стремиться к ликвидации собственного крестьянского хозяйства, к пролетаризации крестьянства, чтобы иметь рабочие руки при заводе всегда.

«Я многих заводчиков знаю,— писал в 1765 году оренбургский губернатор Волков, — кои за правило почитают, дабы их заводские крестьяне совсем домоустройства не имели, а единственно от заводской работы питались, и сего правила тем прилежнее держатся, что в то же время и сугубую от того пользу получают».

«Сугубая польза» заключалась в том, что заводчик эксплуатировал пролетаризованного им крестьянина совершенно так же, как фабрикант второй половины XIX века своих «свободных» рабочих заставлял покупать все необходимое (до хлеба включительно) в заводской лавке, с крупной для предпринимателя прибылью.

Челобитная крестьян демидовских заводов (1741 г.) дает яркую картину этой пролетаризации в условиях глубоко-феодального режима. В рабочую пору демидовские приказчики наезжали на деревню с солдатами и били дубинами и батогами старост, выборных десятников и писарей, требуя, чтобы они, в свою очередь, гнали крестьян на заводскую работу.

«Когда приказчики наших крестьян увидят на пашнях, — писали челобитчики,—работать им не дают и бьют смертельно, и приговаривают: работай на заводе, а не на своих пашнях». Ко времени челобитной цель была уже в значительной степени достигнута: «уже не малая часть демидовских крестьян произошла пустою, и многие в убожество и в крайнее разорение пришли, и подушного окладу платить нам нечем».

Приводить последний мотив было большой наивностью: за уплату подушных отвечал заводчик, покупавший этим рабочие руки приблизительно втрое дешевле, чем они стоили тогда на Урале. Конечно, разорение было прямо в его расчетах, и Демидов прекрасно это понимал, рекомендуя своим детям терпеливо относиться к забастовке их «крепостных пролетариев», — он высказывал твердую уверенность, что голод, рано или поздно, пригонит их обратно на завод.

Плантаторское хозяйство, которое в земледельческой полосе было во всяком случае исключением, хотя, может-быть, гораздо более частым, чем обыкновенно думают, на уральских заводах становилось правилом: «приписной» крестьянин все больше и больше обращался в безземельного раба, которого хозяин кормил и одевал, эксплуатируя за это его и его семью (случаи применения детского труда уже встречаются), как ему заблагорассудится.

Нет надобности говорить, что условия труда вполне отвечали всей картине тогдашнего режима. Никаких признаков «фабричной гигиены», разумеется, не существовало. Рабочие задыхались в шахтах, лишенных вентиляции. Их заливало водой, они наживали себе скорбут (цынгу) и другие болезни. Обезлюдив одну деревню, заводчики хлопотали о приписке другой — и только. Особенно мало заботились об этом привилегированные заводчики из крупной знати, которые, как грибы после дождя, стали расти в конце царствования Елизаветы, с развитием спроса на уральское железо за границей: Шувалов (у одного Петра Ивановича, так хорошо нам знакомого, было 25 000 душ «приписных»), Чернышев, Воронцов и др. При этом дисциплина на заводе 18-го века была такая же, как и в крепостном имении, и если на недавних дореволюционных фабриках «начальство» сплошь и рядом дает волю рукам, можно себе представить, что было в те времена. «При заводской работе происходило нам не точию излишнее противу положенных на нас подушного оклада и оброчного провианта отягощение, но и самые мучительные

ругательства», — писали демидовские же крестьяне в своей челобитной, несколько более поздней, чем цитированная выше.— «Его, Демидова, приказчики и нарядчики, не знаемо за что, немилостиво били батожьем и кнутьями; многих крестьян смертельно изувечили, от которых побоев долговременно недель по шесть и по полугоду не заростали с червием раны. От тех же побоев из молодых в военную службу за увечие в отдачу уже быть не способны, а заводских и домашних работ исправлять не могут (а иные померли). А за принесенную в обиде жалобу, дабы и впредь нигде не били челом, приказом приказчиков и нарядчиков навязав яко татю на шею колодки и водя по дровосекам и шалашам, а в заводе по улицам и плотинам и по фабрикам, ременными кнутьями немилосердно злодейски мучили...». Крестьяне называли при этом по именам 12 человек, засеченных приказчиками до смерти.

Для того, чтобы правильно оценить то действие, которое процесс закрепощения должен был произвести на психику уральских крестьян, надо не забывать двух обстоятельств: во-первых, что процесс этот (тянувшийся в земледельческой России с незапамятных времен) здесь начался и кончился на глазах у одного поколения. Ко времени пугачевщины во многих местах могли быть живы люди, которые не только родились, но и выросли свободными черносошными крестьянами. Во-вторых, что, благодаря именно этой постепенности в земледельческой России, там всюду право успело приспособиться к экономической действительности, подчинявшей себе все. И религия, и мораль, и государев указ, и поучение сельского попа, и «обычай», свято хранимый мудрыми стариками, дожившими до старости именно потому, что они были усердными холопами, — все это твердило крепостному об одном: нужно слушаться барина.

На Урале ничего подобного не было. На бумаге «приписные» продолжали оставаться свободными, наезжие государевы чиновники на словах не решались этого отрицать, как ни сильно они тянули руку заводчиков, и ни в каком священном писании нельзя было отыскать текстов, которые бы уполномачивали Демидова драть семь шкур со своих мужиков, — «обычно, все говорили о свободе».

В первую минуту уральским крестьянам и казалось, что вполне возможно легальное (открытое) сопротивление надвигавшейся на них крепости (крепостному праву). По дальности расстояния о них, дескать, забыли, — вот заводчики и начали

своевольничать; надо напомнить о себе, и управа на лиходеев найдется.

Они писали прошение в главную канцелярию заводов, в Екатеринбурге, — с них брали взятки, огромные по времени и положению просителей, — до 100 — 150 рублей (700 — 1000 рублей на наши деньги),—и потом издевались над ними. Они посылали ходоков,— их сажали в тюрьму, заковывали в кандалы, надевали им на шею рогатки и отправляли работать вместе с каторжниками.

Естественно, должна была явиться мысль пока еще не о том, что легальный путь ни к чему ни приведет, а о том, что они ищут управы не по тому направлению, по какому нужно. Настоящее ли это начальство, которое не хочет исполнять требований, до очевидности законных? Не узурпаторы[5] ли это, посаженные заводчиками? «Узурпаторы» действуют от имени императрицы Екатерины II; не в этом ли обман? Где же Петр III, почему он так скоро исчез?

Уже в 1763 году на Урале питали сомнения по этому случаю, и священник одного села (не без побуждения своих прихожан, конечно) служил молебен о здравии Петра Федоровича. А два года спустя, почти за десять лет до Пугачева, по Уралу уже ходят слухи, что Петр Федорович не только жив, но и находится здесь, на Урале, — называли даже крестьянина, в избе которого он ночевал. А крестьянские ходоки собирают указы Петра III — подлинные и подложные — да и говорят: это еще не все, — есть другие, откуда крестьянская правда видна еще лучше. Идеология уральской революции 1773 года была, таким образом, готова. Достаточно было незначительного повода, чтобы началось движение. Первыми восстали яицкие казаки.

Восставшие казаки немедленно же сумели связаться с социальным элементом, как нельзя более им родственным, — горнозаводскими крестьянами. Уже в октябре 1773 г., через месяц после выступления Пугачева, на Авзяно-Петровском заводе лили для восставших пушки и ядра, которые Кар (командующий правительственными войсками) тщетно пытался перехватить при перевозке их в пугачевский лагерь.

Благодаря этому уже к ноябрю Пугачев имел до 70 орудий, в том числе довольно крупных — 12-фунтового калибра,— и был артиллерией сильнее правительственных войск: в главном сражении с Каром у повстанцев было 9 пушек против 5, которыми располагал отряд Кара, при чем пугачевские пушки были лучше казенных. Факт необычайной важности, недостаточно подчер-

кивающийся обыкновенно историками бунта, весьма склонными изображать пугачевскую армию как громадную, нестройную толпу полувооруженного мужичья. В документах мы не видим ни громадности, ни нестройности, — видим, напротив, сравнительно небольшую силу, составленную из отборных элементов и подготовленную к борьбе в данных условиях гораздо лучше, чем ее противники.

Во-первых, вместе с пушками с заводов пришли люди, умеющие их употреблять в дело. Современники согласны в том, что не только артиллерия, но и артиллеристы у Пугачева были лучше правительственных. «Артиллериею своею чрезвычайно вредят, — доносил военной коллегии разбитый Кар, требуя присылки возможно более крупного калибра. — Отбивать же ее атакой пехоты также трудно, да и почти нельзя, потому что они всегда стреляют из артиллерии, имея для отводу готовых лошадей. И как скоро приближаться пехота станет, то они, отвезя ее лошадьми далее на другую гору, опять стрелять начинают, что весьма проворно делается, и стреляют не так, как бы от мужиков ожидать должно было».

Рычков в своем описании оренбургской осады отмечает, что повстанцы, придавая большой угол возвышения своим орудиям, навесным огнем ухитрялись громить дома в самом центре города, к немалому ужасу осажденных, в первую минуту думавших, что только на валу и около вала опасно быть. Надо иметь в виду, что тогдашние гладкоствольные орудия не отличались дальнобойностью и что городским пушкам, например, никогда не удавалось разрушить пугачевские батареи. Чтобы достигнуть описываемого Рычковым эффекта, нужно было быть, по своему времени, образованным артиллеристом. Совершенно определенно указывает Рычков на связь этого явления с присутствием в рядах пугачевцев заводских мастеров.

«Сказывали, — пишет он, — что посланные в Твердышевский завод без всякого там сопротивления получили и прислали к нему, злодею, более 3000 зарядов с ядрами, а заряды-де были все из лучшего пороха, и не малое число ружей. Тут же взяли они себе из заводских много служителей, в том числе несколько довольно обученных пушечной пальбе, о коих сказывали, якобы они добровольно склонились».

Остается прибавить, что если на горнозаводских рабочих держалась артиллерийская тактика Пугачева, то яицкие казаки не менее умело развили тактику кавалерийского боя. Однако,

для пугачевского восстания характерна не только поддержка восставших горнорабочими Урала, — и в других городах «холопы и фабричные явно сочувствовали Пугачеву».

Вот что пишет биограф Бибикова, отражающий в своем рассказе неофициальные впечатления той поры: «Приехав в Москву 13 того же месяца (декабря) 1773 г. (речь идет об А. И. Бибикове), нашел он обширную столицу в страхе и унынии от язвы и бывшего возмущения: настоящая гроза приводила в трепет ее жителей от новых бедствий, коих не без причины опасались, ибо холопы и фабричные и вся многочисленная чернь московская, шатаясь по улицам, почти явно оказывали буйственное свое расположение и приверженность к самозванцу, который, по словам их, несет им желаемую ими свободу».

Рабочих с московских фабрик побаивалась и Екатерина; еще в июле 1774 года она в числе возможных планов в сущности уже разбитого тогда Пугачева упомянула и о таком: «Прокрадывается в Москву, чтобы как-нибудь в городе в самом вдруг пакость какую ни на есть наделать сам с собою, фабричными или барскими людьми». А для удержания на стороне правительства тульских мастеровых были приняты специальные меры: «О тульских слух есть, будто там между ружейными мастеровыми неспокойно — писала Екатерина Волконскому: — я ныне там заказала 90 000 ружей для арсенала, вот им работа года на 4, — шуметь на станут».

Приведенные мною исторические факты не новы,— они просто выбраны из общеизвестных исторических сочинений, как «Предшественники социализма» Каутского, из истории М. Н. Покровского и т. п. Но от этого их поучительность не уменьшается; наоборот, мне кажется, именно их общеизвестность служит причиной, что на них не обращают должного внимания. Да, по правде сказать, внешние обстоятельства крестьянского быта очень тормозят, а то и совсем не дают возможности крестьянину не только пристально останавливаться на прошлом, а и просто почитать. А, между тем, есть над чем подумать. История дает ряд поучительнейших для крестьянства примеров.

Не будем забегать вперед, в историю наших дней, но уже все восстания крестьян, вызванные развитием торгового капитала, говорят, что в старые времена (которые, между прочим, многие считают благоприятными для крестьян, одни — преднамеренно,

с целью обмана, другие — по простоте и незнанию) только те восстания приобретали силу и получали значение, в которых участвовали вместе с крестьянами и рабочие или, по крайней мере, городская беднота.

Без города, без заводских рабочих, с крестьянами помещики справлялись сравнительно легко. И это вполне естественно, и каждому должно быть понятно, что рабочие приносили с собой к восставшим не только непосредственную военную силу, отвагу, опыт и т. д. Эти качества в той или иной степени присущи и крестьянам. Рабочие приносили с собой современное для боя оружие, чего крестьяне не имели и иметь не могли. Ясно, что бороться с врагом отсталым оружием значит итти на верное поражение. Всякий военный опыт, количество сражающихся, их храбрость бессильны, коль скоро они вооружены самодельной пикой перед огнестрельным оружием.

Вот почему крестьянские восстания приобретали силу лишь вместе с рабочими или городской беднотой, которая, конечно, в массе состояла из различных ремесленников, в том числе и ремесленников по изготовлению оружия.

Несмотря на громадные жертвы, понесенные крестьянами совместно с рабочими, весь длительный период восстаний немного дал крестьянству, даже и ко времени первой французской революции, начало которой относят к 1789 г., а конец — к 1806 — 7 г. Положение крестьянства в это время было столь же тяжелым, каким оно рисуется и за 100 лет до революции, хотя крепостное право уже и отошло в область истории.

Французская революция.

При созыве королем Людовиком 16-м в 1789 году давно уже не созывавшихся генеральных штатов (тогдашнего помещичье-буржуазного парламента), [6] крестьяне выступили со своей петицией (заявлением), требуя отмены феодальных, помещичье-дворянских прав. Но король заявил о незыблемости частной собственности, о незыблемости основных феодальных прав.

Чрезвычайно мало склонна была поддерживать требования крестьян и городская буржуазия. Весьма характерно, что целый ряд требований крестьянской петиции (при составлении общей петиции от областей) буржуазия вычеркивает.

А в национальном собрании (сменившем генеральные штаты) буржуазия больше чем прохладно относилась к требованию крестьян об отмене крестьянской зависимости.

Если в момент созыва генеральных штатов крестьяне питали некоторые «конституционные иллюзии» [7] (надежды на буржуазно-помещичий парламент), и разгромное движение прекратилось, то с открытием генеральных штатов крестьяне убедились в том, что от собрания им ждать нечего. Это заставляет их выступить самостоятельно.

Лето 1789 г. отличается необыкновенно сильным подъемом крестьянского движения. Крестьяне захватывают помещичьи замки, уничтожают их. Начинается хорошо знакомая картина французской «Жакерии». [8]

Подъем крестьянского движения заставляет пойти на уступки крестьянству и национальное собрание. Разочарование крестьянства в постановлении национального собрания, а затем учредительного, привело к тому, что в 1791 г. вспыхнуло новое восстание крестьян, которое заставило национальное собрание пойти на целый ряд уступок.

Но, как мы увидим далее, эти уступки не привели к ликвидации крепостничества.

Ликвидация его осуществилась лишь при диктатуре, установленной мелкой буржуазией в эпоху более революционного парламента—конвента.[9] Лишь после того, как из конвента 31 мая 1793 г. были изгнаны жирондисты (буржуазная партия), конвент получил возможность окончательно и на деле отменить все феодальные права.

Помимо уничтожения феодального права, также заслугой конвента является разрешение вопроса об общинных землях. Нужно сказать, что во Франции, в годы, предшествовавшие революции, на основе общехозяйственного подъема, который начался с середины 18-го века, наблюдался сильнейший захват сеньорами (т.-е. помещиками) крестьянских общинных земель.

Сеньоры пользовались всяким случаем, а в особенности своим господствующим положением в суде, чтобы отнимать у крестьян общинные земли — производить «тираж», — так назывался выдел из общинных земель третьей доли сеньора.

Одним из требований крестьянства к революции был также возврат этих общинных земель.

Однако, ни национальное собрание, ни законодательное собрание, ни конвент до изгнания жирондистов (действовавших в инте-

ресах буржуазии) этого вопроса решить не могли и не хотели. Причины, несомненно, заключались в том, что крупная буржуазия, как и в вопросе сохранения сеньориальных прав, была заинтересована в захвате у крестьян общинных земель, так как весьма часто она сама выступала в качестве участника в их разделе. Только после изгнания жирондистов конвент осуществил полный возврат общинных земель в руки крестьянства.

Однако, нужно сказать, что конвент осуществлял объективно не интересы деревенской бедноты и крестьян-середняков, но интересы тогдашней сельской буржуазии. Дело в том, что французская революция, как известно, произвела колоссальнейшую передвижку земель из рук феодальных владельцев в руки сельской буржуазии, а не бедного крестьянства. Национальное собрание постановило конфисковать земли у церкви, а впоследствии к ним присоединились земли, конфискованные у короны и у дворян, которые и продавались мелкими участками для того, чтобы этим самым поправить финансы республики. Конвент, в отличие от национального собрания и законодательного собрания, провел продажу участков на чрезвычайно льготных условиях с большой рассрочкой платежа для среднего и бедного крестьянства.

Однако, со свержением конвента, все предоставленные деревенским низам льготы были чрезвычайно скоро уничтожены, и фактически все земли начали перетекать в руки сельской буржуазии и городских ростовщиков и торговцев.

В результате французская революция привела к созданию крепкой сельской буржуазии. От революции крестьянские низы ничего не получили. Это вызвало сильнейший протест деревенской бедноты, который выявился в так называемых аграрных (земельных) законопроектах. Последние требовали уничтожения частной собственности на землю и раздела земель между крестьянами.

Во всех последующих революциях Европы крестьянство самостоятельной революционной роли уже не играло; наоборот, в некоторых случаях реакционные (противореволюционные) партии использовали крестьянство против пролетариата и городской мелкой буржуазии. Наиболее ярко использование крестьян в подавлении революции проявилось через 80 лет, — в период Парижской Коммуны,—когда крестьянство дало полную возможность реакционерам (буржуазии) подавить восстание парижских рабочих и ремесленников в море крови.

Со второй половины 19-го века в Европе наступает новая фаза в крестьянском движении, именно — движение батраков. Начало движению положили рабочие Англии, которые в 60-х годах впервые выступили с крупными стачками за увеличение заработной платы.

Однако, для Европы характерно не только батрацкое движение, но также привлечение к этому движению среднего крестьянства. Уже в революции 1789 года крестьянство не могло найти никакого содействия и никакой поддержки со стороны промышленной буржуазии, [10] которая уже тогда была тесно связана с феодальным дворянством, а теперь промышленная буржуазия всецело срослась с новыми землевладельцами, которые уже представляют собой не что иное, как земельную буржуазию.

Поэтому вполне понятно, что крестьянство, которое начинает усиленно разлагаться торгово-промышленным капиталом, в своем революционном движении должно будет направляться не только против крупных помещиков, но и против промышленной буржуазии, которая стоит за их спиной. Это предопределяет участие в крестьянском движении рабочих и среднего крестьянства.

Крестьянское движение наших дней.

Для последующей полосы развития крестьянского движения служат наглядным, наиболее ярким примером русские революции, т.-е. революция 1905 г. и Октябрьская. Ибо в революции 1905 г. хотя крестьянское движение запоздало и не приобрело повсеместного массового характера, все же это было наиболее сильное крестьянское движение в последние десятилетия в Европе.

Самое ценное то, что в нем уже в очень сильной степени сказывается влияние пролетариата. Руководителями, застрельщиками, подпольными агитаторами были в большинстве рабочие или же местные крестьяне, возвратившиеся с фабрик и заводов. Среди аграрников (т.-е. участников земельных беспорядков) все чаще начинают встречаться батраки. Все это невольно и крестьянина-середняка заражало крайним радикализмом (решительностью) в политике, делало его социалистом. По крайней мере, крестьянин-середняк так сам думал о себе.

В революции 1905 г., как ни стараются представлять ее общенародной, крестьянство уже расслоилось; революции сочувствовало не все крестьянство, а его беднейшая часть и серед-

няки. Характерно, что именно только деревенская беднота и середняки вполне сочувствовали лозунгам революционной социал-демократии: это — полная конфискация земли и передача ее безвозмездно деревенской бедноте и середнякам. Богатое крестьянство уже боялось этого лозунга, который мог основательно задеть и его. Крестьянская беднота и середняки встречали отклик своим вожделениям на помещичью землю только среди рабочих. Старое самодержавие, самонадеянно думавшее, что крестьянство стоит за него, в революции излечилось от своей болезни. Оно поняло, что крестьянство в своей массе пойдет за рабочими, что и толкнуло Столыпина на создание крестьянина-хуторянина, как опору против деревенской бедноты.

Одним словом, революция 1905 г. проделала великолепную предварительную работу.

Она расчленила не только классы, но и классовые прослойки на два фронта: один — за революцию с конфискацией помещичьей земли и всем прочим, с одной стороны, и за либеральную конституцию (гос. думу и прочие пустяки), — с другой.

В революции 1917 г. уже почти незаметно разброда, — все разделились на два лагеря: с одной стороны — большевики, с другой — все остальные партии, во главе с эс-эрами. Во всяком случае, борьба внутри белого фронта имеет частный характер. Революция развивается по линии борьбы большевиков, идущих во главе красного фронта, с белым фронтом в целом. Крестьянство разделилось на оба фронта. Все имущее, заскорузлое, забитое, как казачьи области, идет за белыми; губернии, связанные с рабочими, своим голосованием за список большевиков в учредительное собрание пошли за большевиками.

Революция 1917 г. есть не только революция города, — она не меньше изменения произвела в деревне, чем в городе. Можно смело сказать, что в каждой глухой деревне, как бы ни была она далеко заброшена от города, от железнодорожной станции, происходила собственная внутри-деревенская революция, которая еще не закончила своего процесса и по сей день. Она-то и дала столь грандиозный размах классовым битвам.

Весь смысл политической борьбы в Октябрьской революции был в том: кто перетянет на свою сторону основную массу крестьянства, бедноту и середняков: — красные, во главе с большевиками, или белые — во главе с эс-эрами. Внутри-деревенская борьба дала возможность основной, по численности, массе крестьянства понять, что единственным ее истинным другом,

братом по труду, является рабочий. И многомиллионная масса крестьян пошла вместе с рабочими под руководством коммунистической партии, понесла свою жизнь и кровь за лучшее будущее крестьянина и рабочего.

Мне кажется, результаты превзошли возможные ожидания. Все, что было можно ждать от революции, крестьянство получило сторицей: оно получило почти полностью помещичьи земли, уничтожены в корне все старые привилегии имущих классов, крестьянство участвует в управлении государством совместно с рабочим классом. Одним словом, путь к дальнейшему преуспеянию крестьянства открыт.

Как видите, союз рабочих и крестьян не из пальца высосан. Самая беглая сводка крестьянских революционных движений всего прошлого с неопровержимой наглядностью говорит о необходимости для крестьянства союза с рабочими, о том, что не было ни одного серьезного крестьянского движения, где бы в той или иной степени не принимал участия и рабочий, где без помощи рабочего больших достижений крестьянство не добивалось. Вся история прошлого, по крайней мере Европы, говорит, что крестьянское движение, начатое 600 лет тому назад во главе с Фра-Дольчино, должно было быть поддержано рабочими.

За истекшее 600-летие много было у крестьян битв совместно с рабочими против общих врагов. Ими понесены неисчислимые жертвы. Но в результате этой длинной кровавой истории рабочий класс и крестьянство в России восторжествовали они победили,— и сейчас, вот уже скоро 8 лет, свою революционную победу претворяют в дело, которое даст возможность оправдать многовековой путь крестьянских испытаний.

Общие выводы.

История прошлого, вплоть до наших дней, оправдала союз рабочих и крестьян.

Но было бы неправильно думать, что октябрьская победа сняла с очереди вопрос о союзе рабочих и крестьян. Многие из революционеров живут старым представлением, рассматривая крестьянство как попутчиков пролетариата. Мысль о попутчиках особенно ярко выражена у Плеханова. Он говорит: «Представьте, что мы отправляемся на поезде из Петербурга в Москву;

на каждой остановке сходит некоторая часть пассажиров, и только едущие на Москву остаются на поезде до конца; так и в революционном движении: при каждом новом революционном этапе остается часть попутчиков на станциях, называемых этапами революционного движения; они доехали до своих целей и уже переходят в лагерь довольных существующим строем». Среди социал-демократов мыслилось, что еще далеко до социализма, и крестьянство удовлетворится существующим и отойдет от пролетариата, вернее — отстанет от пролетариата, которого конечная станция — коммунизм.

Однако, Октябрьская революция уже вносит существенные поправки в старые воззрения социал-демократов. Во-первых, крестьянство в своей массе пошло дальше всех других классовых прослоек за пролетариатом. Оно оказалось вместе с пролетариатом вплоть до захвата власти. Но и после победы на военных фронтах крестьянство продолжает быть верным союзником пролетариата, да и не может не быть, если хочет соблюсти действительные свои интересы.

В самом деле, если говорят, что рабочему в буржуазном обществе нечего терять, кроме своих цепей, то ведь и у крестьянина имущества не больше, разве что цепи потолще, погрубее. Крестьянское имущество в капиталистическом обществе есть как бы приманка в волчьей яме, хотя эта приманка имеет удивительную притягательную силу, благодаря которой крестьянина эксплуатируют еще сильнее, чем рабочего, и все же только полная безвыходность собственного хозяйства гонит крестьянина в город, на фабрику.

С внешней стороны кажется несуразно: как это так, фабрика при всей жестокости эксплуатации все же дает гораздо больше, чем собственное хозяйство, и все же люди даже с фабрики мечтают обзавестись собственным хозяйством! Но это—только кажущаяся несуразность; по существу же здесь кроется стремление во что бы то ни стало выскочить из капиталистических когтей. И, конечно, вместо достижения своих целей, каждый мечтатель собственного освобождения от пут капитала попадет в капиталистический капкан, ибо единственным действительным средством освобождения от капиталистического спрута и есть только пролетарская победа.

Есть брошюра Льва Толстого: «Много ли человеку земли нужно?». Владелец земли предложил за 100 руб. столько земли, сколько крестьянин обойдет за день от восхода до захода солнца,

с выполнением лишь одного условия: к заходу солнца быть у призового столба.

Чем дальше бежал крестьянин, тем все лучше ему казались земли.

Он уже собрался повернуть к столбу, — время за половину дня, — но впереди перед глазами соблазнительные поляны, — ну, что стоит их захватить: лишь пару еще усилий — и поляны в пределах участка мужика! В момент заката мужик, напрягая последние усилия, был близок к старту, солнце опустилось, с ним вместе руки мужика коснулись призового столба, но мужик испустил свой дух. Помещик отмерил полагающийся мертвецу участок земли.

Мораль Льва Толстого понятна без пояснений. Но ведь если остановиться на ней, значит — косвенно оправдать существующий строй. Дескать, «сам виноват, не будь жаден». Собственная жадность погубила, и т. д., и т. п. Как мы часто слышим эти слова, как назидание неудачному бедняку! По существу же капиталистический мир так и устроен, что перед каждым неимущим человеком реют миражи его собственного счастья.

Нет ничего в капиталистическом мире более азартного, неустойчивого, как жизнь отдельного человека. Все время человек стремится к призовому столбу, но, к сожалению, он находится в более невыгодном положении, чем толстовский мужик, ибо у того перед глазами все же рисовались земляные поляны, а у современных достигателей собственного счастья лишь одни голые миражи. Эти заманчивые миражи искусно расставляются господствующими классами, как могучее предохранительное средство капиталистического строя от разрушения его беднотой.

Конечно, и наше крестьянство в значительной степени еще заражено иллюзиями о возможности наладить собственное хозяйство самостоятельно, вне зависимости от общего благосостояния. Не даром Лев Толстой вывел именно крестьянина, а реакционеры всех мастей заботливо культивируют в крестьянине индивидуалистические предрассудки. Это им выгодно, ибо это распыляет крестьян.

Советский строй, привлекая крестьянина к управлению государством, знакомя его со всей механикой накопления материальных средств, основательно проветривает крестьянские головы от мелко-буржуазного засорения. Взять хотя бы такую незначительную, с государственной точки зрения, меру, как принятие на государственный счет крестьян на излечение на курорты, пре-

бывание в которых безусловно расширяет государственный кругозор крестьянина, расширяет не головной работой, а незаметно, бытом, т.-е. внедряется наиболее крепкими устоями.

В этом и разница советского государства от капиталистического, что оно государственную мощь направляет по линии действительного улучшения положения крестьянина и рабочего, а такое направление есть лучшее средство сращивания крестьянских масс с советским государством. Для меня не подлежит никакому сомнению, что советское государство все больше будет внедряться в быт крестьянина, с одной стороны, и крестьянин — в советскую государственность,—с другой. Перед советским государством стоит ряд огромных задач, в том числе хотя бы задача обеспечения старости. Я ничего не могу сказать: когда, в какой форме и степени она может быть проведена в жизнь, но уже над этим вопросом работает тов. Рыков. Политически, это—новая нить связи государства с крестьянином; политически, это—результаты союза крестьянина с рабочим. И теперь крестьянин Советского Союза с каждым годом все больше будет собственное благо сочетать с общегосударственным. Все больше будет понимать их взаимную зависимость.

Надо открыто сказать: в Советском Союзе для дела союза рабочих и крестьян затруднений не меньше, а, пожалуй, больше, чем в капиталистической стране. Там перед крестьянской беднотой и рабочими — один враг: это — капитализм. У нас перед крестьянами и рабочими общее, это — практические достижения. Но пролетариат видит в них средство, которое приближает его к главной цели; главная же цель, это — достижение коммунизма. У крестьянина главная ценность — настоящие практические достижения, достижения сегодняшнего дня, рост которых увеличивает в его глазах ценность советского государства. И вот трудность-то управления в том и состоит, чтобы, с одной стороны, пролетариат в своей политике дня остался на своей классовой высоте, чтобы успехи дня не затуманили перед ним необходимости итти к коммунизму; с другой стороны — надо считаться со своим союзником — крестьянством, для которого коммунизм — «темна вода во облацех», но для которого наши успехи в области хозяйства и культуры есть главные цели, к чему оно стремится, и каждая достигнутая цель превращается и у крестьянина в сильнейший довод за коммунизм.

В капиталистических странах рабочих и крестьян объединяет нетерпимый гнет капитала. В советском государстве экономи-

ческое и культурное улучшение жизни есть главные убеждающие доводы за союз; но, конечно, рост материальных благ у нас идет очень медленно, пожалуй, пока еще медленнее, чем в передовых капиталистических странах. Здесь уместно показать, что богатые капиталистические страны—как Англия, Северная Америка—помимо того, что эксплуатируют свое крестьянство и рабочий класс (может-быть это многим покажется неправдоподобным, но это именно так: можно уверенно сказать, что американский фермер в виде процентов по ссудам, налогам и т. д. платит до 80—90 процентов чистой прибыли государству и денежному капиталу, каждый же рабочий приносит прибыли капиталисту в два раза больше, чем у нас), — помимо этого, указанные государства еще собирают огромную дань со своих колониальных владений, — а в экономическом смысле к колониальным владениям можно отнестии такой колосс, как Китай, — чего совершенно лишен Советский Союз, который торжественно и твердо отказался от всяких привилегий во всех странах, в том числе и в Китае.

Затем — буржуазное окружение, вечное бряцание оружием наших соседей и, наконец, нескрываемое вожделение таких правительств, как настоящее английское консервативное правительство, разделаться с советскими республиками, как с постоянной угрозой английской буржуазии,—все это заставляет нас тратить огромные, по сравнению с нашими ресурсами, средства на охрану советских границ, что безусловно замедляет темп нашего развития и с чем необходимо примириться как рабочим, так и крестьянам.

На медлительности наших успехов строят свои надежды наши враги, стремясь, с одной стороны, восстановить против Советской власти рабочих, обвиняя ее в эксплуатации и плохой оплате труда рабочих, с другой — те же враги распространяют или стремятся из-за границы распространить среди крестьян сказки о том, что крестьяне эксплуатируются в интересах рабочих. Конечно, советскому правительству, партии, нелегко согласовать претензии рабочих, крестьян и других трудовых прослоек. Это—одна из постоянных забот не только правительства и партии, как я сказал, но и профсоюзов, и печати: указывать на обиженные, обойденные ряды трудящихся.

Конечно, затруднения в практическом удовлетворении предъявляемых трудящимися претензий огромны. Частичных поводов для взаимного раздражения между пролетариатом и крестьянством

не мало. В повседневной жизни эти поводы еще долго будут сказываться. Но советское государство справляется со своей основной задачей—сохранения союза рабочих и крестьян—более или менее успешно потому, — как говорит тов. Сталин, — «что коренные интересы основной массы крестьянства целиком и полностью совпадают с интересами пролетариата. Потому, что интересы крестьянства целиком и полностью совпадают с интересами пролетариата. Потому, что интересы крестьянства находят полное выражение в программе пролетариата и в программе советского правительства. Потому, что советское правительство опирается на союз рабочих и крестьян, строящийся на общности коренных интересов этих классов. Потому, наконец, что в состав правительства, органов правительства, в состав советов входят, кроме рабочих, еще крестьяне, борющиеся против общего врага и строящие новую жизнь совместно с рабочими под руководством рабочих».

Было бы слишком самоуверенно и опасно, если бы мы совершенно успокоились и уповали главным образом на «коренные совпадения» интересов рабочих и крестьян. Что говорить, — совпадение коренных интересов между классами служит могучим стимулом к их союзу, оно очень облегчает политическим деятелям сохранять и развивать союз. Но в практической жизни не меньше подводных камней, чем перед кораблем на опасном морском пути,— чего мы не должны забывать в нашей практической политике.

Октябрь 1925 г.

Примечания.

[1] Секта апостольских братьев (или патаренов, т.-е. люди, вышедшие из низов, тряпичники) была основана Сегарелли, при жизни которого Дольчино и вступил в секту.

Когда Сегарелли сожгли на костре около 1300 года за борьбу против папства, Дольчино сделался руководителем секты и повел против папства дальнейшую ожесточенную борьбу, вылившуюся в вооруженное восстание. (Эта борьба имела под церковной оболочкой, в сущности, классовый характер—борьбы угнетенных против угнетателей, в частности крестьян против помещиков, князей и монастырей.) После подавления восставших крестоносцами, Дольчино и его жена Маргарита были сожжены на костре в 1307 году.

[2] Сеньор — латинское слово — значит старший. Сеньорами назывались раньше за границей крупные помещики.

[3] Мартин Лютер—реформатор Германии. По происхождению он был крестьянин. Родился в 1483 году, умер в 1546 году. В крестьянском движении в Германии Лютер играл двойственную, соглашательскую роль, подобно нашему Керенскому. Когда крестьянское движение было подавлено, Лютер перешел на сторону князей и помещиков, осыпая проклятьями повстанцев и призывая на их головы небесные и земные кары. Известен Лютер больше как основатель лютеранства.

[4] Булавин — донской казак, поднявший бунт на Дону против царского правительства при Петре Великом в 1707 — 8 годах. После поражения застрелился, чтобы не сдаваться живым в руки царского правительства.

[5] Узурпатор — насильник, захватчик.

[6] Генеральные штаты во Франции — сословно-представительное учреждение, существовавшее в XIV—XVII веках. В генеральные штаты входили представители от дворянства, духовенства и буржуазии, называвшейся тогда третьим сословием.

Впервые генеральные штаты были созваны французским королем Филиппом IV Красивым в 1302 году, решившимся искать поддержки у населения в борьбе против римского папы Бонифация Восьмого.

С тех пор через различные промежутки времени генеральные штаты созывались королями по различным поводам, вплоть до 1614 года. Генеральные штаты не допускались королем к настоящему влиянию на управление страной и созывались только лишь для более успешного выколачивания налогов из населения, когда королю приходилось круто и он не отваживался повышать налог, или же для защиты Франции, когда ей грозил военный разгром, например со стороны англичан в 1356 году. Когда же опасность проходила, генеральные штаты распускались или же разгонялись силой оружия, если они не хотели сами расходиться.

После 1614 года штаты не созывались 175 лет, так что о них успели почти позабыть во Франции. Но их воскресила еще раз к жизни Великая Французская Революция в 1789 году. На этот раз положение было совсем иное.

Пышная жизнь короля со своими придворными, требовавшая все новых и новых налогов, продажность и злоупотребления королевских чиновников беспощадно разоряли население. Французская буржуазия того времени, владевшая огромными богатствами, первоначально охотно ссужала короля деньгами. Но когда эти долги перешли всякие границы и стали угрожать банкротством короля,—буржуазия поднялась на дыбы. Но революционным порохом послужили, главным образом, парижские рабочие, которым тяжело жилось в то время (14—15-часовой рабочий день с 50 коп. заработком), и крестьянство, которое было страшно опутано различными повинностями в пользу помещиков (часто не живших в поместьи и не владевших хозяйством) и духовенства. Иногда эти повинности поглощали д в е т р е т и полевого сбора крестьянина, а из остальной надо было о д н у т р е т ь еще заплатить в государственные подати.

При этом из всей возделываемой земли приблизительно только о д н а т р е т ь находилась в руках крестьян, а д в е т р е т и принадлежали помещикам (феодалам-дворянам). Один епископ писал в то время главному

министру Франции, Флери: «Народ в деревнях наших живет в ужасной бедности, пустых избах, без постелей и столов».

Шла также классовая борьба между высшим и низшим чиновничеством, между низшим и высшим духовенством. В такой обстановке были созваны генеральные штаты в 1789 году королем Людовиком XVI, чтобы упорядочить финансы Франции. И хотя генеральные штаты состояли только из дворянства, духовенства и буржуазии (первые два сословия имели 300, а буржуазия 600 мест), они сделались орудием революции, потому что за их спиной стояли волновавшиеся народные массы.

Первым актом генеральных штатов было то, что они упразднили это старое неполноправное учреждение (как совещательный орган при короле) и назвали себя Национальным Собранием.

Это повело к тому, что король хотел силой оружия сделать их более сговорчивыми. На это парижская беднота 14—16 июля 1789 г. ответила восстанием и осадой, а затем разрушением крепости Бастилии, в которой содержались политические преступники.

Часть войск также присоединилась к восставшим. Тогда Национальное Собрание занялось выработкой конституции (основных законов) и назвалось Учредительным Собранием.

[7] Иллюзия — несбыточная надежда.

[8] Жакерия — восстание французских крестьян в XIV веке, которое было подавлено с неимоверной жестокостью. Название получилось от предводителя восстания Гильома Кале, прозванного Жаком-Простачком, то-есть восстание Яшки-Простачка, как презрительно выражались помещики. Жакерия — в переносном смысле слова — крестьянское восстание.

[9] Национальный конвент (конвент — латинское слово, значит: собрание) — высшее государственное учреждение конца Великой Французской Революции—был созван 20 сентября 1792 г., после роспуска законодательного собрания. Конвент состоял из двух главных политических партий: жирондистов (название от департамента,—т.-е. области—Жиронды), которые отстаивали интересы средней зажиточной буржуазии и вели соглашательскую контр-революционную политику, за что и были изгнаны из конвента. Второй главной политической группой были якобинцы, прозванные также монтаньярами (партия «горы», то-есть высоко расположенных мест в собрании), которые защищали интересы мелкой буржуазии—крестьян и ремесленников,—а также верхушки зарождавшегося в то время рабочего класса. Якобинцы (их вожди: Робеспьер, Дантон, Марат) были наиболее революционной партией времен Великой Французской Революции.

[10] Долго распространявшаяся буржуазными историками и поддержанная нашими меньшевиками выдумка о революционности французской буржуазии времен Великой Французской Революции в настоящее время опровергается исторической наукой. Французская буржуазия того времени пришла к власти на спине крестьян и парижской бедноты, — что называется, загребла чужими руками жар.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ДОКЛАД ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ НА XIII СЪЕЗДЕ ПАРТИИ.

(29 мая 1924 года.)

Товарищи, я попал в поток длиннейших докладов. Но до сих пор я был слушателем, как и вы, и чувствую, что настроение у всех такое, что доклад следует уменьшить до самых минимальных размеров. *(Смех.)* Но примеры очень заразительны, и вы сами понимаете, как мне трудно после таких длинных докладов (предшествовавших моему) сделать короткий. Во всяком случае все мое внимание будет направлено на сокращение доклада. Помятуя мою задачу, я не буду касаться деталей, так как вопрос о работе в деревне разбирался на местах основательно. Задача докладчика не только все рассказать, а мысль разбудить. Так я постараюсь будить вашу мысль докладом *(смех, апл.)*, а не непосредственно обучать вас.

Вопрос о работе в деревне с теоретической стороны давно уже решен, но обстановка меняется постоянно, меняются условия, и, в соответствии с этим, наша тактика, наш подход к крестьянству также должны меняться, — повторяю, в соответствии с теми новыми условиями, которые выдвигает жизнь. Но и при изменившихся условиях все-таки должна быть ясна прежде всего принципиальная линия. В этом отношении исчерпывающий ответ дал тов. Ленин еще на VIII съезде партии в речи «О работе в деревне», где он, вначале остановившись на том, что, конечно, в пролетарской революции главнейшую роль играет пролетариат и только пролетариат, что только диктатура пролетариата может довести пролетарскую революцию до конца, что ни о каком господстве демократии не может быть и речи, переходя к вопросу об отношении к крестьянству, говорит:

«Однако, отсюда ни в коем случае не следует, — это было бы глубочайшей ошибкой, — что и в дальнейшем строительстве ком-

мунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть уже в руках пролетариата, будто и в дальнейшем нам можно обойтись без участия средних промежуточных элементов».

Но в деревне, — по выражению тов. Ленина, — уже произошло выделение пролетарских и полупролетарских элементов и сплочение их с городским пролетариатом, и тов. Ленин так рисовал практические перспективы в результате окончания этого этапа:

«Этот этап в основном также закончен. Те организации, которые первоначально для этого создали комитеты бедноты, настолько упрочились, что мы нашли возможным заменить их правильно выбранными советами, т.-е. реорганизовать сельские советы так, чтобы они стали органами классового господства, органами пролетарской власти в деревне. Главное, что является первой и основной задачей в пролетарской революции, мы сделали». (Владимир Ильич имеет в виду победу пролетариата над буржуазией.) «Именно потому, что мы это сделали, на очередь стала задача более сложная: отношение к среднему крестьянству. Кто думает, что выдвигание этой задачи является чем-либо похожим на ослабление характера нашей власти, на ослабление диктатуры пролетариата, на изменение, хотя бы частичное, хотя бы совсем слабое изменение нашей основной политики, — тот совершенно не понимает задач пролетариата, задач коммунистического переворота...».

Эти мысли, понимание их в данный момент, мне кажется, имеют не меньшее значение, чем когда их высказывал тов. Ленин. Наоборот, именно сейчас, когда у нас нет тов. Ленина, когда, по существу говоря, у нас нет творца союза рабочих и крестьян, именно когда у некоторых есть тенденция опереться лишь на бедноту, ослабляя внимание на основную группу крестьянства, на середняков, они приобретают для нас особую ценность.

Характерно, что тов. Ленин, чтобы усилить высказанную им мысль о необходимости внимательного отношения к середняку, говорит:

«Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контр-революционных поползновений,—это не есть полная экспроприация».

Вот, товарищи, мысли, высказанные Владимиром Ильичом 5 лет тому назад. Эти мысли сейчас имеют, пожалуй, еще большую актуальную ценность, чем это было 5 лет тому назад. Сейчас они имеют особенную ценность, так как теперь все больше и больше раздаются голоса, отражающие ориентировку только на крестьянскую бедноту.

Я не могу отказать себе привести еще 2—3 фразы, которые Владимир Ильич повторял несколько раз в своей речи в самых различных вариациях, очевидно, с прямою целью,— как и всегда он делал, — чтобы вбить крепко свои мысли в слушателей, чтобы эти мысли не улетучились.

«Тут насилием ничего не создашь. Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред».

Или:

«Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина... Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способу перехода к лучшему строю и не сметь командовать. Вот правила, которые мы себе поставили».

И, наконец, заключение:

«Нам необходимо от задачи подавления буржуазии перенести наше внимание на задачи устроения жизни среднего крестьянства. Мы должны жить с ним в мире».

Я очень скупо привел выписки из речи тов. Ленина, я стремился их ограничить до минимального размера, и все-таки приведенные цитаты дадут определенное направление, которое и в настоящий момент мне кажется столь же жизненным, как бы высказанным сейчас здесь. Конечно, жизнь движется вперед. За эти пять лет, прошедшие с VIII съезда партии, развитие крестьянского хозяйства ушло вперед, и казалось бы, что нужно внести в речь тов. Ленина серьезные коррективы, в его принципиальную постановку вопроса об отношении диктатуры пролетариата к крестьянству. И, однако, я думаю, вы согласитесь со мною, что, если бы я эти слова не цитировал, а произнес их в собственном изложении, применительно к условиям сегодняшнего дня, вы бы нашли это естественным, соответствующим теме доклада.

Поэтому предлагаемый проект резолюции ЦК партии не несет изменения принципиальной сущности нашей политики.

Он не отвергает ни одного пункта резолюции VIII съезда партии, а лишь развивает, дополняет, в соответствии с изменившимися потребностями деревни, наметившиеся детали, в свою очередь вызванные ее поступательным развитием. Высказанные Владимиром Ильичом мысли и резолюция VIII съезда должны явиться для нас исходным пунктом по работе в деревне.

Как бы экономическое развитие деревни ни шло медленно,— а, несомненно, оно идет медленно, — все-таки и это медленное развитие деревни уже дает нам узреть новые формы социального быта в деревне.

Темп развития нашего сельского хозяйства у нас чересчур переоценивают, переоценивают только потому, что у нас еще слабо идет развитие промышленности. Наше сельское хозяйство пока-что идет по старым мелко-буржуазным тропам. Оно основано на так называемой новой экономической политике, т.-е. на признании буржуазных отношений, и, в соответствии с этим, коль скоро мы признали новую политику по отношению к сельскому хозяйству, должны расти те плоды, те цветы в развитии сельского хозяйства, какие растут вообще на новой политике, на буржуазных отношениях. Но, прежде всего, какую основную тенденцию мы замечаем в развитии нашего сельского хозяйства? Это—непосредственное увеличение производительности сельского хозяйства. Общее благосостояние крестьянства за этот год значительно усилилось. Тут нет никаких разногласий. Разногласия только в темпе, но что общее благосостояние крестьянина увеличилось по сравнению хотя бы с тем, что было два года назад, в этом нет никакого сомнения. В связи с увеличением благосостояния крестьянина произошли и другие изменения. Это благосостояние увеличилось главным образом среди середняцкого и зажиточного крестьянства. Это не значит, что целый ряд крестьян на другом полюсе обеднел больше, чем в первые годы, т.-е. до нэпа. Это—неверная позиция, что у нас увеличилось количество бедноты—как бедноты—в крестьянстве. У нас не количество бедноты увеличилось в крестьянстве, но у нас увеличилась разница между беднотой и между середняком и кулаком. Вот когда в 1918 или когда в 1921 гг. экономически кулак был разорен больше, он приближался экономически к бедноте. Равенство это достигалось тогдашним общим положением. В настоящий момент увеличивается общее благосостояние крестьянства, в том числе и бедноты. Состояние бедноты может ведь косвенно увеличиваться. Многие, напри-

мер, уходят на наемные работы. Здесь нет социализма, но есть непосредственное улучшение. Я лишь говорю, что в соответствии с тем, как увеличивается благосостояние крестьянства, увеличивается и его расслоение. Но когда происходит процесс увеличения разницы экономического положения в крестьянстве, то это сказывается и на политике. В деревне увеличилось политическое влияние середняков и кулацких слоев. Эти слои, которые не были активными несколько времени назад, теперь проявляют бо́льшую активность.

Но на ряду с этим процессом имеются и другие процессы. Мы видим, параллельно с увеличением кулацких слоев населения, параллельно с расслоением крестьянства, заметно еще и кооперирование крестьянства. Мы наблюдаем, что крестьянская беднота политически более развита и воспитана, чем она была прежде, более способна к борьбе, более, чем прежде, стремится вырваться из кабалы кулака и ищет таких троп, которые помогли бы ей выскочить из тенет кулака. И поэтому, чтобы избежать этих буржуазных тенет, она организуется в коммуны, она кооперируется во всевозможные артели, чтобы увеличить свою экономическую мощь.

История наших коммун, которая тоже есть стремление бедноты избавиться от кулака, в высшей степени интересная, единственная в мире история. Вначале, в первый революционный период, когда у всех была огромнейшая надежда на быстрое практическое завоевание в деревне социализма, эти коммуны росли, как грибы, но затем они стали разваливаться. И сейчас, после 7 лет Советской власти, можно подвести итоги истории новых сельскохозяйственных коммун. И нужно сказать, товарищи, что нигде в истории нет настолько богатого опыта, нет такого огромного напряжения в искании форм для коллективной работы и для коллективного сожительства, как у нас. Все прежние опыты Оуэна кажутся микроскопическими и смешными перед грандиозной работой, которая проделана нашими коммунами.

Главная, основная их работа, это — подыскание тех коллективных форм общежития, которые дали бы возможность индивидуалистические стремления человека приспособить к совместному сожительству. Это, товарищи, одна из труднейших задач. Когда знакомишься с работой коммун на месте, когда изучаешь эти коммуны и их практическую работу, то видишь, какие огромные, невиданные трудности встречаются на пути этих коммунаров.

И в этом отношении опыт имеется богатейший. Вероятно, в ближайшем будущем перед нами вырисуется целый ряд типов, выдержавших испытание коммун. Каждая местность имеет свои коммуны. Например, в Калужской губернии целый ряд коммун сохранился на почве того, что там стали часть прибыли делить между коммунарами, и коммунары эту прибыль могли расходовать каждый индивидуально, т.-е. они уничтожили полную коммунальную линию, пошли на компромисс, но сохранили коллективную обработку.

Другие коммуны проделывают довольно большую культурную работу. Надо сказать, что большинство коммун, которые сохранились в деревнях, все больше и больше берут на себя культурные обязанности. Например, в Тамбовской губернии коммуны берут на себя целый ряд производственных функций, обслуживающих крестьянство. Типичным примером может служить коммуна «Путь».

Пришла на развалины; так же, как и другие коммуны, начала с ремонта. Чинить и восстанавливать пришлось все: и инвентарь, и постройку.

Сейчас в коммуне введено пятиполье, имеются хорошие огороды, расчищенный и обработанный сад. Хорошо и с рабочей силой. Имеется 20 лошадей, 2 жеребца-производителя и кровная кобыла. Кроме того, коммуна имеет 100 свиней, 30 голов рогатого скота, а из хозяйственных предприятий—кузнечно-слесарную, столярную и портняжную мастерские.

По праздникам в коммуну часто захаживают крестьяне на спектакль или на собрание. Некоторые из членов коммуны занимают два года под ряд по выборам разные должности в местном волисполкоме.

На московской сельскохозяйственной выставке коммуна получила премию: сортировку, сепаратор, культиватор и библиотечку, стоимостью в 10 червонцев.

Коммуна «Красный Октябрь», Новониколаевской губернии, останавливает на себе внимание своей величиной: 371 коммунар, 4 тысячи десятин земли. Питание общее, живут семьями по отдельным домам и комнатам. В такой коммуне разойтись трудно. Ее величина из количества превращается в качество. Весь вопрос, справятся ли с производственной стороной, будут ли производимые товары соответствовать рыночным ценам? Во всяком случае партийные органы должны серьезно отнестись к таким опытам и со своей стороны оказать коммунарам полное

содействие. Как видите, коммунальное сельское хозяйство ищет те организационные формы, которые бы дали возможность им сохраниться. Характерно, что коммуна «Красный Октябрь» организовалась на крестьянской земле, и ее инвентарь и жилища также в основе составились из имуществ, входящих в коммуну коммунаров. В настоящем году они считают, что работали с убытком в 20 тысяч рублей. Убыток получили от неурожая яровых хлебов, но у них в отчете значится расход в 24 тысячи рублей на обмундирование,—это выходит по 65 рублей на человека. Ясно, расход преувеличенный или, во всяком случае, стоящий гораздо выше крестьянского на эту статью; если этот расход сравнить со средним расходом крестьянина на обмундирование, то, очевидно, убыток значительно бы уменьшился. Из этого как-будто можно думать, что коммуна может работать если и не с прибылью, то, во всяком случае, без убытка.

Если принять во внимание убыточность совхозов и до известной степени слабую надежду на превращение их в прибыльное государственное хозяйство, то нельзя этого сказать по отношению к коммунам. Наоборот, коммуны, — разумеется, там, где не происходит внутреннего развала, где более или менее найдены формы дружного сожительства, — такие коммуны материально растут, завоевывают уважение окружающих крестьян, выполняют известную культурную работу среди них и представляют из себя в местном районе наиболее активную общественную группу.

Главное преимущество коммун перед совхозами,—что на них не распространяется, как работающих на себя, трудовой кодекс. Поэтому в основе сельскохозяйственные коммуны экономически имеют благоприятные предпосылки для реализации своего товара на рынке. Во всяком случае, мне кажется, положение сельскохозяйственных коммун более благоприятно, чем совхозов.

В результате мы имеем нарастание кооперированного крестьянства, которое для того, чтобы изжить свое бедственное положение, чтобы избежать кабалы, которую капитализм ему готовит, объединяется в самых различных формах кооперирования и тем самым направляет сельское хозяйство на социалистический путь развития.

Но было бы наивно успокоиться на этом так называемом социалистическом пути. Укрепление социализма в деревне не есть самодовлеющая крестьянская задача, которая решается вне связи с социалистической промышленностью, с товарооборотом

с ходом производственной и торговой жизни страны вообще, ибо крестьянское кооперирование, если оно будет находиться вне зависимости от развития государственного социализма, будет быстро скатываться в мелко-буржуазную кооперацию. Главным двигателем социализма в деревне в настоящее время, конечно, является развитие товарности в сельскохозяйственном производстве, ибо развитие товарности даже отдельного товаропроизводителя увеличивает оборот рынка, где оперируют и задают тон государственные органы.

Стремление к уравнительности, к натуральному хозяйству является экономическим шагом назад. Это внешнее равенство именно есть только внешнее; такое равенство не способствует кооперированию, а, наоборот, толкает эти равные натуральные хозяйства к замкнутому чисто-натуральному хозяйству, т.-е. не только не приближает, а удаляет нас от социализма.

Поэтому развитие товарности в деревне, за которое так борется Александр Петрович Смирнов, по-моему, действительно является первоочередной задачей, и именно такой, которая создает экономические предпосылки крестьянского социалистического хозяйства. Но, как я уже сказал, развитие товарного производства в сельском хозяйстве не есть только задача крестьянина, но и задача пролетарского государства. Надо создавать те рынки, того потребителя, которые бы поглощали производимый крестьянами товар. При малом проценте товарного производства в крестьянском хозяйстве происходит крайне медленное накопление капитала, т.-е. средств производства. Само кооперирование чисто-потребительских хозяйств в высшей степени трудно и неустойчиво. Такие кооперируемые хозяйства всегда несут в себе центробежную силу, и такая кооперация мало в себе содержит зачатков государственности, зачатков того, что составляет необходимую предпосылку социализма. Совершенно иное, когда кооперируется товарное хозяйство.

В самом деле, пусть индивидуальный крестьянин в своем индивидуальном хозяйстве производит лен или хлопок. Внешне он совершенно самостоятелен. В своей производственной сущности он является мелким капиталистиком со всеми свойствами, присущими мелкому капиталистику. Вместе с тем, производя хлопок или лен на рынок, в силу наших условий он попадает, в виду товарности своего производства, под сильнейшее воздействие государственных торговых и производственных органов. Благодаря товарности производства и кооперированию его,

у производителя расширяется производственный горизонт. Он уже великолепно понимает, что он производит только товар, продукт, который снова пойдет в переработку, что он сам выполняет одну только производственную манипуляцию. До известной степени производством товара крестьянин превращается как бы в кустаря, даже, пожалуй, в ремесленника, работающего на заказ, и, вполне естественно, как это было и во все времена, заказчик перекрашивает исполнителя в нужный ему цвет.

Капиталистический мир накладывает на крестьянина отпечаток буржуазности. Наше советское государство наложит отпечаток советской государственности. И уже нет никакого сомнения, что государство через свои торговые органы будет иметь могучий рычаг влияния на крестьян-товаропроизводителей.

При товарности, и именно при товарности, кооперирование вытекает из самого производства. Не даром сибирские маслоделы, льноводы, картофелеводы создали довольно сильные кооперативные объединения. Не подлежит никакому сомнению, что столь же сильную кооперацию создадут и производители хлопка, декханы Туркестана, на почве однородности их производства. В самом деле, экономически это так понятно: на рынок они везут один и тот же материал, значит, и покупают их товар приблизительно одни и те же органы; в производстве им нужны одинаковые орудия производства, значит, они могут закупать эти орудия производства большими партиями, что, само собой разумеется, выгодно не только им, как покупателям, но выгодно и заводу или торговому предприятию, ведущему продажу одних и тех же орудий большими партиями. Здесь кооперирование—даже производственное объединение—напрашивается само собой.

Конечно, нельзя сказать определенно, — как у нас иногда любят подчеркивать преимущества крупного хозяйства, — что вопрос о крупном или мелком хозяйстве в товарном производстве есть вопрос техники, а развитие техники происходит диалектически. Примерно, пока была паровая машина, она объединяла в одном помещении соответствующее количество недробимых паровых сил. Но вот появляется электричество, которое движущуюся механическую силу дробит на мельчайшие части, как бы приспособляя ее к среднему хозяйству мельчайшего крестьянина. С технической стороны какое производство будет выгоднее: паровое ли, объединенное в одном помещении или,

по крайней мере, под одним управлением, или же электрическое, которое тончайшими медными нитями разбросало энергию среди отдельных производителей? Это надо будет подсчитать. Это — вопрос не принципа, а вопрос технической целесообразности. Важно, что при товарном производстве крестьянин включается, врастает в общегосударственное производство, он делается производственной единицей общепланового хозяйства.

Все сказанное мною указывает на глубокую важность развития товарности в деревне, а именно, что товарность, хотя и косвенно, является, мне кажется, главным фактором и предпосылкой для социализма в деревне.

Многие зададут ядовитый вопрос: а не поведет ли развитие товарности к усилению кулачества, к накоплению частных капиталов? Что касается первого вопроса, то тов. Ленин, отвечая на вопрос, что такое кулак, говорил: «Нельзя, не зная истории данного хозяйства, сказать: кулацкое оно или нет». Не замечаете ли вы исключительную осторожность в ответе тов. Ленина и, вместе с тем, пожалуй, единственно правильный ответ? Мне кажется, он должен служить примером осторожности и указанием на то, что имущественность еще не говорит о кулачестве. В этом отношении очень показательны некоторые из крестьянских писем, только-что вышедших отдельным сборником редакцией «Бедноты». Среди высказываемых в этих письмах мнений мы часто встречаем анализ имущественного достояния хозяйства с точки зрения того, как оно сложилось, какими путями это достояние образовалось, и что представляет в психологическом отношении хозяин. Наконец, существенное значение имеет признак, вытекающий из экономической географии. Например, сибирский крестьянин в нормальное время гораздо богаче, примерно, московского, но это совершенно не говорит о его приближении к типу кулачества. Его черты также мало соответствуют коллективности, но мы должны считаться со свойствами сибирского крестьянина, как типичными для крестьянских масс, как, примерно, мы считаемся с определенными свойствами природы. Эти черты могут быть изжиты только медленным, постепенным изменением экономики хозяйства.

По существу же, конечно, известная кулачность — правильнее, мелко-буржуазность, желание использовать обстоятельства, использовать своего соседа или вообще человека — свойственны каждому крестьянину. И, конечно, более состоятельному это удается чаще, бедняку — редко или никогда, но, поскольку он

крестьянин, у него ни на минуту не ослабевает жажда кого-либо использовать. Такое кулачество, свойственное вообще крестьянину, сразу не искоренишь. Оно обусловлено самой экономикой деревенской жизни, и с ним бороться очень трудно; и бороться нужно не административным вмешательством в повседневные взаимоотношения крестьян, а постепенным изменением основ крестьянской экономики. Представим себе такую картину: у крестьянина во время посева не хватило семян, — что ему делать? Ехать в кооператив? Но ведь, чтобы получить их в кооперативе, надо ехать туда, обратно, да и там еще обделать кое-какие формальности, а семян-то надо ему всего один-два пуда. И выходит, что крестьянину лучше пойти к соседу (который позажиточнее) и взять у него 1—2 пуда семян под отработку. Сосед даст, но в самый разгар летних работ заставит своего должника отработать 1 — 2 дня, т.-е. получит до 100% за трехмесячную ссуду. Конечно, всякий скажет, что это — бешеный процент, никаким банкам не снившийся.

Но в деревне у крестьян часто бывают такие случаи, что неписанные сделки вырастают из самого крестьянского быта и будут держаться в той или иной форме до тех пор, пока мы не поднимем общего благосостояния трудового крестьянства и не наладим кооперации так, чтобы она полностью приспособилась к обслуживанию крестьянских нужд и чтобы крестьянину при всякой нужде было выгоднее обращаться к ней, а не к соседу. Только такое постепенное изменение основ крестьянского быта в деревне поможет нам изжить кулацкие тенденции в крестьянских взаимоотношениях и в корне изменить эти взаимоотношения и психологию крестьянина в сторону приближения к социалистическому строю.

Из всего этого видно, сколько трудов нам всем, и кооперации в первую голову, нужно еще положить на то, чтобы изменить основу крестьянского быта, порождающую кулацкие тенденции в крестьянских взаимоотношениях. Нельзя и вредно думать, что современный быт деревни можно изменить очень легко административными мерами. Однако, из этого не следует, что рабоче-крестьянская власть совершенно не будет применять мер административного воздействия и против крупных ростовщиков, мародеров и хищников, занимающихся разорением крестьянства.

Тот же кулак, который конкурирует с кредитным товариществом, дает ссуду на большие хозяйственные потребности;

таких кулаков в волости, а то и округе, бывает один-два, и они известны всем.

Что касается второго вопроса — вопроса о накоплении частного капитала, — конечно, товарное сельское хозяйство способствует созданию частных капиталов. Но ведь — я уже сказал — оно же помогает строить крепкую кооперацию. Капиталы при современных условиях собираются не только частными лицами, а и кооперацией, и теми государственными органами, которые имеют дело с товарностью крестьянского хозяйства, — взять, например, «Хлебопродукт».

Да, наконец, применение новой политики уже само собой подразумевает капиталистические отношения, известный рост частного капитала. Важно, чтобы развитие частного капитала происходило по наиболее выгодному для нас руслу и под нашими неослабным и всесторонним контролем. Я думаю, что у государства, которое располагает транспортом, держит в своих руках основные отрасли промышленности, банки и оптовую торговлю, найдется достаточное количество осторожных экономических средств, которые бы не резали частный капитал, но, вместе с тем, не давали ему чересчур расти во вред и в противовес государственному. Во всяком случае, развитие товарности и интенсивности в сельском хозяйстве экономически столь необходимо, что, вероятно, мы еще сравнительно долгое время будем мириться с ростом мелких капиталистиков, и уже, во всяком случае, наши мероприятия по отношению к среднему крестьянству, к его хозяйству, по завету Владимира Ильича, должны быть сугубо осторожными.

Главным орудием борьбы с частным капиталом в деревне, конечно, может быть только кооперация. Кооперация дает возможность накоплять общественные капиталы и противопоставлять их против частного. Кооперация и вообще кооперирование во всех видах дает возможность распыленным крестьянским хозяйствам наиболее выгодно использовать как реализацию произведенных крестьянином продуктов, так и закупку необходимого ему инвентаря. Наконец, через кооперацию происходит накопление местного капитала, излишки которого употребляются на местные культурные нужды: наем ветеринара, агронома, врача или содержание училищ более повышенного типа, чем содержат советы, и т. д.

Вообще кооперация, как общественно-хозяйственный орган крестьянства, в своем развитии делается органом, всесторонне

обслуживающим крестьянские нужды. Возможно, в будущем она будет помогать, а в деревне и заменять органы коммунального обслуживания. Уже и в данное время не редкость встретить кооператив, довольно полно обслуживающий крестьянское хозяйство. Например, в одном из сел, недалеко от Калуги, я видел кооператив, который имел торговлю, мельницу, крупорушку, маслобойный завод и пункт с сельскохозяйственными машинами, где происходит очистка семян, чистка шерсти, и т. д., и т. п. Все это приводится в движение общим газогенератором. Вот вам первичная, зачаточная общественная производственная организация в деревне. Между прочим, этот же кооператив за свой счет содержит агронома и ветеринара. Ясно, что в этом районе нет места для развития капиталистов или, во всяком случае, они имеют тесные пределы для своего развития. Я не останавливаюсь более полно на кооперации, так как этому пункту посвящено особое место на съезде, где вопрос уже обсуждался со всех сторон. В заключение только скажу, что главная масса сельскохозяйственного кредита должна быть направлена на кооперацию, и что в работе первичной кооперации должна энергичное участие принять Коммунистическая партия.

Развитие товарного производства, усиление кооперации, как сказано выше, значительно облегчают, увеличивают благосостояние крестьян вообще, в особенности улучшая положение середняка и бедного крестьянина. Но ведь у нас есть беднота, совершенно лишенная средств производства, имеются сотни тысяч инвалидов и семей убитых на войне, которые по своей полной бедности лишены возможности пользоваться благами кооперации, ибо кооперация объединяет не людей, а хоть и маленькие, но все же их материальные средства, которые отсутствуют у такой бедноты.

Для помощи этой группе крестьян с 1921 г. созданы Наркомсобесом комитеты взаимопомощи. Их работа мало кого удовлетворяет. Как у центральных советских органов, так и в особенности у местных, есть постоянное стремление их ликвидировать, по крайней мере, в собесовской форме, с передачей хотя бы в Наркомзем. Были соответствующие предложения и во ВЦИК. Очевидно, такими мерами стремились изменить природу комитетов взаимопомощи, приблизить их к комнезамам Украины. Что касается слабости работы комитетов взаимопомощи, я бы предложил строгим критикам беспристрастно, без предвзятой мысли переоценить их работу, принимая во внимание все условия,

в каких они работают. Можно открыто сказать, что нет у нас среди советских и общественных органов более заброшенных пасынков, чем комитеты взаимопомощи.

Я не встречал их защитников нигде, кроме Собеса. Надо удивляться не тому, что комитеты взаимопомощи плохи, что они существуют только на бумаге, а тому, как они могли привиться при столь неблагоприятной почве и существующей за эти 3—4 года погоде; а что они существуют и имеют тенденцию к развитию, в этом нет сомнения, иначе их бы не стремились связывать с такими хозяйственными органами, как Наркомзем. Помощь, оказанная ими неимущим крестьянам, уже измеряется миллионами рублей. Лиц, втянутых в эту организацию, вероятно, не менее сотни тысяч, а возможно — и более. Все это существует целиком на средства, собранные среди крестьян, и можно смело сказать, что 90% — без нажима со стороны властей. С моей точки зрения, это — плюсы, с которыми надо считаться.

Комитеты взаимопомощи, мне кажется, должны быть общекрестьянскими организациями, куда должен быть открыт доступ всем неопороченным крестьянам, имеющим избирательное право. Надо сохранить в них ту внутреннюю сущность, которую они приобрели в процессе своей работы, — они должны быть комитетами взаимопомощи, помогать действительной бедноте, стараясь поставить на ноги впавшие в разорение от неблагоприятных причин или случайных бедствий хозяйства. В предложенных тезисах нет четкости о комитетах взаимопомощи, ибо формулировка этого пункта является компромиссом двух линий. С одной стороны, было стремление удержать старую линию комитетов взаимопомощи, развивая их по пути взаимопомощи крестьянству, а в будущем, может-быть, и превращая их в государственные органы по содержанию и призрению нетрудоспособного населения. Другая линия стояла за превращение их в комнезамы, и, как я уже сказал, компромиссом этих двух линий и является принятая формулировка.

Мне кажется неправильным смешивать работу комитетов взаимопомощи с кооперацией. Задача кооперации — поднимать хозяйство, капитализировать распыленные средства товарообмена. О задаче комитетов взаимопомощи говорит само их название. Конечно, помощь может быть оказана в самой различной и, если можно так выразиться, неожиданной форме, вплоть до приобретения кооперативных паев бедноте, но различие форм помощи

не должно затемнять перед нами существа, что это есть помощь более имущих бедному или попавшему в бедность крестьянину, и что в этом — главная задача комитетов взаимопомощи.

Многие толкуют это понятие расширительно, называя индивидуальную помощью бесцельной, буржуазной филантропией.— дескать, море бедствий решетом не вычерпаешь,— стремясь комитеты взаимопомощи направить на работу по общему улучшению положения бедноты. Но, мне кажется, на этом можно легко сломать голову, так как из органов, которые хоть чем-то и кому-то помогают, комитеты могут превратиться в органы параллельные, конкурирующие с государственными в области управления, а в особенности органы беспредметного планирования и прожектерства. А, между тем, нашему крестьянину, и в особенности бедняку, нужна реальная помощь. Это вовсе не значит, чтобы комитеты расходовали сотни миллионов на помощь, но важно, чтобы хоть один комитет в уезде помог паре крестьян. Реальная помощь этим двум крестьянам будет иметь значение в десятки раз большее, чем самый лучший проект по улучшению общего положения бедноты. Мне кажется, и в этом вопросе нам нужно следовать заветам Владимира Ильича: «Поменьше прожектерства — побольше внимания практическому делу».

Главная идея, которая должна наполнять работу комитетов взаимопомощи, заключается в том, что крестьянин себя может застраховать от случайных бедствий, что бедняк может изжить наиболее острые моменты бедности—через крестьянскую взаимопомощь, и положительные результаты этой работы закладывают фундамент общественности, товарищеского, действительно братского отношения между крестьянами. Этим, как я уже сказал, я не определяю формы изыскания средств: она может быть различна, разнообразна, насколько разнообразна крестьянская масса нашего Союза.

Я не останавливаюсь на вопросе о деревенской интеллигенции. Об этом слишком много в последнее время говорили, и, мне кажется, партийная масса имеет правильный взгляд в этом вопросе. Я только бы обратил внимание партийных товарищей на необходимость отвести бо́льшую роль в крестьянской жизни и в крестьянском быту нашим агрономам.

Эта категория интеллигенции, которая должна быть наиболее близкой к мужику, пожалуй, в настоящий момент от него наиболее удалена по той простой причине, что большинство наших агрономов принадлежало к привилегированному классу, ничего

общего с крестьянством не имеющему и совершенно не знающему крестьянского быта. Агрономы в своей массе поглощались земством и помещиками, т.-е., попросту говоря, только помещиками, ибо и земство в большинстве состояло также из помещиков. И вот сейчас, когда помещичий быт отошел в прошлое истории, в нашей земледельческой стране, где до 20 миллионов крестьянских хозяйств, среди 10 тысяч агрономов наблюдается значительная безработица. Это одно уже говорит о ненормальных отношениях между крестьянством и агрономией. Говорят: у государства нет средств, оно не может содержать такое количество агрономов. Я думаю, государство еще долго и долго не будет иметь такого количества средств, чтобы могло принять на себя полностью содержание агрономического персонала. Мне кажется, что безработица среди последнего может быть изжита только тогда, когда у самих крестьян вырастет повелительная потребность в агрономах. Что крестьянство умеет удовлетворить ту социальную группу, в которой нуждается, этому, мне кажется, служит доказательством то, что за эти 7 лет крестьянство находит средства содержать десятки тысяч духовенства, которому, нельзя сказать, чтобы покровительствовала Советская власть. Чтобы сделаться необходимым крестьянину, агроному придется войти одними из необходимых элементов в крестьянский быт. Между прочим, агрономы должны участвовать в организации крестьянских праздников, которые являются очень существенной частью быта. Почему, например, весенний праздник, приноровленный к Троицыну дню, не сделать праздником урожая, роста хлебов и т. п., как теперь делают праздники насаждения леса и т. д.? Тов. Анцелович, прежде прекраснейший организатор рабочих празднеств, являясь председателем союза Всеработземлеса, должен существенно поработать над этим вопросом, разработать такой план праздников, который был бы интересен крестьянству, гармонировал бы с его настроением, и, вместе с тем, на этом празднике главными жрецами должны быть: агроном, лесовод и т. д. В придании торжественности, интереса и общественности крестьянским праздникам многое могут сделать комсомол, женотдел и шефы.

Пусть они у крестьянина сделают праздник. Ведь крестьянин не идет в церковь целый год, а в Пасху он идет. Вы думаете, увеличилась религиозность? Нет, религиозность небольшая, но он привык быть на обществе, привык потолковать, поругать попа в церкви *(смех)*,—вот для чего он идет. Надо, чтобы

агроном сделался крестьянским жрецом, и нужно агронома с его высот спустить в крестьянскую толщу. Можно ли чистую науку спустить в крестьянскую толщу? Можно. Ведь мы — коммунистическая партия; у нас есть множество принципов, обоснованных строго научно. В то же время наша агитация делается понятной любому неграмотному рабочему. Я считаю, что и агроном должен своей верхушкой, своими научными достижениями подниматься вверх, а своими корнями опускаться в крестьянскую толщу. Я думаю, здесь должен поработать в практической работе, особенно по налаживанию крестьянских праздников, тов. Анцелович. Он в Ленинграде великолепные праздники устраивал. Пусть он устроит ряд крестьянских праздников, отучит крестьян от попов, чтобы эти праздники сопровождались музыкой не хуже церковной, пусть облачение, ризы, костюмы всякие придумает — не хуже, чем там. *(Смех, апл.)*

Товарищи, я пропускаю целый ряд пунктов из тезисов: женотдел, отдел молодежи. Я не останавливаюсь также на вопросе о батраках, роль которых, при их организованности и поднятии культурного уровня, становится очень значительной. Я не останавливаюсь на этом бесспорном вопросе, который в тезисах освещен. Коснусь теперь вопроса о шефстве. Вопрос о шефстве имеет гораздо большее значение, чему ему приписывают. Владимир Ильич говорил по поводу шефства:

«Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции. В то время как буржуазное государство систематически направляет все усилия на то, чтобы отуплять рабочих города, подгоняя для этой цели всю издаваемую на счет государства, на счет царских и на счет буржуазных партий литературу, мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата. Я сказал «коммунистических» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумения или быть слишком прямолинейно понятым. Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу чисто- и узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма. Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм.

Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет делу вред вместо пользы».

Из этой цитаты можно видеть, какое значение придавал Владимир Ильич шефству, иначе говоря — общению между городом и деревней. В других местах по этому поводу он высказывался еще более сильно. Прочтите об этом очень интересную книжку тов. Карпинского «Шефство над деревней». Шефство над деревней, по-моему, имеет гораздо большее значение, чем об этом многие думают. В самом деле, только взаимным общением, только тогда, когда крестьянин бывает на фабриках и заводах, поглядев собственными глазами фабрично-заводские процессы, только тогда он будет преисполнен уважения к тяжелому труду рабочего. И поэтому эту отрасль общения между рабочими и крестьянами ни в коем случае забрасывать нельзя. Я не буду приводить вам материалов о работе шефов. Всех, желающих ознакомиться с этими материалами, отсылаю к книге Карпинского. Я могу только одно сказать, что я являюсь самым большим сторонником шефства в наиболее развернутом виде, т.-е. чтобы шеф не только нес в деревню культуру в узком смысле слова, а и те материальные возможности, какими он располагает, ибо иногда и небольшая материальная помощь делает огромное политическое дело и вместе с тем несет культуру.

Крестьянин добровольно подчиняется диктатуре пролетариата. Эта форма власти наиболее полезна и выгодна для самого крестьянина; она, в конечном счете, несет освобождение крестьянину от его вековечной кабалы—господствующих классов. Но диктатор, гегемон современной революции и советского строя—пролетариат,—чтобы удержать свою гегемонию, добровольное подчинение крестьянства себе, должен быть в высшей степени чуток к крестьянским интересам. В этом отношении сделано очень и очень еще мало. Сравнительно тяжелый налог, дороговизна фабрично-заводских товаров, громоздкость и бюрократичность аппарата управления, — все это и многое другое создает достаточно причин для недовольства. И шефство, непосредственное общение пролетарских масс с крестьянством, развивает и обостряет чувство взаимного понимания и взаимных фактических, выгодных для обеих сторон, уступок.

По пункту 13-му тезисов о борьбе с религиозными предрассудками отозвался знаток этих вопросов, тов. Степанов. Его подход, по-моему, — профессорский подход, а не политический.

Можно согласиться, что этот пункт нужно сделать более ясным, чтобы он не давал возможности его так талмудически понимать и на основе этого понимания выносить толкования, что он ограничивает пропаганду антирелигиозности исключительно материалистическим объяснением явлений природы и общественной жизни. Разумеется, это толкование неправильно. Предлагаемый способ пропаганды является только противопоставлением административным мерам воздействия, которые я считаю вредными. Ведь резолюция носит тактический характер. Мы — не профессора, мы—политическая партия. Но этого мало. Если бы мы были только политической партией, мы могли бы позволить себе многое в религиозном вопросе. Если бы при царизме наш комсомолец вошел в церковь в шапке, это было бы большое революционное демонстративное действие, потому что всякий находящийся в церкви знал бы, что он рискует, что из церкви он пойдет в тюрьму, что он самоотверженно преследует политическую цель. Если же сейчас комсомолец с моим видом *(смех)* войдет в церковь в шапке, то это будет воспринято, как озорство. Почему? Потому, что это безнаказанно прóходит; а там, где безнаказанность, там — озорство. Два человека одинаковой силы дают друг другу пинки, — это есть игра; а если большой маленькому дает пинки, то, посмотрите, что̀ это: для большого это — игра, а для маленького... *(Смех.)* То же в религиозном вопросе. У нас, у партии, власть; в наших руках — аппарат принуждения; этого мы не должны забывать, и наши враги пользуются этим. Постольку, поскольку выступает партия,—тут нет ограничений, тут должна быть самая жестокая критика и борьба с религиозностью. Ограничений нет, бороться надо. Тезис лишь говорит: уничтожить, как правило, административную советскую борьбу, чтобы сделать власть нейтральной, — и тут же говорится, что мы не являемся нейтралистами, как члены партии, как Коммунистическая партия в целом, хотя мы и не можем не являться нейтралистами, как органы власти. Здесь подход должен быть более тонкий, мы должны это строго различать. Мы вообще преследуем цель внедрить в крестьян неверие, но это неверие должно быть внедряемо другими мерами, другими способами. Поэтому можно первую часть тезиса оставить,—не толковать так, как толкует ее Степанов,—и вместе с тем надо уничтожить административные распоряжения. Фактически требуется ли это? Вот, товарищи, циркуляр одного из укомов. Нельзя сказать, чтобы наши укомы уже очень были расположены к религии

и очень ее защищали, но если укомом издается сдерживающий циркуляр, то, очевидно, уж только тогда, когда чувствуется в этом политическая необходимость. Вот тут написано, что Комаров, 21 октября, во время благовеста к богослужению, когда собирался народ, явился в церковь и потребовал от казначея узел с церковным облачением, который передал в драматический кружок для постановки спектакля, что вызвало возмущение среди крестьян, оскорбленных тем, что предметы церковного обихода употребляются на сцене.

Вот, видите, какой циркуляр издает один уком. Товарищи, уком верно уловил, что такие действия не составляют борьбы, а окружают только религию каким-то ореолом. Ведь гонение облагораживает религию, которая до известной степени является простым суеверием, и уком уловил это. Поэтому в резолюции говорится об административных действиях, что это—неправильно, а другая половина—о сектантах,—что и к ним отношение часто тоже неправильное. Тов. Степанов говорит, что у сектантов в общем идет сильное накопление первоначального капитала,—истина довольно известная. Да и не только первоначального: московское купечество в значительной своей части состояло из староверов, молокан и т. п., но ведь это еще ничего не говорит. Прав был тов. Зиновьев, в частном разговоре сказав: не могут 10 миллионов — примерная цифра сектантов — состоять из кулаков в процессе накопления первоначального капитала. 10 миллионов — цифра настолько внушительная, что было бы смешно, если бы наша партия не учла свойственные этим 10 миллионам особенности, хотя бы уже такие, что они были преследуемы самодержавием за свои религиозные убеждения, что их история является историей непрерывных гонений; они бежали на окраины, на еще неистощенную почву, где было редкое население, так что материальные преимущества сектантов связаны с гонением на них самодержавия. Смешно было бы, чтобы политическая партия этого не учла и не использовала. Наша резолюция и дает этому толчок.

Исключительное значение имеет последний пункт тезисов: улучшение административных органов власти. Эти органы служат значительной связью города с деревней. Через них крестьянство практически знакомится с Советской властью. Их работа, пожалуй, является решающей, так сказать, определяющей симпатии крестьянства к советам. Хорошее администрирование создает в деревне благоприятную почву для работы и других организа-

ций. Наконец, при хорошем администрировании успешность работы партийных, культурных, профессиональных и т. п. организаций легче переносится; политическое настроение крестьян остается советским. Совершенно обратные результаты получаются при плохом администрировании. Оно скажется отрицательно буквально на всех органах не только советских, но и общественных.

Мне представляется, что за работу администрирования, за верный подход к крестьянству лежит ответственность на трех лицах в губернии: это — предгубисполкома, предуисполкома и предволисполкома. Эти три фигуры в губернии должны быть известны, популярны в крестьянских массах, через них партийные органы должны быть теснейшим образом связаны с крестьянством. Крестьяне должны их всех знать. В РСФСР у крестьян есть, впрочем, человек, на жилетке которого они могут поплакать, как-будто, поплакав, они кое-что получают: это — канцелярия Калинина. Правда, они там на 0,99 получают отказ, но все-таки они говорят: я получил отказ от власти. Если крестьянин будет обращаться в местные исполкомы и будет хотя бы получать отказ, но вполне мотивированный, то уже это одно — большой шаг вперед. И вот у трех лиц — председателя губисполкома, председателя уисполкома и председателя волисполкома — должны быть приемы массовые 2 или 3 раза в неделю, и у них-то должен крестьянин поплакать, и они вместе с ним должны поплакать. *(Апл., смех.)*

Вот, товарищи, в общих чертах основные вехи нашей тактической линии в деревне.

Товарищи, заканчивая на этом, я хочу заключить свою речь опять-таки цитатой из тов. Ленина, из конца его речи на XI партийном съезде, где он говорит, что

«весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой и опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед. Такую задачу при данном международном положении, при данном состоянии производственных сил России можно решить, лишь решая ее очень медленно, осторожно, деловито, тысячу раз проверяя практически каждый шаг».

Эта нарисованная тов. Лениным грандиозная задача движения вперед вместе с крестьянством по прежнему стоит перед нами во весь свой рост, но за истекшие два года наше международное

положение окрепло, а производственные силы страны начали прочно и довольно быстро развиваться.

Все это налагает на нас сугубую ответственность: трезво учесть создавшееся положение, использовать все наши достижения и на основе этого уверенно продвигаться к своей цели, все более и более укрепляя союз между рабочим классом и крестьянством. *(Бурные апл.)*

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

От редакции 3

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

Между Махно и Врангелем 17
Казачество в гражданской войне 30
Воспоминания о встречах с первой конной армией 51
О тех, кто прячется в кустах 63
О жалобах и обидах 70
Что мы защищаем? 75
Чья перетянет? 82
Нельзя ли прекратить войну? 91
Задачи политработников Красной Армии 95

В ДНИ КРОНШТАДТА.

От войны к мирному хозяйственному строительству 105

СРЕДИ КРЕСТЬЯН.

Беседа с крестьянами Исской в., Рузаевского у. Пензенской г. 123
Митинг в станице Петропавловской. (Чечня, ст. Грозный.) . . . 133
Митинг в гор. Нальчике. (Кабарда и Балкария.) 144
На крестьянском собрании в селе Каменке, Ново-Николаевской губ., в Сибири 155
Беседа с крестьянами дер. Ганиро-Квитри. (Грузия, Кутаисский округ.) 186
Беседа с грузинскими крестьянами села Дуавзу, Гурийского у. . 195

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СССР.

Роль интеллигенции в нашем строительстве 215

ВОПРОСЫ О РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ.

Теоретические и практические замечания о нашей борьбе в деревне 227
О „крестьянском уклоне“ и „хозобрастании“ коммуниста 301
К вопросу о расслоении крестьянства 306

стр.

МЫСЛИ О ЗАВТРА.

По поводу споров о комитетах взаимопомощи 315

О СОВЕТСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.

Доклад III Съезду Советов СССР. 333
Каким должен быть судья и как он должен карать? 353
О сельскохозяйственном банке и его значении 356

ПРОФСОЮЗЫ В ДЕРЕВНЕ.

Всеработземлес и его роль в деревне 363

БОРЬБА МИНУВШИХ ВРЕМЕН.

Союз рабочих и крестьян в прошлом и настоящем 375

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Доклад по крестьянскому вопросу на XIII съезде партии . . . 409

18
61
147
145?
260
267
275
297
308?
311
416